

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2024

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 5

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения.
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Волбуев О. В. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., ГУП;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., ГУП (научный руководитель журнала);

Сулашкин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., ГУП

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. 300 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.istpolitmgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI. 300 p.

© State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.istpolitmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

От редколлегии.	10
<i>Коньков А. С., Малайчук А. Б.</i> Популяционно-генетическая история населения европейских степей в неолите и энеолите до начала ямной эпохи.	12
<i>Канделаки Д. А.</i> О ранних этапах становления земледелия и скотоводства на территории Абхазии и их значении в этногенетических исследованиях.	27
<i>Соколова Л. А.</i> Арийская миграция: новые факты и аналитика.	39
<i>Авилова Л. И.</i> Покрытия на бронзовых предметах из циркумпонтийской историко-культурной зоны: динамика распространения и обзор находок.	64
<i>Агульников С. М.</i> Курган эпохи энеолита – раннего бронзового века у с. Чумай	79
<i>Николаева Н. А., Сафронов А. В.</i> Периодизация и хронология бронзового века Северной Осетии по материалам курганов у с. Дзуарикау	97
<i>Степанов И. А.</i> Статистический подход к классификации молоточковидных булавок эпохи раннего – среднего бронзового века.	123
<i>Лучинский Н. Д.</i> Начальные «кизил-кобинские» памятники Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма: проблемы хронологии и преемственности (XI–X вв. до н. э.)	139
<i>Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю.</i> Трансформация зооморфных изображений на бронзовых трапециевидных пряжках кобанской культуры	152
<i>Нефёдкин А. К.</i> Фрагмент несохранившейся «Тактики» Пирра	165
<i>Зуев В. Ю.</i> Кинжалы предскифского и скифского времени из погребальных комплексов Каменномостского могильника в Кабардино-Балкарии.	174
<i>Дударев С. Л.</i> Биметаллический чекан (клевец) из Адыгеи и его место среди древностей Евразии эпохи скифской архаики	189
<i>Новичихин А. М., Смекалова Т. Н.</i> Уникальный цельнобронзовый топор-клевец из станицы Гостагаевской.	202
<i>Шишилов А. В., Колтакова А. В., Федоренко Н. Ф.</i> Поселение периода греческой колонизации Северного Причерноморья «Береговое» под Новороссийском.	212
<i>Худавердян А. Ю., Деведжян С. Г., Давтян Р. А.</i> Необычное погребение женщины VII–VI вв. до н. э. из могильника Лори Берд (Армения).	223

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>Яровой Е. В., Реснянский С. И.</i> Любители и подвижники российской археологии (о деятельности В. И. Гошкевича и И. Я. Стемповского в Приднестровье)	240
<i>Ткачёв А. Н.</i> Первое объединение археологов Кубани (к 100-летию ЛИЭТО)	257
<i>Коваленко П. П.</i> Полевые исследования катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (70-е – начало 90-х гг. XX столетия).	270

РЕЦЕНЗИИ

<i>Козинцев А. Г.</i> Деконструированная индоевропеистика (размышления над книгой Жана-Поля Демуля)	283
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К научному портрету Вадима Юрьевича Зуева	290
К юбилею Андрея Михайловича Новичихина	294

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

From the Editorial Board	10
A. Konkov, A. Malyarchuk. Population-Genetic History of the European Steppe Population in the Neolithic and Eneolithic Before the Yamnaya Period	12
D. Kandelaki. On the Early Stages of Agriculture and Cattle Breeding Formation in the Territory of Abkhazia and their Significance in Ethnogenetic Research.....	27
L. Sokolova. Aryan Migration: New Facts and Analysis	39
L. Avilova. Coatings on Bronze Objects from the Circumpontic Historical and Cultural Zone: Dynamics of Spread and Finds Overview	64
C. Agulnikov. Barrow of the Eneolithic – Early Bronze Age at the Village of Chumay.....	79
N. Nikolaeva, A. Safronov. Periodization and Chronology of the Bronze Age in North Ossetia Based on the Materials of the Kurgans Near the Village of Dzuarikau.....	97
I. Stepanov. Statistical Approach to Classification of the Hammer-Headed Pins of the Early – Middle Bronze Age	123
N. Luchinsky. Initial “Kizil-Koba” Monuments of the Southwestern and Southeastern Crimea: Problems of Chronology and Continuity (11 TH –10 TH Centuries BC)	139
G. Kertseva, R. Kertsev. Transformation of Zoomorphic Images on Bronze Trapezoidal Buckles of the Koban Culture.....	152
A. Nefedkin. A Fragment of Pyrrhus' Missing «Tactics»	165
V. Zuev. Daggers of Pre-Scythian and Scythian Times from the Burial Complexes of the Kamennomostsky Burial in Kabardino-Balkaria	174
S. Dudarev. Bimetallic Punch (Battle-Pick) from Adygea and Its Place among Ancient Eurasia of the Scythian Archaic Age.....	189
A. Novichikhin, T. Smekalova. The Unique All-Bronze Axe from the Village of Gostagaevskaya	202
A. Shishlov, A. Kolpakova, N. Fedorenko. Settlement of the Period of Greek Colonization of the Northern Black Sea Coast “Beregovoye” Near Novorossiysk	212
A. Khudaverdyan, S. Devejyan, R. Davtyan. An Unusual Burial of a Woman from the VII-VI Century BC from the Cemetery of Lori Berd (Armenia).....	223

FROM THE HISTORY OF THE BLACK SEA REGION ARCHEOLOGY

E. Yarovoy, S. Resnyansky. Amateurs and Devotees of Russian Archeology (On the Activities of V. I. Goshkevich and I. Ya. Stempkovsky in Transnistria)	240
A. Tkachev. The First Association of Archaeologists of Kuban (On the 100 TH Anniversary of LIETO)	257
P. Kovalenko. Archaeological Research of Catacomb Burial Complexes in the Middle Severky Donets Basin (70S–Early 90s of the 20 TH Century)	270

REVIEWS

<i>A. Kozintsev</i> . Indo-European Studies Deconstructed (Reflections on a Book by Jean-Paul Demoule).....	283
---	-----

ACADEMIC LIFE

To the Academic Portrait of V. Yu. Zuev.....	290
On the Anniversary of Andrey Mikhailovich Novichikhin.....	294

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

FROM THE EDITORIAL BOARD

Оргкомитет международного проекта «Циркумпонтика» представляет шестой выпуск одноимённого международного археологического ежегодника Государственного университета просвещения (ГУП, ранее – МГОУ). Традиционно он посвящён изучению древностей Причерноморского региона с древнейших времён до эпохи средневековья.

Стартовавший в 2019 году проект «Циркумпонтика» объединяет усилия историков и археологов, направленные на исследование историко-культурного наследия данного региона. Воплощением этих усилий уже стали как предыдущие выпуски ежегодника, так и первый научный сборник, изданный в 2023 году к юбилею Иона Пыслару – известного специалиста по изучению эпохи бронзы в Северо-Западном и Западном Причерноморье.

Содержание нынешнего выпуска представлено публикациями, охватывающими период от неолита до эллинистического времени. Значительная часть представленных в ежегоднике статей связана с древностями Крыма и Кавказа, что вполне закономерно с учётом значения, которое эти регионы имеют для истории многих народов и культур на протяжении тысячелетий. Хронологически акцент в основной части ежегодника традиционно сделан на эпохе бронзы, при этом не забыты и каменный, и ранний железный век.

В полном соответствии с современными тенденциями в развитии археологической науки в последних выпусках «Циркумпонтики» часть публикаций связана с

этногенетическими исследованиями, которые позволяют получить новые данные на основе, казалось бы, уже многократно подвергавшегося изучению антропологического материала. Обращает на себя внимание и ряд статей, посвящённых изучению образцов древнего вооружения и украшений народов Северного Кавказа.

Следуя политике расширения круга участников данного проекта, редколлегии рада видеть среди авторов публикаций данного выпуска как постоянных его авторов, так и тех, кто впервые представил на его страницах результаты своей научной деятельности. Как и ранее, приоритет отдан обнародованию материалов полевых и лабораторных исследований, впервые вводимых в научный оборот.

Большое значение Оргкомитет проекта придает содержанию рубрики «Из истории археологии Причерноморья», призванной сохранить память о выдающихся исследователях древностей региона, способствовать выявлению и публикации их научного наследия, посвященного как различным археологическим культурам, так и историческим этапам развития края. Диапазон материалов этой рубрики в нынешнем выпуске – от начала археологического изучения региона до конца прошлого столетия.

Органичным нововведением, на наш взгляд, стал раздел «Рецензии», давший возможность познакомить читателя не только с новейшими публикациями в области истории и археологии Причерноморья, в том числе зарубежными (в этот раз в фокусе внимания оказалась недав-

няя работа Ж.-П. Демуля), но и дать им объективную характеристику. Обратим внимание на то, что команда проекта неизменно готова предоставить возможность для научной дискуссии при условии надёжной аргументации позиций и культуры диалога.

Раздел «Научная жизнь» отражает значимые, с нашей точки зрения, события в жизни научного сообщества. В этот раз он посвящён юбилеям двух наших коллег – известных исследователей древностей Причерноморья – Андрею Михайловичу Новичихину и Вадиму Юрьевичу Зуеву, которых мы рады видеть и среди авторов данного выпуска.

Несмотря на определённые обстоятельства, усложняющие в последнее время международное научное сотрудничество, мы с удовлетворением отмечаем, что они не смогли помешать плодотворному взаимодействию историков и археологов разных стран, которые ставят служение науке выше заведомо обречённой политики искусственной изоляции ученых из разных стран. В настоящем

выпуске опубликованы результаты работ представителей 17 научных центров – академических институтов, университетов, музеев и иных организаций. Наряду с российскими, свою статью прислали наши коллеги из Абхазии, Армении и Молдавии, верные принципу объединения усилий всего научного сообщества для достижения полноценных и фундаментальных результатов.

Представляя шестой выпуск ежегодника «Циркумпонтика», Оргкомитет проекта и редколлегия ежегодника приглашают к сотрудничеству учёных России, а также ближнего и дальнего зарубежья, посвятивших себя изучению Причерноморского региона и разделяющих принципы научной объективности и конструктивного взаимодействия.

Е. В. Яровой, председатель Оргкомитета «Циркумпонтика», ответственный за специальный выпуск журнала «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки, Циркумпонтика», Выпуск VI

УДК 575; 903;94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-12-26

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ В НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ ДО НАЧАЛА ЯМНОЙ ЭПОХИ

Коньков А. С.¹, Малярчук А. Б.²

¹ Научно-технологический университет «Сириус»

354340, Краснодарский край, федеральная территория «Сириус», Олимпийский пр., д. 1, Российская Федерация

² Институт общей генетики РАН

117971, г. Москва, ул. Губкина, д. 3, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать популяционно-генетическую динамику населения степной зоны Причерноморья и Поволжья в период неолита-энеолита.

Процедура и методы. Сделан анализ данных, опубликованных в специальной литературе и полученных при помощи разных биоинформационных алгоритмов.

Результаты. В отличие от соседних регионов Европы и Западной Азии степная зона Восточной Европы избежала популяционной трансформации в период неолитической революции. В неолите в степь переселялось ещё доземледельческое население Северного Кавказа и ограничено до Днепра – земледельческое трипольское население. В энеолите перемещения населения в степной зоне активировались культурными влияниями со стороны Балкан и Центральной Европы и в меньшей степени Кавказа, но без активных популяционных влияний из этих регионов. Все миграции происходили с востока и преимущественно с территорий Волго-Донского междуречья и Поволжья. Обитатели этой зоны сформировали население хвалынской и среднестоговской культур, ямной культуры, и вместе с трипольцами приняли участие в генезисе усатовской культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена модель генезиса населения европейских степей в неолите и энеолитическую эпоху до начала ямной эпохи.

Ключевые слова: генетика, палеоДНК, Усатово, Средний Стог, днепро-донецкая культура

POPULATION-GENETIC HISTORY OF THE EUROPEAN STEPPE POPULATION IN THE NEOLITHIC AND ENEOLITIC BEFORE THE YAMNAYA PERIOD

A. Konkov¹, A. Malyarchuk²

¹ Sirius University

Olympiyskiy prosp. 1, Federal Territory «Sirius», Krasnodar Krai 354340, Russian Federation

² Vavilov Institute of General Genetics Russian Academy of Sciences

ul. Gubkina 3, Moscow 117971, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the population genetic dynamics of the steppe zone from Black Sea to Volga regions during the Neolithic-Eneolithic period.

Methodology. Comparison of published data from the literature sources obtained by different bioinformatics methods has been made.

Results. The steppe zone of Eastern Europe avoided the population transformation during the Neolithic Revolution, unlike the neighboring regions of Europe and Western Asia. In the Neolithic, the pre-agricultural population of the North Caucasus and, to a lesser extent, the agricultural Trypillian population migrated to the steppe. In the Eneolithic, population movements in the steppe zone were activated by cultural influences from the Balkans and Central Europe and, to a lesser extent, the Caucasus, but without active population influences from these regions. All migrations occurred from the east and mainly from the territories of the Volga-Don interfluvium and the Volga region. The inhabitants of this zone formed the population of the Khvalynsk, Serednii Stih, Yamnaya cultures, and together with the Trypillians participated in the genesis of the Usatovo culture.

Research implications. The model of genesis of the population of the European steppes is described in the Neolithic and Eneolithic eras of the Yamnaya era.

Keywords: genetics, ancient DNA, Usatovo, Sredniy Stog, Dnieper-Donets

Введение

История Северного Причерноморья в период, предшествующий появлению ямной культуры, включена в целый комплекс глобальных проблем, важных для всего прошлого Евразии. Например, распространение земледелия и производящего хозяйства в Восточной Европе [8], одомашнивание лошади [8; 13], распространение металлургии [9], зарождение индоевропейцев и их распространение на начальных этапах. Очень важно понимать, как эти процессы связаны популяционными контактами любого типа и миграциями [25]. И особенно важно, как эти популяционные связи выглядят со стороны новых данных палеогенетики. В последние 3 года здесь появилось много важной информации, неизвестной прежде, и её описанию посвящён данный обзор.

В этих процессах важную роль играло популяционное взаимодействие Причерноморских степей с Кавказом и Балканами. Потому понимание этой проблемы требует лучшего понимания популяционно-генетических связей между Кавказом и Циркумпонтийским регионом, также как необходима и более понятная реконструкция внутренней истории самого степного населения в Восточной Европе этой эпохи.

Формирование населения Причерноморья с начала эпохи голоцена до неолита

Самое раннее население Восточной Европы из описанных с помощью методов палеогенетики было связано с населением Костёнок (всех слоёв) и Сунгирия [21; 24]. Оно представляло особую группу древнего западноевразийского населения, которая исчезла в регионе и не оставила потомков ни в одной группе ни современного, ни древнего населения. Пока неизвестно, каким было население Причерноморья, синхронное по времени с сунгирьцами и костёнковцами. Но известно, что после окончания ледниковой эпохи вся территория Восточной Европы была заселена совершенно новым населением. Оно появилось от смешения 2 групп: западноевропейских охотников-собирателей WHG, двигавшихся со стороны центральной Европы из Южной Европы [24], с представителями древних североевразийцев ANE – древним палеолитическим населением Сибири и Центральной Азии. К этим людям относились представители прибайкальского могильника Мальта возрастом 24 тыс. лет, Афонтова Гора 3 возрастом 18 тыс. лет из бассейна Енисея [10; 24]. Смешение этих групп привело к появлению новой группы – EHG – восточноевропейских охотников-собирателей. Предполагается, что

это событие произошло 15–13 тыс. лет назад [24]. Восточноевропейские охотники-собиратели ЕНГ заселили всю территорию Восточной Европы, включая её степную и лесную зоны [10; 18; 24]. Наиболее древние образцы группы ЕНГ из Причерноморья – мезолитические охотники-собиратели из Украины возраста 10,5 тыс. лет из Дериивки I, Дериивки III, Васильевки I и Васильевки III [18; 23; 24].

Что же касается соседних регионов Причерноморья, то в раннем голоцене они были заселены следующими группами населения. На территориях к западу от степной зоны обитали западноевропейские охотники-собиратели WHG. Территория Среднего Подунавья оказалась зоной смешения 3 групп. Здесь западноевропейские охотники-собиратели WHG смешивались с проникавшими с востока восточноевропейскими охотниками-собирающими ЕНГ, к которым добавились переселенцы из Малой Азии – анатолийские охотники-собиратели ANG. Вместе эти 3 потока сформировали отдельную группу балканских охотников-собирающих BHG [12; 18]. Горные территории Кавказа с конца палеолита были заселены так называемыми кавказскими охотниками-собирающими SHG (Caucasian hunter-gatherer) [11; 14; 26]. Они заселяют долины Кавказа ещё в холодную климатическую фазу оледенения (Коньков 2021), и по своему происхождению отдалённо связаны с иранскими охотниками-собирающими раннего голоцена из Хоту и Ганж-Даре [11; 14].

Формирование населения Причерноморья в эпохи неолита и энеолита

Примерно 8–7 тыс. лет назад эпоха относительной стабильности закончилась, и территории западных степей были охвачены популяционными движениями. Эти процессы происходили как со стороны Балкан, так и со стороны Кавказа, а археологические традиции мезолита сменяются на традиции доаграрного неолита.

В степи Причерноморья с запада проникают балканские охотники-собирающие BHG, которые распространяются на восток до зоны Поднепровья. Здесь, в припонтийских степях, вливаясь в среду местных мезолитических групп ЕНГ, они сформировали новую группу популяций украинских неолитических охотников-собирающих (UNHG). Генофонд этой новой группы включил 2/3 компонента местных восточноевропейских охотников-собирающих мезолита ЕНГ и 1/3 пришлых компонента балканских охотников-собирающих BHG [12; 18].

Неолитические охотники-собирающие Причерноморья представляли ряд культур: мариупольскую культурно-историческую общность из памятников Мариуполь, Дериивка I, Васильевка, Никольское, Ясиноватка. Некоторые геномы получены из погребений, атрибутированных как принадлежащие днепро-днепровской культуре – Ясиноватка [12; 18], Вовниги [23].

Другое влияние распространялось в степной зоне со стороны Северного Кавказа. В нём участвовали кавказские охотники-собирающие SHG, которые распространялись по 2 направлениям: на северо-запад в бассейн Дона и на север в сторону Нижнего Поволжья. Эти 2 миграционных потока были разделены не только пространственно, но и хронологически. Они происходили в разное время: переселение групп SHG в сторону бассейна Дона – 8,3 тыс. лет назад [10], а в бассейн Поволжья 6,5–6 тыс. лет назад [12; 22].

Группы северокавказских горцев, двигавшиеся в бассейн Дона, повлияли на местные локальные популяции мариупольской культурной общности, связанные с памятником Голубая Криница (ГК) на юге Воронежской области. Вклад компонента SHG в этой группе из Среднего Подонья был равен 24–18% [10]. Группы с компонентом SHG переселялись и далее на запад, уже на территорию, занятую популяциями украинских охотников-

собирателей UNHG, но вклад носителей кавказского компонента CHG здесь был уже невелик и составлял 7,5%.

Отличие во вкладе кавказского компонента CHG и западноевропейского компонента WHG определило отличия между более западными популяциями мариупольской культурной общности из Поднепровья и Приазовья (из группы UNHG) и более восточными популяциями из Среднего Подонья (из Голубой криницы). У UNHG был значительный вклад западноевропейских охотников-собирателей, а у группы из Голубой Криницы больше вклад кавказских охотников-собирателей.

Как уже говорилось, было и второе направление миграций горцев из Северного Кавказа, которое было направлено севернее. Это влияние достигло могильника Бережновка (Berezhnovka) в месте сближения Волги и Дона, куда кавказские переселенцы проникли 6,5–6 тыс. лет назад. Здесь они сформировали группу популяций, занимавших территории между Предкавказьем и Нижней Волгой, схожих с популяциями могильника Прогресс-2 и Бережновка.

Миграции кавказского населения с компонентом CHG с территорий Северного Кавказа, чье влияние постепенно убывало с востока на запад и север, сформировали 2 вектора изменчивости [12; 22]:

1. *Caucasus-Lower Volga* – от Кавказа до Волго-Донья;

2. *Dnipro Cline* – от Кавказа до правобережья бассейна Днепра.

Очень важно, что пока не очень ясны источники примеси кавказского компонента CHG в неолите в Причерноморских и Волжских степях. Какие группы передавали этот компонент, пока неизвестно, как и причины, вызвавшие их переселения [22], но они происходили в доземледельческую эпоху. Эти новые данные подтверждают прежние предположения о том, что переселение кавказского населения в европейские степи происходило до периода аграрной неолитической революции [1].

Важно, что весь период неолита население Причерноморья, Подонья, Предкавказья и Поволжья оставалось в стороне от демографического влияния неолитической революции, которая в неолите-энеолите охватила Западную Евразию. Этот процесс сопровождался активными переселениями выходцев из Ближнего Востока в Европу, на Кавказ и в Среднюю Азию [11; 13; 19; 23; 26], но население степной зоны Европы он не изменил, хотя он активно изменял соседние регионы.

Неолитические мигранты активно продвигались на территории, граничащие со степной зоной Причерноморья, Поволжья, Прикаспия, как с запада со стороны Анатолии и Балкан, так и с востока, через Кавказ. Эти переселенческие потоки имели некоторые отличия по своей динамике и составу населения.

В Центральной Европе и на Балканах пришельцы-земледельцы, двигавшиеся со стороны Анатолии, заместили генофонд предшествующего населения. Полной замене генофонда подвергались даже обитатели географически близких к степному Причерноморью земель Польши и Румынии. Население неолитической Украины оставалось в стороне от этих трансформаций и сохраняло ядро своего генофонда [18]. Но сейчас установлено, что отдельные группы населения, сходного с анатолийскими земледельцами, всё же просачивались в причерноморское Поднепровье, оставляя тут вклад, равный 10%. Авторы исследования допускают, что первыми могли прийти группы балканских охотников-собирателей (VHG), вытесняемые в анатолийскую степь анатолийскими пришельцами, а позже и непосредственно отдельные группы земледельцев [12].

В энеолите при вступлении в эпоху металлургии, когда на западной границе со степной зоной Европы на территории Румынии и западной Украины возникнет культура Кукутень-Триполья, земледельческое население вновь начнёт проникать

ограниченными ручейками в Причерноморье. К середине IV тыс. до н. э. этим влиянием будут охвачены все территории с запада на восток вплоть до бассейна Днестра. Но местное население из неолитических охотников-собирателей UNGH трипольские переселенцы не вытесняют, а наоборот, ими поглощаются [12].

На Северном Кавказе земледельческие пришельцы появились позже, чем в Центральной Европе и на Балканах. Они проникли на эту территорию только в эпоху медного века вместе с населением культуры Дарквети-Мешоко [1; 11; 15; 26]. Южные переселенцы вместе с традициями дарквети-мешоковской культуры приносят на северные склоны Кавказского хребта анатолийский и иранский компоненты, которые здесь отсутствовали до этого [1; 11; 26].

Новые данные не изменили выдвинутого ранее предположения о том, что популяции культуры Дарквети-Мешоко не повлияли на степное население подгорной зоны [1]. Но обнаружилось, что в энеолите население Предкавказья и Нижнего Поволжья, в прежний доаграрный и дометаллургический периоды впитавшее потоки кавказских охотников-собирателей, чей генофонд состоял из потомков ENG и потомков CHG из низовьев Днестра, стало переселяться на север от зоны сближения Волги и Дона до устья Камы [22]. Возможно, население Предкавказья и Поволжья, схожее с популяциями могильников Прогресс-2 и Бережновка, занимало некоторые скотоводческие инновации у населения Дарквети-Мешоко V тыс. до н. э. через кавказские пути, о чём говорят данные анализа молочных белков. В энеолитический период в равнинах Предкавказья овец использовали для молока, тогда как крупный рогатый скот использовали как тягловую силу [13]. Но новые данные должны уточнить или скорректировать это предположение.

Так или иначе, выходцы из низовий Предкавказья и Поволжья стали переселяться в Среднее Поволжье. И, если ра-

нее вклад нижневолжско-предкавказских групп колебался здесь в пределах 24–7%, то в период 6,5–6,3 тыс. лет назад это смешение усилилось, достигнув у отдельных индивидов доли 80%. Именно на основе этого перемещения сформировалось население хвалынской культуры.

Примечательно, что индивиды схожие с Хвалынском, выявлены далеко от этого региона в погребении Csongrád-Kettőshalom из Венгрии возрастом 6,3–6 тыс. лет из могильника Giurgiulești Burial 6 возрастом 4,3–4 тыс. до н. э.

Это уже говорит не о следах масштабных перемещений популяций и общин, а об отдельных передвижениях людей по торговым маршрутам, вероятно, связанных с обменом медью. Эти протяжённые трансрегиональные контакты сформировались в период становления в Юго-Восточной Европе Балкано-Карпатской металлургической провинции. То, что они приводили не только к перемещениям товаров, но и самих людей на дальние расстояния, говорит выявленный пример.

В заключительный период энеолита степное население само активизировалось и стало участвовать в активных переселенческих процессах, как в степной зоне, так и отчасти и за её пределами.

Северное Причерноморье в период распространения усатовской и среднестоговской культур

Во второй половине IV тыс. до н. э. население степной зоны Европы начало активно перемещаться в регионе. Все переселения происходили с востока на запад. Из Нижнего Поволжья или Волго-Донского междуречья они происходили в составе 2 миграционных волн, которые были связаны с распространением усатовской и среднестоговской культур [12]. Все эти группы практиковали производящее хозяйство, знали скотоводство и земледелие, его пути появления в степной зоне Европы – отдельный вопрос [13].

Население усатовской культуры мигрировало с территорий низовий По-

донья и низовий Волги на территорию Северо-Западного Причерноморья в середине V тыс. до н. э. В своём движении оно пересекло территорию степной Украины без остановки и смешения с местными охотниками-собирателями и расселилось между южным Бугом и Дунаем. Здесь, в междуречье Буга и Дуная, оно смешалось с населением трипольской культуры. Половину своего генофонда усатовцы получили от местных трипольцев, а половину от степных пришельцев из низовьев Волги [12].

В этот же период середины V тыс. до н. э. другая степная группа из территорий низовий Волги и Предкавказья заняла промежуточные территории между бассейнами Днепра и Дона. Эта группа пришла, видимо, из более северных территорий к северу от Кумско-Маньчской впадины (Ростовская область), из зоны популяций, схожих с населением памятников Сухая Темница (Sukhaya Termista I) и Улан (Ulan IV) [22]. Эта группа не распространилась так далеко на запад, как усатовцы, и не прошла в своём движении мимо общины охотников-собирателей Украины, а расселилась среди них и поглотила их. Слияние пришельцев с Приволжского востока и последних неолитических охотников Украины, живших между Днепром и Доном, сформировало генофонд среднестоговской культуры [12]. Среднестоговцы, в отличие от усатовцев, не вобрали в свой генофонд компоненты земледельческого населения Триполья [12].

Возможно, на северо-запад Причерноморья ограниченно происходил приток и другого населения со стороны Предкавказья от популяций степного Майкопа в Подунавье. Его вклад обнаружен в могильнике Картал культуры Чернавода-I [12]. Но обстоятельства этой миграции требуют уточнения, пока их невозможно восстановить в силу неполноты данных.

Миграции из Поволжья, которые сформировали генофонды усатовской и среднестоговской культур, частично ох-

ватили и непосредственно трипольские популяции, оставив там 5% вклад в генофонд [12]. Миграция из степных общин Причерноморья в трипольские поселения продолжала происходить не только в период становления, но и в период существования усатовской и среднестоговской культур. Она происходила и из удалённых популяций среднестоговского ареала, как это выявил изотопный анализ [16].

Движение трипольцев в обратном направлении в степь далее границ усатовского ареала не обнаружено. При этом установлено, что импорт трипольских изделий происходил активно в глубь ареала среднестоговской культуры [16].

Следовательно, в эпоху усатовской и среднестоговской культур происходило активное распространение изделий и традиций развитой земледельческой культуры Кукутень-Триполья далеко на восток при активном расселении населения из степной зоны с востока на запад. В начале миграции населения были направлены из Поволжья в степную зону Причерноморья, а затем из Причерноморья они вливались в балканские популяции трипольского ареала. Возможно, был отдельный поток миграций и из Предкавказья.

На рубеже V и IV тыс. до н. э. в популяции среднестоговской культуры внедрилась новая группа переселенцев из более восточных областей, близких в Нижнему Поволжью. Новые пришельцы, проникшие в причерноморские степи, были генетически схожи с популяциями Сухая Темница и Улан. Это новое население было схоже с восточными предками среднестоговской культуры, какими они были до смешения с украинскими охотниками-собирателями UNHG. Новая группа мигрантов пришла с тех же территорий, что и восточные предки среднестоговцев, и была генетически с ними схожа, потому, вероятно, на территорию степей между Доном и Днестром одно и то же население приходит дважды. В

первый раз – в период формирования среднестоговской культуры, а повторно – уже при инфильтрации в сформировавшуюся среднестоговскую среду. В новой общности вклад среднестоговского населения составил 3/4 своего генофонда, и 1/4 – вклад мигрантов из Поволжья. Когда первое поколение нижневолжских мигрантов смешалось с украинскими охотниками-собирающими UNHG, это уменьшило в нём вклад кавказских охотников-собирающих CHG. Когда вторая волна нижневолжских мигрантов уже растворилась в среднестоговских популяциях, это привело к росту вклада компонента CHG по сравнению со среднестоговским населением и UNHG. В результате следующих друг за другом метисационных процессов, описанных выше, в новой группе населения вклад EHG и CHG стал равен 1:1 [16].

Эта новая группа причерноморского степного населения стала прародителями популяций ямной культуры [16; 22]. Возможно, не сразу, а через промежуточный период существования нижнемихайловской культуры [7], но этот аспект требует уточнения. Памятник Михайловка-I авторы публикации [12] описали в своей работе как относящийся к раннему слою ямной культуры, но, возможно, согласно мнению других археологов, он представляет нижнемихайловскую культуру. Если это мнение справедливо, то нижнемихайловская культура – промежуточное звено преемственности между среднестоговской и ямной культурами.

В период между 5,7–5,3 тыс. лет назад предки протопопуляции ямной культуры испытали временное сокращение численности и прохождение «бутылочного горлышка» [12]. Причиной этого стал период засушливости в европейских степях. Это также могло вызвать изоляцию популяции ранних ямников от других степных групп и придать ей своеобразие за счёт дрейфа генов и уменьшения популяционных контактов в регионе.

Экспансия населения ямной культуры началась 5,3 тыс. лет назад в эпоху ранней бронзы, которая, как известно, привела к трансформации значительной части Евразии [19; 20; 26]. Теперь установлено, что миграции из ареала ямной культуры уже в ранний период 6 тыс. лет назад среди прочих направлений распространялись на юг, охватив области Армянского нагорья [15; 22]. По каким-то причинам эта популяционная волна не затронула и территории Северного Кавказа, находящиеся в середине её пути. Возможно, эта группа связана с прародителями хеттолувийских языков. Их проникновение из степной зоны через Кавказ допускалось В. А. Сафроновым [5].

Важно также добавить, что и население ямной культуры вобрало в период своего распространения 16–13% примеси со стороны европейских земледельцев, несущих анатолийский компонент. Он включался не по мере их движения на запад, а одновременно с их движением и против их движения, достигнув окрестностей современной Самары [2; 11]. Но кем были носители этой миграции, пока мало понятно. Известно, что влияния трипольских традиций достигали Кавказа и Кубани посредством животиловско-волчанского комплекса [3; 6]. Типированные индивиды из животиловской культуры пока происходят только из молдавских могильников Бурсучены и Тараклия. В них выявлена примесь населения, схожего с индивидами из Поволжья и Причерноморья, и популяциями из Предкавказья, близкими населению степного Майкопа [12]. Это однозначно указывает на миграции людей с востока.

Сопоставление с данными археологии

Популяционное ядро степной зоны Европы сформировалось в палеолите, в период, когда возникли популяции восточноевропейских охотников-собирающих EHG. Уже в доаграрный период неолита оно впитывало в себя миграции извне со стороны Балкан в западных при-

черноморских областях этого региона и со стороны Кавказа в более восточных областях.

В период неолитической революции, охвативший значительную часть Европы и Западной Азии, в степной зоне начались новые миграционные процессы в степном поясе Европы. Они были связаны с появлением в регионе традиций мариупольской культурной общности, днепродонецкой и самарской культур. Именно для этого периода возникает вопрос о том, как смена культурных традиций и популяционные процессы этого региона связаны со сменой культурных традиций и популяционными процессами других областей Западной Евразии. До сих пор многое неясно, могли ли какие-то элементы производящего хозяйства попасть в степную зону Восточной Европы в период существования этих культур. Если эти процессы происходили и происходили не только путём культурного трансфера, но и через миграции населения, то несколько фактов должны учитываться при таких реконструкциях:

- в неолите миграционные процессы слабо затрагивали все европейские степи Причерноморья, Предкавказья, Поволжья в отличие от Южной, Центральной Европы, Ближнего Востока и Кавказа;
- такие миграции могли прийти сюда только со стороны Трипольской зоны;
- со стороны Кавказа они не происходили до медного века;
- ранние миграции кавказского населения происходили до земледельческой эпохи и связаны с иными причинами, чем сельскохозяйственная революция;
- и потому кавказские охотники-собиратели, двигавшиеся в бассейны Дона и Волги, не могли быть медиаторами в передаче навыков производящего хозяйства.

Но все эти аспекты пока ещё требуют уточнения новыми данными.

В следующую энеолитическую эпоху в период наступления века металлургии произошло передвижение части населе-

ния из Предкавказья и низовий Волги. Оно распространилось на север вплоть до истоков Камы [22], после чего возникает хвалынская культура. В этот же период на Северном Кавказе появляются носители сельскохозяйственной революции [1; 11; 15; 17; 22], и формируется культура Дарквети-Мешоко. Однако при этом сами переселенцы из дарквети-мешоковского ареала не переселяются из горных областей далее на север в степные равнины. Потому их появление просто подтолкнуло их северных степных соседей расселиться дальше на север. Такой причиной могла быть передача навыков тяглового и молочного скотоводства, о чём говорят данные анализа молочных белков с сосудов этого периода [13]. Потому носители традиций Дарквети-Мешоко могли быть медиаторами в передаче традиций производящего хозяйства через кавказские пути к будущим носителям хвалынской культуры и других степных культур, но без миграции самого кавказского населения.

В эпоху энеолита, кроме южного кавказского импульса, был и другой, западный импульс. Он был связан с распространением металлургии в период становления балкано-карпатской металлургической провинции и также мог вызвать популяционные трансформации в степной зоне. Передача культурных традиций металлообработки и использования меди, так же, как и кавказский импульс, не сопровождалась миграциями с запада.

Оба культурных импульса со стороны Кавказа через навыки скотоводства и с Балкан через передачу навыков металлургии и применения металла сделали степную зону конкурентоспособной по сравнению с соседними земледельческими областями. Это и привело к дальнейшему исходу населения отсюда с волнами усатовского, среднестоговского и, наконец, ямного населения.

Население ямной, среднестоговской и хвалынской культур, а также восточные предки усатовцев имеют общих праро-

дителей. И можно согласиться с тем, что популяции этих культур восходят в популяционном отношении к общей основе, кроме смешавшихся с трипольцами усатовцев. Эта основа, однозначно, возникла на территориях к востоку от Дона.

Но важно понимать, что все эти культуры – и более ранние, и более поздние, находились под сильным культурным влиянием Балкан и Центральной Европы. На усатовцев оно повлияло и в популяционном отношении.

Поэтому равно допустимо, что: 1) ранними праиндоевропейцами могли быть хвалынцы, среднестоговцы или ямники, либо 2) предки хвалынцев или среднестоговцев и усатовцев были исходно неиндоевропейским населением и говорили на иных языках, а потом посредством культурного влияния населения Триполья или иной культуры усвоили индоевропейские языки. Это могло произойти и в хвалынский, и в среднестоговско-усатовский периоды. И потому нужно признать справедливой потенциальную возможность культурной индоевропеизации степного населения с запада [3; 4; 5], а не только местный генезис индоевропейских языков и традиций в европейских степях. Но при верности такой модели надо учитывать, что восточноевропейский импульс именно в миграционном популяционном отношении не распространяется далее усатовского ареала и не доходит до Поднепровья. И на генофонд среднестоговской и более восточных культур, таких как новосвободная, он генетически влиять не мог.

В формировании хвалынского, среднестоговского, усатовского и ямного населения не могли участвовать группы со стороны Кавказа. В усатовской, среднестоговской и ямной культурах компонент кавказских охотников-собирателей СНГ распространялся со стороны популяций Поволжья. Почти все восточные импульсы, за исключением тех, что повлияли на культуру Черновода-I, происходили из более северных территорий,

чем Предкавказье. Этот факт находит соответствие мнению Н. А. Николаевой об отсутствии влияния кавказских культур, в т. ч. Новосвободной, на культуры Среднего Стога, Нижней Михайловки, Усатово [3]. Случай Черновода-I требует своего уточнения при привлечении более полного объёма информации. Было ли такое влияние на кемпи-обинские памятники – неизвестно, потому что пока что по ним нет данных.

В конце энеолита, непосредственно перед началом ямной культуры или в раннюю фазу её существования, миграции со стороны Балкан и Центральной Европы могли происходить согласно данным археологии [3]. По данным генетики след такой миграции также выявляется [11]. Но до сих пор неясна ни её датировка, ни её привязка к конкретной археологической традиции. Двумя такими культурами могли быть животиловско-волчанская и кубано-днепровская. Данные палеогенетики в отношении этой возможности неоднозначны.

Так известно, что влияния трипольских традиций достигали Кавказа и Кубани посредством животиловско-волчанского комплекса [3; 6]. Типированные индивиды из животиловской культуры пока происходят только из молдавских могильников Бурсучены и Тараклия. В них выявлена примесь населения, схожего с индивидами из Поволжья и Причерноморья, и популяциями из Предкавказья, близкими населению степного Майкопа [12]. Это однозначно указывает на миграции людей в ареал этой культуры с востока, и на то, что именно с этой группой не могли распространяться с запада на восток вместе новые традиции и люди. Потому если допустить, что традиции трипольцев распространялись посредством животиловско-волчанского комплекса далее на Кавказ, то они не сопровождалась переселением людей.

Ещё одной группой, у которой распространение традиций Центральной Европы и Балкан могло сопровождаться

расселением на восток, могло быть население кубано-днепровской культуры [3; 5]. Но здесь не хватает данных палеодНК, и для прояснения этого вопроса требует привлечение нового материала.

Заключение

По данным палеогенетики, популяционная история населения Причерноморья и Поволжья в период финального палеолита-энеолита включала следующие ключевые эпизоды.

1. С начала эпохи голоцена, в конце палеолита, 15–13 тыс. лет назад во всей степной зоне Восточной Европы, также как и в лесной, возникает местная группа популяций восточноевропейских охотников-собирателей ЕHG. Она возникает от смешения западноевропейских охотников-собирателей WHG и древних североевразийцев ANE.

2. Территории европейских степей 8–7 тыс. лет назад во время смены традиций мезолита на традиции доаграрного неолита впитали популяционные влияния со стороны Кавказа и Балкан.

2.1. С запада в степи Причерноморья до Днепра проникают балканские охотники-собиратели BHG, от их смешения с потомками мезолитических популяций формируются группы украинских неолитических охотников-собирателей (UNHG).

2.2. Со стороны Северного Кавказа по двум направлениям и в разное время расселялись охотники-собиратели CHG: 8,3 тыс. лет назад на северо-запад в бассейн Дона и 6,5–6 тыс. лет назад на север, в сторону Нижнего Поволжья. На Дону они при смешении с местными группами ЕHG сформировали локальные популяции мариупольской культурной общности, связанные с памятником Голубая Криница (ГК) на юге Воронежской области. Двигавшиеся на север группы между Предкавказьем до области сближения Волги и Дона сформировали популяции, схожие с популяциями могильника Прогресс-2 и Бережновка.

2.3. Этот исход населения Северного Кавказа происходит ранее того периода, когда этот регион был охвачен южными влияниями (которые активно меняли прежний генофонд населения Закавказья).

2.4. Различия во вкладе кавказских, восточноевропейских и балканских охотников-собирателей отразились в формировании в степной зоне Европы 2 градиентов изменчивости: *Caucasus-Lower Volga*, который был направлен со стороны Кавказа до сближения Волги и Дона, и *Dnipro Cline* от низовий Дона среднего Поднепровья.

3. В начале энеолита население степной зоны Причерноморья и Поволжья вошло в новый этап популяционных трансформаций и независимо подверглось двум новым популяционным влияниям.

3.1. Популяции Предкавказья и Нижнего Поволжья, которые были сформированы в неолитическую эпоху, расселились дальше на север до устья Камы, сформировав население хвалынской культуры.

3.2. Степные популяции Украины впитывали с запада ограниченные потоки населения трипольской культуры, которые достигли Днепра, но везде оставили незначительный след.

3.3. Кроме вышеописанных масштабных миграций, фиксируется перемещение отдельных лиц в течение их жизни на дальние расстояния по всей территории Балкано-Карпатской металлургической провинции. Оно связано с активацией торговых контактов в Восточной Европе.

4. В середине V тыс. до н. э. происходят 2 миграции с востока на запад со стороны Нижнего Поволжья в Причерноморье и Приднестровье, которые связаны с формированием населения усатовской и среднестоговской культур.

4.1. Миграция предков усатовского населения происходила в зону междуречья Днестра и Дуная и сопровождалась смешением с трипольским населением. В ге-

нофонде усатовцев вклад трипольцев был равен вкладу пришельцев из Поволжья.

4.2. Миграция предков среднестоговского населения происходила в зону междуречья Днестра и Дона и сопровождалась смешением с группами украинских неолитических охотников-собирателей.

5. Кроме усатовской и среднестоговской переселенческих волн, возможно, существовала ещё одна миграционная волна, в которой население Предкавказья могло повлиять на население культуры Черновода-I.

6. На рубеже V и IV тыс. до н. э. из смешения среднестоговцев и новой группы переселенцев из Нижнего Поволжья возникла популяция предков ямной культуры.

7. Все 3 миграционные волны, сформировавшие популяции усатовской, среднестоговской и ямной культур, увеличивали в Причерноморье вклад компонента СНГ. Но важно, что все эти миграции происходили не из горных районов Северного Кавказа, а из степных территорий низовий Волги и Волго-Донского междуречья.

Сопоставление выявленной на палеогенетическом материале картины популяционной истории населения европейских степей с данными археологии позволяет сделать несколько значимых выводов:

– пока по-прежнему неизвестны причины переселения населения Северного Кавказа в степную зону Европы в доаграрный период. Эта проблема важна в силу того, что именно смешение выходцев с гор Кавказа СНГ с восточноевропейскими охотниками-собирателями СНГ сформировало на территории Задонья и Поволжья ту группу, которая в следующие эпохи станет предками среднестоговцев и хвалынцев, примет участие в генезисе ямников и усатовцев. Но уже известно время и направление этих миграций. В будущем требуется более ясное понимание этих миграционных процессов со стороны археологии;

– требуются лучшее понимание характера распространения производящего хозяйства в степной зоне Причерноморья и Поволжья и общая популяционно-археологическая интерпретация этого процесса в данном регионе, в т. ч. в период существования мариупольской культурной общности.

– популяции среднестоговской культуры имеют общее происхождение с популяциями хвалынской, потому население среднестоговско-хвалынской общности родственно в генетическом отношении. Предки среднестоговцев происходят из хвалынского ареала и отличаются от хвалынцев только примесью украинских неолитических охотников-собирателей;

– в начале энеолита в период становления Балкано-Карпатской металлургической провинции мощное культурное влияние Балкан и Центральной Европы на степное население Европы не сопровождалось притоком населения из этого региона;

– влияние традиций культуры шаровидных амфор через посредничество трипольских традиций на культуру усатовского населения находит прямое подтверждение [3; 4; 5]. Это влияние происходило не путём культурной передачи, а непосредственно через популяционное влияние.

– на более восточные территории степной зоны Европы не было популяционного влияния населения трипольской культуры, а также центральноевропейских традиций, таких как культуры шаровидных амфор и воронковидных кубков;

– воздействие традиций населения Балкан и Центральной Европы на среднестоговское и новосвободненское население не может быть связано с притоком мигрантов из Балкан и Центральной Европы. Археологические влияния на все культуры к востоку от усатовского ареала должны были происходить путём культурной передачи, а не популяционных контактов;

– в период ямной культуры передача таких традиций популяционным путём возможна, но требует дополнительного изучения. Имеющиеся данные по животилловской культуре неполные, но даже западные группы из Молдовы указывают на восточные импульсы из Предкавказья;

– влияния со стороны Кавказа и Предкавказья в энеолите на западные области региона были ограничены и не имели определяющего значения в популяционном отношении. В полном соответствии с предположением Н. А. Николаевой, кавказское и предкавказское население не оказывало влияния на культуры Среднего Стога, Усатово, и, вероятно, и Нижней Михайловки [3]. Они могли влиять только на культуры Черновода-I и Животилловка;

– хотя в доямный период энеолита ключевое влияние в популяционном отношении играло население степной зоны Европы, и его миграционное влияние было ощутимее, чем влияние со стороны западных территорий, вполне допустимо более мощное культурное влияние на степную зону западного населения Балкан и Центральной Европы.

– процессы формирования населения культур, предшествовавших ямной, таких как Черновода-I, Кеми-Оба, Нижняя Михайловка, пока неясны. То же самое касается генезиса населения ряда культур, синхронных с ранним этапом ямной культуры – носителей традиций конно-головых скипетров, новотиторловской, кубано-днепровской и животилловской культур.

Дата поступления в редакцию 14.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков А. С. Популяционная история Кавказа в эпоху неолита и бронзы с позиции палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 16–35.
2. Коньков А. С. Популяционные связи носителей культуры шаровидных амфор, воронковидных кубков и шнуровой керамики согласно данным палеогенетики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 78–89
3. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 556 с.
4. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения Научно-Методического Совета по охране памятников культуры МК СССР. Вып. VII / под ред. О. Н. Бедера. М.: Знание, 1974. С. 174–199
5. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 402 с.
6. Рассамкин Ю. А. О соотношении степных и новосвободненских памятников // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум: тезисы докладов / ред. В. А. Трифонов. Л., 1991. С. 52–55.
7. Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 41–53.
8. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства (очаги древнейшего земледелия). М.: Наука, 1989. 443 с.
9. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 95 с.
10. Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Iss. 625. P. 301–311.
11. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions / C.-C. Wang, S. Reinhold, A. Kalmykov, A. Wissgott, G. Brandt, et al. // Nature Communication. 2019. Vol. 10. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8

12. A genomic history of the North Pontic Region from the Neolithic to the Bronze Age / A. G. Nikitin, I. Lazaridis, N. Patterson, S. Ivanova, et al. // bioRxiv. 2020. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044
13. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes / A. Scott, S. Reinhold, T. Hermes, A. A. Kalmykov, A. Belinskiy, A. Buzhilova, N. Berezina, et al. // Nature Ecology and Evolution. 2022. Iss. 6. DOI: 10.1038/s41559-022-01701-6
14. Gavashelishvili A., Yanchukov A., Tarkhnishvili D. Landscape genetics and the genetic legacy of Upper Paleolithic and Mesolithic hunter-gatherers in the modern Caucasus // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. DOI:10.1038/s41598-021-97519-6
15. Genome-wide analysis of a collective grave from Mentesh Tepe provides insight into the population structure of early neolithic population in the South Caucasus / P. Guarino-Vignon, M. Lefeuvre, A. Chimènes, A. Monnereau, F. Guliyev, L. Pecqueur, E. Jovenet, et al. // Commun Biol. 2023. № 6. DOI: 10.1038/s42003-023-04681-w
16. Interactions between Trypillian farmers and North Pontic forager-pastoralists in Eneolithic central Ukraine / A. G. Nikitin, M. Videiko, N. Patterson, V. Renson, D. Reich // PLoS One. 2023. DOI: 10.1371/journal.pone.0285449
17. Lazaridis I., Alpaslan-Roodenberg S., Acar A. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // Science. 2022. Iss. 377. DOI: 10.1126/science.abm4247
18. Mattila T., Svensson E. M., Juras A. Genetic continuity, isolation, and gene flow in Stone Age Central and Eastern Europe // Commun Biol. 2023. Iss. 6. DOI: 10.1038/s42003-023-05131-3
19. Moorjani P. The formation of human populations in South and Central Asia / V. M. Narasimhan, N. Patterson, P. Moorjani, N. Rohland, et al. // Science. 2019. Iss. 365. DOI: 10.1126/science.aat7487
20. Population genomics of Bronze Age Eurasia / M. E. Allentoft, M. Sikora, K.-G. Sjögren, S. Rasmussen, et al. // Nature. 2015. Iss. 522. P. 167–172.
21. The genetic history of Ice Age Europe / Q. Fu, C. Posth, M. Hajdinjak, M. Petr, S. Mallick, et al. // Nature. 2016. Iss. 534. P. 200–205.
22. The Genetic Origin of the Indo-Europeans / I. Lazaridis, N. Patterson, D. Anthony, L. Vyazov, R. Fournier, H. Ringbauer // bioRxiv [Preprint]. 2024. DOI: 10.1101/2024.04.17.589597
23. The genomic history of southeastern Europe / I. Mathieson, S. Alpaslan-Roodenberg, C. Posth, A. Szécsényi-Nagy, et al. // Nature. 2018. Iss. 555. P. 197–203.
24. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers / C. Posth, H. Yu, A. Ghalichi, H. Rougier, I. Crevecoeur, et al. // Nature. 2023. P. 117–126.
25. Scorrano G. et al. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe // Annals of human biology. 2021. Vol. 48. № 3. P. 223–233.
26. Trifonov V., Prokhorchuk E. B., Zhur K. V. Entwined relationships: genetic and cultural diversity in the Caucasus and the adjacent steppes in the Eneolithic – Bronze age period // Monographs of the Archaeological Society of Finland. Vol. 11. Helsinki, 2023. P. 162–176.

REFERENCES

1. Konkov A. S. [Population history of the Caucasus during the Neolithic and Bronze Age from standpoint of paleogenetics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 16–35.
2. Konkov A. S. [Population relationship between the Globe amphorae, Funnel beakers and Corded Ware cultures according to paleogenetic data]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 5, Circumpontica, iss. II, pp. 78–89.
3. Nikolaeva N. A. *Etno-kulturnye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka* [Ethno-cultural process in the North Caucasus in the III–II millennium BCE in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 556 p.
4. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [Origin of the dolmen culture of the North-West Caucasus]. In: Bedera O. N., ed. *Soobshcheniya Nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kultury MK SSSR. Vyp. VII* [Reports of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the USSR MC. Iss. VII]. Moscow, Znanie Publ., 1974, pp. 174–199.

5. Safronov V. A. *Indoyevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestors]. Gorky, Volgo-Vyatskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1989. 402 p.
6. Rassamakin Yu. A. [On the ratio of steppe and Novosvobodnensky monuments]. In: Trifonov V. A., ed. *Maykopskiy fenomen v drevney istorii Kavkaza i Vostochnoy Yevropy. Mezhdunarodnyy simpozium* [Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe. International Symposium]. L., 1991, pp. 52–55.
7. Faifert A.V. [Historiography of the Lower Mikhaylovka culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political science], 2019, no. 5, pp. 41–53.
8. Shnirelman V. A. *Vozniknoveniye proizvodnyashchego khozyaystva (ochagi drevneyshego zemledeliya)* [The emergence of the production economy (the centers of ancient agriculture)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 443 p.
9. Chernykh E. N., Orlovskaya L. B. *Metallurgicheskiye provintsii i radiouglerodnaya khronologiya* [Metallurgical provinces and radiocarbon chronology]. Moscow, IA RAS Publ., 2000. 95 p.
10. Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A., et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia. In: *Nature*, 2024, iss. 625, pp. 301–311.
11. Wang C.-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communication*, 2019, vol. 10. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8
12. Nikitin A. G., Lazaridis I., Patterson N., Ivanova S., et al. A genomic history of the North Pontic Region from the Neolithic to the Bronze Age. In: *bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.044
13. Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A. A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., et al. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes. In: *Nature Ecology and Evolution*, 2022, iss. 6. DOI: 10.1038/s41559-022-01701-6
14. Gavashelishvili A., Yanchukov A., Tarkhnishvili D. Landscape genetics and the genetic legacy of Upper Paleolithic and Mesolithic hunter-gatherers in the modern Caucasus. In: *Scientific Reports*, 2021, vol. 11. DOI: 10.1038/s41598-021-97519-6
15. Guarino-Vignon P., Lefeuvre M., Chimènes A., Monnereau A., Guliyev F., Pecqueur L., Jovenet E., et al. Genome-wide analysis of a collective grave from Mentesh Tepe provides insight into the population structure of early neolithic population in the South Caucasus. In: *Communications Biology*, 2023, no. 6. DOI: 10.1038/s42003-023-04681-w
16. Nikitin A. G., Videiko M., Patterson N., Renson V., Reich D. Interactions between Trypillian farmers and North Pontic forager-pastoralists in Eneolithic central Ukraine. In: *PLoS One*, 2023. DOI: 10.1371/journal.pone.0285449
17. Lazaridis I., Alpaslan-Roodenberg S., Acar A. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe. In: *Science*, 2022, iss. 377. DOI: 10.1126/science.abm4247
18. Mattila T., Svensson E. M., Juras A. Genetic continuity, isolation, and gene flow in Stone Age Central and Eastern Europe. In: *Communications Biology*, 2023, iss. 6. DOI: 10.1038/s42003-023-05131-3
19. Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., et al. Moorjani P The formation of human populations in South and Central Asia. In: *Science*, 2019, iss. 365. DOI: 10.1126/science.aat7487
20. Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, iss. 522, pp. 167–172.
21. Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., et al. The genetic history of Ice Age Europe. In: *Nature*, 2016, iss. 534, pp. 200–205.
22. Lazaridis I., Patterson N., Anthony D., Vyazov L., Fournier R., Ringbauer H. The Genetic Origin of the Indo-Europeans. In: *bioRxiv* [Preprint], 2024. DOI: 10.1101/2024.04.17.589597
23. Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., Szécsényi-Nagy A., et al. The genomic history of southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, iss. 555, pp. 197–203.
24. Posth C., Yu H., Ghalichi A., Rougier H., Crevecoeur I., et al. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers. In: *Nature*, 2023, iss. 615, pp. 117–126.
25. Scorrano G., Yediay F. E., Pinotti T. The genetic and cultural impact of the Steppe migration into Europe. In: *Annals of human biology*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 223–233.
26. Trifonov V., Prokhorchuk E. B., Zhur K. V. Entwined relationships: genetic and cultural diversity in the Caucasus and the adjacent steppes in the Eneolithic – Bronze age period. In: *Monographs of the Archaeological Society of Finland. Vol. 11*. Helsinki, 2023, pp. 162–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коньков Андрей Сергеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-технологического университета «Сириус»;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Малярчук Александра Борисовна – младший научный сотрудник Института общей генетики Российской академии наук;
e-mail: a_malyarchuk98@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey S. Konkov – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Sirius University;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Alexandra B. Malyarchuk – Junior Researcher, Vavilov Institute of General Genetics Russian Academy of Sciences;
e-mail: a_malyarchuk98@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коньков А. С., Малярчук А. Б. Популяционно-генетическая история населения европейских степей в неолите и энеолите до начала ямной эпохи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 12–26.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-12-26

FOR CITATION

Konkov A. S., Malyarchuk A. B. Population-genetic history of the European steppe population in the Neolithic and Eneolithic before the Yamnaya period. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 12–26.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-12-26

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

О РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ И ИХ ЗНАЧЕНИИ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Канделаки Д. А.

*Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии
384000, г. Сухум, ул. Аидгылара, д. 44, Республика Абхазия*

*Пицундский историко-археологический музей
г. Пицунда, ул. Гицба, д. 8, Республика Абхазия*

Аннотация

Цель. Рассмотрение проблемы сложения производящей земледельческо-скотоводческой экономики на территории Абхазии в эпоху неолита.

Процедура и методы. Приводятся некоторые теоретические суждения о вероятных сценариях, механизмах, а также хронологии этих процессов в соотношении с аналогичными процессами неолитизации, происходившими в соседних областях. Сделан анализ роли этих процессов в свете древнейшей этногенетической истории Абхазии и Восточного Причерноморья.

Результаты. Главный тезис данной работы заключается в том, что на территории Восточного Причерноморья шёл процесс сложения неолитического хозяйства практически синхронно с ранними ближневосточными центрами неолитизации. Создателями неолитических культур Восточного Причерноморья были многочисленные древние общины, носители западнокавказских языков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые проведён предварительный синтез различных источников для реконструкции древних этногенетических процессов, протекавших на территории Кавказского Причерноморья, и в частности в Абхазии, в дописьменный период. Используются данные палеогеографии, археологии и исторической этнологии с целью сопоставления материальной культуры населения с данными лингвистики, в частности культурной лексики, и определения того природного окружения, в которых проходило развитие общества. По мнению автора, именно синтез вышеперечисленных источников позволяет очертить основные географические (ареальные) границы и хронологию древних этапов этногенетической истории населения Восточного Причерноморья.

Ключевые слова: Абхазия, Восточное Причерноморье, плейстоцен, голоцен, Апианча, Холодный грот, Кистрик, неолит, неолитическая революция, земледелие, скотоводство, просо, синно-кавказская макросемья, дене-кавказская макросемья, енисейская семья, западнокавказские языки, хатты

ON THE EARLY STAGES OF AGRICULTURE AND CATTLE BREEDING FORMATION IN THE TERRITORY OF ABKHAZIA AND THEIR SIGNIFICANCE IN ETHNOGENETIC RESEARCH

D. Kandelaki

Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia

ul. Aidgylara 44, Sukhum 384000, Republic of Abkhazia

Pitsunda Historical and Archaeological Museum

ul. Gitsba 8, Pitsunda, Republic of Abkhazia

Abstract.

Aim. To consider the problem of the formation of an agricultural and cattle-breeding economy in the territory of Abkhazia in the Neolithic era.

Methodology. Some theoretical judgments are given about the probable scenarios, mechanisms, as well as the chronology of these processes in relation to similar Neolithic processes that took place in the neighboring areas. An analysis of the role of these processes in the light of the ancient ethnogenetic history of Abkhazia and the Eastern Black Sea region is made.

Results. The main argument of this work is that in the territory of the Eastern Black Sea region there was a process of addition of the Neolithic economy almost synchronously with the early Middle Eastern centers of the Neolithic. The creators of the Neolithic cultures of the Eastern Black Sea region were numerous ancient communities, speakers of West Caucasian languages.

Research implications. For the first time, a preliminary synthesis of various sources was carried out for the reconstruction of ancient ethnogenetic processes that took place on the territory of the Caucasian Black Sea region, and in particular in Abkhazia of the time before written historical records. The data of paleogeography, archeology and historical ethnology were used to compare the material culture of the population with the data of linguistics, in particular cultural vocabulary, and to determine the natural environment in which the development of society took place. According to the author, it is the synthesis of the above sources that makes it possible to outline the main geographical (areal) boundaries and the chronology of the ancient stages of the ethnogenetic history of the population of the Eastern Black Sea region.

Keywords: Abkhazia, Eastern Black Sea region, Pleistocene, Holocene, Apiancha, Kholodniy Grot, Kistrik, Neolithic, Neolithic revolution, agriculture, cattle breeding, millet, Sinno-Caucasian macrofamily, Dené-Caucasian macrofamily, Yeniseian family, West Caucasian languages, Hatti

Введение

Географическое положение территории Абхазии вблизи древнейшего Ближневосточного очага зарождения производящей неолитической земледельческо-скотоводческой экономики делает необходимым вновь вернуться к проблеме неолита нашего региона. Эта необходимость, с одной стороны, связана с отставанием в исследовании неолитической эпохи в Абхазии за последние десятилетия, а с другой – в наметившейся

тенденции отрицать вероятность существования развитой неолитической культуры на Западном Кавказе [4, с. 263–266; 18, с. 61–72; 23, с. 90–91].

Для начала обратимся к основным положениям, сформулированным современной наукой касательно общего понятия «неолит». Традиционно для определения неолита как отдельного исторического этапа специалистами используются различные критерии, среди которых новые приёмы обработки камня, внедрение ке-

рамического производства, изменения в социальной структуре общества, зарождение земледелия и скотоводства¹. Такое разнообразие подходов обусловлено тем фактом, что неолит – это не однолинейная модель, а неравномерная в темпах своего развития эпоха, которая в том или ином регионе имела свои особенности. В современной науке она как никакая другая эпоха «нагромождена» для отдельно взятых регионов и хронологических этапов различного рода уточняющими дефинициями, как-то: «лесной неолит», «субнеолит», «докерамический неолит», «бескерамический неолит», «пережиточный мезолит», «керамический неолит», «производящий неолит», «присваивающий неолит», «присваивающе-производящий неолит» [2, с. 73–86; 21, с. 6–9]. В такой ситуации, если неолит как отдельная историческая эпоха всё ещё продолжает сохраняться в науке, то ряд аспектов в её изучении претерпевают в свете новейших исследований существенные корректировки². Так, с одной стороны, истоки зарождения неолитических новаций происходили ещё на границах позднего плейстоцена и раннего голоцена, а с другой стороны, те условно прогрессивные преобразования, которые получили названия «неолитическая революция», были не столь революционными по скорости и темпам [11, с. 106–109; 12, с. 61–64; 13, с. 5–16]³. Переход общества от при-

сваивающих к производящим формам хозяйства протекал в условиях порой драматических природно-климатических изменений и перестройки всей прежней модели жизнеобеспечения в условиях новой экологической обстановки⁴.

Описанный выше сценарий осуществлялся только в одном единственном регионе, а именно в аридных областях Передней Азии, который и следует назвать собственно неолитом «ближневосточного» типа или даже неолитом вообще. В тех местах, где не было перехода к производящим формам экономики, неолита попросту не было, т. к. отсутствовали предпосылки для такого перехода, а основные навыки производящей экономики были привнесены извне. Связано это с тем, что во внеаридных областях, где природно-климатические перестановки в эпоху раннего голоцена носили несколько иной характер, складывались кардинально иные модели жизнеобеспечения. В бывших перигляционных областях в процессе таяния ледников формировались обширные лесные массивы и густая сеть внутренних водоёмов, что создавало устойчивую адаптивную модель хозяйства охотников, собирателей и особенно рыболовов, не уступавшую, если даже не превосходящую по качеству, стабильности и высокопродуктивности ведения хозяйства ранние неолитические общества Ближнего Востока⁵. По сути, модель развития обществ Западной и Восточной Европы «периода глобального потепления» должна рассматриваться как некая адаптационная аналогия по отношению к культурам Ближнего

¹ С нашей точки зрения, неолит как отдельная эпоха должна выделяться только по самому значимому критерию, а именно – наличию свидетельства производящей земледельческо-скотоводческой экономики.

² См. корректировки для территории Восточного Причерноморья в [7, с. 51–54].

³ В период голоцена мы отрицаем для так называемых Средиземногорных (Альпийско-Гималайских) областей наличие мезолита, во всяком случае, для областей Передней Азии и, со всей очевидностью, Кавказа. Последний был характерен для перигляционных постплейстоценовых обществ Европы. Для эпохи голоцена лучше говорить о линии развития, и в аридных областях с ним связывают кратковременный эпизод «микrolитизации» или эпипалеолита с последующим переходом в эпоху неолита.

⁴ Прим.: Неолит – это, скорее, не время начала революционных преобразований, а эпоха окончательной стабилизации и завершения всей адаптационной трансформации, итогом которой стал переход к земледелию и скотоводству [7, с. 51–54].

⁵ Прим.: к такой форме хозяйственной деятельности можно применить обобщающую категорию «водное собирательство», понимая под этим термином широкий диапазон использования преимущественно водных пищевых ресурсов рек, озёрных водоёмов и прибрежных морских зон.

Востока [5, с. 259–263]¹. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, а какой сценарий развития общества в эпоху раннего голоцена протекал в Восточном Причерноморье?

К проблеме сложения неолита Кавказского Причерноморья

Сегодня сложно что-либо сказать о самих механизмах и сценариях, а равно и хронологии сложения неолита Кавказского Причерноморья. Время начала сложения первых признаков археологической эпохи неолита и, возможно, с осторожностью, уже навыков сложения земледелия и скотоводства, мы определяем лишь по наличию каменного инвентаря. В широком диапазоне процесс перехода к производящему хозяйству на нашей территории мы определяем в пределах I горизонта пещеры Апианча, который хронологически соответствует концу X – началу IX тыс. до н. э. и является завершающим для мезолита (правильнее: эпипалеолита) и переходным к началу неолита в археологическом контексте этого термина [1, с. 51–57; 20, с. 19–38]. Примерно такими же хронологическими рамками датируется и неолитический памятник Гал I (бывший Пирвели Гали), для которого допускают дату не позднее VII тыс. до н. э., что в целом отражает реальную картину культурно-исторических процессов в пределах Абхазии [16, с. 157–176; 17, с. 101–118]. Подобное характерно и для других памятников, переходных от позднего мезолита к раннему неолиту [3, с. 5–19; 4, с. 263–266; 14, с. 14–37; 15, с. 43–53; 20, с. 19–38]. Верхняя колонка завершающего этапа неолитической эпохи Абхазии вполне согласуется по данным о датировках поселений «Шулавери-Шомутепинской» культуры на территории

Центрального и Восточного Закавказья и «Дарквет-Мешоковской (Восточнопричерноморской)» культуры Западного Кавказа [2, с. 73–86; 23, с. 84–93]. Таким образом, неолит Абхазии в археологическом контексте, очевидно, находится в рамках начала конца IX – начала VIII по конец VI – начала V тыс. до н. э. [8, с. 23–29].

Если о хронологии данных процессов мы имеем общие представления, то пока сложно что-либо сказать о хозяйственной деятельности неолитического населения Абхазии. С учётом уровня наших знаний из области археологии предварительно можно представить следующую картину. Симптоматичные следы присутствия остатков растений на таких памятниках, как Холодный грот, пещера Апианча и поселение Кистрик, свидетельствуют о зарождении усложнённого сезонного собирательства злаковых, послуживших в дальнейшем основой доместикации и перехода к земледелию. Данную картину дополняет наличие орудий труда, которые по своему функциональному назначению свидетельствуют об активном поиске населением Абхазии новых форм ведения хозяйства в раннем голоцене [21, с. 23–29]. Таким образом, в Абхазии закладывались основы неолитического хозяйства. Однако пока остаётся открытым вопрос, была ли территория Абхазии, а шире – и всё Восточное Причерноморье, центром самостоятельного сложения производящей экономики, или основные навыки земледелия и скотоводства были получены в ходе культурных контактов или непосредственно связано с инвазией древнего населения?². Археологические материалы эпохи голоцена Абхазии, скорее всего, недвусмысленно свидетельствуют о том, что общество в нашем регионе так же шло по пути сложения производящего хозяйства. Здесь, в Абхазии, отдельные памятники несут следы хозяйства, которые имели диффе-

¹ В период раннего голоцена развитие культур в период завершения плейстоценового оледенения пошло 2 разными путями. В Европе стали формироваться культуры мезолитические, а на Ближнем Востоке – неолитические. То есть следует говорить о 2 параллельных линиях развития.

² Подробное изложение концепции по данной проблеме представлено в [7, с. 51–54; 8, с. 23–29].

ренцированный характер, как будто бы свидетельствуя о начале активного поиска населением новых альтернативных моделей жизнеобеспечения, но, возможно, не столь ускоренными темпами¹. Специфика экологической среды способствовала формированию специфической стратегии жизнеобеспечения, среди которой следует отметить активное усложнённое собирательство, очевидно, сезонное, активное использовании речных и морских ресурсов.

Преждевременно, по нашему мнению, говорить о том, что в Абхазии зарождение земледелия и скотоводства запаздывало по сравнению с ближневосточными центрами и уж тем более вовсе отсутствовало, как это стало утверждаться в некоторых новейших исследованиях. Высока вероятность, что в случае возобновления исследования неолита на территории Абхазии будут обнаружены памятники, которые спрогнозируют вероятность перехода к производящему хозяйству уже в постплейстоценовый период и которые дадут нам возможность проследить за всем ходом эволюции зарождения земледелия и скотоводства синхронно Ближневосточным центрам.

Резюмируя вышесказанное и основываясь в большей мере на теоретических построениях в рамках гипотезы, считаем, что в Восточном Причерноморье и на Западном Кавказе в целом древним населением синхронно с ближневосточными центрами осуществлялся переход к земледелию и скотоводству, шёл процесс доместики культуры растений и домашних животных². Однако опреде-

лению хронологии и механизмов такой доместики препятствует отсутствие значительных палеоботанических и палеозоологических находок, что связано с особенностями климата³. Импульс расселения ранних земледельцев и скотоводов в Причерноморье следует связать с соседними горными и предгорными зонами, с постепенным освоением Колхидской низменности. Самой ранней культурой, послужившей основой зарождения у местных раннеголоценовых общин навыков сезонного собирательства злаковых, является просо (могар) и, очевидно, рожь⁴.

Наличие богатого разнообразия древесных и плодовых форм в связи с вхождением данной территории в область Колхидской флористической провинции способствовало и зарождению зачатков древнего садоводства. А особенности рельефа благоприятствовали формированию на начальных этапах подсечно-огневого земледелия. Процессы сбора и переработки продуктов земледелия и собирательства документируют крупные ножевидные пластины, тёрочки и зернотёрки.

Наличие лесных массивов содействовало зарождению на начальных порах свиноводства и козоводства, а позже и разведению крупного рогатого скота. Большую роль, очевидно, играло рыболовство, достигшее в эпоху неолита пика своего развития. Вначале была развита рыбоохота, затем она сменилось рыболовством.

Вот таким уровнем знаний мы сегодня обладаем по неолитической эпохе Абхазии.

¹ Примерно такого же схожего взгляда придерживается сейчас специалист, исследующий плейстоценовые и голоценовые культуры и памятники на Северо-Западном Кавказе [15, с. 43–53].

² Несомненно, в период раннего голоцена высвободившиеся от покровного горного оледенения территории среднегорий Абхазии способствовали расширению произрастания трав, включая злаковые виды. Именно в это время начинается систематическое сезонное собирательство злаковых культур. Что же касается скотоводства, то в условиях лесных

массивов широколиственных лесов наиболее продуктивно было одомашнивание свиней и коз, а чуть позже уже овец и крупного рогатого скота.

³ Просо, обнаруживаемое в Восточном Причерноморье, относится к совершенно другому виду и не связано с видами Восточной и Юго-Восточной Азии.

⁴ Прим.: с этим типом хозяйственной практики следует связать и зарождение обряда вторичного захоронения.

Зарождение земледелия и скотоводства как источник реконструкции древних этногенетических процессов

К сожалению, на сегодняшнем уровне наших знаний мы не можем сказать о том, кем были создатели древнейших культур раннего голоцена и на каких языках они говорили. Здесь можно допустить 2 гипотетические модели. Первая модель допускает, что территория Абхазии и сопредельные области заселялись сапиенсами разной популяционной природы, носителями генетически изолированных и неродственных языков. Вторая модель предполагает вероятность существования на означенных территориях единой группы родственных диалектов и языков. Данная проблема очень важна ещё и потому, что нам необходимо установление точной нижней хронологической границы времени формирования той общности, которая в будущем предстанет в облике групп языков, объединяемых сейчас в т. н. западнокавказскую группу. Однако данному хронологическому поиску препятствует тот факт, что проведение связи древних языков позднего плейстоцена с языками более поздними вряд ли корректно, т. к. речь идёт о таком древнем языковом покрове, которому нельзя найти аналогии в современных языках, т. к. он был стёрт и не оставил языковых потомков. Высока вероятность, что древние языки плейстоценовой эпохи вообще не сохранились¹. Для эпохи раннего голоцена в областях Восточного Причерноморья и ряда соседних областей единственными и главными претендентами могут быть только носители языков одной макросемьи – дене-кавказской и её севернокавказской и далее западнокавказской

¹ Судя по имеющимся глубоким реконструкциям древних языковых семей и макросемей, их генезис не уходит глубже границ раннего голоцена. Данное обстоятельство со всей очевидностью допускает то, что в плейстоценовую эпоху существовали иные несохранившиеся языки, которые не оставили потомков.

ветвей [22, с. 289–311]².

В свете современных лингвистических исследований принят следующий предварительный сценарий становления и дальнейшего развития этой макросемьи. Самой ранней ветвью отделилась семья языков на-дене, а оставшееся синно-кавказское звено этой общности сохранялось в виде общего диалектного континуума в пределах областей, примыкавших к Средней Азии и, видимо, Ирана. Период сложения синно-кавказской макросемьи датируется периодом VIII или IX тыс. до н. э. Несколько позже синно-кавказская общность распадается на восточную и западную ветви, когда от неё в период от VI до IV тыс. до н. э. отделилась пра-синно-тибетская семья, а позже, вероятно, во II тыс. до н. э. и праенисейская ветвь [22, с. 289–311]. Именно с западно-синно-кавказской ветвью и связана, очевидно, дальнейшая историческая судьба создателей раннеголоценовых культур Кавказа, Восточного Причерноморья и ряда культур Передней Азии.

По мнению специалистов, на территории древнего Ближнего Востока на роль создателей ранних неолитических культур могут претендовать 2 макросемьи – афразийская и синно-кавказская. Древнейшие представители этих двух макросемей распространили навыки земледелия и скотоводства, с одной стороны, афразийцы из Леванта и Восточного Средиземноморья в Северную Африку и Аравию, а синно-кавказцы – из областей

² Языки семьи на-дене по ряду данных со всей очевидностью представляют наиболее древнюю группу синно-кавказской макросемьи, что позволяет говорить о существовании в прошлом более обширного объединения дене-кавказской макросемьи. К сожалению, сегодня далеко от разрешения проблема определения прародины всей трёхчастной модели данной макросемьи. Сразу оговоримся, прародину самой большой таксономической единицы, такой как дене-кавказская макросемья, следует искать, очевидно, в областях либо Центральной Азии, либо Сибири, до отделения самого раннего звена в лице языков на-дене и их последующего ухода через Берингию, очевидно, периодом позднего дриаса.

Северной Месопотамии и Ирана на Кавказ, Анатолию и со всей очевидностью в Европу [19, с. 35–53].

В связи с этим для нас актуальна проблема времени и места обособления и формирования уже собственно носителей северокавказских языков, в недрах которых потом сформируются будущие носители западнокавказских языков.¹ Время обособления собственно северокавказской семьи, а равно как ареала, где происходил этот процесс, должно строго коррелировать с данными по культурной лексике и лексике природного окружения как самой северокавказской семьи, так и более ранней макросемьи, в состав которой на правах члена она входила, т. е. синно-кавказской. Время начала распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи происходило, очевидно, уже в середине мезолита, когда её древние носители уже постепенно переходили к освоению навыков земледелия и скотоводства в недрах ещё мезолитической эпохи. Это подтверждается и тем, что уже позже обособившаяся северокавказская семья предстаёт с богато представленной культурной лексикой развитого неолитического облика. Время этого обособления, несомненно, должно приходиться на период конца мезолита и начала неолита, когда с началом распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи из неё выделилась прабаскская ветвь [24, с. 95–105]. Оставшийся на месте в пределах Кавказа, Анатолии, Северной Месопотамии и Ирана осколок некогда обширной общности формируется уже независимо в качестве северокавказской семьи². Исходя из данной модели,

представителями древнейшей культуры обитателей Кавказа, а значит и Абхазии, уже на рубежах мезолита и неолита были древние представители северокавказской языковой семьи.

Позже уже на месте в пределах этой общности стало намечаться обособление отдельных крупных ветвей – западнокавказской и восточнокавказской. По мнению специалистов, время такого обособления должно было происходить не ранее начала IV тыс. до н. э. Общеисторические данные свидетельствуют в пользу более раннего этапа такого разделения.

Судя по данным культурной лексики, это обособление стало окончательным лишь в период знакомства с древнейшими навыками металлургии меди. Причём, судя по географии самых ранних очагов сложения древнейшей металлургии меди, первые шаги к металлургии совершались на южной периферии обширной северокавказской общности, а именно в областях Северной Месопотамии и Анатолии. Данный факт вполне согласуется с наличием наиболее ранних и архаичных представителей северокавказской языковой семьи в лице хаттов и хурритов³. Тем самым датировать время обособления

отжимных пластинах». По одному из вероятных сценариев данная традиция распространялась на Кавказе, где импульсом и очагом её сложения стал круг культур с таким эталонным памятником, как Дарквети, т. е. даркветская культура, и с таким её поздним раннеэнеолитическим продолжением, как дарквет-мешоковская культура (в авторском понимании лучше именовать эту культуру восточнопричерноморской). Далее в своем движении данная культура достигла областей Крыма и Северного Причерноморья. Именно эта культура, вероятнее всего, и несла традиции навыков производящей сельскохозяйственно-скотоводческой экономики, в т. ч. из Восточного Причерноморья в Крым и, вероятно, в уже более ослабленной интенсивности – в Северное Причерноморье. В частности, вероятно, таким путём попало просо в Европу [17, с. 101–118].

³ В случае с хурритами автор предполагает сценарий, по которому в период миграции пракартвелов с территории Центрального Кавказа произошло демографическое давление, спровоцировавшее активную миграцию хуррито-урартов и ряда древних нахско-дагестанских народов на юг от Кавказа, в частности, на Ближний Восток и Иран.

¹ Мы не исключаем, исходя из общеисторических данных, реальности того факта, что западно- и восточнокавказскую группы следует рассматривать в качестве отдельных языковых семей, но, несомненно, состоящих в близком родстве, в т. ч., возможно, «приобретённом».

² Присутствие этой общности, вероятно, следует связать и с археологическим свидетельством импульса носителей технико-технологических традиций «отжимного расщепления» и «трапеций на

севернокавказской общности на западную и восточную ветвь можно периодом не позднее VI тыс. до н. э.¹.

Правда, до недавнего времени наличие богатой культурной лексики в прасевернокавказской общности в качестве носителя развитой неолитической экономики может считаться доводом в пользу того, что основной ареал её сложения должен был быть к югу от Кавказа².

Уже в период размежевания 2 основных ветвей северокавказской семьи они, т. е. обе ветви – восточнокавказская и западнокавказская, находились в местах своего нынешнего современного бытования. Восточное Причерноморье было уже в то время заселено многочисленными общинами, носителями древнего северокавказского языка, и представляло собою совокупность более или менее однородных диалектных групп. Географический контур группы этих общин охватывал обширную Восточнопричерноморскую дугу, где они формировались в виде этноязыковых лингвореликтов, формируясь в этих естественных ландшафтных рефугиумах. Здесь в условиях относительно однородной экологической среды общество переходило к новым производящим формам ведения хозяйства. Населявшие предгорные и холмистые зоны древние раннеголо-

ценовые общины постепенно осваивали прибрежные плодородные аллювиальные долины. Это и были древние общины и поселенцы – носители прасевернокавказских диалектов, будущие представители западнокавказской (абхазо-адыгской) общности. На Кавказе они активно осваивали речные долины и предгорья, а позже вплотную подошли к субтропическим Колхидским прибрежным лесам.

В это же время аналогичные процессы происходили на южной периферии этой огромной общности. Здесь, на юге в Анатолии, после отступления крупных озёрных водоёмов с предгорий гор Тавра и склонов Понтийских гор стали спускаться многочисленные общины, потомки древних насельников, которые оставили нам такие эталонные памятники, как Чейюню-тепеси, Гебекли-тепеси и аналогичные им памятники, осваивая речные долины, в т. ч. рек Кзыл-Ирмак и Ешиль-Ирмак, они достигли Южного Причерноморья. Это и были многочисленные общины носителей древних западнокавказских языков, от которых в пределах древней Анатолии до нас дошёл только лишь хаттский язык³.

Будучи ещё создателями культур раннеголоценового периода, эти древние носители западнокавказских языков занимались первоначально сезонным собирательством диких зерновых культур, в частности, проса, по аналогии со своими ближневосточными соседями. Очевидно, разводили уже свиней и коз, а наличие богатых лесов способствовало зарождению в будущем и зачатков древнейшего садоводства. Позже с окончательным утверждением неолитической производящей земледельческо-скотоводческой экономики на южной периферии запад-

¹ Вероятно, этим же временем либо несколько более ранним периодом к навыкам производящей экономики переходили находившиеся по соседству с прасевернокавказцами многочисленные общины носители праафразийских языков, а также очевидно многочисленные общины носители реликтовых языков Северной и Южной Месопотамии.

² Доводом для этого якобы служит тот факт, что по данным археологии такой развитой неолитической культуры на Кавказе в период существования носителей прасевернокавказского языка пока ещё не существовало [22, с. 289–311]. Тезис о том, что наличие в культурной лексике прасеверокавказского языка терминов развитой неолитической культуры, может явиться доводом в пользу южной Ближневосточной локализации северокавказской семьи, требует осторожного подхода. К сожалению, для северокавказской семьи специальные междисциплинарные работы по сопоставлению культурной лексики с данными археологии и палеогеографии пока редки.

³ Несомненно, хатты лишь небольшой осколок некогда обширной, но не сохранившейся группы языков, которые, если так можно выразиться, не успели зафиксироваться исторически, т. е. на территории Древней Анатолии существовали и другие аналогично хаттскому древние языки западнокавказского круга.

нокавказского языкового ареала древние западнокавказцы вступили на путь освоения первых навыков металлургии меди.

Уже на пороге энеолита вся эта территория окончательно формирует облик носителей языков западнокавказского круга, а в языках её современных потомков мы и фиксируем в качестве праязыковой основы культурную лексику неолита/энеолита как объективное отражение самостоятельного перехода их древних предков к земледелию и скотоводству в местах их древнего, а по сути, и нынешнего бытования. Уже на рубежах неолита и энеолита западнокавказская общность предстаёт на юге носителями хаттского языка, а на севере, на кавказской стороне, в виде многочисленных языков абхазо-адыгского круга [6, с. 51–70].

Заключение

Итак, согласно вышеизложенному, автохтонные западнокавказские языки как, впрочем, и их древние носители, уже формировались здесь на месте и были творцами и создателями неолитической культуры «восточнопричерноморского» типа. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные по лексике природного окружения, в которой представлена и морская/береговая лексика. Она лишней раз подтверждает, что западно-кавказская общность в своей древнейшей этногенетической истории тяготела к прибрежным зонам, и в нашем случае это было побережье Чёрного моря [9, с. 296–306; 10, с. 289–295].

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердзенишвили Н. З., Церетели Н. З. К вопросу об истоках неолитической культуры Черноморского побережья Грузии (по материалам пещеры Апианча) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 51–57.
2. Бжания В. В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. М., 1996. С. 73–86.
3. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко, Ю. Н. Спасовский // Российская археология. 2016. № 3. С. 5–19.
4. Зайцева Г. И., Трифонов В. А., Дергачев В. А. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. / отв. ред. А. Г. Ситдииков. Казань, 2014. С. 263–266.
5. Канделаки Д. А. Становление производящей экономики на территории Абхазии // Человек: его биологическая и социальная история: мат-лы конф. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Дубова. М., 2010. С. 259–263.
6. Канделаки Д. А. Хатгы. Локализация. Идентификация. Хронология // Якаевские чтения: сб. конф. / отв. ред. Ю. Г. Макаренко. Краснодар, 2016. С. 51–70.
7. Канделаки Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: тезисы междунар. конф. / отв. ред. В. А. Алекшин. СПб., 2016. С. 51–54.
8. Канделаки Д. А. Зарождение древнего земледелия на территории Абхазии: к проблеме ранних этапов (взгляд историка) // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем / под ред. И. В. Крючкова. Ставрополь, 2021. С. 23–29.
9. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии I (исконный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1967. С. 296–306.
10. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии II (заимствованный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1968. С. 289–295.
11. Колобова К. А. Эпипалеолит Ближнего Востока: обзор исследовательских концепций // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 106–109.

12. Колпаков Е. М. Периодизация и понятие «неолит» // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 61–64.
13. Корниенко Т. В. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части плодородного полумесяца // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 5–16.
14. Кушнарева К. Х., Рысин М. Б. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / под ред. В. И. Тимофеева, Г. И. Зайцева. СПб., 2004. С. 14–37.
15. Леонова Е. В. Ещё раз о неолите Северного Кавказа // Российская археология. 2019. № 4. С. 43–53.
16. Манько В., Чхатаршвили Г. Миграционные процессы и вопросы культурного взаимодействия в Закавказье в XII–VI тыс. до н. э. // Вестник Армяноведения. 2021. № 1. С. 157–176.
17. Манько В. О., Чхатаршвили Г. Л. На границе двух миров: восточный и западный импульсы в процессе неолитизации Восточной Европы // Прочнее меди / под ред. Л. В. Дергачёвой. Кишинёв, 2023. С. 101–118.
18. Мешвелиани Т. К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 61–72.
19. Милитарёв А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тезисы и доклады конф. Ч. 5 / под ред. И. Ф. Вардуль. М., 1984. С. 35–53.
20. Небиеридзе Л. Д. Неолит Юго-Западного Кавказа // Археология Кавказа. 2009–2010. № 2-3. С. 19–38.
21. Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / под ред. С. В. Ошибкиной. М., 1996. С. 6–9.
22. Старостин С. Н. Культурная лексика в общесевернокавказском словарном фонде // Старостин С. Н. Труды по языкознанию М.: Языки славянских культур, 2007. С. 289–311.
23. Трифонов В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / под ред. В. А. Трифонов. СПб., 2009. С. 84–93.
24. Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия / под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1985. С. 95–105.

REFERENCES

1. Berdzenishvili N. Z., Tsereteli N. Z. [On the Origins of the Neolithic Culture of the Black Sea Coast of Georgia (Based on the Materials of the Apiancha Cave)]. In: *Issledovaniya po mezolitu i neolitu SSSR* [Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR]. Leningrad, 1983, pp. 51–57.
2. Bzhanian V. V. [Caucasus]. In: Oshiblina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 73–86.
3. Golovanova L. V., Doronichev V. B., Doronicheva E. V., Kulkova M. A., Sapelko T. V., Spasovskii Yu. N. [The New Data on the Neolithic of the North-west Caucasus from the Mezmaiskaia Cave]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 3, pp. 5–19.
4. Zaitseva G. I., Trifonov V. A., Dergachev V. A. [The problem of neolithization of the Western Caucasus and environmental change]. In: Sitdikov A. V., ed. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani. T. 1* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. 1]. Kazan, 2014, pp. 263–266.
5. Kandelaki D. A. [Formation of the producing economy on the territory of Abkhazia]. In: Dubova N. A., ed. *Chelovek: yego biologicheskaya i sotsialnaya istoriya* T. 2 [Man: his biological and social history. Vol. 2]. Moscow, 2010, pp. 259–263.
6. Kandelaki D. A. [Khatty. Localization. Identification. Chronology]. In: Makarenko Yu. G., ed. *Yakayevskie chteniya* [Yakaevskie readings]. Krasnodar, 2016, pp. 51–70.
7. Kandelaki D. A. [Neolithization of the Eastern Black Sea region: the problem of interpretation in the context of the general concept of "Neolithic" (a historian's view)]. In: Alekshin V. A., ed. *Aktualnaya arkheologiya 3. Novyye ekvivalentnyye arkheologicheskiye dannyye* [Actual archeology 3. New interpretations of archaeological data]. St. Petersburg, 2016, pp. 51–54.

8. Kandelaki D. A. [The emergence of ancient agriculture on the territory of Abkhazia: on the problem of early stages (a historian's view)]. In: Kryuchkov I. V., ed. *Obshchestvo i vlast na Kavkaze i razvitiy Vostoka: problemy razvitiya teorii v proshlom i nastoyashchem* [Society and power in the Caucasus and the Middle East: problems of the development of relationships in the past and present]. Stavropol, 2021, pp. 23–29.
9. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies I (original fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1967, pp. 296–306.
10. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies II (borrowed fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1968, pp. 289–295.
11. Kolobova K. A. [The Near East Epipaleolithic: Review of research concepts]. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2015, no. 3/2, pp. 106–109.
12. Kolpakov E. M. [Periodization and the concept of “Neolithic”]. In: *Rossiyskiy arkhologicheskii yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2014, no. 4, pp. 61–64.
13. Kornienko T. V. [Issues of physical geography, periodization and chronology in the study of the primary foci of the “Neolithic revolution” in the central part of the Fertile Crescent]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2021, no. 4, pp. 5–16.
14. Kushnareva K. Kh., Rysin M. B. [On the problem of the Neolithization of the Caucasus and Western Asia]. In: Timofeev V. I., Zaitsev G. I., eds. *Problemy khronologii i etnokulturnykh vzaimodeystviy v neolite Yevrazii* [Problems of chronology and ethnocultural interactions in the Neolithic of Eurasia]. St. Petersburg, 2004, pp. 14–37.
15. Leonova E. V. [Once again about the Neolithic of the North Caucasus]. In: *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archeology], 2019, no. 4, pp. 43–53.
16. Manko V., Chkhatarashvili G. [Migration processes and issues of cultural interaction in Transcaucasia in the XII^{VI} millennia B.C.]. In: *Vestnik Armyanovedeniya* [Bulletin of Armenian Studies], 2021, no. 1, pp. 157–176.
17. Manko V. O., Chkhatarashvili G. L. [At the fringe of two worlds: Eastern and Western impulses in the process of Neolithization in Eastern Europe]. In: Dergacheva L. V., ed. *Prochneye medi* [More lasting than Bronze]. Chisinau, 2023, pp. 101–118.
18. Meshveliani T. K. [On Neolithic Origins in Western Georgia]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnology & anthropology of Eurasia], 2013, no. 2, pp. 61–72.
19. Militarev A. Yu., Shnirelman V. A. [On the problem of localization of the most ancient Afro-Asians (an experience of linguo-archaeological reconstruction)]. In: Vardul I. F., ed. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: tezisy i doklady konf. CH. 5* [Linguistic reconstruction and the most ancient history of the East: theses and reports of the conf. Part 5]. Moscow, 1984, pp. 35–53.
20. Nebieridze L. D. [Neolithic of the Southwestern Caucasus]. In: *Arkheologiya Kavkaza* [Archeology of the Caucasus], 2009–2010, no. 2–3, pp. 19–38.
21. Oshibkina S. V. [The concept of the Neolithic]. In: Oshibkina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 6–9.
22. Starostin S. N. [Cultural Lexicon in the Common North Caucasian Vocabulary Fund]. In: Starostin S. N. [Works on Linguistics]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. Pp. 289–311.
23. Trifonov V. A. [Did the Neolithic Exist in the Northwest Caucasus?]. In: Trifonov V. A., ed. *Adaptatsiya kultury paleolita-eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Adaptation of Paleolithic-Eneolithic Cultures to Changes in the Natural Environment in the Northwest Caucasus]. St. Petersburg, 2009, pp. 84–93.
24. Chirikba V. A. [Basque and North Caucasian Languages]. In: Piotrovsky B. B. ed. *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, pp. 95–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулия Академии наук Абхазии; главный хранитель Пицундского историко-археологического музея;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

David A. Kandelaki – Researcher, Department of Ancient and Medieval History, Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia; Chief Curator, Pitsund Historical and Archaeological Museum;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Канделаки Д. А. О ранних этапах становления земледелия и скотоводства на территории Абхазии и их значении в этногенетических исследованиях // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

FOR CITATION

Kandelaki D. A. On the early stages of agriculture and cattle breeding formation in the territory of Abkhazia and their significance in ethnogenetic research. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

УДК 902/904

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-39-63

АРИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ: НОВЫЕ ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

Соколова Л. А.*Институт археологии Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование процесса формирования и миграции Саянского археологического комплекса в III тыс. до н. э. с основой в виде окуневской археологической культуры. Выявление влияния миграции Саянского комплекса в Южную Азию как фактора формирования культурных и мировоззренческих процессов в Хараппской цивилизации.

Процедура и методы. Проведён стилистический и типологический анализ изображений как статуарных изображений, так и петроглифов как особого вида коммуникации внутри общества, способного донести основы древнего мировоззрения. В работе использованы сравнительно-типологический, сравнительно-культурный и сравнительно-исторический методы, применён метод анализа и синтеза.

Результаты. Установлено, что миграция окуневцев на юг является фактом, свидетельствующим о переносе их мировоззренческих основ в среду позднехараппского населения. Инновационные процессы, которые фиксируются в глиптике и искусстве поздней Хараппы, напрямую связаны с приходом окуневского населения. Влияние мировоззрения Окунева можно проследить по структурным соответствиям между окуневскими реалиями и их отражением в гимнах Ригведы, в глиптике и искусстве Хараппы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа доказывает, что Саянская миграция относится к элитному типу миграции и не имеет признаков вторжения. В процессе адаптации пришельцы передают местному населению свой культурный потенциал, включая язык, мировоззрение, ритуалы и социальную структуру.

Ключевые слова: Саянский археологический комплекс, окуневская археологическая культура, III тыс. до н. э., Хараппа, Ригведа

ARYAN MIGRATION: NEW FACTS AND ANALYSIS

L. Sokolova*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
ul. Dmitriya Ulianova 19, Moscow 19117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the processes of formation and migration of the Sayan archaeological complex in the III millennium BC based on Okunev archaeological culture. To identify the influence of Sayan migration to South Asia as a factor in the formation of cultural and ideological processes in the Harappan civilization.

Methodology. A stylistic and typological analysis of images of both statuary and petroglyphs has been carried out as a special type of communication within society, capable of conveying the foundations of an ancient worldview. Comparative typological, comparative cultural and comparative historical methods are used in the work, the method of analysis and synthesis is applied.

Results. It has been established that Okunev migration to the south is a fact that indicates the transfer of their worldview foundations to the environment of the late Harappan population. The innovative processes that are fixed in the glyptics and art of the late Harappa are directly related to the arrival of the Okunev population. The influence of Okunev's worldview can be identified in the structural correspondences between Okunev's realities and their reflection in the hymns of the Rigveda, in glyptics and the art of Harappa.

Research implications. The work proves that Sayan migration belongs to the elite type of migration and does not show signs of invasion. In the process of adaptation, the aliens transfer their cultural potential, including language, worldview, rituals and social structure to the local population.

Keywords: Sayan archaeological complex, Okunev archaeological culture, III millennium BC, Harappa, Rigveda

Введение

Проблема поиска индоевропейской прародины в настоящее время многим исследователям представляется неразрешимой. Все попытки определить территорию, которую можно было бы сопоставить с текстами Ригvedы, так и не привели к однозначному решению. Ни лингвистика, ни сравнительное языковедение не дали сколь-нибудь убедительной единой картины того региона, где произошло становление ариев как носителей языка Ригvedы. Хотя бытовая сторона жизни этого этноса всё-таки выявляется при анализе самих текстов

Ситуация усугубляется и тем, что перспективы найти археологические свидетельства поздне-Хараппской культурной идентичности были определены индологами как весьма скромные. В статье «Мир вещей по данным Ригvedы» Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров выразили мысль, что после упадка Хараппской цивилизации в индийской археологии почти на 1200 лет наступила эпоха, которую можно назвать «ведийской ночью» [4, с. 509]. На фоне величественной ведийской культуры, отражённой в Ведах, археология ариев «кажется, не оставила никаких следов» [24, с. 83]. Рау утверждал, что ведийские жилища вообще найти невозможно, т. к. они были сделаны из дерева, соломы и звериных шкур, т. е. археологически не фиксируемых материалов. Всё остальное – черепки, ямки, погребения – слишком мало даёт, чтобы судить о культуре ариев [24, с. 83].

Новые данные

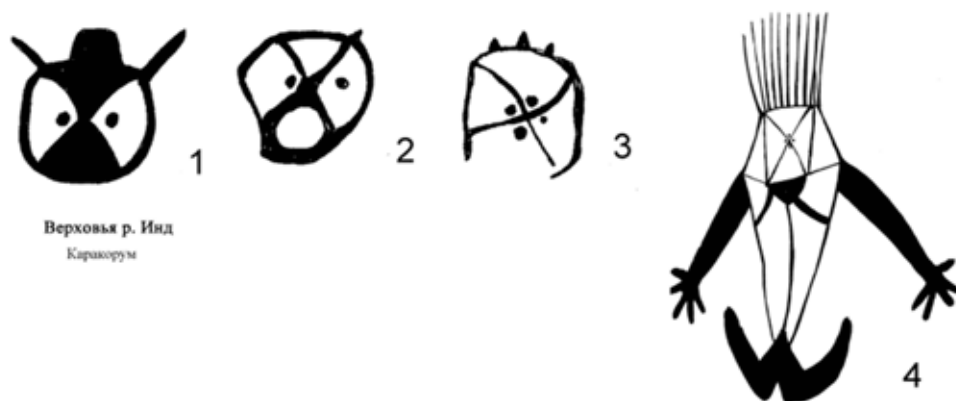
Тем не менее уже более 30 лет назад в долине р. Инд были найдены свидетельства миграции, непосредственно относящиеся к решению данной проблемы.

В 1987 г. известный немецкий исследователь К. Йетмар опубликовал петроглифы, нанесённые на скалы хребта Каракорум (Западные Гималаи) в верховьях Инда [23]. Эти изображения автор справедливо отнёс к окуневской изобразительной традиции, бытовавшей в Южной Сибири (рис. 1).

К счастью, окуневская иконография настолько специфична, что может быть надёжно атрибутирована в любой части Евразии. Основной её чертой выступает сочетание, в разных вариантах, специфических признаков антропоморфного персонажа: рога + иногда с выступом/ветвью между ними + уши животного + членение личины на горизонтальные или диагональные сектора + дополнительные отростки по бокам.

Однако, как показывают дальнейшие исследования, окуневская иконография является лишь наиболее яркой и узнаваемой частью целого миграционного потока, который двигался с Саян на юг [9]. По мере продвижения мигрирующий окуневский комплекс пополнялся за счёт представителей тех археологических культур, чью территорию он затрагивал: Каракол (Алтай), Мугур-Саргол (Тува), Чемуручек (Монголия) (рис. 2).

В 2013 г. американские исследователи Л. Брюно и Ж. Беллецца опубликовали

Верховья р. Инд
Каракорум

Рис. 1 / Fig. 1. Прорисовки петроглифов на скалах Каракорума (Пакистан) / Drawings of petroglyphs on the rocks of Karakorum (Pakistan)

Источник: рисунок автора по [22]

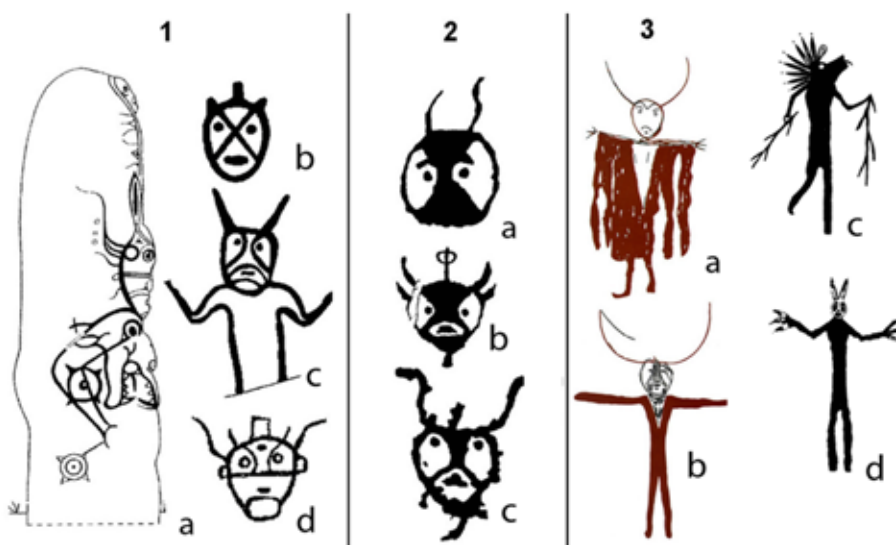

Рис. 2 / Fig. 2. 1 – Окуневские изображения (Минусинская котловина); 2 – Мугур-Саргол (Тува); 3 – Каракол (Алтай) / 1 – Okunev images (Minusinsk basin); 2 – Mugur-Sargol (Tuva); 3 – Karakol (Altai).

Источник: 1 – [10]; 2 – [3], 3 – [9]

фотографии и прорисовки петроглифов из провинции Ладак в штате Джамма и Кашмир на северо-востоке Индии [21, с. 5–161]. Часть из них авторы справедливо сравнивают с окуневскими петроглифами из Тувы [3, с. 271]. Ладакх – высочайшее плато Индии, граничит с двумя

горными хребтами, Каракорумом на севере и Большими Гималаями на юге. Этот район граничит с Верхним Тибетом и Северным Пакистаном.

В 2014 г. пакистанский исследователь З. Калхоро опубликовал фотографии красочных петроглифов из Лахаут Кумб,

расположенного в 60 км к северу от г. Карачи [23, с. 73–90]. Эти петроглифы типологически сходны с петроглифами на р. Ангара в Южной Сибири (рис. 3) [6].

Таким образом, по мере продвижения на юг мигранты оставляли свои петроглифы на скалах; и для исследователей окуневские изображения становятся своеобразными метками, по которым можно проследить миграционные потоки.

Сходные фигуры в ритуальных костюмах составляют целый пласт изображений на писаницах и плитах погреб-

альных каменных ящиков Минусинской котловины (рис. 4).

Аналогичная фигура в ритуальном костюме с бычьими рогами и хвостом происходит из Мохенджо-Даро (рис. 5).

Надо отметить, что в поздне-Хараппское время фиксируется целый пласт инноваций, выраженный преимущественно в предметах искусства, который демонстрирует появление нового мировоззренческого кода. Эта новая идеология проявляется в изображениях персонажей в рогатых головных уборах, как в

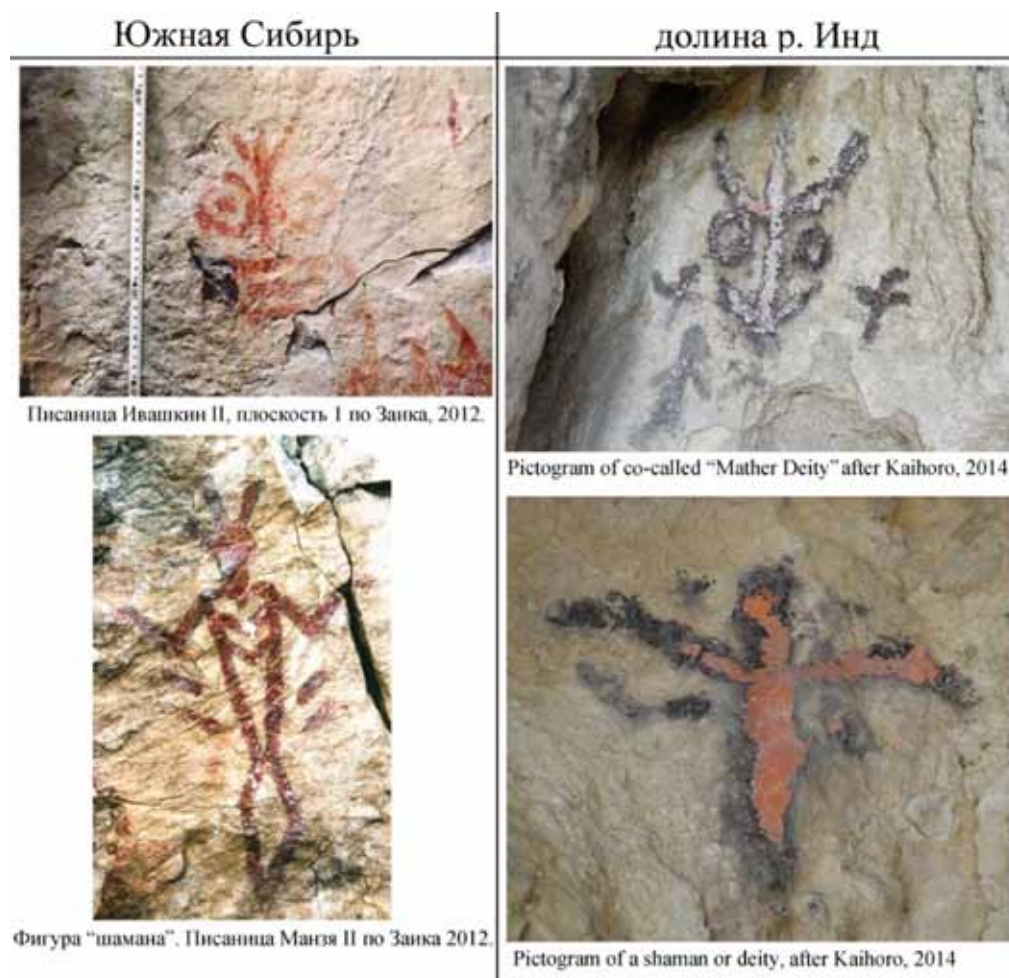

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнительная таблица красочных петроглифов из Сибири и Пакистана / Comparative table of colorful petroglyphs from Siberia and Pakistan

Источник: [6; 23]

Рис. 4 / Fig. 4. Рогатые персонажи на петроглифах из Минусинской котловины / Horned characters on petroglyphs from the Minusinsk basin

Источник: рисунок автора по [10]

Рис. 5 / Fig. 5. Медная пластинка из Мохенджо-Даро / A copper plate from Mohenjo-Daro

Источник: Indus or Harappan Civilization: [сайт]. URL: Harappa.com (дата обращения: 24.08.2024)

скульптуре, так и на печатях. В поздне-Хараппской глиптике рогатые персонажи демонстрируют неожиданно устойчивые черты монголоидного облика, причём, эти черты явно коррелируют с наличием рогов. В этой связи следует напомнить,

что окуневский антропологический тип представлен комбинацией европеоидных и монголоидных черт [2, с. 301–345].

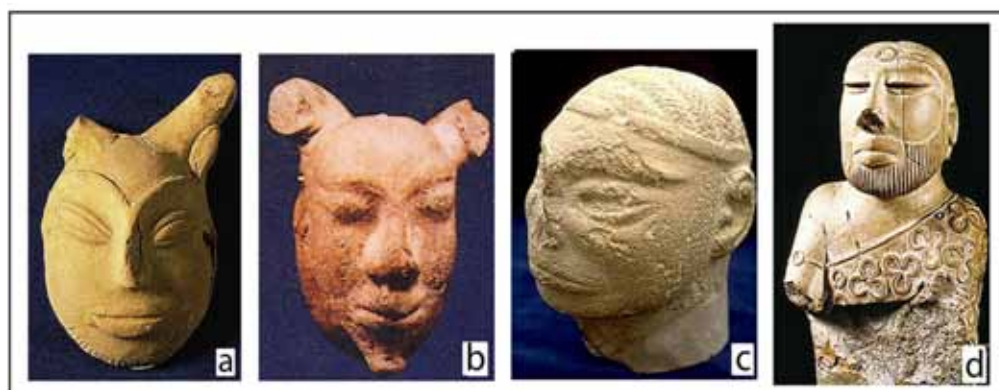
Часть из этих изображений изготовлены как маски, т. е. использовались в ритуальных целях.

Несмотря на бычьи рога и уши, эти изображения более реалистичны, чем традиционные хараппские терракотовые фигурки. «Монголоидные» глаза и борода, изображенная прямыми насечками, недвусмысленно свидетельствуют о северо-восточном происхождении прототипов, т. к. местное хараппское население имело волнистые волосы и прямой разрез глаз.

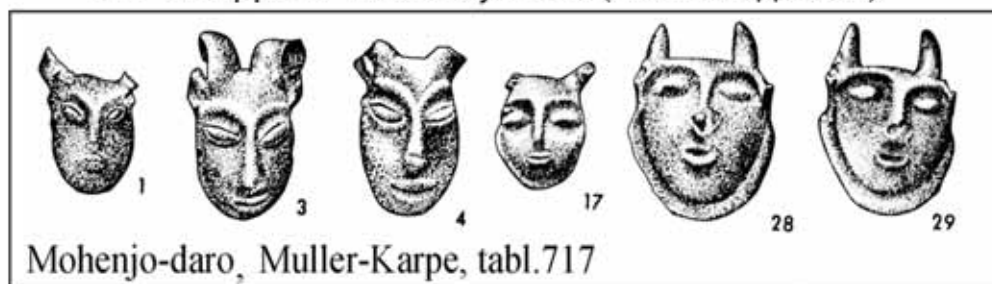
Фигура «жреца» (рис. 6d) изготовлена из стеатита. У него также подчеркнута узкие и длинные глаза с тяжёлыми верхними веками. На лбу – лента-диадема с кружком посередине, напоминающая (или имитирующая) «лобный значок». На затылке статуэтки имеется небольшая гладкая площадка с дырочками для крепления какой-то детали, возможно, тех же рогов. Э. Маккей, публикуя эти изо-

бражения, указывал, что они совершенно не соответствуют местным традициям в мелкой пластике, и считал их импортами. Археолог подчеркивает: «Эти статуэтки имеют явную монголоидную внешность и резко отличаются по типу лица от обычных образцов. Они были обнаружены в одном из самых нижних слоёв города и свидетельствуют о том, что его население могло иметь примесь монголоидной крови [12, с. 133].

В то же время Э. Маккей подчёркивает: «божество в облике человека с рогами не встречается ни в современной индийской мифологии, ни на протяжении всего исторического периода; по-видимому, можно с уверенностью сказать, что оно было принесено людьми культуры Хараппы и исчезло вместе с ними» [12, с. 70].

a-b - Harappa d - Mohendjo-Daro (www. Harappa.com)

Mohenjo-daro, Muller-Karpe, tabl.717

Рис. 6 / Fig. 6. Хараппские изображения маскоидов в рогатых головных уборах и изображения жрецов (с, d) / Harappan images of mascoids wearing horned headdresses and images of priests (c, d)

Источник: Indus or Harappan Civilization: [сайт]. URL: Harappa.com (дата обращения: 24.08.2024)

Таким образом, появление рогатых персонажей можно считать проявлением инокультурной миграции.

Это открытие подразумевает несколько предварительных выводов:

- наличие окуневских петроглифов в долине Инда – это прямое свидетельство окуневской миграции на юг;

- по времени эта миграция совпадает с поздней фазой развития Хараппской цивилизации – конец III – начала II тыс. до н. э.;

- окуневский комплекс сформировался в Минусинской котловине в первой половине III тыс. до н. э. Таким образом, эффект влияния нельзя отнести за счёт обратного вектора связи из Хараппы в Окунево.

Остаётся решить основной вопрос: были ли эти сибирские мигранты ариями? Самая сложная задача – доказать, что окуневцы говорили на языке Ригvedы. Окуневцы, конечно, не оставили своих письменных текстов. Однако, что такое художественное изображение как не визуализированный текст? Тем более что окуневское изобразительное наследие составляет более 500 композиций канонического характера и гравировок на писаницах и могильных плитах.

Таким образом, одной из задач исследования будет поиск семантических совпадений в гимнах Ригvedы и в искусстве окуневцев.

Семантика окуневских образов

Рассмотрим сравнительную таблицу 2 основных иконографических схем окуневского пантеона (рис. 7). Представленная схема соответствует внутренней корреляции признаков окуневской культурной традиции [19, с. 464–467].

Два основных антропоморфных персонажа выделяются по принципу оформления образа – солнцеликий и рогатый. В ранних комплексах эти персонажи представлены в виде довольно примитивных изображений. В дальнейшем происходит развитие образов с привлечением большого набора дополнительных деталей.

Анализ антропоморфных изображений классического периода позволяет отметить системные различия образов:

- солнцеликий персонаж не имеет обозначенных признаков пола;

- персонаж с рогами оформлен в виде фигуры с женской грудью и выпуклым животом;

- солнцеликий персонаж, как правило, изображается на плоской плите;

- изображения рогатого персонажа превращаются в объёмные скульптуры с выполненными в высоком рельефе деталями лица и фигуры;

- солнцеликие довольно редко имеют дополнительные изображения;

- рогатый персонаж имеет трёхступенчатую структуру: в центре антропоморфная фигура, внизу морда зверя с раскрытой пастью, вверх тянется стилизованная ветвь с отростками;

- солнцеликие иногда сопровождаются знаком мандалы;

- рогатый персонаж часто имеет несколько солярных знаков и знаков мандалы.

Таким образом, в окуневском искусстве, а значит, и в окуневской мифологии, присутствуют как минимум 2 героя: персонаж с солярной короной и богиня в рогатой тиаре. Их объединяет обязательная деталь – полосы на личине. По всей видимости, полосы – это знак, отделяющий изображения богов от людей.

В колонке А представлена схема развития изобразительного канона персонажа в рогатой тиаре. Колонка В представляет схему развития солнцеголового персонажа. Иногда изваяние завершается головой человека или барана.

Исходя из проведённого анализа, можно попытаться отчасти реконструировать мифологическое содержание образов. Возьмём за образец 2 стелы из п. Усть-Бурья и п. Ширы (рис. 8), т. к. на них наиболее полно представлен комплекс признаков окуневской иконографии.

Персонаж в рогатой тиаре, несомненно, представляет женскую фигуру. По-

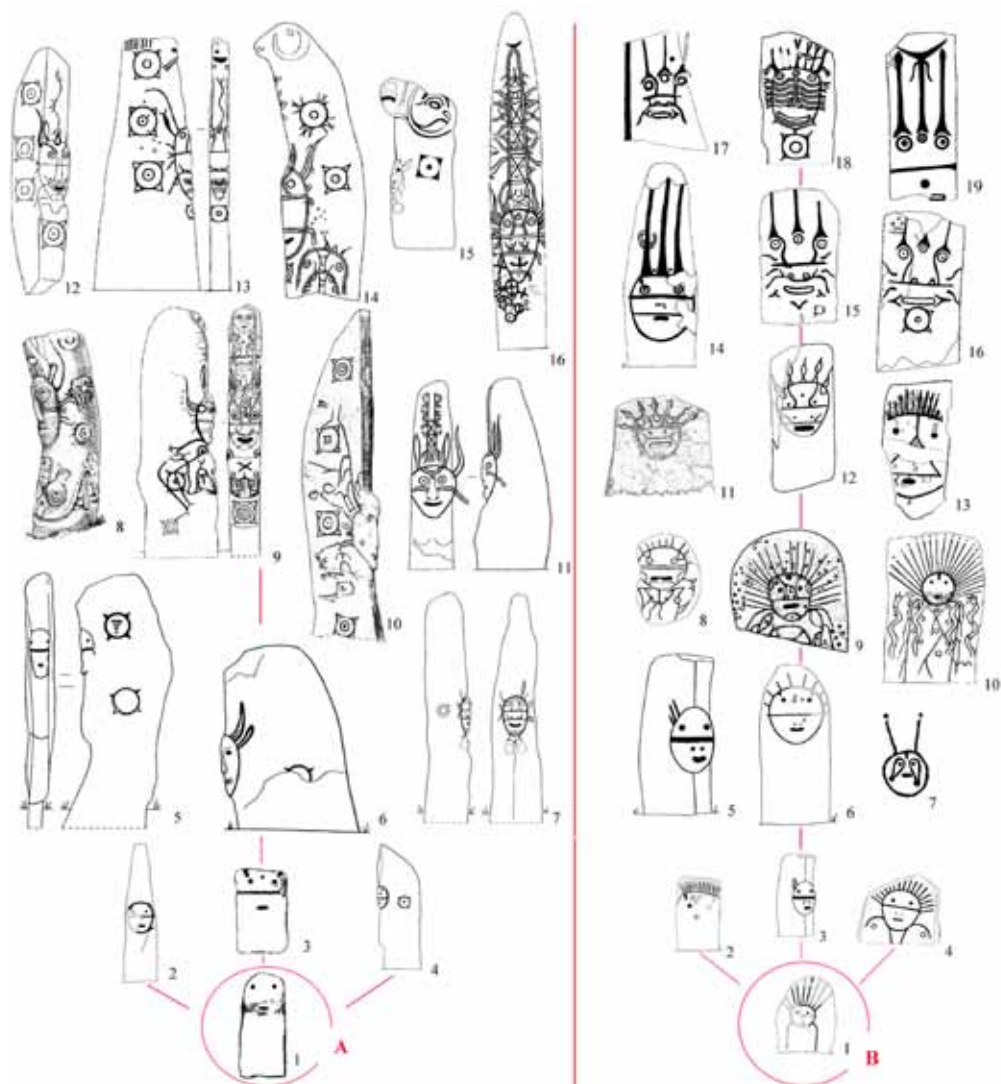

Рис. 7 / Fig. 7. Структура признаков окуневских антропоморфных образов / Structure of features of Okunev anthropomorphic images

Источник: рисунок автора по [10]

лагаем, что этот образ можно отнести к классу «богиня-мать», широко представленный в древнем мировом искусстве. Лента, восходящая из головы божества, включает небольшую личину (или несколько личин) и заканчивается моделированным лицом человека или барана. На других стелах эта полоса имеет более выраженный растительный характер с корнями в виде клубней и отростками,

которую можно определить как «биому». Иногда эта деталь изображения приобретает вид лестницы, на каждой перекладине которой находится стилизованная личина. По бокам этой фигуры порой изображаются длинные ветви. Но чаще схема личины – это 2 рога с треугольником посередине. Складывается впечатление, что в «биоме» заключена идея «души» человека (или божества) в их «за-

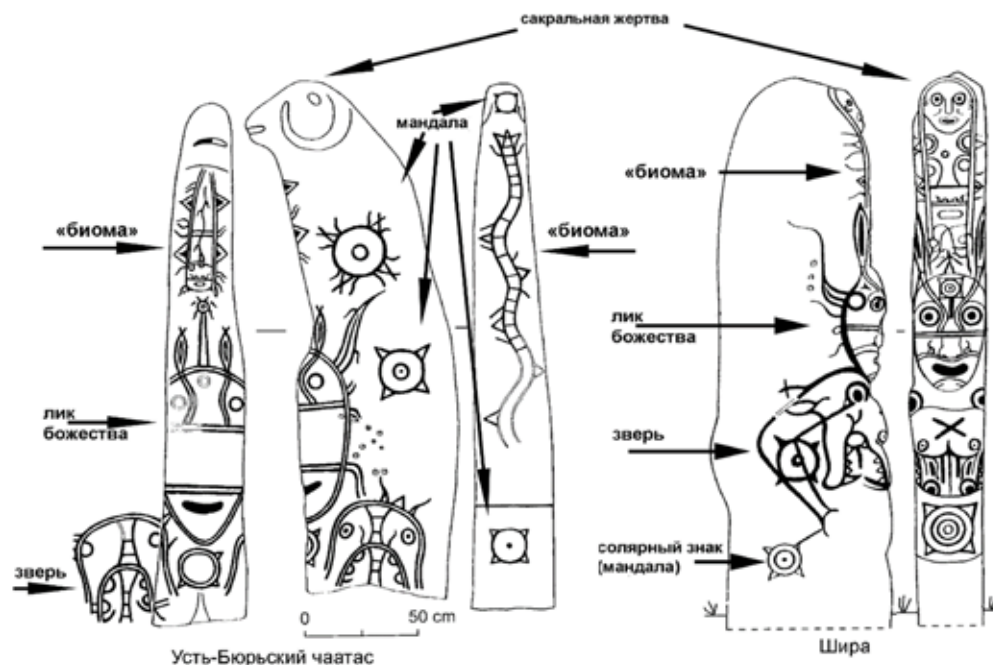

Рис. 8 / Fig. 8. Структура классического окуневского изваяния / Structure of a classical Okunev sculpture

Источник: рисунок автора по [10]

чаточном» состоянии. Схемы личины по обеим сторонам как бы сопровождают их в движении наверх.

Эту деталь можно, с достаточной степенью уверенности, трактовать как некое «древо жизни», выражающее идею реинкарнации душ. Мелкие личины – не рождённые/умершие души – исходят из головы божества и восходят по «биоме» вверх. Возможно, обряд жертвоприношения, выраженный в завершающей детали – голове барана или человека – обеспечивает возрождение этих душ, реинкарнацию.

Таким образом, надо полагать, что вершиной философии древних становится кровавая жертва как необходимое условие мировой гармонии и порядка. Угроза этому миропорядку изображается в нижней части стелы – это зверь, выходящий из тела божества, что свидетельствует об их кровном родстве. Зверь нападает на знак «мандалы», то есть разрушает мироустройство.

Анализ показывает, что перед нами культовый образ с признаками всеобщности, отражающими весь окружающий мир: биосферу, зоосферу, антропосферу и космос, т. е. существо, выполняющее роль демиурга и всеобщего начала. В этом образе, похоже, представлена идея единства и равенства всех жизненных сфер.

Системные схождения окуневских и хараппских реалий

Существует немало работ, посвящённых проблематике окуневского искусства, которые предлагают свои трактовки семантики главного персонажа: Пуруша [17, с. 111–114], Шива [8, с. 233], «священные девы» [13, с. 279].

Можно было бы также считать этот персонаж прообразом ригведийской Адити – «матери всех богов», но той присуща сугубая антропоморфность. Од-

нако в Ригведе есть упоминания о другом, более древнем женском персонаже. Это мать зверя-демона Вритры – Дану (в Авесте Даёна – божество, связанное с потусторонним миром). Этот образ появляется в гимне Индре, в описании его космической победы над Вритрой.

«9. У той, чьим сыном был Вритра, жизненная сила пошла на убыль,

Индра метнул в нее сверху смертельное оружие.

Сверху была родительница, внизу – сын.

Дану лежит, как корова со своим теленком» [5].

Убив Вритру и Дану, Индра разрушает прежний миропорядок – это его главный подвиг. Дану выступает в трёх ипостасях: в роли коровы, в роли женщины и в роли матери зверя, т. е. в роли демиурга старого мира. Это наталкивает на мысль о возможном генетическом родстве с окуневским божеством – женщиной-коровой, рождающей хтонического зверя. Объединяет эти 2 мирообразующих персонажа их женская природа – очень архаичный признак, уходящий корнями в глубокую древность, когда причинный механизм деторождения отводился сакральной связи женщины с оплодотворяющими

силами природы. Позже, когда производительная роль мужчины стала очевидной, функции демиургов стали исполнять исключительно божества мужского рода. Это крушение старой философской доктрины и рождение нового представления о месте мужчины-героя и война отражено в мифе о главном подвиге Индры.

Однако в окуневском пантеоне можно выделить и третьего, весьма необычного героя, представленного небольшой, но очень яркой серией изображений (рис. 9). Речь идёт о нескольких моделированных в граните огромных, 2–3 м в высоту, мужских головах, лишённых признаков божества; у них нет ни полос на лице, ни рогов, ни ушей животного. Единственная черта, которую можно считать характерным признаком, – это высокая коническая шапка. То есть по сумме признаков, вернее, по их отсутствию, эти изображения не вписываются в окуневский пантеон. Но усомниться в окуневской принадлежности этих изваяний не позволяют дополнительные изображения, нанесённые на эти стелы – окуневские быки и звери.

Звери изображены в окуневской трактовке: волчье тело, птичьи ноги, однако с головой явно что-то «не в порядке». Она выглядит разорванной пополам. У Зверя

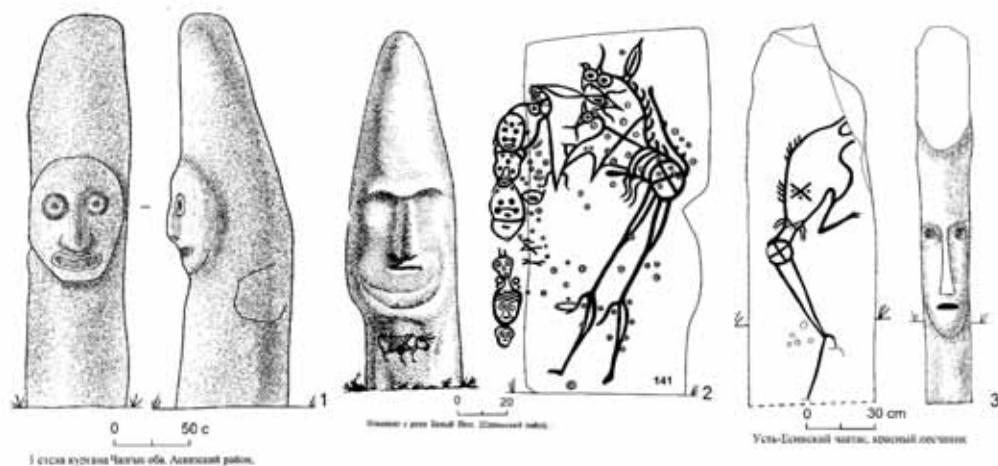

Рис. 9 / Fig. 9. Изображения мужского персонажа / Images of the male character

Источник: рисунок автора по [10]

с Белого Июса разорвана пасть и из неё высыпаются мелкие личины, символизирующие, возможно, души умерших. К сожалению, зверь с усть-есинского чаатаса повреждён, однако и его голова выглядит рассечённой. Данное наблюдение позволяет приблизиться к пониманию других изображений окуневских зверей со странными трансформациями головы.

Таким образом, перед нами предстаёт персонаж, относящийся, судя по огромным размерам, к высшей иерархической категории окуневского пантеона. Однако он не может относиться к уровню божеств, т. к. лишён их отличительных признаков. Остаётся предположить, что это культурный герой, выполняющий функцию героя-воина.

Изображение с Белого Июса наиболее информативно, т. к. совмещает несколько дополнительных сюжетных линий. В первую очередь, это типично окуневская корова, изображённая непосредственно под головой персонажа. Возможно, так обозначена защитная функция героя по отношению к корове. На боковой грани изображена победа персонажа над окуневским зверем и освобождение им душ умерших/не рождённых.

Если исходить из текстов Ригvedы, то напрашивается самая близкая аналогия к этому сюжету – подвиг Индры, который побеждает зверя Вритру и освобождает воды. Некоторое расхождение «души – воды» можно вполне объяснить метафоричностью языка Ригvedы.

Таким образом, в окуневском пантеоне можно предположить присутствие персонажей, которые впоследствии будут действовать в гимнах Ригvedы – Дану, Сурья, Вритра и Индра.

Культовая практика

Об окуневских обрядах можно в некоторой степени судить по гравировкам на погребальных плитах и по петроглифам на скальных поверхностях. Особенно интересны плиты из кургана Тас-Хазза [11],

на граффити которых предстаёт другой мир, сходный с некоторыми изображениями на писаницах. Это как бы более «низкий жанр» повествования, рассчитанный не на торжественное каноническое восприятие на стелах, а на более приземлённый, бытовой уровень. Отсюда и особенность стиля – изображения нанесены тонким резцом, а не традиционным пикетажем. В то же время здесь как нигде чувствуется мастерство исполнителя – линии лёгкие, гибкие и предельно точные. Совершенно понятно, что такой уровень владения техникой рисунка достигается в процессе длительной тренировки с детского возраста.

При этом многие гравировки были перечёркнуты (рис. 10). Возможно, сюжеты этих рисунков не соответствовали назначению каменных плит, которые должны были стать элементами погребальных памятников. В некоторых случаях поверх гравировок нанесены канонические личины, более подходящие для погребений по своей стилистике (рис. 11). Как бы там ни было, мы получили пласт изображений неканонического порядка.

Рис. 10 / Fig. 10. Плита из могильника Тас-Хазза / Slab from the Tas Khazaa burial ground

Источник: [11]

Рис. 11 / Fig. 11. Плита 4 из кургана Тас-Хазза / Slab 4 from the Tas-Khazaa barrow

Источник: [11]

Здесь изображены танцующие или летящие фигуры людей в обтягивающих костюмах с головами животных (лошади в упряжи, птицы, горного козла). Рядом фигуры людей в высоких колпаках. Изображения птиц, как реальных, так и людей в маскарадных птичьих костюмах, удивляют своим количеством. Наконец, люди в фантастических костюмах, которым трудно подобрать аналогии. Тем не менее, эти маскарадные изображения имеют свои вполне материальные аналоги в погребальном инвентаре.

В могильнике Черновая VIII в кургане 4, мог. 1, был найден фрагмент маски с черепом журавля; в кургане Тас-Хазза, в мог. 5, у головы погребённого мужчины находились 2 рога благородного оленя; в кургане Уйбат V, в. 1, мог. 1, была найдена черепная крышка козы с двумя рогами, в кургане Уйбат VI был найден рог коровы со следами крепления. Складывается впечатление, что обладатели маскарадных костюмов были с ними и похоронены.

По всей видимости, и остальные рисунки связаны с древними фольклорными персонажами. По многочисленным

свидетельствам этнографов, подобные представления у палеоазиатов сопровождались песенным речитативом, когда каждый персонаж вёл свою роль с соответствующей мелодией и ритмичным танцем [14]. По всей видимости, окуневцы создавали своего рода театральные постановки по мотивам известных мифов. Судя по окуневским рисункам, это были костюмированные действия с большим количеством участников.

Обращаясь к текстам Ригведы, исследователи неоднократно отмечали ритмичность текстов, которые напоминают и песенный речитатив, и поэтический слог.

Изображения летающих фигур в маскарадных костюмах позволяют поставить вопрос об особенностях культовой практики у окуневцев. Здесь мы можем обратиться к окуневскому инвентарю, явно связанному с ритуалом.

Во-первых, это курильницы – сосуды с открытым резервуаром на ножках или поддонах, с округлым отделением внутри чаши [1]. Во-вторых, каменные песты с культовыми изображениями личин и быков [10].

Курильницы как тип были, по всей видимости, заимствованы окуневцами у афанасьевцев, но усовершенствованы добавлением «кармашка» – отделения внутри резервуара (рис. 12). Афанасьевские курильницы служили лампадами, на их стенках можно видеть многочисленные следы от обрезания фитиля.

Окуневская модификация преследовала совершенно иную цель – добавленное отделение в окуневских курильницах при разведении огня в резервуаре позволяло нагревать некое вещество, при этом не сжигая его. Что это за вещество, мы не

знаем, но можно предположить, что это был небольшой по размерам комочек вещества, при нагревании которого происходило испарение. Во всяком случае сам факт усовершенствования конструкции предполагает такой желаемый эффект.

Вторая категория инвентаря, которая может иметь отношение к культуре, – каменные песты. Некоторые экземпляры отличаются явно избыточной орнаментацией. Здесь можно видеть скульптурные головы быков или баранов и изображения сложных личин (рис. 13). Часть пестов выполнена в виде лингама, что

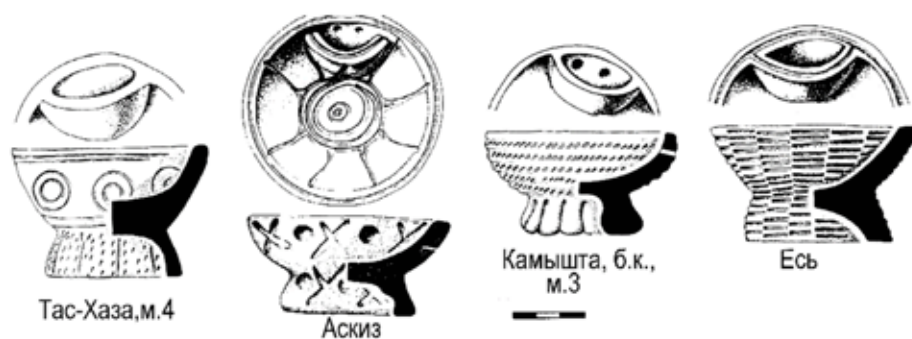

Рис. 12 / Fig. 12. Окуневские курильницы / Okunev incense burners

Источник: [1]

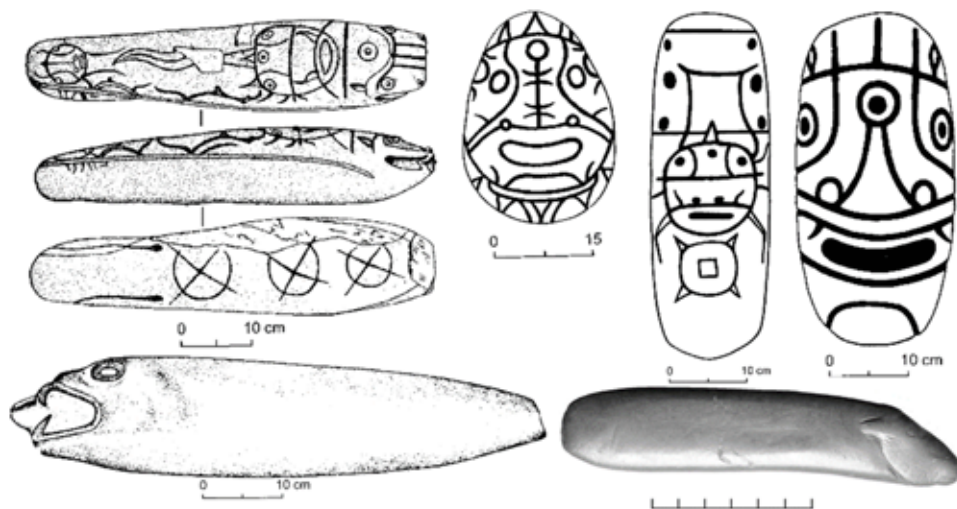

Рис. 13 / Fig. 13. Окуневские песты / Okunev pestles

Источник: [10]

вызывает аналогии с ригведийским пахтанием сомы.

Таким образом, данные песты, несомненно, относятся к культовой сфере и могут иметь непосредственное отношение к культовой практике.

Летающая пластика фигур напоминает шаманские камлания с применением растительных галлюциногенов. Поскольку в окуневской обрядовой практике зафиксированы песты для выжимки сока каких-то растений и курильницы с приспособлением для нагревания вещества, то можно высказать предположение, что уже в те времена для религиозных обрядов могли использоваться растительные галлюциногены. В условиях Южной Сибири для этих целей имелось вполне подходящее сырье – конопля и мухоморы.

Таким образом, к уже выделенному пантеону окуневских божеств по аналогии с Ригведой можно было бы добавить Сому и Агни, но их довольно трудно изобразить как отдельных персонажей. Хотя изображение внутри курильницы солярного знака свидетельствует, что древние могли отождествлять свет солнца и огня и изображать их одним знаком.

Третий глаз

Значок «третьего глаза» на лбу персонажей появляется в самой простой форме уже в самых ранних образцах (рис. 14.1). В окуневских комплексах стелы с «третьим глазом» сопровождаются ранней керамикой пост-неолитического облика. Возможно, этот знак приходит из глубокой древности вместе с антропоморфной иконографией с Дальнего Востока, где он впервые появляется на личинах Сикачи-Аляна [16]. В ранних вариантах его иконография не отличается от глаз персонажа (рис. 7.А3; 16.2). В дальнейшем, он трансформируется в солярный знак (рис. 16.3) или знак «мандалы» (рис. 16.9–16.12). Часто этот знак становится корнем «биомы».

Похоже, что развитие иконографии знака шло по схеме:

1. точка;
2. круг с точкой;
3. круг с точкой и со спицами;
4. круг с точкой с 4 лучами;
5. круг с точкой в квадрате с лучами;
6. квадрат с точкой и лучами.

Понятию «солярный знак», принятому в настоящее время для обозначения

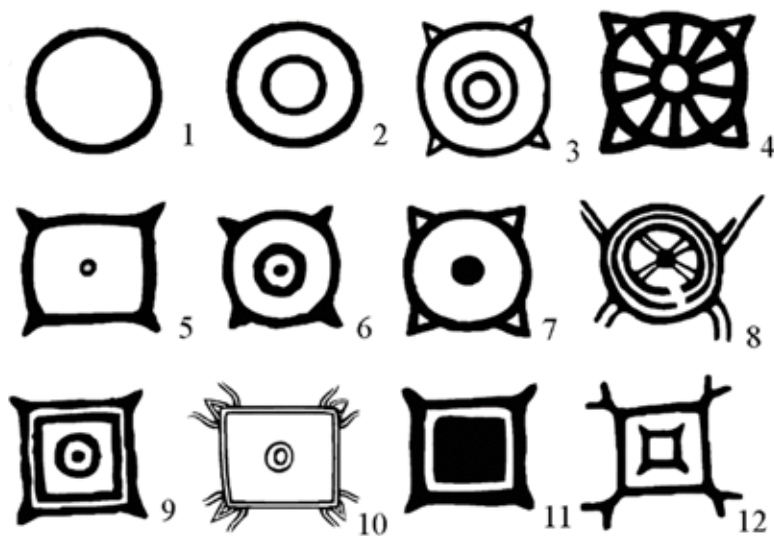

Рис. 14. / Fig. 14. Иконография окуневских знаков / Iconography of Okunev signs

Источник: [1]

всех подобных знаков, на самом деле соответствует только 2 варианта – 2 и 3.

Они использовались как для изображения глаз божества, так и в отдельных композициях. Варианты с квадратами и лучами (4–6) располагались в центре лба личины в виде «третьего глаза», в центре на груди или на боковых поверхностях, образуя самостоятельные композиции.

Само происхождение «солярного знака» тесно связано с условиями жизни древнего населения. Хотя ни одно окуневское жилище пока не было раскопано, можно представить его устройство исходя из этнографических реалий данно-

го региона. В условиях Сибири жилища оборудовались очагами, над которыми располагалось свето-дымовое отверстие. Через это отверстие внутрь жилища поступал дневной свет и выходил дым очага. Чтобы дождь и снег не проникали в жилище, наверху крепилась специальная кожаная полость, которая удерживалась крестообразной конструкцией. Таким образом, солнце создавало внутри жилища солнечный зайчик с крестом, который, перемещаясь по стенам жилища, превращался в вечный часовой механизм. Поэтому у древних возникал целый ряд устойчивых ассоциаций:

«верхний мир = солнце, нижний мир = огонь»;

«солнце = свет = время»;

«солнце = свет = время = порядок = гармония» и т. п.

Кроме того, этот «дымник» ночью превращался в визир, через который было можно видеть звезды. Таким образом, человек Севера имел возможность наблюдать движение небесной сферы и включал это знание в свою мировоззренческую систему.

В то же время знаки «круг с точкой» и «круг в квадрате» различаются принципиально: круг невозможно сориентировать по сторонам света; в то время как квадрат с кругом в центре выражает идею пространства, ориентированного по сторонам света, и его можно определить как знак «мандалы» – геометрический символ сложной структуры, который интерпретируется как модель вселенной.

Хронология

Определить нижнюю границу окуневской культурной традиции пока довольно затруднительно. Она сформировалась на основе нескольких импульсов: наиболее значительны 2 – местный Усть-Бельский неолит [7, с. 65–73; 19, с. 464–468] и миграционные импульсы с Дальнего Востока [21]. Первый импульс представлен ранней округлодонной окуневской керамикой, явно восходящей к

усть-бельской керамической традиции, которую отличает сплошная накольчатая орнаментация округлодонной керамики от дна до внутренней поверхности венчика. К местной основе окуневского комплекса также относится иконография животных неолитического времени в т. н. «ангарском стиле» [18], который отчасти сохранился в окуневском искусстве.

Второй инновационный импульс принесла миграция с Дальнего Востока, явившаяся стимулятором дальнейшего развития – это строительство погребальных каменных ящиков, антропоморфная иконография и баночная плоскодонная керамика. Иконография личин, неизвестная до того в Сибири, также имеет самые ранние образцы на Дальнем Востоке (петроглифы Сикачи-Аляна, чаши из Баньпо). Таким образом, нижняя граница окуневского комплекса определяется верхней границей местного неолита. Верхняя хронологическая граница определяется по ¹⁴C первой четвертью II тыс. до н. э. Развитый этап определяется по афанасьевским памятникам, которые сосуществуют с развитым Окуневым – середина III тыс. до н. э.

Похоже, что окуневская культурная традиция существует в бассейне р. Ени-

сей на протяжении всего III тыс. до н. э. и первой четверти II тыс. до н. э. За такой длительный период существования окуневский комплекс прошёл 4 хронологических периода трансформаций, в течение которых довольно существенно менялся погребальный обряд, иконография стел, морфология и орнаментация керамики [20].

Путь миграции

При первом взгляде на географическую карту поражает расстояние, которое прошли окуневцы, прежде чем оставить свои петроглифы на скалах Каракорума. Однако если обратить внимание на горный рельеф Центральной Азии, становится понятна логика их пе-

редвижения. На родине, в Минусинской котловине, окуневцы жили в предгорьях Саян. Основой хозяйства было скотоводство: в погребальных памятниках были найдены кости коров, овец, коз, лошадей. Горный рельеф способствовал развитию скотоводства, т. к. вертикальное зонирование позволяло находить оптимальные пастбища.

Однако ухудшение климатических условий в начале II тыс. до н. э. в Южной Сибири могло заставить древнее население двигаться на юг вдоль горных цепей, чтобы искать более подходящие места для проживания. Так, окуневские петроглифы, отмеченные на скалах Тувы, Алтая и Каракорума, показывают маршрут их движения на юг (рис. 15).

Рис. 15 / Fig. 15. Предполагаемый маршрут окуневской миграции / The proposed route of Okunev migration

Источник: рисунок автора

Колесный транспорт и лошади

При рассмотрении вопроса об окуневской миграции закономерно возникает вопрос о самой возможности такого столь длительного передвижения достаточно больших коллективов людей в конце III – начале II тыс. до н. э. Ответ мы опять находим в окуневских рисунках на стенках погребальных ящиков, гравировке на стелах и петроглифах на скалах. А поскольку они изображали реалии своей жизни, то эти свидетельства будут вполне достоверны.

Конечно, хотелось бы найти сами повозки и скелеты запряженных быков или лошадей, однако, во всяком случае пока, мы этого предоставить не можем. Традиционные окуневские погребения, как правило, настолько невелики по размерам, что явно не предполагают размещение крупного инвентаря, вроде колесниц или крупных костей животных. Даже сами скелеты людей в них умещаются только в скорченном положении. Хотя кости лошадей неоднократно встречались в насыпях курганов в виде погребальной тризны, они, к сожалению, не стали объектом специального изучения.

Как мы можем видеть в изображениях на петроглифах, окуневцы изображали 2 типа повозок: четырёхколёсные с крытым кузовом и сплошными колёсами (рис. 16.1.14, 16.1.16, 16.1.18) и двухколёсные колесницы, имеющие колёса со спицами (рис. 16.1.15). Погребальные повозки и колесницы запряжены быками (волами), по всей видимости, особой поджарой породы – они часто показаны в стремительном галопе. Хотя встречаются рисунки быков с массивным телом и короткими ногами. Все быки запряжены с помощью петли через нос (рис. 16.2.1-2). Такой способ упряжи отмечен и на рельефах в Анатолии. В наше время этот способ запряжки также широко распространён в станах Восточной Азии.

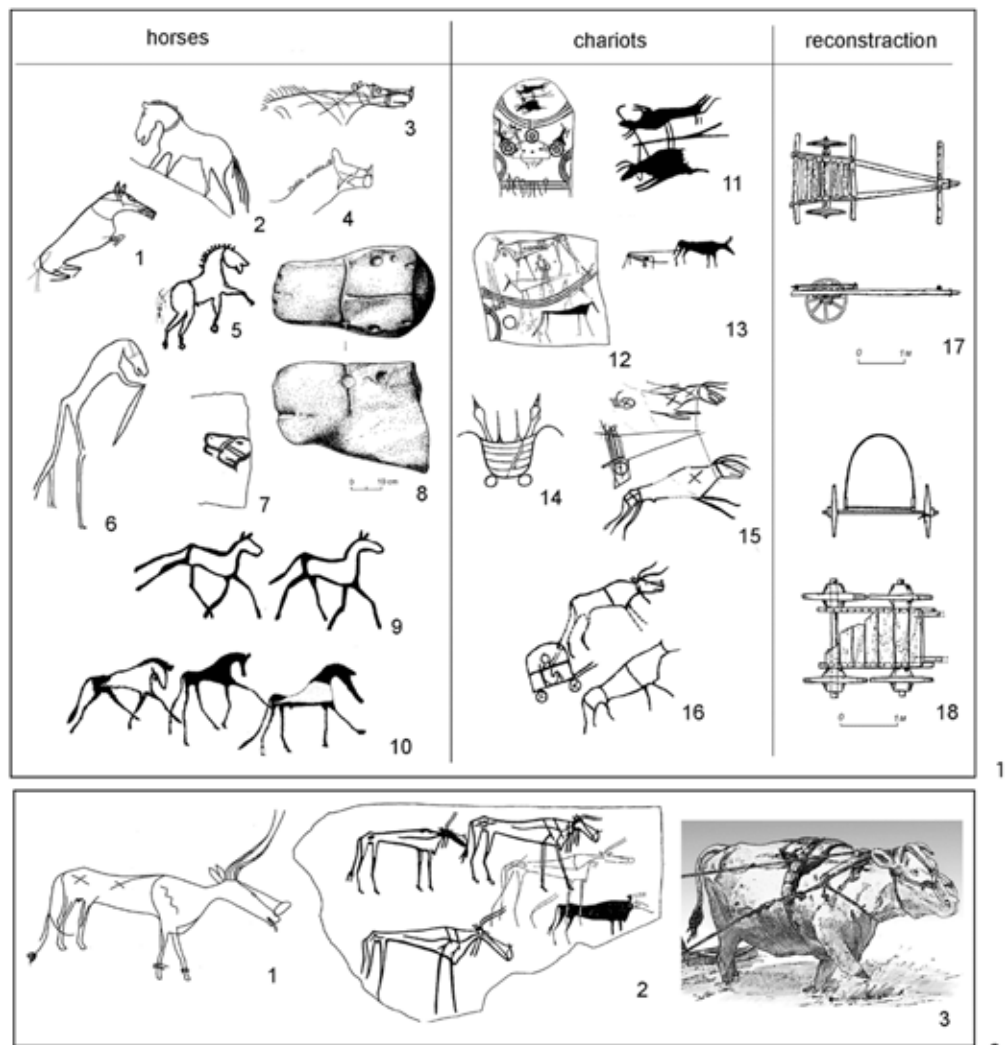
Надо отметить, что количество изображений повозок гораздо меньше, чем

рисунков запряжённых быков. Качество рисунков также не равноценно: быки прочерчиваются глубокими уверенными линиями, а повозки – едва видимыми схематичными чёрточками (рис. 16.1.13, 16.1.15). Похоже, что окуневцы не придавали особого значения этим средствам передвижения, в отличие от быков, которые являлись жертвенными животными, о чём свидетельствуют знаки на их телах (рис. 16.1.15, 16.2.1).

По сравнению с рисунками быков, изображений лошадей немного. В гравированных рисунках запряжённых лошадей показана упряжь в нескольких вариантах. Похоже, что сначала лошадей пытались запрягать, как и волов – с петель через нос (рис. 16.1.3-4). Вряд ли этот способ принёс успех, поскольку лошади испытывали боль и, конечно, не подчинялись человеку.

Судя по рисункам (рис. 16.1.1-2), окуневцы предприняли попытку обуздать лошадь с помощью ошейника. Надо обратить внимание, что эти рисунки (рис. 16.1.2 и 16.1.4) происходят из закрытого комплекса кургана 2 могильника Лебязье, а это значит, что оба эти варианта упряжи применялись одновременно [18, с. 191–211]. Наконец, окуневцы нашли оптимальный вариант упряжи – ременное оголовье (рис. 16.1.7-8).

Как видно из этой подборки рисунков, в распоряжении окуневцев были лошади с различным экстерьером. У лошадей их Лебязьего, как и с наскального рисунка г. Сулек (рис. 16.1.5), изображена короткая торчащая грива, как у лошади Пржевальского. В то же время у обеих лошадей длинные волосы на хвосте начинаются от самого его основания. Это позволяет предположить, что здесь изображены гибриды диких лошадей, прошедшие начальную стадию доместикации. Другой признак гибридизации – густые чёлки – отмечены в наскальной композиции Изирых-Тас (рис. 16.1.10). Здесь также изображена лошадь с длинными ногами, маленькой головой и изогнутой шеей, что выгодно

1.1–1.16. Рисунки лошадей и повозок на плитах из окуневских могил;
1.17–1.18. Варианты реконструкций;

2.1–2.2. Окуневские изображения запряжки быков с петлей через нос;
2.3. Современная запряжка с петлей через нос

Рис. 16 / Fig. 16. Изображения повозок и упряжных быков / Images of wagons and team oxen

Источник: рисунок автора по [10]

отличает её от соседних изображений. Возможно, это пример дальнейшей успешной доместикации лошадей (рис. 16.1.10).

Проявление окуневского присутствия в Хараппском материале

Сравнительно небольшое количество вещей, найденных в хараппских городах, можно соотнести с окуневскими образца-

ми. Самым интересным явлением можно считать сходство ножей из медных сплавов. Это сравнительно небольшие двулезвийные экземпляры с пластинчатым насадом. Пропорции насада и лезвия могут значительно различаться. Интересно, что такие же ножи появляются в III тыс. до н. э. в Средней Азии, Анатолии, в комплексах ямной и катакомбной культуры. В

отличие от окуневских, индийские и аنا-толийские ножи имеют сквозные отверстия в лезвии для крепления деревянных или костяных рукоятей. Височные кольца из медных сплавов также встречаются повсеместно, как и каменные тѣсла. То есть при всѣм сходстве основных инвентарных наборов яркие этнизирующие предметы выделить пока не удаётся (рис. 17).

Более перспективно выглядят поиски соответствий с окуневской керамикой. На фоне гончарной крашеной харапской керамики появляются экземпляры с накольчатым орнаментом. Это простые баночные формы с накольчатым орнаментом на днищах (рис. 18.7-10).

По всей видимости, вся окуневская орнаментация для местных гончаров со

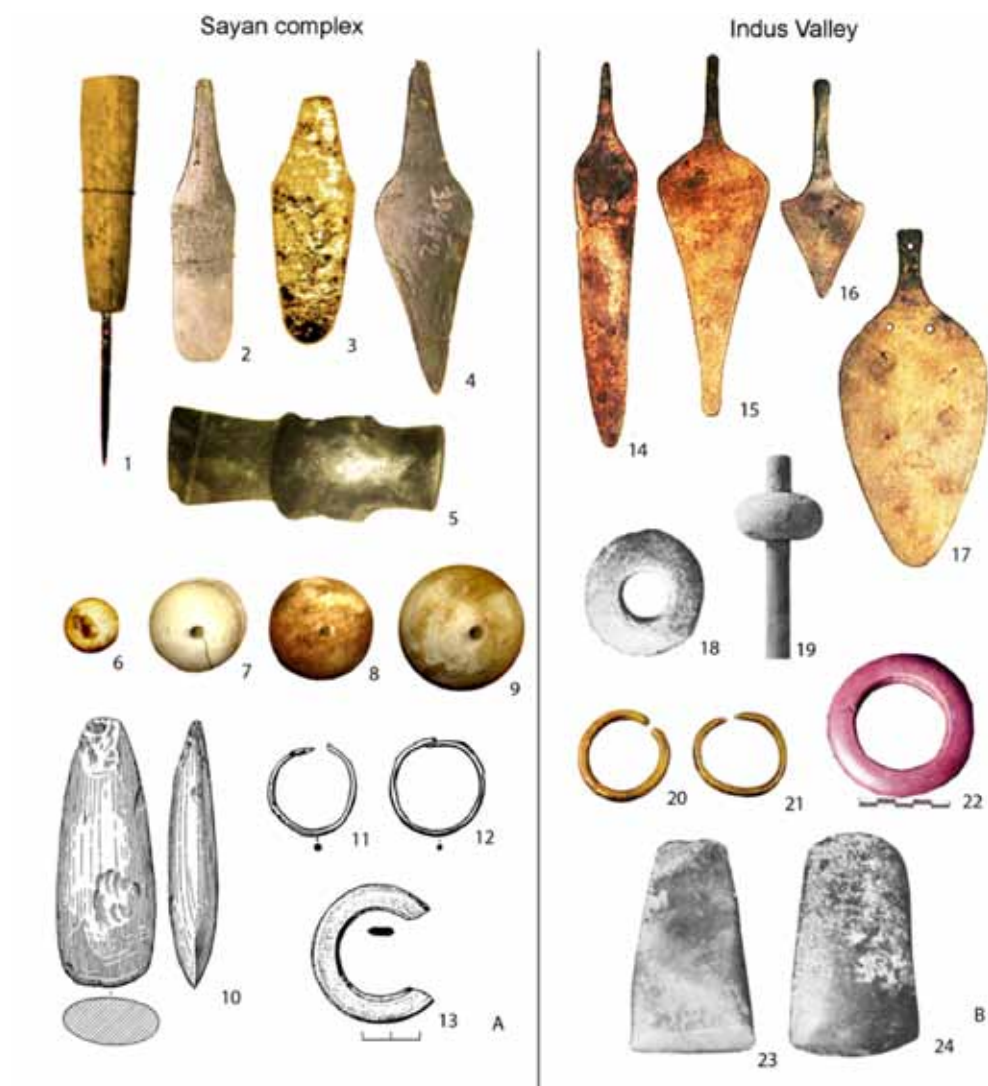

Рис. 17 / Fig. 17. Инвентарные наборы окуневской и харапской культур / Inventory sets of Okunev and Harappan cultures

Источник: рисунки автора; Indus or Harappan Civilization: [сайт]. URL: Harappa.com (дата обращения: 24.08.2024)

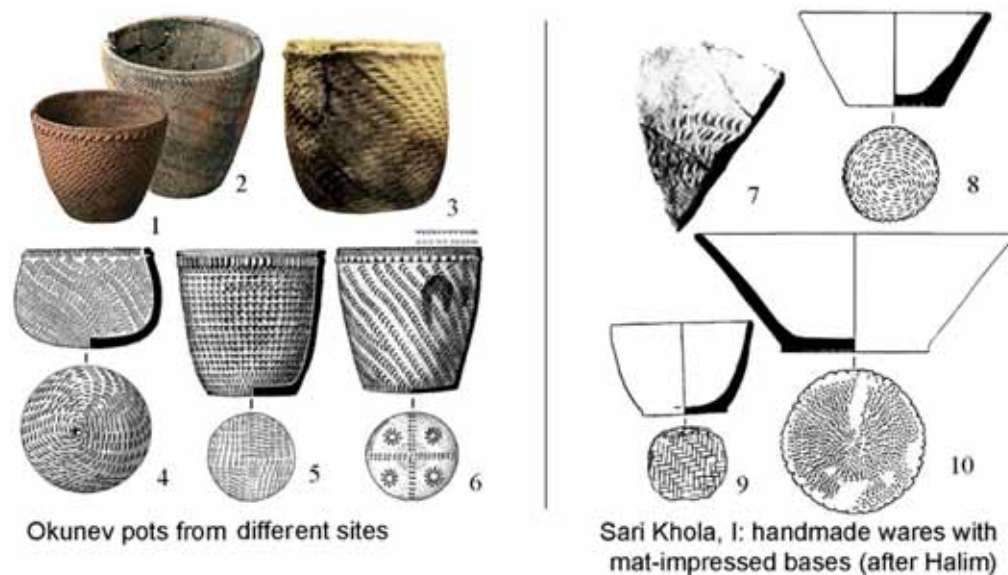

Рис. 18 / Fig. 18. Керамика из окуневских и харапских комплексов / Ceramics from Okunev and Harappan complexes

Источник: рисунки автора, Indus or Harappan Civilization: [сайт]. URL: Harappa.com (дата обращения: 24.08.2024)

временем свелась к наиболее необычному элементу – орнаментированному дну сосудов. Именно на дне сосудов создавались солярные композиции, а значит, этот элемент орнамента имел мифологический оттенок.

Окуневские сосуды лепились вручную ленточным набором с донным начинком. Орнамент покрывал всю поверхность, включая венчик и дно (рис. 18).

В ведической литературе этот способ изготовления керамики описывается как ритуальный. В Упанишадах и Брахманах противопоставляется удобная богам посуда, сделанная вручную и неподходящая для жертвоприношения – сделанная на круге. «Одни сосуды сделаны на круге, другие без круга. Что скручено на круге, принадлежит асурам, что сделано без круга принадлежит богам». Поэтому для жертвоприношения *агнихотра* надо сделать горшок без круга (Катха-чакха самхита; Каписгхала-катха самхита; Тайтирья самхита) [5].

К таблице импортов Э. Маккей отнёс и специфическую керамику с розетками на дне, выполненными штампом по сырой глине, в то время как индийская керамика является исключительно расписной [12].

Таким образом, в культуре поздней Харалпы отчётливо ощущается системное влияние на идеологическом уровне. Создаётся впечатление, что окуневцы не жили в харапских городах, предпочитая более привычный образ жизни в предгорьях, где и были найдены окуневские петроглифы.

Однако их обряды, непосредственно связанные с мифологией, явно производили большое впечатление на создателей поздних харапских печатей с изображениями рогатых божеств и со сценами жертвоприношений. Поскольку среди окуневских рисунков не видно самого ритуала, то харапские печати, в некотором смысле, заполняют эту лауну. Здесь изображены сцены жертвоприношения

быка в присутствии рогатой богини; сцена борьбы героя с быком; солнцеголовая богиня побеждает диких зверей и т. п. (рис. 19). Конечно, эти сцены уже наполнены местным колоритом: здесь присутствуют слоны, крокодилы, тигры. Это естественно, т. к. местные мастера, изготавлившие печати, по-своему переосмыслили и гимны, и ритуалы. Именно отсутствие самих окуневских вещей в материалах Хараппы свидетельствует о том, что саянские мигранты не были непосредственной причиной упадка урбанистической цивилизации. Однако их, пожалуй, можно обвинить в косвенном

влиянии на этот процесс. Ранее огромные усилия всего общества Хараппы были направлены на поддержание жизнедеятельности городов: контроль за работой систем водоснабжения и канализации и т. п.

Мигранты, по всей видимости, вели и прославляли пасторальный образ жизни. Их боги защищали простых скотоводов и требовали жертв во имя сохранения и развития такого общества. С приходом нового населения в Хараппе сменился вектор социального развития: местные жители стали селиться вне городов и вести натуральное хозяйство. В результате

Рис. 19 / Fig. 19. Печати. Хараппа / Prints. Harappa

Источник: Indus or Harappan Civilization: [сайт]. URL: Harappa.com (дата обращения: 24.08.2024)

этих процессов города с их скученным образом жизни и, как следствие, с болезнями и грязью, стали менее привлекательны и постепенно были заброшены.

Возникает закономерный вопрос: почему население Хараппской цивилизации, а позднее и других цивилизационных центров, восприняло культуру мигрантов и перешло на чужой язык?

В широко распространённых представлениях об ариях они должны были быть воинственными кочевниками, подчиняющими себе другие народы «огнём и мечом». Однако археологических свидетельств такой инвазии не было найдено.

Конечно, окуневцы вряд ли обладали военной мощью, способной нанести какой-либо урон Хараппской цивилизации. Маловероятно, что количество мигрантов было таково, что способно было ассимилировать местное население. Более того, само кастовое деление должно было предотвратить смешивание с аборигенами. Однако влияние пришельцев на местную культуру могло выражаться в мощном идеологическом воздействии. Гимны богам и героям, по всей видимости, сопровождалась яркими ритуалами и театральными представлениями. Употребление галлюциногенов наверняка придавало этим обрядам особую привлекательность. Новый язык, который принесли с собой мигранты, был языком этой новой религии, поэтому быстро распространялся среди местного населения.

Заключение

Анализ окуневских реалий позволяет сделать несколько выводов.

1. Окуневская миграция относится к элитарному типу миграций. В процессе адаптации пришельцы передают свой культурный потенциал, включая язык, мировоззрение, обряды и общественное устройство.

2. Окуневский комплекс зафиксировал мощный мировоззренческий пласт, относящийся к древнейшим стадиям развития – III – началу II тыс. до н. э.

3. Искусство окуневцев как особый вид коммуникации внутри общества способно передать основы древнего мировоззрения через тысячелетия до современного человека. В некотором смысле искусство более надёжный проводник идей и образов, чем письменность, хотя и зависит от его адекватной интерпретации.

4. Мировоззренческие основы философии окуневцев можно рассматривать как древнюю платформу, единую для древних народов Северной Евразии. В центре этого мировоззрения стоит женское божество с признаками всеобщности – основа миропорядка. Рождаемый этим божеством зверь старается разрушить мироустройство, но мир восстанавливается, благодаря кровавому жертвоприношению, которое приносит культурный герой, убивающий Зверя. По всей видимости, эта жертва является обязательным условием восстановления стабильности.

5. Окуневская миграция на юг является фактом, который свидетельствует о переносе философских воззрений окуневцев в среду поздне-Хараппского населения.

6. Инновационные процессы, фиксирующиеся в глиптике и искусстве поздней Хараппы, непосредственно связаны с приходом окуневского населения. Влияние окуневского мировоззрения можно выявить в структурных соответствиях между окуневскими реалиями и отражением их в гимнах Ригvedы, в глиптике и искусстве Хараппы.

7. Характер окуневской миграции не имеет признаков инвазии. Мировоззрение окуневцев через ритуал оказывало непосредственное воздействие на ментальность местного населения. В некотором смысле его можно сравнить с миссионерской деятельностью.

8. Гимны Ригvedы столетиями сохранялись в устной традиции в условиях чуждого языкового и культурного окружения Северной Индии. Это не могло не

сказаться на состоянии гимнов – тексты хранили осколки исходного варианта Ригведы насыщены местной топонимикой. К счастью, индийские адепты сохранили гимнов до времени их фиксации в текстах Ригведы.

Дата поступления в редакцию 20.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Вадецкая Э. Б. Сибирские курьезы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
2. Громов А. В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология / сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб, 1997. С. 301–345.
3. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.
4. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Т. 2 / сост. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. С. 509.
5. Елизаренкова Т. Я. История и культура Древней Индии. М.: МГУ, 1990. 12 с.
6. Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1. С. 62–76.
7. Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 65–73.
8. Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: МГУ, 1986. 295 с.
9. Кубарев В. Д. Памятники Каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2010. 262 с.
10. Леонтьев Н. В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник-2. Культура и её окружение / редкол. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб., 2006. С. 222–236.
11. Липский А. Н., Вадецкая Э. Б. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник-2. Культура и её окружение / редкол. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб., 2006. С. 9–52.
12. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда / пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М. Изд-во иностр. лит-ры, 1951. 180 с.
13. Мачинский Д. А. Уникальный сакральный центр III – сер. I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997. С. 265–287.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаичные памятники. М.: Вост. лит. РАН, 2004. 460 с.
15. Миклашевич Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник-2. Культура и её окружение / редкол. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский, А. Наглер, К. В. Чугунов. СПб, 2006. С. 191–211.
16. Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья. Альбом. Л.: Аврора, 1981. 159 с.
17. Подольский М. Л. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным / отв. ред Э. Л. Львова. Томск, 1985. С. 111–114.
18. Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // Советская археология. 1973. № 3. С. 265–276.
19. Соколова Л. А. Многокомпонентность в Окуневской культурной традиции // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. С. 464–467.
20. Соколова Л. А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // Археология, антропология и этнография Евразии. 2007. № 2. С. 41–51.
21. Bruneau L., Bellezza J. V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh – Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the ‘Western Tibetan Plateau Style’ // Revue d’Etudes Tibétaines. 2013. № 28. P. 5–161.
22. Jettmar K. Between Gandhāra and the silk roads: Rock-carvings along the Karakorum highway. London, 1987. 60 p.

23. Kalhoro Z. A. The discovery of Rock Painting in Sindh // Journal of the Pakistan History Society. 2014. Vol. LXII. № 3. P. 73–90.
24. Rau W. Ist Vediche Arhaologie meglisch? // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Supplement III, 1 (XIX Deutsche Orientalistentag). Wiesbaden. 1977. S.L. XXXIII-C.P.

REFERENCES

1. Vadetskaya E. B. [Siberian incense burners]. In: *KIA* [KSIA], 1986, vol. 185, pp. 50–59.
2. Gromov A. V. [Origin and connections of the Okunevsky population of the Minusinsk Basin]. In: Savinov D. G., Podolsky M. L., eds. *Okunevskiy sbornik* [Okunevsky collection]. St. Petersburg, 1997, pp. 301–345.
3. Devlet M. A. *Petroglify Mugur-Sargola* [Petroglyphs of Mugur-Sargol]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 271 p.
4. Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N. [The world of things according to the Rigveda]. In: Elizarenkova T. Ya., ed. *Rigveda* [Rigveda. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1999, p. 509.
5. Elizarenkova T. Ya. *Istoriya i kultura Drevney Indii* [History and Culture of Ancient India]. Moscow, MGU Publ., 1990. 12 p.
6. Zaika A. L. [Faces in the Rock Art of the Lower Angara]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2012, no. 1, pp. 62–76.
7. Zyablin L. P. [Neolithic settlement Unyuk on the Upper Yenisei]. In: Smirnov A. P., ed. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archeology of the Urals and Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 65–73.
8. Kyzlasov L. R. *Drevneyshaya Khakasiya* [Ancient Khakassia]. Moscow, MGU Publ., 1986. 295 p.
9. Kubarev V. D. *Pamyatniki Karakolskoy kultury Altaya* [Monuments of the Karakol culture of Altai]. Novosibirsk, 2010. 262 p.
10. Leontiev N. V. [Stele from the Askiz River (the image of a male deity in Okunev fine art)]. In: Savinov D. G., Podolsky M. L., Nagler A., Chugunov K. V., eds. *Okunevskiy sbornik-2. Kultura i yeye okruzheniye* [Okunev collection-2. Culture and its environment]. St. Petersburg, 2006, pp. 222–236.
11. Lipskiy A. N., Vadetskaya E. B. [Burial ground Tas-Khazaa]. In: Savinov D. G., Podolskiy M. L., Nagler A., Chugunov K. V., eds. *Okunevskiy sbornik-2. Kultura i yeye okruzheniye* [Okunevskiy sbornik-2. Culture and its environment]. St. Petersburg, 2006, pp. 9–52.
12. Mackay E. *The most ancient culture of the Indus Valley* (Rus. ed.: Grakova-Sviridova M. B., transl. *Drevney kulturnaya dolina Inda*). Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry Publ., 1951. 180 p.)
13. Machinskiy D. A. [Unique sacred center of the 3rd – middle of the 1st millennium BC in the Khakas-Minusinsk Basin]. In: Savinov D. G., Podolsky M. L., eds. *Okunevskiy sbornik. Kul'tura, iskusstvo, antropologiya* [Okunev collection. Culture, art, anthropology]. St. Petersburg, 1997, pp. 265–287.
14. Meletinsky E. M. *Proiskhozhdeniye geroicheskoy eposa: ranniye formy i arkhainnyye pamyatniki* [The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow, Vost. lit. RAN Publ., 2004. 460 p.
15. Miklashevich E. A. [Okunev Horses: On the Problem of the Appearance of the Domesticated Horse in Southern Siberia]. In: Savinov D. G., Podolskiy M. L., Nagler A., Chugunov K. V., eds. *Okunevskiy sbornik-2. Kultura i yeye okruzheniye* [Okunevskiy sbornik-2. Culture and its environment]. St. Petersburg, 2006, pp. 191–211.
16. Okladnikov A. P. *Drevneye iskusstvo Priamurya. Albom* [Ancient Art of the Amur Region. Album]. Leningrad, Avror Publ., 1981. 159 p.
17. Podolsky M. L. [On the ideological features of the Siberian fine art of the Bronze Age (Okunev masks)]. In: Lvova E. L., ed. *Mirovozzreniye narodov Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym* [Worldview of the peoples of Western Siberia based on archaeological and ethnographic data]. Tomsk, 1985, pp. 111–114.
18. Podolsky N. L. [On the principles of dating rock art. Regarding the book by A. A. Formozov "Essays on primitive art"]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1973, no. 3, pp. 265–276.
19. Sokolova L. A. [Multicomponent nature in the Okunev cultural tradition]. In: Derevyanko A. P., Molodin V. I., eds. *Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda. T. 1* [Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress. Vol. 1]. Novosibirsk, 2006, pp. 464–467.
20. Sokolova L. A. [Okunevskaya cultural tradition in the stratigraphic aspect]. In: *Arkheologiya, an-*

- tropologiya i etnografiya Yevrazii* [Archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia], 2007, no. 2, pp. 41–51.
21. Bruneau L., Bellezza J. V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh – Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the ‘Western Tibetan Plateau Style’. In: *Revue d’Etudes Tibétaines*, 2013, no. 28, pp. 5–161.
 22. Jettmar K. *Between Gandhāra and the silk roads: Rock-carvings along the Karakorum highway*. London, 1987. 60 p.
 23. Kalhoro Z. A. The discovery of Rock Painting in Sindh. In: *Journal of the Pakistan History Society*, 2014, vol. LXII, no. 3, pp. 73–90.
 24. Rau W. Ist Vediche Arhaologie meglisch? In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Supplement III, 1 (XIX Deutsche Orientalistentag)*. Wiesbaden. 1977. S.L. XXXIII-C.P.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Людмила Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН;
e-mail: lasokol007@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Sokolova – Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences;
e-mail: lasokol007@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколова Л. А. Арийская миграция: новые факты и аналитика // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 39–63.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-39-63

FOR CITATION

Sokolova L. A. Aryan migration: new facts and analysis. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 39–63.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-39-63

УДК 902/904

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-64-78

ПОКРЫТИЯ НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ: ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОБЗОР НАХОДОК

Авилова Л. И.*Институт археологии Российской академии наук**117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обзор археологических находок IV–III тыс. до н. э. с территории Юга Европейской России и Ближнего Востока, на которых имеются поверхностные покрытия из различных металлов.

Процедура и методы. Создана выборка древних бронзовых предметов с металлическими покрытиями, сделана классификация изделий в зависимости от их функции и хронологии, дана характеристика способа нанесения и материала покрытий.

Результаты. По научным публикациям собрана серия бронзовых артефактов IV–III тыс. до н. э., выявлена их общая черта – наличие покрытий, выполненных из серебра, золота, мышьяка и олова. Установлено, что покрытия наносились разными способами: их закрепляли механически в виде фольги (инкрустация); листовых накладок; получали в ходе сложных технологических процессов ливки, лужения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Металлические изделия с покрытиями (инкрустациями) являются характерной чертой металлопроизводства на территории Циркумпонтийской металлургической провинции раннего и среднего периодов бронзового века. В обществе IV–III тыс. до н. э. изделия из золота и серебра являлись маркерами высокого социального статуса их владельцев и отражали формирование слоя элиты.

Ключевые слова: Циркумпонтийская историко-культурная зона, бронзовый век, археологические находки, металлопроизводство, покрытия, металлы, сплавы

Благодарности. Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

COATINGS ON BRONZE OBJECTS FROM THE CIRCUMPONTIC HISTORICAL AND CULTURAL ZONE: DYNAMICS OF SPREAD AND FINDS OVERVIEW

L. Avilova*The Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences**ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review archaeological finds of IV–III millennium BC from the territory of South European Russia and the Near East which have surface coatings of various metals.

Methodology. A selection of ancient bronze objects with metal coatings is compiled, classification of products depending on their function and chronology is given, characteristics of the method of coating application and material are listed.

Results. A series of bronze artifacts of IV–III millennia BC was collected from academic publications, their common feature was revealed – the presence of coatings made of silver, gold, arsenic and tin. It was discovered that the coatings were applied in various ways: they were fixed mechanically in the form of foil inlay; plaits; obtained during complex technological processes of liquation, tinning.

Research implications. It was established that metal products with coatings (inlays) constitute a characteristic feature of metal production within the Circumpontic metallurgical province of the Early and Middle periods of the Bronze Age. In the society of the IV–III millennium BC gold and silver items were markers of the high social status of their owners and reflected formation of the elite layer.

Keywords: Circumpontic historical and cultural zone, Bronze Age, archeological finds, metal production, coatings, metals, alloys

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of NIOKTR 122011200270-0 “Dynamics of the development of spiritual and material culture in the Eneolithic – Bronze Age (Southeast Europe, Caucasus, Front East)”.

Введение

В данной публикации внимание автора сосредоточено на наблюдаемых на ряде древних бронзовых изделий поверхностных покрытиях из различных металлов, в т. ч. драгоценных. Применение на бронзовых изделиях покрытий из других металлов – специфическая черта древнего металлопроизводства, отражённая в археологическом материале.

В работе предпринята попытка охарактеризовать динамику распространения покрытий разных типов, обнаруженных на находках из Циркумпонтийской историко-культурной зоны, датируемых IV–III тыс. до н. э. Собранный материал происходит с территории Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Анатолии. С целью анализа и выявления специфики находки рассматриваются по функциональным категориям и типам покрытий (технологии их нанесения) с учётом их территориально-хронологической принадлежности.

При описании технических приёмов создания покрытий автором используются термины из области материаловедения¹. Приведём некоторые термины и дадим пояснения по содержанию.

Покрытие – создание на объекте поверхностного слоя из другого материала. Целью нанесения покрытия является

улучшение поверхностных свойств основного материала, таких как внешний вид, стойкость к коррозии. Покрытия могут наноситься в жидкой, газообразной или твёрдой фазах, но в результате они составляют одно целое с основным материалом. Покрытия обычно наносятся на рабочую часть изделия, реже – на всю поверхность. Покрытия могут быть листовыми, создаваемыми из тонких пластин металла (фольги) (*plating*), или выполняться в ходе термически регулируемых процессов, в частности, ликвации, лужения (*coating*).

Инкрустация – ряд техник в скульптуре и декоративно-прикладном искусстве, применяемых для вставки фрагментов из контрастных, часто отличающихся по цвету от фона, материалов в углубления основного объекта для создания орнамента или рисунка. Поверхность инкрустации обычно находится на одном уровне с матрицей.

Ликвация – процесс разделения веществ в растворе или расплаве в химии, геохимии и металлургии. В металлургии также – сегрегация (*inverse segregation*), неоднородность химического состава, возникающая при кристаллизации металла.

Лужение – нанесение тонкого слоя расплавленного оловянного припоя на поверхность металлических изделий, при этом поверхность приобретает характерный серебристый цвет.

¹ Лахтин Ю. М., Леонтьева В. П. Материаловедение: учеб. М.: Машиностроение, 1990. 493 с.

Производство металла в IV – начале III тыс. до н. э. характеризуется доминированием мышьяковой бронзы: именно она была основным искусственным сплавом на обширной территории Евразии, прежде всего, в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) эпохи ранней – средней бронзы.

Концентрация мышьяка в сплаве определяет цвет бронз (от красного до золотистого и серебристо-серого). На ряде изделий, отлитых из бронзы с концентрацией мышьяка 4–6%, могут наблюдаться серебристые покрытия, полученные с помощью определённых технологических приёмов [8]. Впервые на серебристые покрытия на бронзовых статуэтках быков из царского некрополя второй половины III тыс. до н. э. Хорозтепе в Центральной Анатолии обратил внимание С. Смит [30, р. 96, fig. 1]. В литературе высказывались различные взгляды по поводу происхождения серебристого слоя на поверхности древних бронз [24, р. 115]. Ряд исследователей в 1970-е гг. писали о том, что в Центральной Анатолии изделия с имитацией серебряной поверхности, скорее всего, получали методом обратной ликвации (*inverse segregation*) [15, р. 175–177]. О мышьяковых покрытиях на изделиях из могольника Аладжахюк пишет П. де Джисус как о целенаправленной имитации серебра [20, р. 184]. Позже при исследовании нескольких фигурок из Хорозтепе было установлено, что они отлиты из мышьяковой бронзы, а серебристый слой получен как результат процесса ликвации [29, р. 327].

Для понимания процесса получения специфических серебристых покрытий решающую роль играют результаты аналитических исследований. В ряде отечественных публикаций, основанных на применении современной аналитической методики и моделировании древних производственных процессов, была представлена конкретная информация о способах и процессах получения таких покрытий на бронзовых кинжалах из май-

копских памятников Северного Кавказа (IV тыс. до н. э.) и Усатовских курганов Северного Причерноморья (конец IV – начало III тыс. до н. э.) [7; 8; 9].

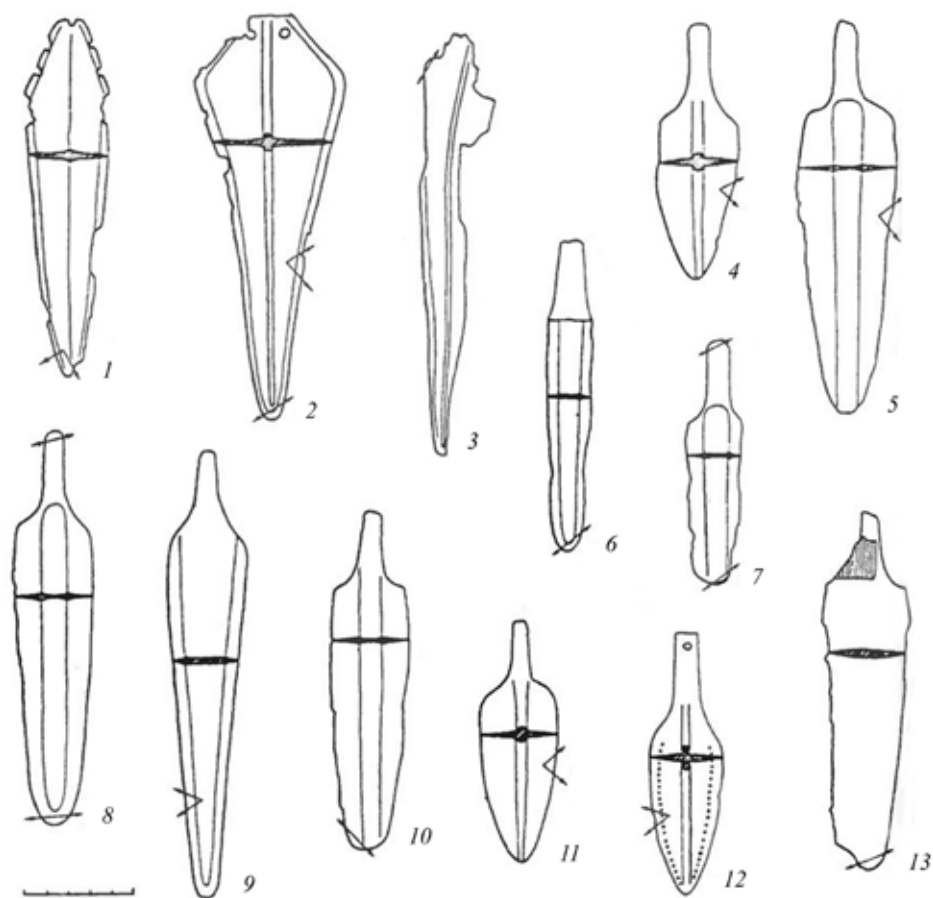
Проведённые отечественными специалистами историко-металлургические исследования позволили выявить механизмы образования серебристого слоя на поверхности бронзовых изделий. Удалось разграничить естественные и искусственные серебристые покрытия, причём было выделено 3 их разновидности, различные по происхождению:

1. покрытия, возникающие в результате обратной ликвации мышьяка по ходу расслаивания компонентов сплава при литье;
2. диффузионная, когда происходит восстановление мышьяка на поверхности изделия в результате нагрева;
3. формируется за счёт коррозии металла.

Все 3 разновидности покрытий были зафиксированы на изделиях майкопской и усатовской культур раннебронзового века [8].

Изделия с покрытиями с территории Северного Причерноморья и Предкавказья

Было предпринято металлографическое исследование 15 кинжалов майкопской культуры с мышьяковым покрытием на поверхности (рис. 1.4–1.13). Все они относились к позднему (новосвободненскому) этапу культуры, причём 9 кинжалов связаны непосредственно с курганами ст. Новосвободной (урочище Клады). Все кинжалы были изготовлены из медно-мышьякового сплава. Установлена связь кинжалов с серебристым покрытием с высокоранговыми погребальными комплексами: из 15 «серебристых» кинжалов 12 найдены в элитарных комплексах с престижным инвентарём [4, с. 97–99]. Ещё ранее В. М. Массон писал, что представители элиты в майкопском обществе IV тыс. до н. э. являлись военными вожди или лидеры племенной знати [5, с. 103–107].

1. Утконосовка, кург. 5;
 2–3. Усатово, 1-й курганный могильник, кург. 3 и кург. 1;
 4, 9, 11, 12. Урочище Клады, кург. 31, погр. 5;
 5. Станица Тимашевская случайная находка;
 6. Черем II, кург. 55, погр. 1;
 7. Черем II, кург. 21, погр. 5;
 8. Черем II, случайная находка;
 10. Черем II, кург. 36, погр. 1;
 13. Станица Новосвободная

Рис. 1 / Fig. 1. Бронзовые кинжалы усатовской и майкопской культур со следами серебристых покрытий. Места взятия металлографических шлифов показаны секущей / Bronze daggers of the Usatovo and Maykop cultures with traces of silver coatings. Locations of metallographic thin sections are shown by the secant

Источник: [8]

О назначении так называемых «больших усатовских кинжалов» с серебристым покрытием высказывались аналогичные предположения. Н. В. Рындина и Л. В. Конькова зафиксировали на кинжалах из Усатовских курганов (рис. 1.1–1.3) микроструктуры второго типа [9, с. 34–35]. Поскольку серебристый поверхностный слой был тонким и недолговечным,

он стирался при повторной заточке лезвий. Это дало авторам исследования основания предположить, что данные кинжалы использовались не в качестве боевого оружия, а как изделия символического назначения и, возможно, были специально изготовлены для погребения. Такое мнение подкрепляется их происхождением из больших курганов с цен-

тральными погребениями элитарного характера в 1 Усатовском могильнике. Подобно майкопским, усатовские кинжалы имитировали серебряные изделия и являлись маркёрами высокого социального статуса погребённых [7; 9].

Изделия с покрытиями с территории Ближнего Востока

Обратимся к материалам Ближнего Востока. Среди древнейших находок, на которых установлено применение декоративных покрытий, – клад оружия из слоя VIA городского поселения Арслантепе в Восточной Анатолии. Здесь функционировал обширный дворцово-культурный комплекс, построенный по канонам урукской архитектуры [26, р. 315–325]. Он датируется по радиоуглероду 3300–3000 до н. э. [10, р. 578] и отражает сильнейшее воздействие позднеурукской культуры на земли Восточной Анатолии [16]. В слоях Арслантепе VII и VI обнаружены многочисленные следы металлопроизводства. В период VIA оно было весьма развитым морфологически и технологически и концентрировалось на территории дворцового комплекса [14, fig. XIII.1].

Клад был найден в помещении A113 («Зал оружия») дворцового здания III и состоял из 12 черенковых листовидных копий длиной 42–53,7 см, 9 мечей (длинной 46–62 см) с цельнолитой рукоятью и плоской 4-хспиральной бляхи [15, fig. XIII.3.1–3.5, 3.9; XIII.6.1; 27, р. 104, 109, fig. 3.1–3.4] (рис. 2). Все предметы изготовлены из мышьяковой бронзы с концентрацией As от 2,09% до 6,54% [13, р. 119]. Рукояти 3 мечей украшены инкрустированными узорами из серебряной фольги, образующих композиции в виде треугольников и зигзагов (рис. 2.8, 2.10–2.11).

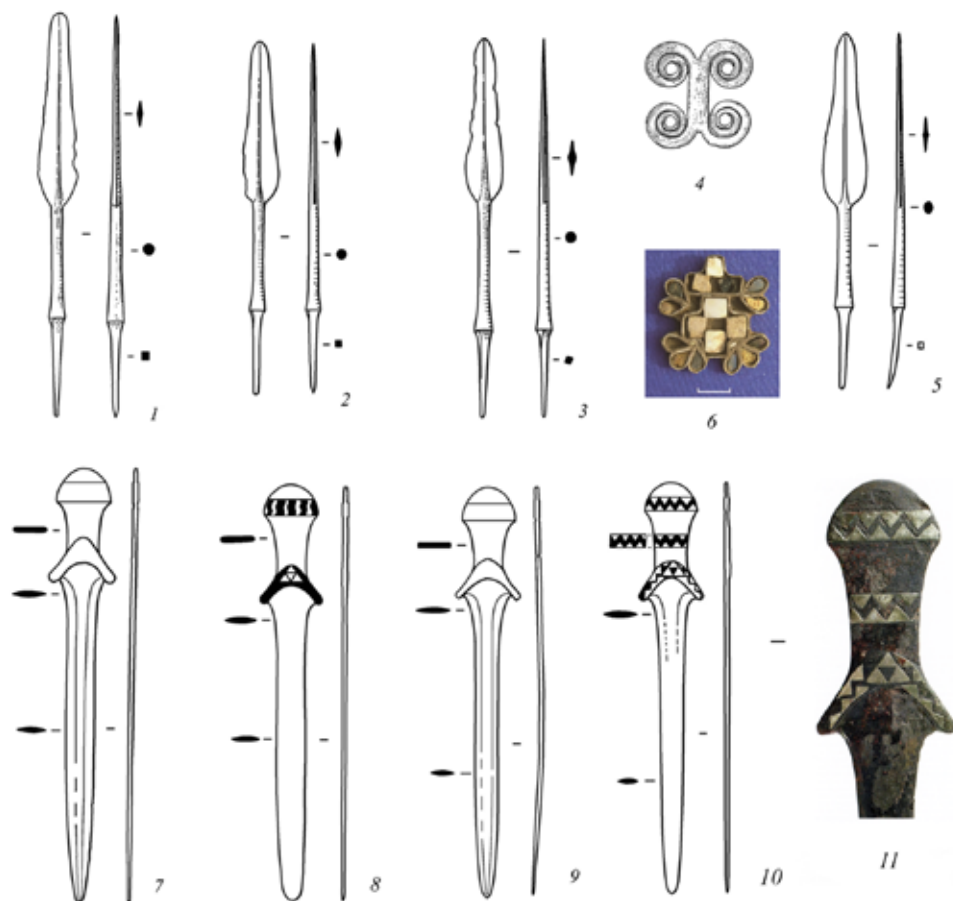
Это древнейшие мечи и копья на Ближнем Востоке. Копья не имеют существенных морфологических особенностей, тогда как мечи практически непригодны для использования в качестве боевого оружия. Их лезвия заточены, но

плоская рукоять по толщине равна лезвию, что делает их неудобными для боя, тогда как их внешние характеристики вполне соответствуют церемониальному назначению. Мечи и копья первоначально висели на стене зала или стояли на полу у стены, что указывает на их целенаправленную демонстрацию в качестве предметов ритуального/символического назначения. Можно полагать, что к этому набору парадного оружия имели доступ представители местной элиты.

Следующий период Арслантепе VIB также даёт важную информацию о развитии металлопроизводства на поселении. Она связана с уникальным комплексом, известным как Царская гробница. Стратиграфически гробница позже дворцового здания и была сооружена вскоре после его разрушения (датируется по ^{14}C 3085 и 2900 Cal BC) [17, р. 135]. Находки из гробницы свидетельствуют о высокой ценности и разнообразии способов применения серебра.

В центральном погребении в камере из каменных плит был захоронен мужчина, на перекрытии могилы находились останки ещё 4 погребённых. Гробница принадлежала лицу высокого социального ранга, о чём свидетельствуют богатство и специфика инвентаря, сложность конструкции и присутствие сопровождающих погребённых.

В центральной могиле был помещён богатый набор оружия и украшений (64 металлических предмета), в частности 2 меча, 2 кинжала и 9 наконечников черенковых листовидных копий длиной до 60 см [19]. Морфологически они идентичны копьям из клада в слое VIA. Был проведён химический анализ металла 59 находок из гробницы, который выявил 3 группы сплавов: мышьяковую бронзу (от 2% As и выше), сплав медь-мышьяк-никель и чрезвычайно редкий сплав меди с серебром с содержанием Ag от 23% до 65% (!). Количественно преобладали предметы из серебра и редко сплава серебра с медью. На их долю

1–3, 5, 7–10. Копья и мечи из клада в Арслантепе VIA;

4. Четырехспиральная бляха из клада в Арслантепе VIA;

6. Серебряная подвеска из поселения Арисман;

8, 10. Мечи с инкрустацией серебром;

11. Деталь: рукоять инкрустированного меча

Рис. 2 / Fig. 2. Металлические изделия IV тыс. до н. э. / Metal objects of 4th millennium BC

Источник: [18; 27]

приходилось более 30 находок, среди которых кинжал с блестящим серебристым покрытием [28]. Медно-серебряный сплав указывает на связь металла из гробницы с некоторыми находками из предшествующего дворцового комплекса VIA. Наиболее существенно в этом плане то, что на 1 копье из гробницы была обнаружена такая же инкрустация серебряной фольгой в виде треугольников, как и на рукоятях мечей из Зала оружия в слое VIA [14, fig. XIII.4.17]. Орнамен-

тация, выполненная путём инкрустации небольшими серебряными пластинами на заранее подготовленный предмет из бронзы для получения полихромного эффекта, несомненно, была сделана мастером-профессионалом. Кузнец должен был обладать высокой квалификацией и хорошими знаниями в области тореvтики. По мнению Дж. Ди Ночера, наконечники копий и мечи, найденные во дворце и в Царской гробнице в Арслантепе, могли быть изготовлены в одном металлур-

гическом центре, а возможно, и в одной мастерской [14, р. 266].

Ещё один комплекс изделий с покрытиями, близкий по времени, был открыт в том же регионе Восточной Анатолии на поселении Тюлентепе. При строительных работах был обнаружен небольшой клад, относящийся к позднему халколиту – РБВ I (конец IV – начало III тыс. до н. э.). Клад включает черенковый кинжал и 5 черенковых копий с листовидным пером, морфологически очень близких копиям из Арслантепе VIA и VIB. Аналитические исследования показали, что 2 копия были изготовлены из меди, 1 – из мышьяковой бронзы, ещё 2 копия и кинжал – из мышьяковой бронзы с примесью никеля. Неожиданными оказались результаты исследования предметов с помощью электронного сканирующего микроскопа: выяснилось, что все вещи имели оловянное покрытие [31], причём в 1 случае покрытие было двухслойным, т. е. копьё подверглось лужению дважды (рис. 3). Весь комплекс – наиболее ранний случай применения техники лужения на Ближнем Востоке [32, р. 129]. Видимо, целью применения этой технологии было имитировать внешний вид серебра. Дж. Мюли расценивает этот клад как доказательство экспериментов древних металлургов с новым материалом – оловом.

Следующим шагом в развитии технологии стало изготовление медно-оловянных сплавов [23, р. 866]. Возможно, металлурги Тюлентепе имитировали серебряное покрытие мечей и копья из Арслантепе, используя олово вместо серебра. Следует отметить, что до сих пор не опубликованы анализы серебряных (?) инкрустаций на мечах из храма в Арслантепе VIA и на копье из Царской гробницы в Арслантепе VIB. Следовательно, мы не знаем точного состава серебряистой фольги и не можем с полной уверенностью утверждать, что это именно серебро, а не олово.

Известен также ранний (IV тыс. до н. э.) случай инкрустации золотом. Это серебряная подвеска из поселения Арис-

ман с территории Иранского нагорья (рис. 2.6). Предмет украшен вставками из различных материалов – мрамора, гематита и золотой фольги [18, р. 45, Abb. 3]. Обнаружение свинцового глета на территории поселения однозначно свидетельствует, что уже в IV тыс. до н. э. здесь получали серебро из серебряно-свинцовых руд, т. е. уровень развития металлургии и металлообработки был весьма высоким.

Более широко бронзовые изделия с покрытиями или инкрустациями из других металлов распространяются на Ближнем Востоке во второй половине III тыс. до н. э., параллельно с общим ростом металлопроизводства и массовым применением драгоценных металлов для изготовления украшений, ценных и символически значимых вещей в РБВ III Анатолии и III Раннединастическом периоде в Месопотамии [1, с. 137–138, табл. 45–46; 3, с. 175].

Наиболее выразительные находки с покрытиями происходят из региона Центральной Анатолии. Ниже приводится краткий обзор находок такого рода из памятников второй половины III тыс. до н. э.

Из царского некрополя Аладжахюк в Центральной Анатолии происходит серия бронзовых статуэток на подставках (т. н. штандартов), изображающих рогатых животных – быков и оленей. Некоторые статуэтки украшены листовыми накладками и инкрустациями из драгоценных металлов. Всего из могильника известно 10 статуэток: 7 фигурок быков и 3 фигурки оленей. Штандарты, изображающие быков, найдены в гробницах С, D, E, H, K, L, T, оленей – в гробницах A, A1, B [21, pl. 62, 96, 97; 22, pl. 150, 162, 122, 130, 173, 190, 192]. Все животные странных пропорций, с удлинённой мордой, показаны в стоячей позе и закреплены на высоких разветвлённых подставках так, что каждая нога животного опирается на одну из ветвей.

Дадим краткое описание некоторых наиболее выразительных статуэток:

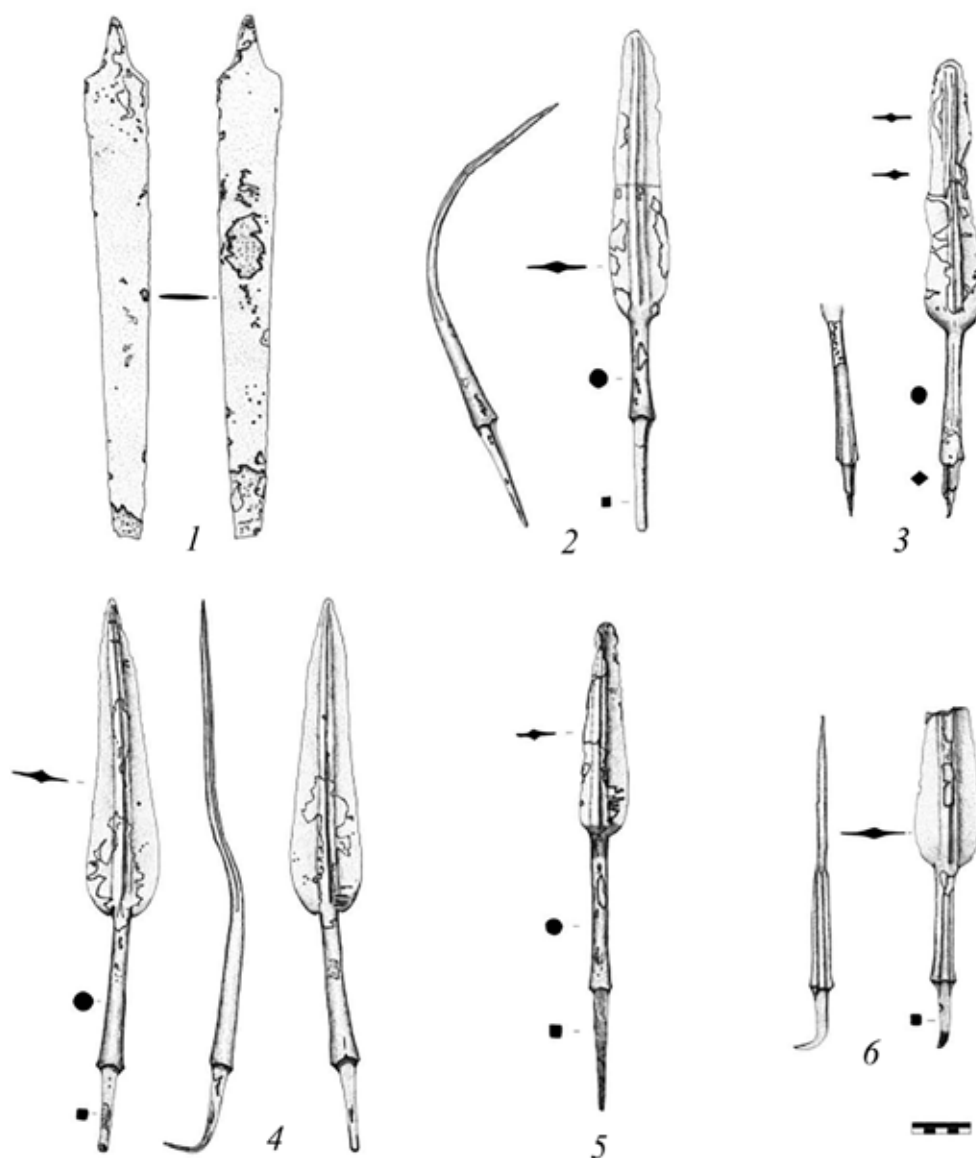

Рис. 3 / Fig. 3. Клад с поселения Тюленте / Hoard from the settlement of Tulintepе

Источник: [32]

1. штандарт из гробницы С, изображающий быка [21, рл. 97], имеет 48 см в высоту, на плечах животного – инкрустации из электрума в виде вертикально расположенных узких полосок (рис. 4.1). Аналогичные накладки-полоски обнаружены ещё на 2 статуэтках быков из гробниц В и Н и на фигурке оленя из гробницы L;

2. штандарт с фигуркой быка из гробницы L имеет 37 см в высоту (рис. 4.3) [22, р. 170, рл. СХСII]. Животному приданы обобщённые очертания. На туловище, шее и кончиках рогов находятся серебряные листовые накладки из широких пластин. На верхней части каждой ноги гравировкой нанесены орнаментальные

элементы в виде тройных концентрических кругов, заполненных серебром, а на лбу помещена инкрустация в форме треугольной пластины;

3. штандарт, увенчанный фигуркой оленя, найден в гробнице В (рис. 4.4), его высота 52,5 см. Огромные ветвистые рога, голова и уши животного покрыты серебряными пластинами (всего 3 пластины). Статуэтка отлита по частям, затем соединённым между собой. Туловище оленя богато орнаментировано: гравировка в виде 7 двойных концентрических кругов на боках, шею опоясывают 3 зигзагообразных линии, образующие фестоны, на плечах – мелкие крестовидные фигуры. Все декоративные элементы инкрустированы серебром. Кончик хвоста покрыт медной пластинкой [12, рл. ССII-ССV].

В некрополе Аладжахююк были найдены также антропоморфные статуэтки с покрытиями. Так, из гробницы L происходят 2 схематизированные женские фигурки, одна – из оловянной бронзы, вторая – серебряная. На бронзовой фигурке сохранилась только миниатюрная круглая золотая накладка в области уха, скорее всего, изображавшая серьгу. На серебряной статуэтке (высота 10,6 см) золотыми пластинами покрыты груди, на ногах – высокие золотые «сапожки» (рис. 4.6). Рентгенофлуоресцентный анализ выявил в золоте накладок значительную примесь серебра – 17% [33, tabl. 1], т. е. материал пластин ближе к электруму.

Ещё 1 схематическая статуэтка того же типа из гробницы A1 (рис. 4.5) высотой 7 см была отлита из серебра, а затем покрыта золотой фольгой, от которой сохранился лишь маленький фрагмент [33, р. 42, fig. 5].

Замечательная по мастерству изготовления статуэтка из центральноанатолийского памятника Хасаноглан не имеет археологического контекста. По стилистическим особенностям она датируется концом III тыс. до н. э. [11, по. 246]. Фигурка высотой 24 см отлита из серебра и украшена золотыми накладками и

деталью (рис. 4.2). Статуэтка изображает стоящую женщину, выполнена в реалистической манере, включая черты лица, пальцы рук и ног. Для нашей темы важно, что на статуэтке имеются золотые накладки: они покрывают голову и шею, черты лица переданы рельефом по золотой пластине, а причёска в виде зигзагообразной композиции показана гравировкой. Золотыми накладками покрыты также груди и пупок. На статуэтке имеются элементы костюма в виде перекрещенных на плечах золотых лент, свободно помещённых на торсе, и браслетов на щиколотках, выполненных из золотой проволоки. Исследование методом РФА позволило установить состав использованных металлов. В серебре, из которого отлита фигурка, присутствует незначительная примесь меди, а накладки и детали сделаны из золота с повышенным содержанием серебра (до 23%), т. е. и в данном случае материал близок к электруму [34]. Статуэтка представляет реалистический тип мелкой пластики, стилистически отличный от схематизированных статуэток Аладжи. При этом принцип использования декоративных накладок и покрытий из золота применяется на обоих типах фигурок. Можно полагать, что применение декоративных элементов и покрытий из золота является характерной чертой центральноанатолийской антропоморфной пластики конца III тыс. до н. э., тогда как на зооморфных фигурках чаще помещали серебряные накладки и инкрустации.

Кроме произведений пластики, с применением драгоценных листовых накладок изготавливались также нефункциональные реплики орудий труда [2]. Из нескольких комплексов того же элитарного некрополя Аладжи происходят своеобразные металлические предметы в виде стержней 10–15 см длиной с надетыми на них дисками, определяемые авторами раскопок как веретена с пряслицами. В погребении L веретено было сделано из серебра, а его верхняя часть была обтя-

1. Аладжахююк, гробница С;
2. Хасаноглан;
3. Аладжахююк, гробница L;
4. Аладжахююк, гробница В;

5. Аладжахююк, гробница А1;
6. Аладжахююк, гробница L;
7. Аладжахююк, гробница L;
8. Хорозтепе

Рис. 4 / Fig. 4. Металлические изделия второй половины III тыс. до н. э. из Центральной Анатолии / Metal products of the second half of the 3rd millennium BC from Central Anatolia

Источники: [11; 22; 33]

нута золотой фольгой [22, p. 169, pl. 197, fig. 1] (рис. 4.7). Среди материалов разрушенного царского могильника Хорозтепе в Центральной Анатолии также было найдено металлическое веретено, сделанное из электрума. Его стержень имеет форму уплощённого бруска с чётко выделенной грибовидной головкой, верхняя часть

предмета также покрыта золотой фольгой [25, pl. 8.2] (рис. 4.8).

Заключение

Подведём некоторые итоги. Наиболее ранние находки с аналитически подтверждёнными фактами применения покрытий относятся к майкопским древ-

ностям. Серебристые мышьяковые покрытия получены целенаправленно на кинжалах, отлитых из типично кавказской мышьяковой бронзы с применением сложных технологических операций, требующих глубоких знаний и умения управлять термическими процессами. Освоение методов получения серебристого покрытия, прослеженного на поверхности майкопских кинжалов, свидетельствует о высочайших достижениях северокавказских мастеров эпохи ранней бронзы в области металлопроизводства. Они изготавливали обширный репертуар изделий, среди которых было парадное и символическое оружие – кинжалы с серебристой поверхностью, специально предназначенные для погребального обряда.

Что касается хронологии, то памятники новосвободненского этапа майкопской культуры, с которыми связаны кинжалы с серебристой поверхностью, датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. Усатовские экземпляры оказываются несколько более поздними, относящимися к концу IV – середине III тыс. до н. э. Уверенно указать центры металлопроизводства, откуда распространялись технологии покрытий, сегодня вряд ли возможно. Но учитывая хронологию находок, можно предполагать, что открытие соответствующих технологий было сделано на Северном Кавказе [6, с. 170–171; 9, с. 41], а оттуда распространилось в Северное Причерноморье.

В ближневосточном регионе покрытия драгоценными металлами фиксируются практически одновременно с кавказскими мышьяковыми, начиная с последней трети IV тыс. до н. э. в виде инкрустации серебром на предметах вооружения (Арслантепе VIA и VIB). Инкрустация золотом зафиксирована на

подвеске IV тыс. до н. э. из Центрального Ирана (Арисман). Особняком стоит чрезвычайно интересный ранний случай применения технологии лужения в Тюлентепе (начало III тыс. до н. э.). Он свидетельствует об активном освоении нового материала – олова – и высоком мастерстве кузнецов, овладевших сложным процессом создания блестящих покрытий для изготовления парадного оружия.

Время второй половины III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии отмечено расцветом мелкой пластики с накладками в виде пластин и инкрустаций, что даёт богатый полихромный эффект. Эти статуэтки демонстрируют высокие декоративные качества. Однако процесс их создания основан на более простых технологических приёмах, включающих механическое соединение листовых накладок с основой.

Археологические находки бронзовых артефактов с блестящими покрытиями отражают определённые социальные процессы. Распространение парадного оружия и предметов мелкой пластики, украшенных драгоценными металлами, указывают на формирование слоя элиты в ходе эволюции сложных общественных структур раннего бронзового века на территории Кавказа, Северного Причерноморья и Передней Азии. Изделия из особо ценных материалов стали символами высокого социального статуса, заказчиком и потребителем ценных предметов, будь то оружие или скульптура культового назначения, была верхушка общества. Расцвет производства драгоценных металлов на Ближнем Востоке в условиях городской цивилизации III тыс. до н. э. вызывал спрос на более доступные имитации престижных изделий.

Дата поступления в редакцию 18.09.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Л. И. *Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке*. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 227 с.
2. Авилова Л. И. Золотое веретене // *Российская археология*. 2010. № 3. С. 37–43.
3. Авилова Л. И. *Анатолийские клады металлических изделий: Очерки металлопроизводства и культурного контекста*. М.: ИА РАН, 2018. 248 с.
4. Корневский С. Н. *Древнейший металл Предкавказья*. М: Таус, 2011. 335 с.
5. Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // *Кавказ и Восточная Европа в древности* / отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. 120 с.
6. Мунчаев Р. М. *Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа* / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
7. Равич И. Г., Рындина Н. В. Серебристые мышьяковые покрытия на изделиях майкопской культуры по данным лабораторного моделирования // *Краткие сообщения Института археологии*. 2015. Вып. 237. С. 90–103.
8. Рындина Н. В. Феномен «серебристых» покрытий на изделиях из мышьяковых сплавов раннего бронзового века (юг Восточной Европы) // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): сб. конф.* / отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь, 2002. С. 92–95.
9. Рындина Н. В., Конькова Л. В. О происхождении больших усатовских кинжалов // *Советская археология*. 1982. № 2. С. 30–42.
10. 14C Dating of Arslantepe / M. Alessio, L. Allegri, C. Azzi, F. Bella, G. Calderoni, C. Cortesi, S. Improta, et al. // *Origini*. 1983. Vol. XII.2. P. 575–580.
11. *Anatolian Civilisations I. Prehistoric / Hittite / Early Iron Age*. Istanbul: Turkish Ministry of Culture and Tourism, 1983. 311 p.
12. Arik R. O. Les fouilles d'Alaca Höyük 1935 Entreprises par la Société d'Histoire Turque. Rapport préliminaire sur les travaux en 1935. Ankara, TTKY, 1937. 119 p.
13. Caneva C., Frangipane M., Palmieri A. M. I metalli di Arslantepe nel quadro dei più antichi sviluppi della metallurgia vicino-orientale // *La ricerca scientifica*. 1985. Vol. 112. P. 115–137.
14. Di Nocera G. M. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC // *Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe* / ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza universita di Roma, 2010. P. 255–274.
15. Eaton E. R., McKerral H. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper // *World Archaeology*. 1976. Vol. 8. P. 169–191.
16. Frangipane M. Arslantepe-Malatya, external factors and local components in the development of an early state society // *Emergence and change in early urban societies* / ed. L. Manzanilla. N.Y.: Plenum Press, 1997. P. 43–58.
17. New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) / M. Frangipane, G. Di Nocera, A. Hauptmann, P. Morbidelli, A. Palmieri, L. Sadori, M. Schultz, et al. // *Paléorient*. 2001. Vol. 27/2. P. 105–139.
18. Hansen S., Helwing B. Die Anfänge der Silbermetallurgie in Eurasien // *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer* / M. Bartelheim, B. Horejs, R. Krauß, Hrsg. Rahden. Westf.: Leidorf, 2016. P. 41–58.
19. Hauptmann A., Palmieri A. Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe // *Anatolian metal I* / ed. Ü. Yalçin. Bochum, 2000. P. 75–82.
20. Jesus de P. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. Institute of Archaeology. University of London, 1977. 537 p.
21. Koşay H. Z. Ausgrabungen von Alaca Höyük, Vorbericht 1936. Istanbul, 1944. 186 p.
22. Koşay H. Z. Les fouilles d'Alaca Höyük. Rapport préliminaire 1937–1939. Istanbul, 1951. 409 p.
23. Muhly J. D. Metals and metallurgy // *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)* / eds.: G. McMahon, Sh. Steadman. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. P. 858–876.
24. Northover P. Exotic alloys in antiquity // *Metallurgica antiqua*. In honour of Hans-Gert Bachman and

- Robert Maddin / eds.: T. Rehren, A. Hauptman, J. D. Muhly. Bochum, 1998. P. 113–121.
25. Özgüç T., Akok M. Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery. Istanbul, 1958. 61 p.
 26. Palmieri A. M. Scavi nell'area sud-occidentale di Arslantepe. Ritrovamento di una struttura templare dell'Antica Età del Bronzo // *Origini*. 1973. Vol. 7. P. 311–373.
 27. Palmieri A. M. Excavations at Arslantepe (Malatya) // *Anatolian Studies*. 1981. Vol. 31. P. 101–119.
 28. Palmieri A., Hauptmann A., Hess K. Les objets en metal du tombeau monumental d'Arslantepe de 3000 av. J.-C. (Malatya, Turquie) // *Revue d'Archeometrie*. 1998. № 22. P. 35–48.
 29. Scott D. Arsenic coating as a patina // *Copper and Bronze in Art. Corrosion, colorants, conservation* / A. Molloy, ed. Los Angeles, 2002. 515 p.
 30. Smith C. S. On examination of the arsenic-rich coating on a bronze bull from Horoztepe // *Application of science in the examination of works of art* / W. J. Young, ed. Boston: Museum of Fine Arts, 1973. P. 96–102.
 31. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Der Hortfund von Tülintepe, Ostanatolien // *Anatolian Metal IV* / Hrsg. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. 2008. P. 101–123.
 32. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Evidence for early use of tin at Tülintepe in Eastern Anatolia // *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Degrisi*. 2009. № 12. P. 123–142.
 33. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Reassessing anthropomorphic metal figurines of Alacahöyük, Anatolia // *Near Eastern Archaeology*. 2013. Vol. 76. P. 38–49
 34. Zimmerman Th., Özen L. The Early Bronze Age figurine from Hasanoglan, Central Turkey: new archaeological insights // *Anatolian Studies*. 2016. Vol. 66. P. 17–22.

REFERENCES

1. Avilova L. I. *Metall Blizhnego Vostoka. Modeli proizvodstva v eneolite, molodozhi i srednem bronzovom veke* [Metal of the Middle East. Production Models in the Eneolithic, Early and Middle Bronze Age]. Moscow: Pamyatniki drevnikh mysley Publ., 2008. 227 p.
2. Avilova L. I. [Golden Spindle]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2010, no. 3, pp. 37–43.
3. Avilova L. I. *Anatoliyskiye klady metallicheskih izdeliy: Ocherki metalloproizvodstva i kulturnogo konteksta* [Anatolian Metal Hoards: Essays on Metal Production and Cultural Context]. Moscow, IA RAN Publ., 2018. 248 p.
4. Korenevsky S. N. *Drevneyshiy metall Predkavkazy* [The Oldest Metal of the Ciscaucasia]. Moscow, Taus Publ., 2011. 335 p.
5. Masson V. M. [Ancient tombs of leaders in the Caucasus (some aspects of sociological interpretation)]. In: Munchaev R. M., Markovin V. I., eds. *Kavkaz i Vostochnaya Yevropa v drevnosti* [The Caucasus and Eastern Europe in Antiquity. Moscow, Nauka Publ., 1973. 120 p.
6. Munchaev R. M. [Maikop culture]. In: Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., eds. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 158–225.
7. Ravich I. G., Ryndina N. V. [Silvery arsenic coatings on Maikop culture products according to laboratory modeling data]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2015, iss. 237, pp. 90–103.
8. Ryndina N. V. [Phenomenon of “silver” coatings on items made of arsenic alloys of the Early Bronze Age (south of Eastern Europe)]. In: Yarovaya E. V., ed. *Drevneyshiy obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n. e. – V v. n. e.)* [The most ancient communities of farmers and pastoralists of the Northern Black Sea region (5th millennium BC – 5th century AD)]. Tiraspol, 2002, pp. 92–95.
9. Ryndina N. V., Konkova L. V. [On the origin of large Usatovsky daggers]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1982, no. 2, pp. 30–42.
10. Alessio M., Allegri L., Azzi C., Bella F., Calderoni G., Cortesi C., Improta S., et al. 14C Dating of Arslantepe. In: *Origini*, 1983, vol. XII.2, pp. 575–580.
11. *Anatolian Civilisations I. Prehistoric / Hittite / Early Iron Age*. Istanbul, Turkish Ministry of Culture and Tourism, 1983. 311 p.
12. Arik R. O. Les fouilles d'Alaca Höyük 1935 Entreprises par la Société d'Histoire Turque. Rapport preliminaire sur les travaux en 1935. Ankara, 1937. 119 p.

13. Caneva C., Frangipane M., Palmieri A. M. I metalli di Arslantepe nel quadro dei più antichi sviluppi della metallurgia vicino-orientale. In: *La ricerca scientifica*, 1985, vol. 112, pp. 115–137.
14. Di Nocera G. M. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC. In: Frangipane M., ed. *Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe*. Roma, Sapienza universita di Roma, 2010, pp. 255–274.
15. Eaton E. R., McKerrel H. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper. In: *World Archaeology*, 1976, vol. 8, pp. 169–191.
16. Frangipane M. Arslantepe-Malatya, external factors and local components in the development of an early state society. In: Manzanilla L., ed. *Emergence and change in early urban societies*. N.Y., Plenum Press, 1997, pp. 43–58.
17. Frangipane M., Nocera G. Di, Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., et al. New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey). In: *Paléorient*, 2001, vol. 27/2, pp. 105–139.
18. Hansen S., Helwing B. Die Anfänge der Silbermetallurgie in Eurasien. In: Bartelheim M., Horejs B., Krauß R., Rahden Hrsg. *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer*. Westf., Leidorf, 2016, pp. 41–58.
19. Hauptmann A., Palmieri A. Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe. In: Yalçın Ü., ed. *Anatolian metal I*. Bochum, 2000, pp. 75–82.
20. Jesus de P. *The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy*. Institute of Archaeology. University of London, 1977. 537 p.
21. Koşay H. Z. *Ausgrabungen von Alaca Höyük, Vorbericht 1936*. Istanbul, 1944. 186 p.
22. Koşay H. Z. *Les fouilles d'Alaca Höyük. Rapport preliminaire 1937–1939*. Istanbul, 1951. 409 p.
23. Muhly J. D. Metals and metallurgy. In: McMahon G., Steadman Sh., eds. *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, pp. 858–876.
24. Northover P. Exotic alloys in antiquity. In: Rehren T., Hauptman A., Muhly J. D., eds. *Metallurgica antiqua. In honour of Hans-Gert Bachman and Robert Maddin*. Bochum, 1998, pp. 113–121.
25. Özgüç T., Akok M. Horoztepe. *An Early Bronze Age settlement and cemetery*. Istanbul, 1958. 61 p.
26. Palmieri A. M. Scavi nell'area sud-occidentale di Arslantepe. Ritrovamento di una struttura templare dell'Antica Età del Bronzo. In: *Origini*, 1973, vol. 7, pp. 311–373.
27. Palmieri A. M. Excavations at Arslantepe (Malatya). In: *Anatolian Studies*, 1981, vol. 31, pp. 101–119.
28. Palmieri A., Hauptmann A., Hess K. Les objets en metal du tombeau monumental d'Arslantepe de 3000 av. J.-C. (Malatya, Turquie). In: *Revue d'Archeometrie*, 1998, no. 22, pp. 35–48.
29. Scott D. *Arsenic coating as a patina. Copper and Bronze in Art. Corrosion, colorants, conservation*. Los Angeles, 2002. 515 p.
30. Smith C. S. On examination of the arsenic-rich coating on a bronze bull from Horoztepe. In: Young W. J., ed. *Application of science in the examination of works of art*. Boston, Museum of Fine Arts, 1973, pp. 96–102.
31. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Der Hortfund von Tülintepe, Ostanatolien. In: Yalçın Ü. Hrsg. ed. *Anatolian Metal IV*. Bochum, Deutsches Bergbau Museum, 2008, pp. 101–123.
32. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Evidence for early use of tin at Tülintepe in Eastern Anatolia. In: *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Degrisi*, 2009, no. 12, pp. 123–142.
33. Yalçın Ü., Yalçın H. G. Reassessing anthropomorphic metal figurines of Alacahöyük, Anatolia. In: *Near Eastern Archaeology*, 2013, vol. 76, pp. 38–49.
34. Zimmerman Th., Özen L. The Early Bronze Age figurine from Hasanoglan, Central Turkey: new archaeological insights. In: *Anatolian Studies*, 2016, vol. 66, pp. 17–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авилова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской академии наук;
e-mail: aviloval@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila I. Avilova – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences;
e-mail: aviloval@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Авилова Л. И. Покрытия на бронзовых предметах из Циркумпонтийской историко-культурной зоны: динамика распространения и обзор находок // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 64–78.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-64-78

FOR CITATION

Avilova L. I. Coatings on bronze objects from the Circumpontic historical and cultural zone: dynamics of spread and finds overview. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 64–78.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-64-78

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-79-96

КУРГАН ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА У С. ЧУМАЙ¹

Агульников С. М.

Национальное Агентство археологии Министерства культуры, образования и исследований Республики Молдова

МД 2015, г. Кишинёв, ул. Эминеску, д. 50, Республика Молдова

Аннотация

Цель. Введение в научный оборот и анализ материалов из раскопок кургана 1 у с. Чумай, исследованного в ходе охранных археологических работ в конце 2015 г. Данный курганный памятник характеризует ряд степных культур в регионе Северо-западного Причерноморья.

Процедура и методы. В статье рассмотрен конкретный археологический памятник в Буджакской степи, возведённый в эпоху энеолита. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов полевых исследований.

Результаты. В ходе спасательных работ в кургане было исследовано 12 погребений различных культурно-исторических эпох. Наиболее древним оказалось погребение 7, в котором находился вытянутый костяк ребенка с фрагментом сосуда. Оно датируется периодом позднего энеолита (концом IV тыс. до н. э.). Большинство захоронений кургана представляют ямную культуру и составляют второй хронологический горизонт (III тыс. до н. э.). Третий хронологический горизонт связан с погребением 12 сарматской культуры, в котором находился погребальный инвентарь I–II вв. н. э. Наиболее поздний, четвертый горизонт кургана, представлен 4 очагами и 21 ямой периода позднего средневековья (XVIII в.). Эти комплексы, скорее всего, связаны с сезонной стоянкой ногайских татар.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты раскопок расширяют круг источников по культурам Буджакской степи от позднего энеолита до средневековья. Из находок наиболее интересными и редкими являются основное погребение 7 медно-каменного века и керамический сосуд типа *аскос* из ямного захоронения 11.

Ключевые слова: охранные раскопки, курган, погребение, энеолит, усатовская культура, ямная культура, сарматская культура, *аскос*, Буджакская степь

BARROW OF THE ENEOLITHIC – EARLY BRONZE AGE AT THE VILLAGE OF CHUMAY

C. Agulnikov

National Archeology Agency of the Ministry of Culture, Education and Research of the Republic of Moldova

ul. Eminescu 50, Chisinau MD 2015, Republic of Moldova

Abstract

Aim. To introduce into scientific circulation materials from the excavations of the burial mound 1 of the Eneolithic period near the village of Chumay, investigated during the archaeological conservation

© CC BY Агульников С. М., 2024.

¹ По материалам Ciobanu I., Vornic V., Agulnicov S., Noroc I. Tumulul 1 de la Ciumpai // *Arheologia Preventiva*. 2016. Vol. III, Chişinău. P. 29–37.

work at the end of 2015. This monument characterizes a series of steppe cultures in the Northwestern Black Sea region.

Methodology. The article reviews a specific archaeological monument in the Budjak steppe, erected in the Eneolithic era. The methods of observation, generalization and interpretation of the results of the field research were applied during the study.

Results. During the rescue work carried out in the mound, 12 burials of various cultural and historical epochs were examined. The most ancient was burial 7, in which there was an elongated skeleton of a child with a fragment of a vessel. It dates back to the late Eneolithic period (the end of the IV millennium BC). Most of the burial mounds represent the Yamnaya culture and constitute the second chronological horizon (III millennium BC). The third chronological horizon is associated with the burial of the 12th Sarmatian culture, which contained the burial inventory of the I–II centuries AD. The latest, the fourth horizon of the mound, is represented by 4 hearths and 21 pits of the Late Middle Ages (XVI–II century). These complexes are most likely connected with the seasonal parking of the Nogai Tatars.

Research implications. The results of the excavations to a certain extent expand the range of sources on the cultures of the Budjak steppe from the Late Eneolithic to the Middle Ages. Among the finds the most interesting and rare are the main burial 7 of the Copper-stone age and a ceramic vessel of the ascos type from the pit burial 11.

Keywords: conservation excavations, burial mound, Eneolithic, Usatov culture, Yamnaya culture, Sarmatian culture, ascos, Budjak steppe

Введение

В ноябре-декабре 2015 г. группа сотрудников Национального агентства археологии Министерства культуры РМ провела охранные раскопки кургана на землях с. Чумай, Тараклийского р-на Молдовы (рис. 1), частично повреждённого в процессе реконструкции автомобильной трассы М3, на участке Комрат-Болград (1). Курган находился на окончании мыса, на первой террасе правого берега р. Ялпуг, при впадении в неё р. Салчия (рис. 2.1-2). Курганная насыпь в своё время была частично повреждена при строительстве канала, соединявшего Тараклийское водохранилище с оз. Ялпуг, затем была ещё раз потревожена при реконструкции автодороги проводимой фирмой «РА@CO International SRL».

Описание погребального памятника

На момент исследования курган имел округлую форму с максимальной высотой 0,4 м от уровня современной дневной поверхности и примерно 0,75 м от уровня залегания материковой глины. Диаметр насыпи достигал 38 м (рис. 3). Курган был исследован при помощи землерой-

ной техники с оставлением центральной бровки для фиксации стратиграфии, шириной 0,6 м, ориентированной по линии

Рис. 1 / Fig. 1. Географическое положение кургана 1 у с. Чумай / Geographical location of mound 1 near the village of Chumay

Источник: [13]

Рис. 2 / Fig. 2. Чумай, курган 1. Ситуационный план / Chumay, kurgan 1. A situational plan

Источник: [13]

СЮ. В результате раскопок было обнаружено 14 захоронений периода позднего энеолита, раннего бронзового века и римского времени. Кроме того, была исследована 21 яма периода позднего средневековья и начала XX столетия. Предварительная информация о раскопках была дана в 2016 г. [13, р. 29–44]. В данной работе публикуются погребальные комплексы периода позднего энеолита, раннего и позднего бронзового века, а также захоронение позднеантичного времени.

Погребение 1 (рис. 4.1) – *ямное*, обнаружено в юго-восточном секторе кур-

гана, на глубине 0,52 м в 7 м от репера. Разрушенный человеческий скелет, судя по расположению костей ног, был ориентирован по линии СВ. Кости были окрашены красной охрой. Скелет мог принадлежать молодому человеку около 20 лет¹.

Инвентарь: возле левой ноги найден фрагмент лепного сосуда с плоским дном

¹ Антропологические определения выполнены д-ром биологии А. Simalcsic, см. Anexa 1, Determinări preliminare a materialului osteologic // I. Ceban, V. Vornic, S. Agulnicov, I. Noroc. Raport privind cercetările arheologice de salvare de la Ciumai (com. Vinogradovca) din anul 2015. MNIM nr. Arhiva 591, Chisinau 2016.

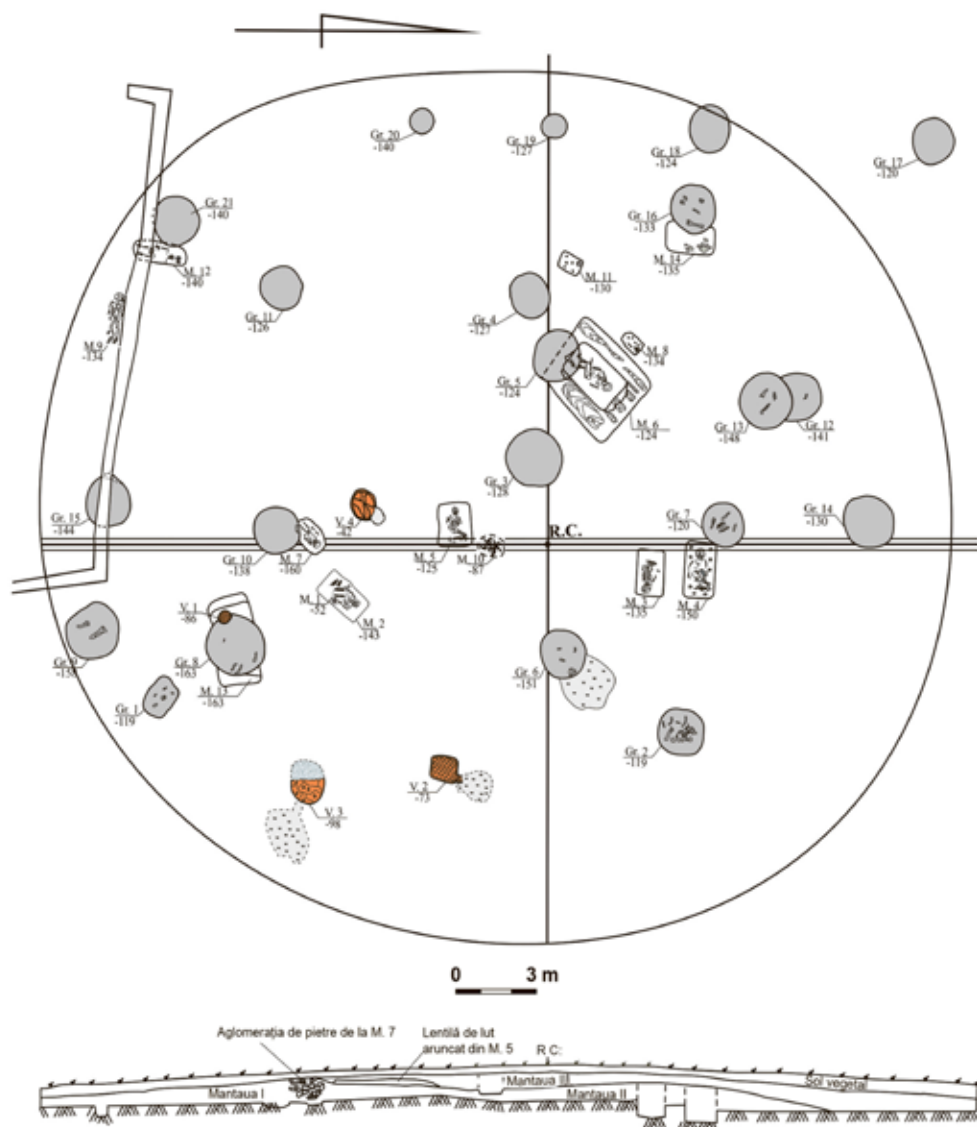

Рис. 3 / Fig. 3. Чумай, курган 1 план и профиль / Chumay, kurgan 1 plan and profile

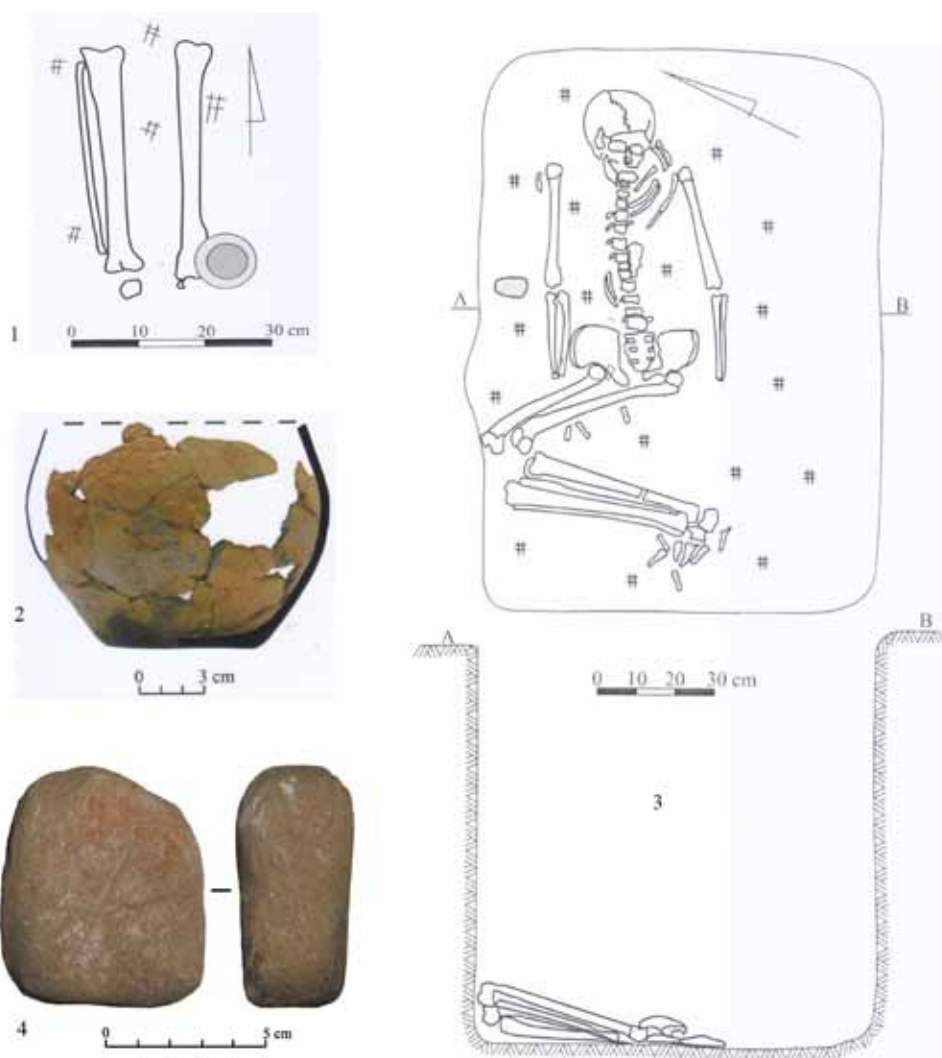
Источник: [13]

и сферическим корпусом. Прослеженная высота до 14,3 см. В тесте имеется примесь шамота (рис. 4.2).

Данное захоронение перекрывало погребение 2.

Погребение 2 (рис. 4.3) – ямное; находилось в юго-восточном секторе кургана, на глубине 1,43 м в 7,2 м от репера. Погребальная камера прямоугольной

формы с закруглёнными углами, размерами 1,0×1,4 м и глубиной 1 м от уровня фиксации, была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Заполнение представлено чернозёмом, перемешанным с глиной. Скелет погребённого (мужчина 45–50 лет) был уложен в скорченном положении на спине, головой на СВ, лицевой частью вверх. Руки прямые, уложены вдоль тела.

1 – погребение 1; 2 – сосуд из погребения 1; 3 – погребение 3; 4 – растиральник из погребения 2

Рис. 4 / Fig. 4. Чумай, курган 1 / Chumay, kurgan 1

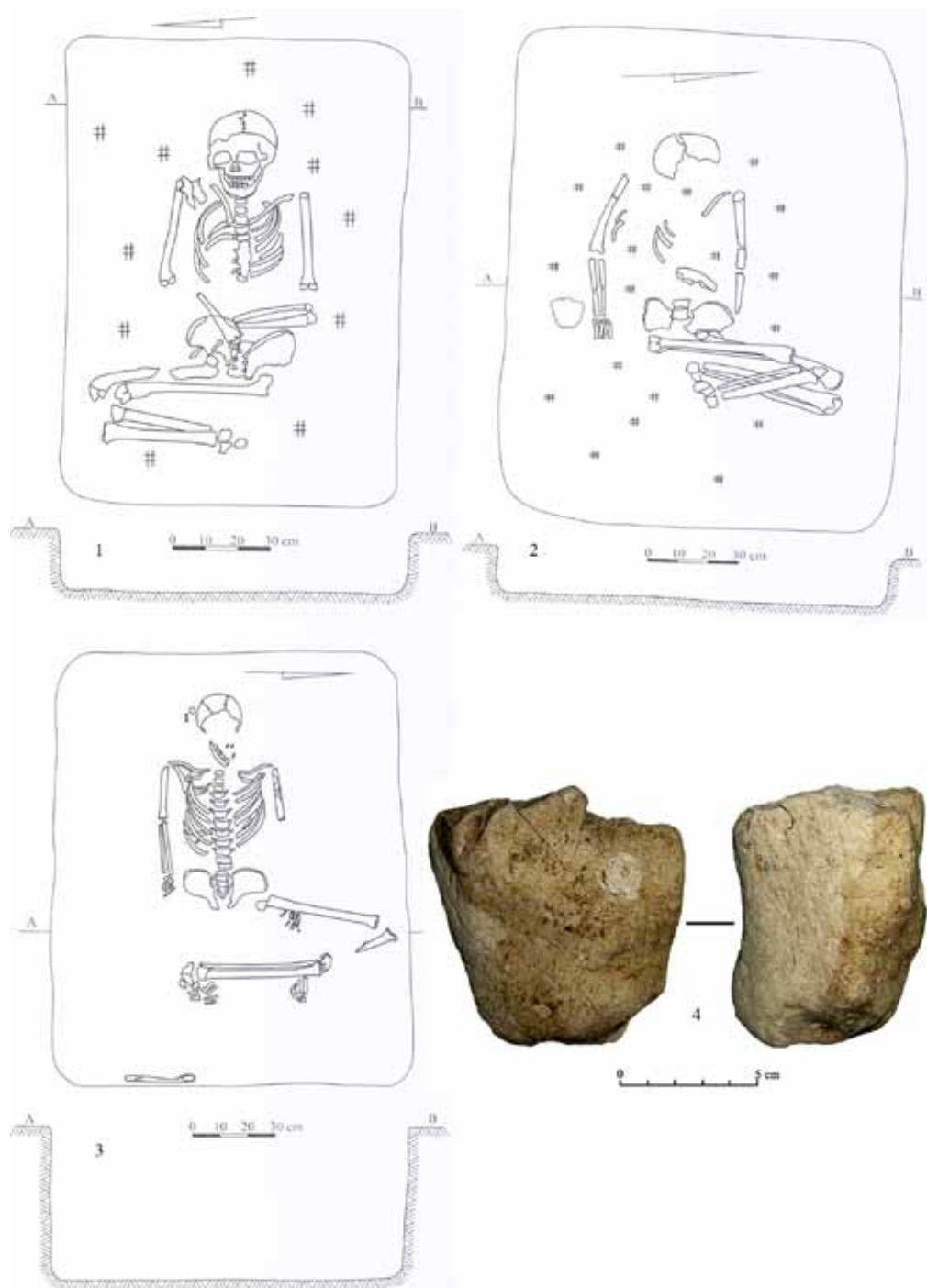
Источник: [13]

Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, завалились вправо. Скелет был окрашен охрой, наиболее интенсивно – череп и таз. Дно погребальной камеры покрывал тлен тёмно-коричневого цвета с вкраплениями мела и охры.

Инвентарь: в районе локтевого сгиба правой руки в 0,05 м найден каменный растиральник неправильной овальной

формы, размерами 3×4,8 см, выполненный из галечника коричневого цвета (рис. 4.4).

Погребение 3 (рис. 5.1) – *позднеямное*; открыто в СВ секторе кургана в 3,4 м к С от репера, на глубине 1,35 м. Погребальная камера прямоугольной формы с закруглёнными углами, размерами 1,0×1,5 м и глубиной 0,2 м от уровня фиксации, была ориентирована по линии

1– погребение 3; 2 – погребение 4; 3 – погребение 5; 4 – растиральник из погребения 4

Рис. 5 / Fig. 5. Чумай, курган 1 / Chumay, kurgan 1

Источник: [13]

В-3. Заполнение погребальной камеры состояло из чернозёма, перемешанного с глиной. Погребённый был уложен в скорченном положении на спине, головой на В, лицевой частью вверх. Обе руки согнуты, кистями уложены на таз. Скелет окрашен охрой красного оттенка, наиболее интенсивно окрашен череп. На дне погребальной камеры прослежена подстилка тёмно-коричневого цвета.

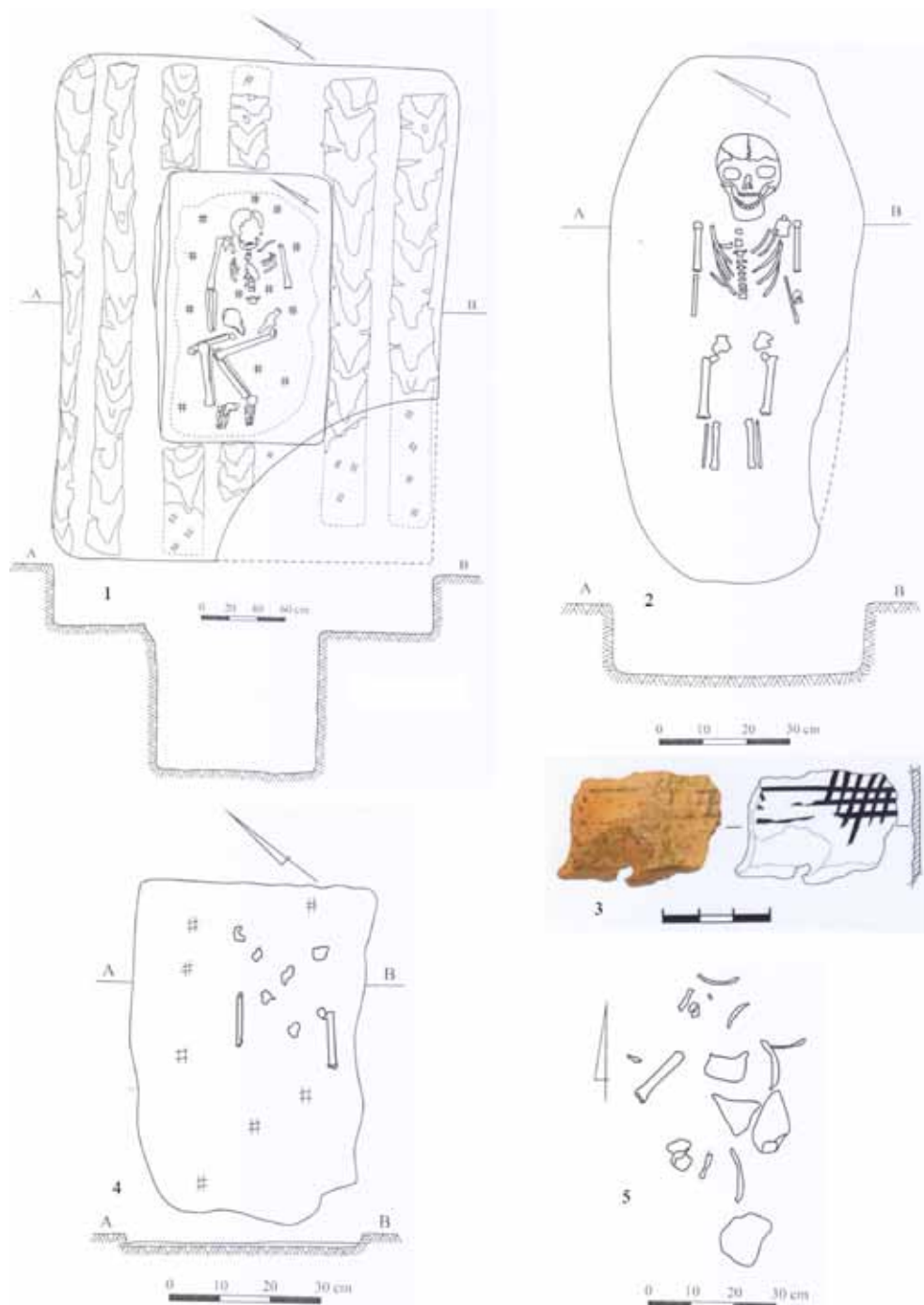
Погребение 4 (рис. 5.2) – *поздняя*; выявлено в СВ секторе кургана в 5,2 м от репера, на глубине 1,7 м. Погребальная камера прямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентированная по линии З-В, имела размеры 1,3×1,9 м. Заполнение состояло из чернозёма, перемешанного с материковой глиной. Погребённый (женщина старше 60 лет) была уложена в скорченном положении на спине, головой на З. Череп обращен лицевой частью на СВ. Руки прямые (правая чуть согнута в локте), были уложены вдоль туловища. Ноги, сильно скорченные, уложены влево. Скелет окрашен охрой тёмно-красного оттенка, наиболее интенсивно – кости ног. Дно камеры покрывал тёмно-коричневый глин.

Инвентарь: в районе правой руки был найден камень галечника неправильной овальной формы размерами 4,5×7×16 см (рис. 5.4).

Погребение 5 (рис. 5.3) – *ямное*; располагалось в южном секторе кургана в 2,8 м от репера, на глубине 1,8 м. Погребальная камера прямоугольной формы с закруглёнными углами, размерами 1,3×1,55 м ориентирована по оси З-В. Заполнение состояло из чернозёма, перемешанного с глиной, в котором встречались фрагменты дерева. Погребённый (16–20 лет) лежал в скорченном положении на спине, головой на З, лицевой частью вверх. Слегка согнутые руки уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали влево. Правая бедренная кость отсутствует. Скелет окрашен ярко-красной охрой, наиболее интенсивно череп и нижние конечности.

Погребение 6 (рис. 6.1) – *ямное*; обнаружено в ЮВ секторе кургана в 4,2 м от репера, на глубине 1,24 м. Погребальная камера с уступом была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры уступа 2,7×3,75 м. На уровне уступа погребальная камера была перекрыта вдоль 6 дубовыми брёвнами толщиной 0,2–0,24 м. Погребальная камера прямоугольной формы с закруглёнными углами. Глубина камеры от уровня уступа – 1,05 м, размеры 1,8×0,9 м. Заполнение ямы представляло собой рыхлый чернозём, перемешанный с материковой глиной, в котором встречались фрагменты дерева от перекрытия. Погребённый (мужчина 30–35 лет) лежал в скорченном положении на спине, головой на СВ. Череп слегка смещён в правую сторону, лежал лицевой частью вверх. Руки были вытянуты вдоль тела, лучевые кости левой руки отсутствовали. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали вправо. Скелет окрашен охрой тёмно-красного цвета, местами пурпурного оттенка. Наиболее интенсивно окрашены череп, таз и ступни. Под скелетом отмечена органическая подстилка коричневого цвета с вкраплениями охры.

Погребение 7 (рис. 6.2) – *основное, энеолитическое*; выявлено в южном секторе кургана в 8,3 м от репера, на глубине 1,6 м. Первоначально захоронение было перекрыто каменной закладкой из рваного известняка, в дальнейшем повреждённого ямой 10 периода позднего средневековья. Остатки каменной конструкции размерами 1,25×0,55×0,35 м были прослежены в западном профиле центральной бровки. Погребальная камера неправильной овальной формы была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Её размеры 1,3×0,6 м, глубина – 0,2 м от уровня фиксации. Заполнение представляло собой грунт серого цвета, перемешанный с конкрециями материковой глины. Погребённый (ребенок 12–18 мес.) был уложен в вытянутом положении на спине, головой на СВ, лицевой частью вверх. Руки вытянуты вдоль тела. Скелет слабо

1 – погребение 6; 2 – погребение 7; 3 – инвентарь погребения 7; 4 – погребение 8; 5 – погребение 10

Рис. 6 / Fig. 6. Чумай, курган 1 / Chumay, kurgan 1

Источник: [13]

окрашен охрой красного оттенка, его сохранность удовлетворительная.

Инвентарь: фрагмент керамики (стенки сосуда) – найден у локтевого сустава левой руки. Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины. На внешней поверхности имелись остатки росписи, выполненные чёрной краской, представляющие собой сетчатый орнамент из продольных и косых линий (рис. 6.3).

Погребение 8 (рис. 6.4) – *ямное*; открыто в СЗ секторе кургана в 7,4 м от репера, на глубине 1,36 м. Частично нарушенная погребальная камера имела неправильную прямоугольную форму размерами 0,65×0,45 м, глубиной 0,05 м от уровня фиксации. Скелет ребенка (около 7 лет) сохранился плохо. Судя по расположению сохранившихся костей черепа и рук, был ориентирован по линии СВ-ЮЗ. На костях скелета и под ними прослежены остатки глена тёмно-коричневого цвета.

Погребение 9 (рис. 9.1) – *позднеямное* (эпохи средней бронзы?); обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 17,35 м от репера, на глубине 1,34 м. Погребальная камера не прослеживалась. Погребённый (женщина старше 60 лет) лежала в скорченном положении на спине, головой на ЗСЗ. Череп повёрнут влево, лицевой частью на С. Руки прямые, уложены вдоль тела. Ноги слегка согнуты влево.

Инвентарь: возле коленного сустава правой ноги лежал невыразительный отщеп серого днестровского кремня.

Погребение 10 (рис. 6.5) – *неопределённое*; обнаружено в южном секторе кургана в центральной бровке в 1,7 м от репера, на глубине 0,87 м. Представляло собой скопление человеческих костей, расположенных на разной глубине. Расстояние между костями составляло от 5 до 15 см.

Погребение 11 (рис. 7.5) – *ямное?*, *кентоф*; выявлено в СВ секторе кургана в 9,4 м от репера, на глубине 1,36 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 0,60×0,85 м, глубиной 0,45 м от уровня фиксации, была ориентирова-

на по ССВ-ЮЮЗ. Заполнение состояло из чернозёма серого цвета с вкраплениями жёлтой глины. Скелет погребённого отсутствовал. В заполнении встречался глен коричневого цвета. Подобный органический глен покрывал и дно погребальной камеры.

Инвентарь: на дне, в северном углу ямы находился сосуд типа «аскос» с округлым туловом и скошенным в сторону коническим горлом, расширяющимся к ровно срезанному заглаженному венчику (Рис. 7.1). На тулове и у края горла имелись остатки основания вертикальной петлевидной ручки. Верхняя часть тулова была украшена 3 группами параллельных наделов в виде букраний, расположенных симметрично с приподнятыми вверх остроконечными окончаниями. Поверхность сосуда, заглаженная, коричневого цвета с серыми пятнами неравномерного обжига. Тесто в изломе тёмно-серого цвета, с примесью мелкотолчёного шамота. Высота сосуда – 15,5 см, диаметр дна – 7,5 см, максимальный диаметр тулова – 15 см, диаметр горла (у венчика) – 11,4 см.

Погребение 12 (рис. 8.11) – *сарматское*; выявлено в ЮЗ секторе кургана в 16,8 м от репера, на глубине 1,4 м. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,25×1 м, глубиной 1,44 м, ориентирована по линии С-Ю, с отклонением к З. Заполнение состояло из чернозёма серо-коричневого цвета, перемешанного с жёлтой материковой глиной. Скелет (женщина старше 60 лет) лежал на дне погребальной камеры в вытянутом положении на спине, головой на С, лицевой частью вверх. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука и часть грудной клетки отсутствовали. Сохранность скелета удовлетворительная. Под ним отмечен тёмно-коричневый глен.

Инвентарь:

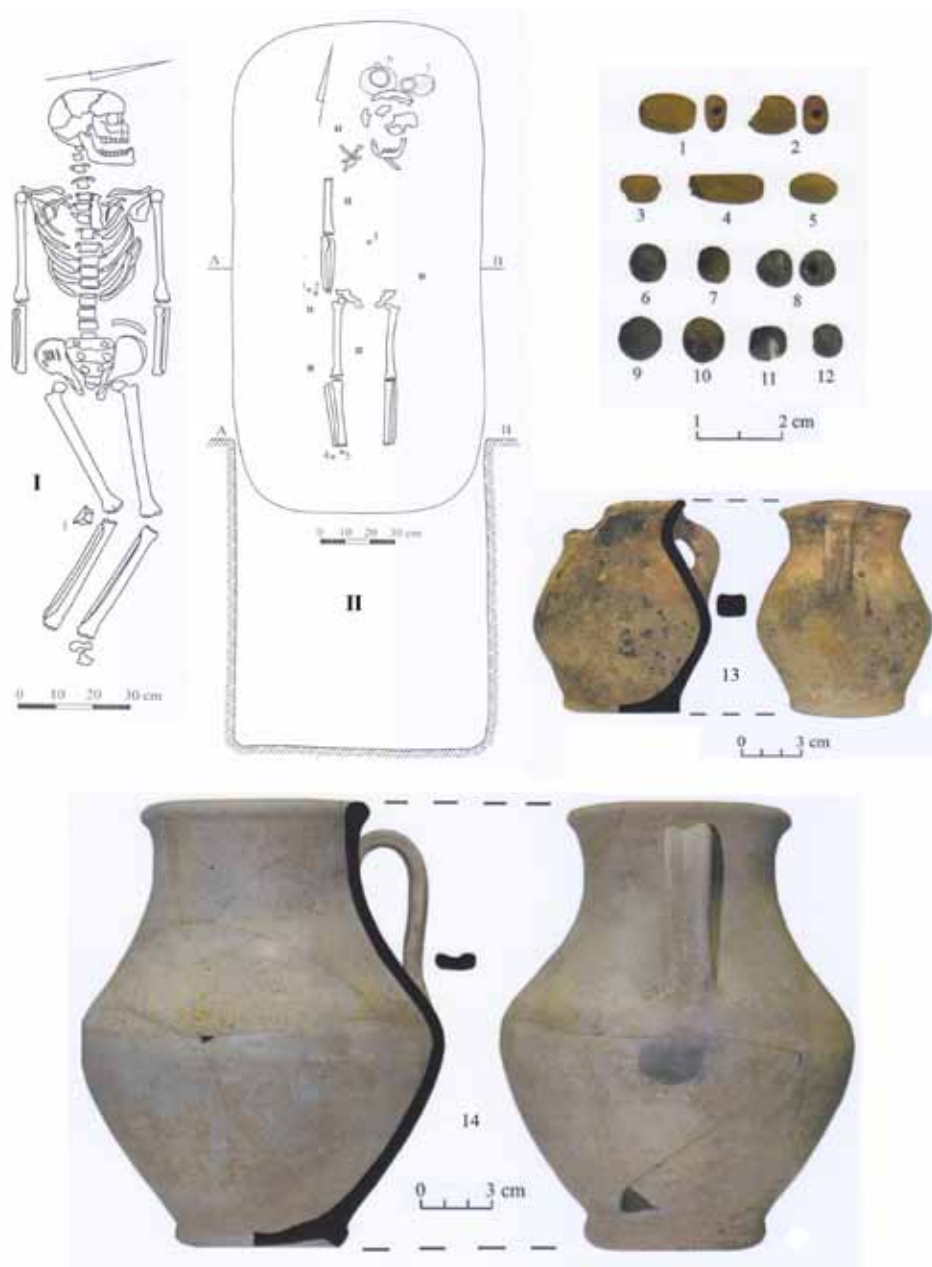
1. в области шейных позвонков и грудной клетки найдено 5 янтарных бусин овальной и прямоугольной формы длиной 1,1–1,9 см, шириной 6–8 см, толщиной 2–3 см (рис. 8.1-5);

1 – аск из погребения 11; 2 – аск из погребения Матроска, 3 – аск из телля Брэлица ; 4 – погребение 11, курган 1, Чумай; 5 – погребение 11 (фото)

Рис. 7 / Fig. 7. Чумай, курган 1, погребение 11 и аналогии аску / Chumay, kurgan 1 and analogies of burial with aski

Источник: [12]

I – погребение 9; II – погребение 12; 1–14 – инвентарь погребения 12

Рис. 8 / Fig. 8. Чумай, курган 1 / Chumay, kurgan 1

Источник: [13]

2. в области таза и правой ноги найдено 8 сферических бусин, одна из которых фрагментированная, из стекла тёмно-синего цвета, диаметром 0,9–1,2 см, с отверстиями диаметром 0,2–0,3 см (рис. 8.6-12);

3. за черепом погребённого находился сероглиняный круговой кувшин (рис. 8.14) с округлым, расширяющимся к середине, биконическим туловом, дном с закраиной и рельефной петлевидной рукояткой, с углублением посередине, расположенной между туловом и горлом. Горло цилиндрической формы, плавно расширяется к выделенному, слегка отогнутому венчику. Высота сосуда – 19 см, диаметр дна – 7,5 см, диаметр венчика – 9,5 см;

4. за черепом погребённого находился лепной кувшин (рис. 8.13), грубо изготовленный из глины серо-коричневого цвета со слабо обработанной поверхностью, с округлённым туловом, плавно переходящим в цилиндрическое, расширяющееся к устью горло. Дно плоское. Кувшин был снабжён рукояткой от верхней части тулова к верхней части горла. Ручка округлая в сечении. Сосуд небрежного обжига, поверхность слабо обработана. Цвет варьирует от светло-кирпичного до темно-серого. Высота – 12 см, диаметр дна – 6,5 см, максимальный диаметр тулова – 9,5 см, диаметр венчика – 7,5 см.

Погребение 13 (рис. 9.1) – *ямное*; обнаружено в ЮЮВ секторе кургана в 11,4 м от репера, на глубине 1,63 м. Погребальная камера была повреждена сверху позднесредневековой ямой 8. Яма прямоугольной формы размерами 3,25×1,8 м ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Данное сооружение являлось уступом. В свою очередь, погребальная камера была полностью уничтожена ямой 8. По краям уступа имелся невыразительный древесный тлен. Скелет не обнаружен.

Погребение 14 (рис. 9.2) – *эпохи поздней бронзы?*; открыто в СЗ секторе кургана в 11,2 м от репера, на глубине 1,35 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округлёнными углами разме-

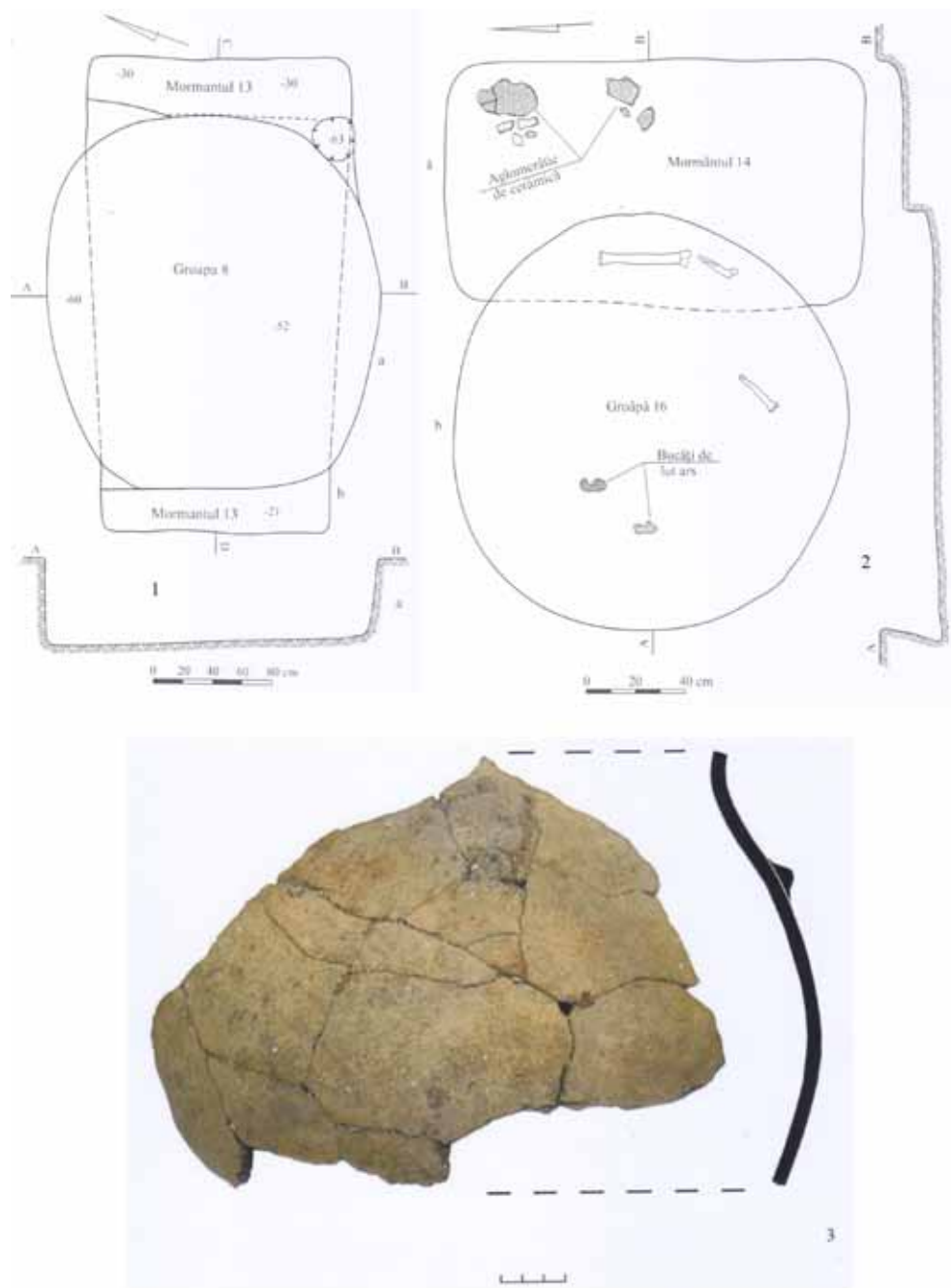
рами 1,7×1 м и отмеченной глубиной от уровня фиксации – 0,1 м. Западный край камеры был практически разрушен ямой 16 в период позднего средневековья.

Инвентарь: в СВ углу погребальной камеры имелось скопление керамики, из которого в дальнейшем была реконструирована часть сосуда (рис. 9.3), скорее всего, сферической формы, вероятно типа корчаги, выполненного из грубой массы, но с хорошо лощёной поверхностью серо-коричневого цвета. На плечиках имелся налест в форме бутона. Венчик, дно и горло не реконструируются. Тесто в изломе серо-чёрного цвета с примесью шамота.

Стратиграфия, относительная хронология и культурные группы кургана 1 у с. Чумай

Несмотря на то, что в разное время насыпь кургана была частично повреждена, в кургане 1 у с. Чумай удалось достаточно чётко проследить стратиграфию и относительную хронологию выявленных погребений. Здесь следует уточнить, что центральная часть насыпи в результате механических повреждений была сильно смещена к югу от современного репера, от которого производились замеры высот и глубин выявленных комплексов.

По всей современной дневной поверхности кургана на глубину 20–25 см был отмечен гумусный слой. Первоначальная насыпь кургана была возведена над основным захоронением 7 периода позднего энеолита – раннего бронзового века, относящегося к постмариупольскому типу. Она была сооружена из комковатого гранулированного серого чернозёма, смешанного с чистой материковой глиной. Из-за сильной степени повреждённости её высоту проследить не удалось. Диаметр насыпи I составлял 10,5 м, при этом её южный край не прослеживался, т. к. на уровне местонахождения впускного погребения 5 грунт I и II насыпи смешивался и был однообразен.

1 – погребение 13; 2 – погребение 14; 3 – сосуд из погребения 14

Рис. 9 / Fig. 9. Чумай, курган 1 // Chumay, kurgan 1

Источник: [13]

Насыпь II была связана с погребением ямной культуры 6. Её диаметр составлял не менее 10 м, отмеченная высота в профиле около 0,5 м от уровня материка. Насыпь состояла из чернозёма серого цвета и контрастировала по цвету с грунтом первоначальной насыпи. Судя по форме погребальной конструкции, с продольным перекрытием, СВ ориентировке погребённого, уложенного в скорченном положении на спине, это захоронение соответствует группе 4 (по Е. В. Яровому – древнеямные памятники) [10]. В эту же насыпь было впущено погребение 2, сходное с основным по ориентировке (СВ) и погребальному обряду и, скорее всего, образующее с погребениями 2 и 4 подобие круговой планировки.

Насыпь III была сооружена над позднеямным (буджакским) погребением 5, которое следует определить временем существования 5-й группы (собственно ямные памятники), где доминирует западная ориентировка и центральное расположение захоронений [10, с. 20–21]. Эта насыпь состояла из тёмно-серого гранулированного чернозёма и, в свою очередь, увеличивала диаметр кургана до современного – 40 м, прослеженного в процессе исследования кургана. В дальнейшем в эту насыпь были впущены позднеямные погребения 3, 8, 11, 13 и 14.

Позднеантичный горизонт данного кургана представлен погребением 12, которое по погребальному обряду и инвентарю соответствует комплексам сарматской культуры и датируется II–III вв. н. э. [5, с. 84–85, рис. 3]. Оно является типичным для курганов Буджака, где сарматские захоронения иногда образуют небольшие могильники, впущенные в насыпи курганов предшествующих эпох.

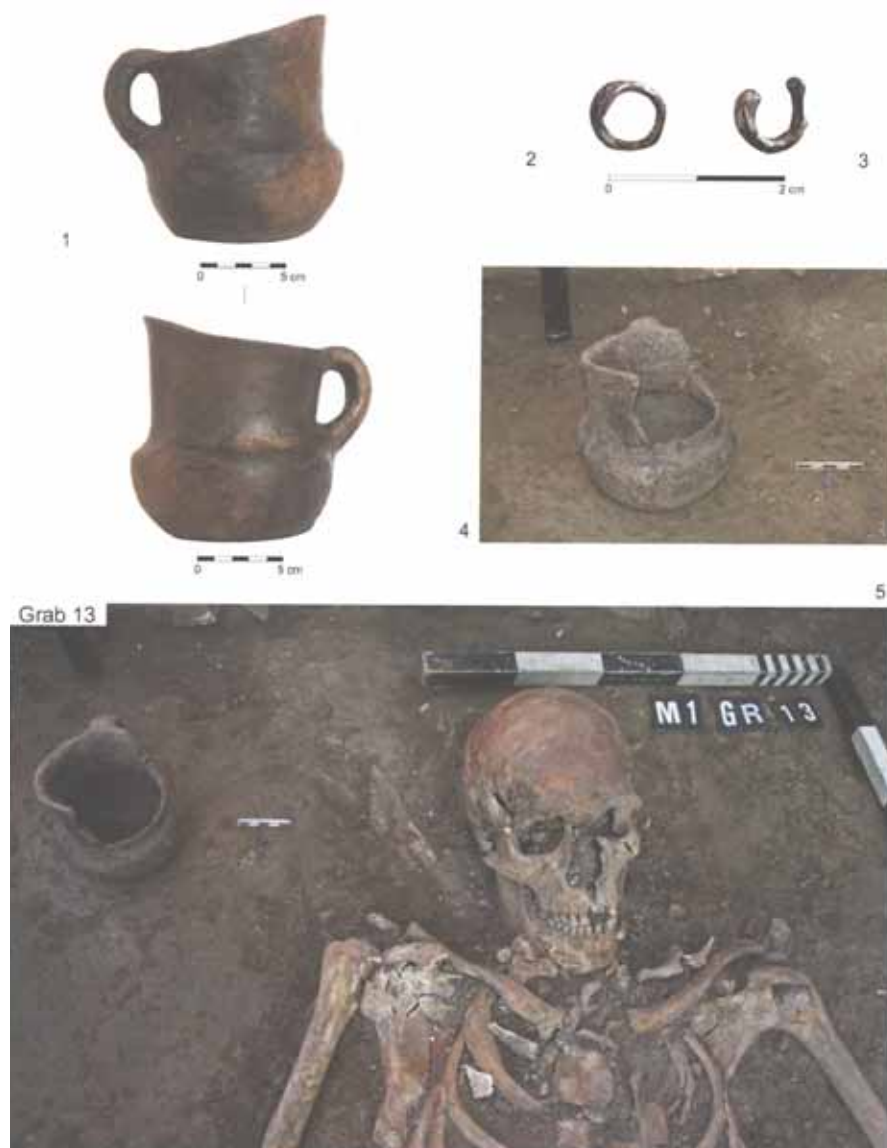
Заключительный этап функционирования кургана представляют 4 кострища и 21 ямой периода позднего средневековья, а в т. ч. и остатки прямоугольного рва в ЮЗ секторе, скорее всего, связаны с ногайцами – обитателями Буджака с XVI по начало XIX столетия.

Заключение

Таким образом, наиболее ранним в кургане 1 явилось погребение 7, совершённое в овальной камере с вытянутым положением погребённого, которое соответствует группе 3 (постмариупольские памятники). Данная группа включает 32 захоронения (24% памятников энеолита), с которыми связано сооружение 16 курганов в Северо-Западном Причерноморье. Показателен тот факт, что из 36 погребённых 11 принадлежат детям (30%) [10, с. 15.], что фиксируется и в нашем случае. Отмечается, что наряду с основным положением в курганах захоронения в овальных камерах занимают более позднюю хронологическую позицию по отношению к комплексам усатовского или животиловского типа [8, с. 35–47]. Показательно, что в погребении 7 находился фрагмент стенки поздне-трипольского сосуда с характерным для периода Триполья С-I–С-II сетчатым орнаментом, выполненным чёрной краской. В определённой степени это первый случай находки датирующего инвентаря в постмариупольских «вытянутых» погребениях степной части Северо-западного Причерноморья.

Подобная стратиграфия отмечена в кургане 30/2 у с. Кочковатое [4, с. 25–28]. В кургане 9 у с. Красное (Григориопольский курган) имело место такое же наложение вытянутых захоронений на погребения с поздне-трипольским инвентарём [7, с. 79–81]. Но если рассматривать юго-западный регион Причерноморья, то зачастую «вытянутые» захоронения занимают там основную позицию в курганах позднего энеолита – раннего бронзового века. Подобные случаи отмечены и в территориально близких курганах Нижнего Попрутья и Подунавья – Вишневое-11/10, Кочковатое-3/2, Этулия-1/14, Казаклия-19/4, Сэрэтьень 2/3, Крихана-Веке, 1/15-16 [8, с. 37, рис. 2].

Основным для II насыпи, как упоминалось выше, явилось погребение 6. Его

1 – курган 1 погребение 13; 5 – фото погребения 13; 1–5 – инвентарь из погребения 13 (Бояново)

Рис. 10 / Fig. 10. Аналогии погребения с асками (Болгария) Бояново / Analogies of burial with aski (Bulgaria) Boyanovo

Источник: [11]

основные признаки (наличие продольного перекрытия, скорченное на спине положение погребённого и его СВ ориентировка) позволяют отнести данное захоронение к группе 5 – древнеямные или же к достаточно ранним погребальным комплексам ямной культуры, соответствующим вариантам 1-2, для данного культурно-исторического образования [9, с. 38–39]. К этому же периоду следует отнести и впускные захоронения 2 и 4.

Следующий горизонт, связанный с III насыпью, без сомнения относится к «буджакской» группе позднеямных памятников. С этой же группой следует связать и погребение 11 – кенотаф, в котором был найден сосуд типа «аск». Согласно типологии Е. В. Ярового, он соответствует XII типу [9, с. 89, рис. 22/2].

Более подробно находки асков и асковидных сосудов были рассмотрены в коллективной работе, в которой приводится каждый отдельный случай находок асков в захоронениях ямной культуры (Глубокое, Кубей, Матроска, Дивизия-II и др.) и отмечается концентрация захоронений с подобной формой керамики в Нижнем Подунавье [3, с. 41, рис. 3] – естественной контактной зоне между территориями Северо-западного Причерноморья и балканским миром. Наиболее близкой аналогией является аск, найденный в разрушенном погребении у с. Матроска, Измаильского р-на Одесской области Украины [2], отличающийся только деталями внешнего оформления (рис. 7.2). Единственным пробелом в данной работе представляется отсутствие аналогий с материалами территориально близкого памятника, каким является тель Брэилица на левом берегу Нижнего Дуная.

Следует отметить, что в погребальных комплексах Брэилицы аски (рис. 7.3) и асковидные сосуды присутствуют в погребальных комплексах с периода раннего бронзового века (культуры Езеро, Фолтешть-Стойкань, Чернавода I-II) вплоть до позднего бронзового века (культуры Монтеору – фаза IIb, Кослоджень, Бабадаг-I) [12, р. 133, 284, Fig. 91, 1-2; р. 282, Fig. 89.1-6].

Наиболее выразительный пример находок сосудов типа аскос представляют материалы курганов с территории Юго-Восточной Болгарии, опубликованные в последнее время, где аскосы сопровождают как ранние ямные, так и поздние ямные захоронения [11, р. 57–64, 143, Taf. 19.2-3; р. 157, Taf. 33.3-4; р. 175, Taf. 51.1-5] (рис. 10.1-5).

Таким образом, материалы позднего энеолита – раннего бронзового века представляют собой горизонт, свойственный ряду курганных могильников, исследованных ранее в бассейне реки Ялпуг, неподалеку от её впадения в одноименное озеро, являющееся придунайским лиманом [6, с. 107–203]. Что же касается сосуда из разрушенного погребения 14, то он, скорее всего, относится к корчагам позднесабагинского – раннего белозерского времени. Фрагменты аналогичных сосудов были найдены в ритуальном комплексе позднего бронзового века, исследованного в 2013 г. у с. Новосёловка, Тараклийского р-на Молдовы, на правом берегу Ялпуга, в 23 км от с. Чумай [1, с. 77–88, 84, рис. 4, 3, 6].

В целом, материалы, полученные в результате исследования кургана 1 у с. Чумай, соответствуют ранее исследованным в разные годы в курганах Буджакской степи.

Дата поступления в редакцию 25.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агульников С., Попович С., Кройтор Р. Комплекс позднего бронзового века из с. Новосёловка // ССПК. 2015. Т. XVIII С. 77–88.
2. Бруяко И. В., Манзура И. В., Субботин Л. В. Отчёт о раскопках Нижнедунайской археологической экспедиции в 2003 году // НА ОАМ НАНУ. № 93139. 68 с.
3. Бруяко И. В., Иванова С. В., Субботин Л. В. Аски из погребений Буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья // ССПК. 2015. Т. XVIII. С. 37–51
4. Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Курганы Приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Одесса: Наукова думка, 1992. 90 с.
5. Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 204 с.
6. Сава Е., Агульников С., Манзура И. Исследования курганов в Буджакской степи (1980–1985). Кишинёв: Bons Offices, 2019. 368 с.
7. Серова Н. Л., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. Кишинёв: Штиинца, 1987. 154 с.
8. Манзура И. «Вытянутые» погребения эпохи энеолита в Карпато-Днестровском регионе // *Tirageția*. 2010. Vol. IV. С. 35–47.
9. Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинёв: Штиинца, 1985. 122 с.
10. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. ... док. ист. наук. Москва, 2000. 47 с.
11. Iliev I. K., Bakarjziev S. Kurgane der Fruhen bis Spaten Bronzezeit im Bezirk, Sudostenbulgarien // Herausgeber-Rudolf Echt und Bianca Preda-Bălănică, Vol.1 The Yamnaya impact on Prehistoric Europe. Budapest: Archaeolingua, 2020. 190 p.
12. Harțuche N. Complexul arheologic Brăilița. București, 2002. 316 p.
13. Tumulul 1 de la Ciumpai / I. Ciobanu, V. Vornic, S. Agulnicov, I. Noroc // *Arheologia Preventivă*. Vol. III. Chișinău: Agenția Națională Arheologică, 2016. P. 29–44.

REFERENCES

1. Agulnikov S., Popovich S., Kroytor R. [Late Bronze Age complex from the village of Novoselovka]. In: *SSPK* [SSPK], 2015, vol. XVIII, pp. 77–88
2. Bruyako I. V., Manzura I. V., Subbotin L. V. [Report on the excavations of the Lower Danube archaeological expedition in 2003]. In: *NA OAM NASU* [NA OAM NASU], no. 93139. 68 p.
3. Bruyako I. V., Ivanova S. V., Subbotin L. V. [Asks from the burial of Bugeac culture of the North-Western Black Sea region]. In: *SSPK* [SSPK], 2015, vol. XVIII, pp. 37–51
4. Vanchugov V. P., Subbotin L. V., Dzigovskiy A. N. *Kurgany Primorskoy chasti Dnestro-Dunayskogo mezhdurechya* [Kurgans of the Primorskaya part of the Dniester-Danube interflaves]. Odessa, Naukova Dumka Publ., 1992. 90 p.
5. Grosu V. I. *Khronologiya pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechya* [Chronology of monuments of the Sarmatian culture of the Dniester-Prut interflaves]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990. 204 p.
6. Sava E., Agulnikov S., Manzura I. *Studies of kurgans in the Budzhak steppe (1980–1985)*. Kishinev, Bons Offices Publ., 2019. 368 p.
7. Serova N. L., Yarovoy E. V. *Grigoriopolskiye kurgany* [Grigoriopol kurgans]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1987. 154 p.
8. Manzura I. [Copper Age burials with “extended” skeletons in the Carpathian-Dniester region]. In: *Tirageția*, 2010, vol. IV, pp. 35–47.
9. Yarovoy E. V. *Drevneyshiy skotovodcheskiye plemena yugo-zapada SSSR (klassifikatsiya pogrebalnogo obryada)* [The most ancient cattle-breeding tribes of the southwest of the USSR (classification of the burial rite)]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1985. 122 p.
10. Yarovoy E. V. *Skotovodcheskoye naseleniye Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya epokhi rannego metalla: avtoref. ... dok. ist. nauk* [Cattle-breeding population of the Northwestern Black Sea region of the Early Metal Age: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 47 p.

11. Iliev I. K., Bakarjziev S. Kurgane der Fruhen bis Spaten Bronzezeit im Bezirk, Sudostenbulgarien. In: *Herausgeber-Rudolf Echt und Bianca Preda-Bălănică, Vol.1 The Yamnaya impact on Prehistoric Europe*. Budapest, Archaeolingua, 2020. 190 p.
12. Hartuche N. *Complexul arheologic Brăilița*. București, 2002. 316 p.
13. Ciobanu I., Vornic V., Agulnicov S., Noroc I. Tumulul 1 de la Ciurnai. In: *Arheologia Preventivă. Vol. III*. Chișinău, Agenția Națională Arheologică, 2016, pp. 29–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Агульников Сергей Михайлович – старший специалист Национального агентства археологии Министерства культуры, образования и исследований Республики Молдова;
e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Agulnikov – Senior specialist, Archaeological National Agency of Archaeology of the Ministry of Culture, Education and Research of the Republic of Moldova;
e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Агульников С. М. Курган эпохи энеолита – раннего бронзового века у с. Чумай // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 79–96.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-79-96

FOR CITATION

Agulnikov S. M. Barrow of the Eneolithic – early Bronze Age at the village of Chumay. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 79–96.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-79-96

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-97-122

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ У С. ДЗУАРИКАУ

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.²

¹ Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация
Российский технологический университет (РТУ МИРЭА)
119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструкция инвентаря грабленных погребений в курганах у с. Дзуарикау и определение раннего этапа бронзовой эпохи региона.

Процедура и методы. В работе использованы сравнительно-типологический и стратиграфический анализы курганных памятников бронзовой эпохи Северного Кавказа.

Результаты. Конец майкопской эпохи в Северной Осетии фиксируется не новосвободненской, а началом кубано-терской культуры (КТК), синхронной и связанной происхождением, как и культура дольменов Новосвободной, с кругом культур шнуровых керамик Европы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлены связь кубано-терской культуры с куро-аракской культурой Закавказья и прямые контакты их носителей. Данные археологии подтверждаются данными лингвистики (индоевропейскими изоглоссами в картвельских языках).

Ключевые слова: Северная Осетия, бронзовый век, кубано-терская культура, куро-аракская культура

PERIODIZATION AND CHRONOLOGY OF THE BRONZE AGE IN NORTH OSSETIA BASED ON THE MATERIALS OF THE KURGANS NEAR THE VILLAGE OF DZUARIKAU

N. Nikolaeva¹, A. Safronov²

¹ Federal State University of Education
ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation
Russian Technological University
prospect Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. To reconstruct the inventory of the looted burial mounds near the village of Dzuarikau in North Ossetia and to identify the early stage of the Middle Bronze Age in the region.

Methodology. The work uses comparative typological and stratigraphic analyses of mound monuments of the Bronze Age of the North Caucasus.

Results. The end of the Maikop era in North Ossetia is marked by the beginning of the Kuban-Terek culture (KTC), synchronous with the Novosvobodnenskaya culture and related in origin, the same as the Novosvobodnaya dolmen culture with the range of Corded Ceramics cultures in Europe.

Research implications. The connection between the Kuban-Terek culture and the Kura-Araxes culture of Transcaucasia and direct contacts between their carriers has been established. The archaeological data are confirmed linguistically by Indo-European isoglosses in the Kartvelian languages.

Keywords: North Ossetia, Middle Bronze Age, Kuban-Terek culture, Kura-Araxes culture

Введение

До массовых раскопок на Северном Кавказе в 1960–1970-х гг. об истории бронзового века региона можно было судить по случайным находкам в местных музеях, происходившим из разрушенных курганов, искусственно объединённым исследователями по дате поступления в музей, и по ограниченному числу достоверных комплексов из раскопок Н. И. Веселовского, Б. Е. Дегена, Е. И. Крупнова и местных краеведов. На таких материалах в 1960 г. была написана монография В. И. Марковина [7], которая дала некоторое упорядочение в представлениях о культуре бронзового века Северного Кавказа. Масштабные раскопки курганов в Карачаево-Черкессии [8; 9] и в Кабардино-Балкарии [3], в теоретическом плане не внесли ничего нового, поскольку были интерпретированы в русле ошибочных представлений В. И. Марковина, который и в 1994 г. не изменил своей точки зрения на единство материальной культуры на территории всего Северного Кавказа [2, с. 364].

В Северной Осетии курганы фактически не раскапывались, пока группа из 12 курганов не попала под строительство оросителей культурных пастбищ совхоза у с. Дзуарикау¹. Они были исследованы²

нами в 1976 г. [14]. Раскопки этого курганного поля были продолжены в 2008 г., но другими археологами; материалы этих раскопок опубликованы в виде тезисов [6; 15] и также в русле концепции В. И. Марковина.

Исследование курганов осложнялось грабительскими перекопами. В заполнении грабительских ходов на разной глубине встречались крупные гальки, плиты из песчаника, фрагменты керамики и целые сосуды, выброшенные из погребений. По мере снятия насыпи встречались отдельные сосуды или группы сосудов, которые обозначены как «комплексы» или «находки» в первой публикации могильника. Связь между погребальными комплексами в первоначальном виде, с учётом выброшенной из могил керамики, не могла быть установлена [14, с. 18–80], поэтому в полевой документации так называемых «комплексов» оказалось больше, чем реальных ненарушенных погребений. Полевая нумерация и разный статус, которые были приданы объектам разного происхождения (погребение; комплекс; находка) в *порядке их обнаружения* в процессе раскопок, затрудняли понимание исходного содержания погребальных комплексов, что требовало унификации. Поскольку полевая нумерация попала в некоторые археологические статьи, отказ от неё привел бы к путанице³.

бровках, не считая почвенного и дернового, нумеровались сверху вниз римскими цифрами.

³ И в Отчёте, и в этой статье сохраняется обозначение объекта как дробь, в числителе которой номер кургана, в знаменателе – номер исследованного объекта (погребения, комплекса). К этому добавлен порядковый номер, который говорит о реальной последовательности введения в насыпь погребений.

¹ Могильник Дзуарикау находился на второй надпойменной террасе р. Фиагдон, на западной окраине с. Дзуарикау, в 22 км к западу от г. Орджоникидзе (совр. Владикавказ) в Северной Осетии, и состоял из 12 курганов. Раскопанные курганы были частью курганного поля, разрезанного шоссе Орджоникидзе – Алагир. Они располагались вдоль перпендикулярного ответвления от этого шоссе, ведущего в Куртатинское ущелье

² Насыпь снималась бульдозером с оставлением 3 бровок. Бровки зачищались с 2 сторон. Слои в

Реконструкция реального керамического комплекса ограбленных погребений стала *настоятельной источниковедческой задачей*, которая была поставлена в данной статье. Необходимо было восстановить первоначальный объём инвентаря из них, воссоединив предметы *in situ* с выброшенными при ограблении захоронений¹. Эта процедура явилась одной из задач обращения к материалам Дзуарикау. Двойная нумерация, которая сопровождает каждый комплекс, позволяет проследить и порядок раскрытия памятника, и историю создания курганного памятника. Порядок описания погребений в этой статье соответствует последовательности введения погребения в курган, что подчеркивается порядковым номером.

В свете раскопанных нами курганов в Ногире, Чиколе и Хазнидоне [11, каталог] стало ясно, что курганы Дзуарикау – единственные в настоящее время памятники, которыми можно обосновать (помимо хронологии, атрибуции² и происхождения кубано-терской культуры), главным образом, прямые контакты строителей этих курганов с закавказским населением, представленным куро-аракской культурой (КАРК). Тем самым можно объяснить причину заимствования в картвельских языках индоевропейских терминов, а с другой стороны, подтвердить ещё раз индоевропейскую принадлежность носителей кубано-терской культуры.

¹ Незатронутые ограблением объекты обозначены в таблицах иллюстраций как *in situ*.

² Каждое погребение и комплекс определялись в культурных дефинициях: майкопская, поздняя куро-аракская (КАРК), кубано-терская 1–6 этапов (далее КТК), катакомбная. Под «куро-аракскими» (сокращённо КАРК) мы здесь подразумеваем поздние куро-аракские памятники и их дериваты. В таблицах иллюстраций приводятся в сравнительном порядке инвентарь погребений по первой публикации и реконструированные комплексы, воссоединённые с находками из погребений и грабительских ходов.

Материалы курганов у с. Дзуарикау

Курган № 1 (рис. 1–5). Диаметр кургана – 30 м, высота насыпи – 2,7 м.

Стратиграфия погребений. В кургане было 7 погребений разного времени. Основным является погребение 1/20 майкопской культуры³, над которым была насыпана древнейшая насыпь. В этот курган были впущены 2 майкопских погребения, без изменения насыпи кургана. Первым в этот курган было впущено погребение 1/19 кубано-терской культуры с топором «новосвободненского типа» (рис. 2.1.6). Последним впускным в майкопский курган было погребение 1/15 смешанной традиции, выразившейся в кубано-терской технологии и типологии сосудов и куро-аракской типологии в закавказском облике бронзового топора «типа Сачхере») [2, рис. 12.36] (рис. 4). Шестое и седьмое впускные погребения (1/18) относятся к кубано-терской культуре III и IV этапов [11].

Погребение 1/19 (рис. 2.1) – *впускное*, порядковый № 4, с курганного слоя II, с насыпи майкопского времени. Находилось по центру, под бровкой 0, на глубине от вершины современной насыпи – 2,4 м. Яма обнаружена по заполнению её булыжником в западном разрезе бровки 0, куда она входила углом. Дно погребения находилось на древнем горизонте. Размеры ямы 3×2 м. Ориентировка – ЮЗ–СВ. Погребальная камера была забросана булыжником и перекрыта насыпью, с поверхности которой прослеживается идущий к ней грабительский ход.

На дне ямы, с разбросанными булыжниками находились развалы нескольких сосудов.

Сосуд 1: высота – 17 см; диаметр – 17 см; цвет – коричнево-жёлтый снаружи и жёлтый изнутри; с двумя ленточными

³ В двух курганах Дзуарикау №1 и №2 майкопские погребения были основными в курганах и предшествовали погребениям кубано-терской культуры. Они выпадают из тематики статьи, были ограблены в древности и здесь не описываются, а только иллюстрируются (рис. 2.1).

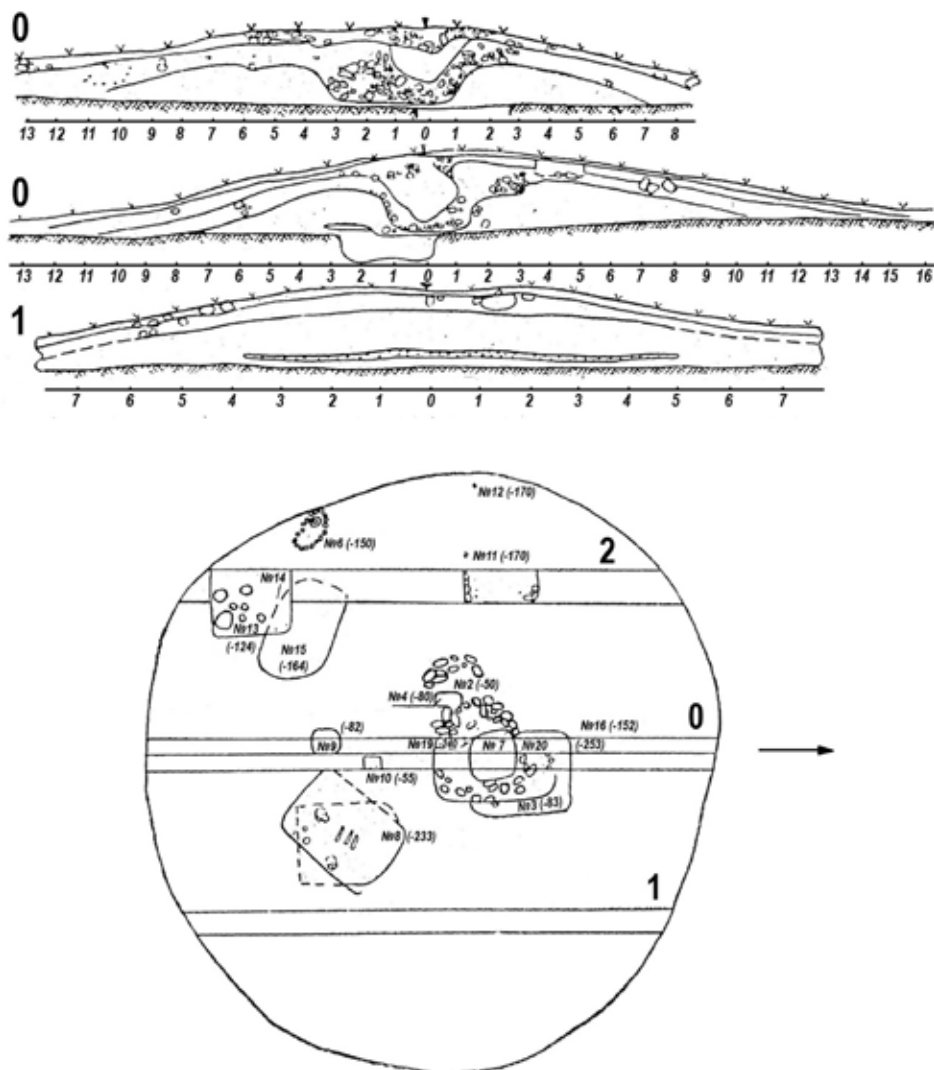

Рис. 1 / Fig. 1. Дзуарикау, курган 1, план и бровки: прямая стратиграфия погребений № 20, № 8, № 19 (в скобках – глубина ям от 0) / Dzuarikaу, mound 1, plan and sections: direct stratigraphy of graves no. 20, no. 8, no. 19 (in brackets – depth of the grave from the top of the mound)

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

ручками от венчика до горловины. Орнамент – горизонтальные линии чередующихся оттисков трубчатого штампа и оттисков шнура, ниже которых идёт один ряд спиралей, сделанных оттисками шнурового штампа, разделённых вертикальными рядами оттисков трубчатого штампа (рис. 2: I: 2;).

Сосуд 2: высота – 22 см; диаметр – 22 см; одноручный с канелированной ручкой (рис. 2.I.3); цвет – светло-коричневый снаружи, жёлтый изнутри, ангоб. Украшен по плечикам горизонтальными линиями из оттисков трубчатого штампа, чередующихся с линиями шнуровых оттисков, окаймленных рядом висячих тре-

угольников, выполненных шнуровыми оттисками. Дно с небольшим поддоном.

Сосуд 3: с двумя ленточными ручками; высота – 10,6 см (рис. 2.1.5); цвет – тёмно-серый, без ангоба. Украшен 3 горизонтальными линиями косых насечек, разделённых линиями оттисков шнурового штампа.

Сосуд 4: на 3 ножках без орнамента – трипод (рис. 2.1.4.); цвет – коричневый изнутри и снаружи; высота – 16,5 см.

Топор проушной, бронзовый – находился в западном углу ямы, рядом с одноручным сосудом (рис. 2.1.6). Длина топора со «спинки» – 10,6 см. В центральной бровке видна грабительская яма № 3, которая разрушила погребение 1/19, дойдя до его дна. Грабительская яма была впущена с последнего курганного слоя (рис. 1). Грабительская яма № 3 прошла через заполнение грабительской ямы майкопского времени № 2, поэтому в яме № 3 обнаружены сосуды как из погребения 1/19 (находки 1/2-4, по отчётной нумерации), так и из погребения 1/7.

Выброшенные грабителями сосуды находились на глубине 0,3–0,5 м от вершины кургана, среди камней (рис. 4 II), на расстоянии от центра к северу – 3,17 и 2,25 м и от центра к западу 1 и 1,5 м. Таких сосудов было 5, 3 из которых отреставрированы. Они дополняют выше обозначенную коллекцию керамики из погребения 1/19 качественно и количественно. К ним относится и находка бронзового предмета неопределённой формы (ножа?).

Сосуд 5 (рис. 3.6) – шаровидный с узким горлом без ручек; цвет – оранжево-жёлтый изнутри и снаружи, в изломе; высота – около 25 см. Орнамент – большие треугольники, заштрихованные оттисками шнура (ближайшая аналогия Ногир 1/6) [11, каталог].

Сосуд 6 (рис. 3.7) – является аналогией сосуду 5. Орнамент – широкие полосы, заштрихованные линиями оттисков шнурового штампа; цвет – красно-коричневый снаружи и изнутри; высота – около 22 см.

Сосуд 7 (рис. 3.9) – с двумя ручками на линии наибольшего диаметра, на 4 ножках, как в погребениях Дзуарикау 1/15, 2/2, 7/4. Украшен по плечикам врезными линиями вписанных углов.

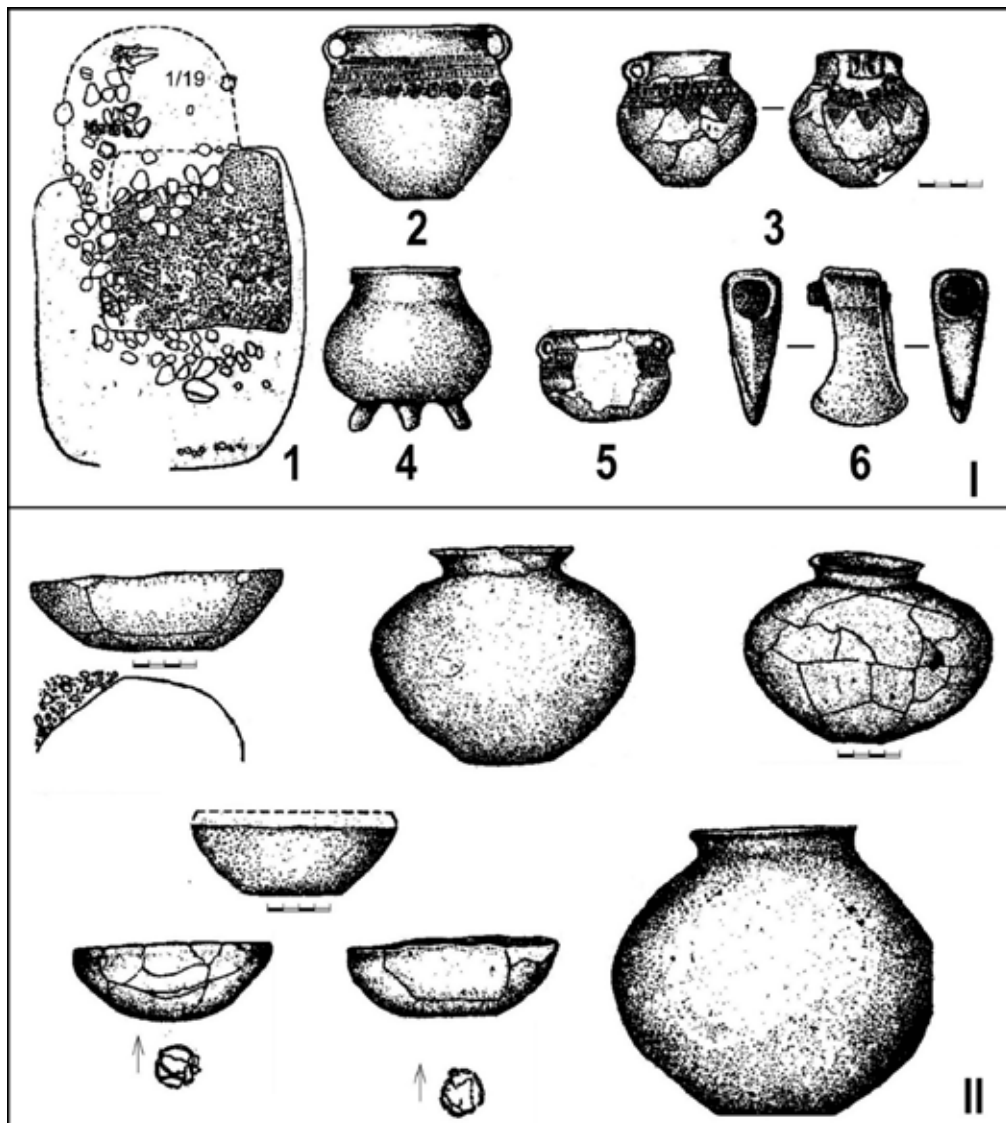
Сосуд 8 (рис. 3.8) – амфоровидный без ручек; высота – 28 см, диаметр – 25 см, диаметр горловины – 18 см. Орнамент плечевой части – 4 строенных валиков, спускающихся от горловины до наибольшего диаметра тулова; горловина окаймлена двумя валиками, оттисками трубчатого штампа (ямки) и линией простого шнура. В пространстве между вертикальными валиками отмечена незамкнутая фигура типа заштрихованного шнуром треугольника.

Оставшиеся 3 сосуда не восстанавливаются.

Таким образом, в результате дополнения погребения 1/19 сосудами из грабительской ямы инвентарь насчитывает 9 (или с реконструируемыми – 11) сосудов ведущих типов кубано-терской культуры (КТК) и топор новосвободненского типа. Этот факт позволяет сблизить погребение 1/19 с дольменами Новосвободной, но присутствие шнурового орнамента и двуручных «кратеров», как в культуре шнуровых керамик [1, с. 175, рис. 19.15; с. 172, рис. 16.25–26], а также более развитого, чем новосвободненский, проушного топора, ставит погребение 1/19 в следующий горизонт за новосвободненской культурой РБ Пв [11; 15].

Атрибуция: кубано-терская культура 1 этапа [11]. Новосвободненские погребения и керамика в урочище «Клады» [16], по нашей гипотезе, аналогичны и синхронны погребальным памятникам позднетрипольского времени Молдовы [4; 20].

Кенотаф 1/15 – впускной, № 5 (рис. 1.4.1:1). Находился в юго-западном секторе кургана, в траншее 0-2. Последняя насыпь (слой I) законсервировала выкид из погребения 1/15 (РБ Пв). Погребение 1/15 стало последним впускным в этот слой, и курган приобрёл современные очертания после сооружения

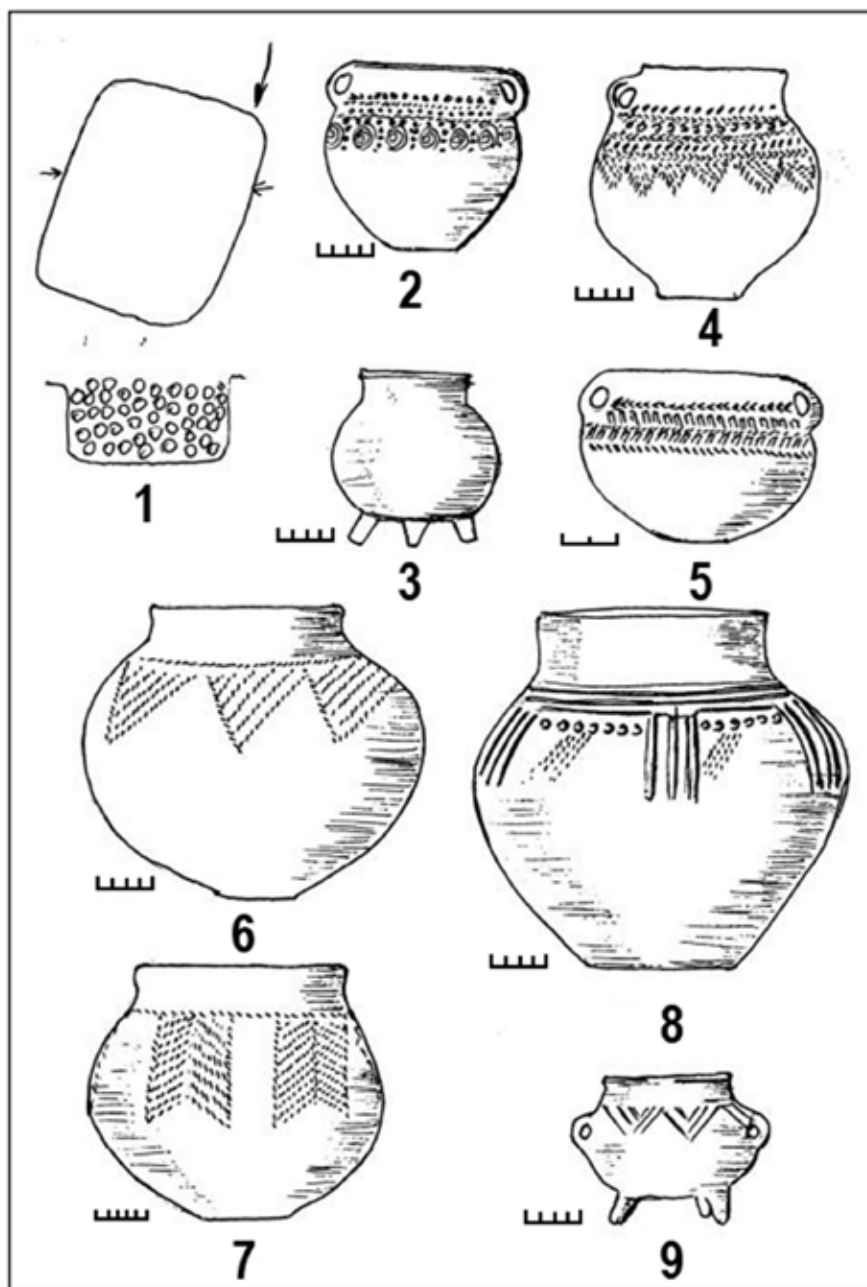

I. Погребение 1/19 (керамика и топор in situ № 2-5, топор № 6);

II. Майкопские сосуды из грабленных могил 1/20 и 1/8

Рис. 2 / Fig. 2. Дзуарикау, курган 1 / Dzuarikau, mound 1

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

1. Реконструкция керамического комплекса из погребения 1/19 (в плане и разрезе);
2–5. Сосуды in situ; 6–9. Реконструированные сосуды из грабительского хода

Рис. 3 / Fig. 3. Дзуарикау, курган 1, погребение 1/19 / Dzuarikaу, mound 1, grave 1/19

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

кенотафа 1/15. Его длинная ось ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры ямы – 2,3×1,6×1,4 м. Вдоль южной стены стояли в одну линию 4 сосуда. По центру ямы на дне лежал бронзовый проушной топор и листовидный нож с черенком. Ближе к западной стороне кенотафа находились две серебряные ушные подвески с несомкнутыми концами.

Человеческих останков обнаружено не было.

Погребение представляло собой кенотаф, хотя предметы лежали так, как если бы в нём находился лежавший в вытянутом положении костяк (подвески – на месте головы, топор – на груди, сосуды вдоль стенки).

Инвентарь: керамические сосуды, топор, нож, подвески.

Сосуд 1 (рис. 4.1.2) – с открытым устьем и двумя ленточными ручками от венчика к плечикам; высота – 14,3 см, диаметр – 16,6 см, цвет – серо-жёлтый снаружи; чёрный – изнутри. Орнамент представлен 3 опоясывающими линиями оттисков треугольного штампа, одной линией косых клиновидных насечек и линией оттисков треугольного штампа.

Сосуд 2 (рис. 4.1.3) – аналогичен сосуду 1, с открытым устьем, вогнутой горловиной с двумя ленточными ручками от венчика; высота – 12,6 см, диаметр – 16 см, цвет – снаружи коричневый; изнутри серо-коричневый. Орнамент на переходе от горловины к плечикам – 3 линии оттисков треугольного штампа.

Сосуды 1 и 2 представляют один из трех ведущих типов КТК, который условно и для краткости, и по сходству функции обозначены нами как «кратеры».

Сосуд 3 (рис. 4.1.6) – «корчага» высотой – 36,6 см и диаметром – 32 см. Цвет снаружи и изнутри – серо-красный, в изломе – чёрный¹. Ручки жгутовидные на линии наибольшего диаметра. Неорнаментирован.

¹ Цветность и обработка поверхности сосудов соответствуют кубано-терской керамической технологии.

Полные аналогии находятся в погребении 2/2 в Дзуарикау, что является доказательством их синхронности и аналогичной атрибуции.

Сосуд 4 (рис. 4.1.5) – двуручный, на 3 ножках – *трипод* – с ленточными ручками на линии наибольшего диаметра; высота – 15,5 см, диаметр – 15,3 см; цвет снаружи и изнутри – серо-жёлтый, в изломе – чёрный. Неорнаментирован².

Топор – бронзовый, узкий, с изогнутой формой лезвия с оттянутой обушной частью сачхерского типа [2, с. 40–41, табл. 12, 19, рис. 3, с. 26]. Длина – 11,8 см, ширина лезвийной части – 3,5 см, ширина у основания проуха – 2,2 и 3,4 см, длина проушного отверстия – 2,7 см и 3 см, ширина в фас – 2,4 см. Проушная часть имеет литейный шов в виде ребра. Орнамент в виде горизонтальных защипов окаймляет проушное отверстие. Аналогии в Грузии в куро-аракских памятниках [2, табл. 12:36, с. 41].

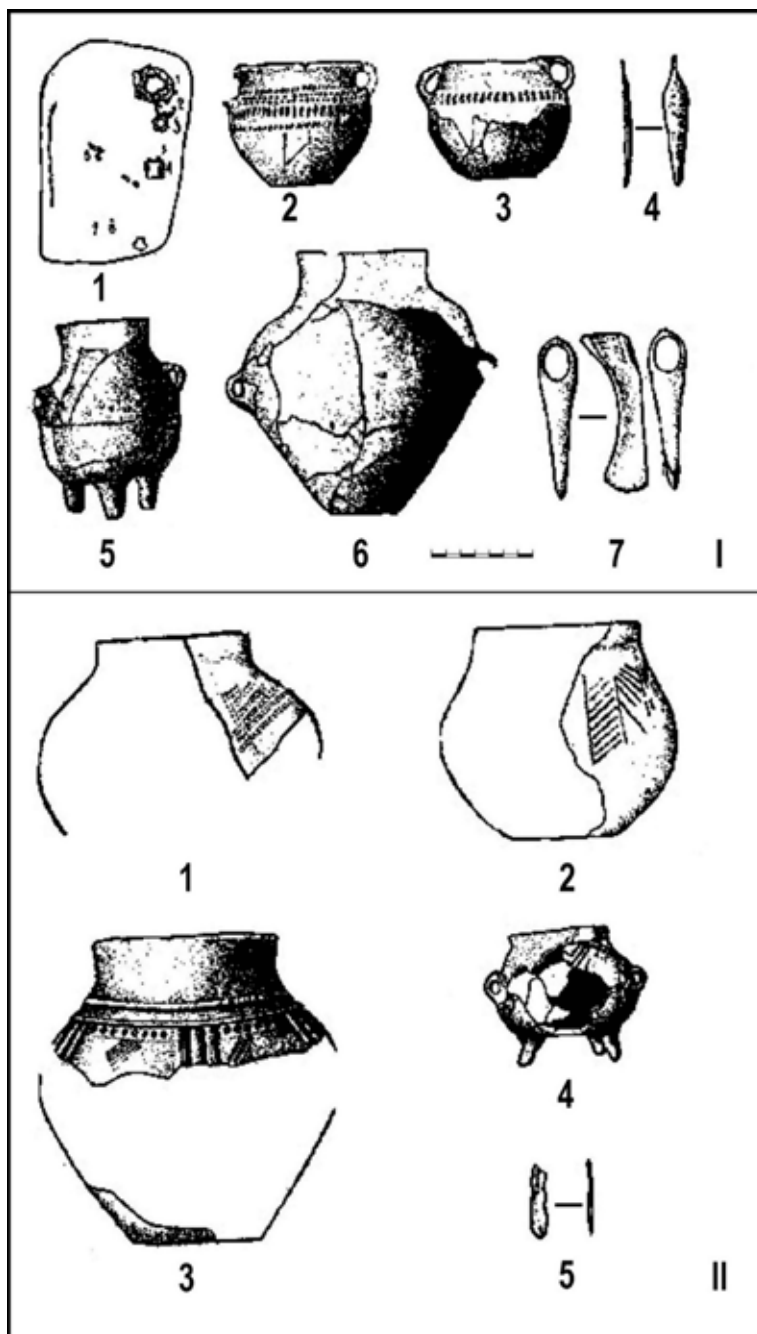
Нож – длиной 9,7 см, шириной – 1,9 см, толщина – 0,3 см. [2, табл. 12:56–62, с. 41].

Подвески-кольца с несомкнутыми концами диаметром 1 см, аналогичные подвескам в кенотафе 1/15. Атрибуция устанавливается как смешанная: КТК/ККА. Хронология: РБ Ш/СБ 1³.

Погребение 1/13-14 + комплексы 1/9, 10+1/5 (рис. 5.VII) – *впускное*, № 6. Обнаружено в виде площадки с обломками рассыпающихся сланцевых плит, булыжниками и сосудами в траншее 0–2 в насыпи, которая входила углом в бровку 2 с востока. Глубина площадки – 1,24 м от вершины кургана. Контуры захоронения

² Такой сосуд без ножек был найден в кургане Днепровского левобережья и отнесён к культуре шаровидных амфор (Богуслав, 23/12) (Андросов А. В., Марина З. П., Завгородний Д. И. Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1991. С. 4–20, рис. 5.2).

³ РБ Ш – это «культурно-хронологическая аббревиатура» периода, который определяет конец куро-аракской эпохи и начало пост-новосвободненской РБ Пб. Период существования 1/15, скорее всего, соответствует времени захоронения 1/19, по триподам.

I. Погребение 1/15;

II. Сосуды (комплекс по полевой документации 1/2, 4 из грабительского хода к 1/19)

Рис. 4 / Fig. 4. Дзуарикау, курган 1 / Dzuarikaу, mound 1

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

не прослеживались. Видимо, площадка представляла собой дно ямы с плиточным перекрытием. *Находилась на 40 см выше края погребения 1/15.* Погребение нельзя считать грабительским ходом к могиле 1/15, поскольку площадка не доходит до её края на 40 см. *Значит, это отдельное захоронение, более позднее по стратиграфии, чем погребение 1/15.* Останков человеческого скелета не обнаружено. Состояние сохранности объекта, обломки плит, фрагменты керамики близких типов из комплексов 1/9, 1/10 (по полевой нумерации), которые находились между камней на поверхности последней насыпи в бровке 0 на расстоянии 3,2 м, позволяет объединить объекты 1/13-14 и 1/9-10 и воссоединить керамический комплекс. Грабительская яма № 4 была введена с поверхности первого курганного слоя и шла от центра к западу.

Число сосудов в погребении 1/13-14 – 6; из них реставрировано 4, а 2 сосуда реконструировано. Три сосуда представляли собой кружки высотой от 5 до 8 см. Маленькая кружка находилась в горшке биконической формы с утолщённым венчиком высотой 10,5 см. Цвет сосудов разный: тёмнокоричневый, краснокоричневый, серый и жёлтый. Сосуды были покрыты ангобом изнутри и снаружи, поскольку имели в изломе чёрный цвет. Орнамент отсутствовал. *Атрибуция:* кубано-терская культура III этапа. *Хронология* СБ 1 а3. Аналогии сосудам обнаруживаются в соседнем кургане (курган 3 погребение 1). Поскольку они представляют собой более выразительный комплекс, то *хронология погребения 1/13-14 устанавливается по 3/1.*

Комплекс 1/9 (рис. 5) связан с погребением 1/13-14. Был обнаружен в южной половине центральной бровки на глубине – 0,82 м. Находился на выкиде из грабительской ямы, разрушившей погребение 13-14. Состоял из фрагментов большого сосуда высотой около 13 см с двумя ленточными ручками от венчика до плечиков и двух маленьких с ручками.

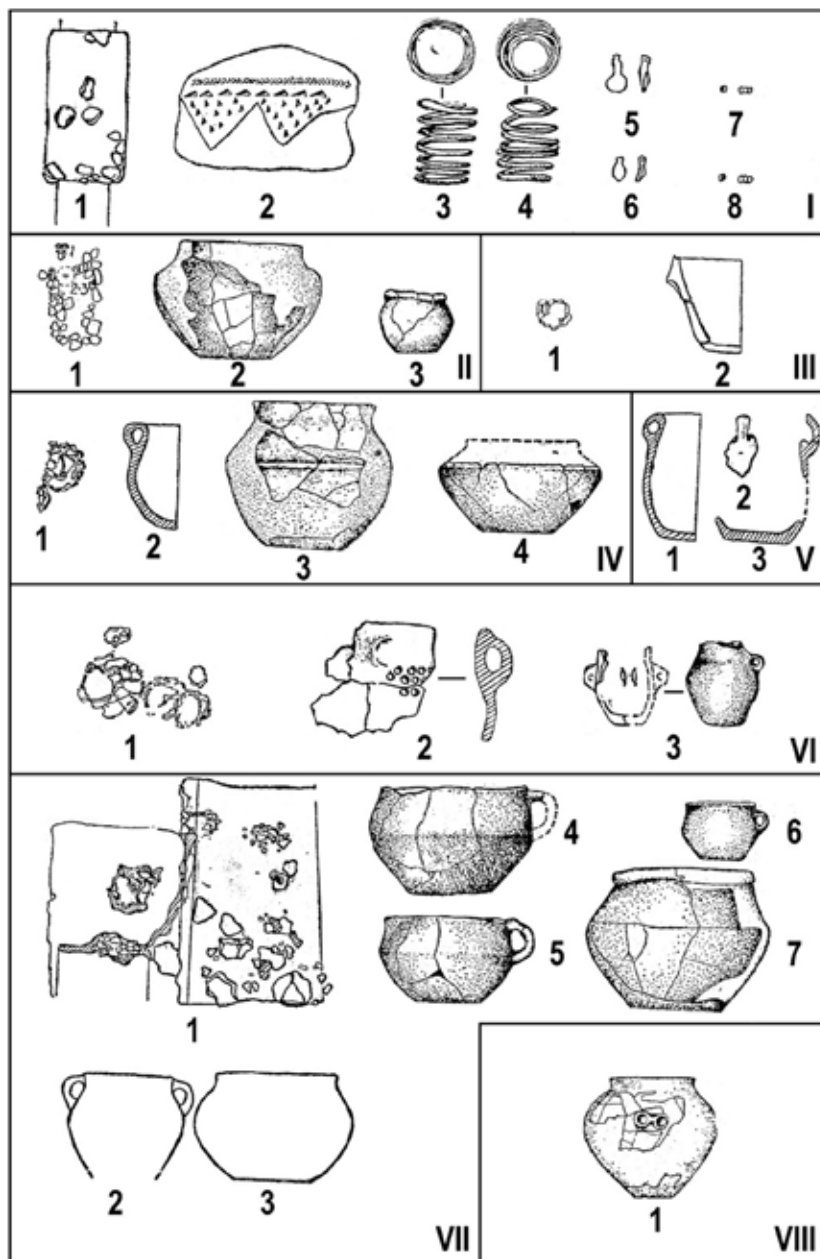
Большой сосуд орнаментирован 3 линиями отисков трубчатого штампа диаметром 0,5 см. Маленькие сосудики высотой около 6 см имели одну и две плоские ручки с отверстием. Цвет сосудов серо-коричневый.

Комплекс 1/10 (рис. 5) связан с погребением 1/13-14. Обнаружен в центральной бровке к югу от центра, на глубине от вершины 0,55 см. Находился на выкиде из грабительской ямы № 4, разрушившей погребение 1/13-14. Грабительский ход шёл от центра на запад. Были обнаружены фрагменты 2 сосудов высотой 28 и 27 см и небольшого горшка биконической формы с конической горловиной и утолщением на линии наибольшего диаметра высотой 11,3 см. Такое же утолщение было на одном из больших сосудов. Маленький сосуд с одной или двумя ручками от венчика находился в большом сосуде, как черпак, высотой 7,2 см.

Комплекс 1/5 (рис. 5) связан с погребением 1/13-14. Большой сосуд имел 2 очковидных налёпа на линии наибольшего диаметра.

К этому погребению можно было бы отнести комплексы 1/6, 1/11, 1/12 (по полевой нумерации), из 4 сосудов в северной части бровки 2, на глубине 1,70 см от поверхности, в 2 и 5 м от погребения 6. Находки представлены неорнаментированными сосудами единичных типов (сосуд с конической горловиной без ручек и сосудом с двумя ручками), а также миской с двумя выступами (рис. 5. II, 5. III, 5. V), имеющих аналогию с 5/5.

Погребение 1/18 (рис. 5. I. 6. II) – *впускное, порядковый номер № 7.* Находилось в бровке 2, первой к западу от центральной, в первом курганном слое. Глубина площадки – 0,9 м от дневной поверхности. Было обнаружено при зачистке бровки по выпавшим браслетам. Бровка 2 была снята на всю длину ямы. Зачищена площадка с обломками плит. Размеры 2,2×1,2×0,9 м. В южной части обнаружен набор украшений; кроме них, фрагменты 2 сосудов, которые не восстанавливаются

I – погребение 1/18
 II – погребение 1/6
 III – погребение 1/12

IV – погребение 1/10
 V – погребение 1/11
 VI – погребение 1/9

VII – погребение 1/13-14
 VIII – погребение 1/5

Рис. 5 / Fig. 5. Дзуарикау, курган 1 / Dzuarikaу, mound 1

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

полностью, но имеют характерные культурные признаки. Погребение 1/18 было впущено с поверхности слоя I. Находилось в яме, перекрытой плитой. Судя по размерам ямы, погребение было вытянутым и ориентировано на юг.

Инвентарь:

Сосуд 1 (рис. 6.П.1) – коричневого цвета снаружи и изнутри, орнамент на плечевой части сосуда представлял собой линию оттиска шнура, ниже которой была нанесена линия оттисков треугольного штампа, к которой присоединены большие треугольники вершиной вниз, заполненные оттисками треугольного штампа; высота – 22 см.

Сосуд 2 (рис. 6.П.2) – «кратер» красно-коричневого цвета с двумя ленточными ручками от венчика (обнаружена одна ручка), орнамент состоит из шнуровых оттисков, образующих композицию «ёлочка», высота – 12,5 см.

Браслеты бронзовые в 7 витков (рис. 5.І.3-4; 6.П.3). *По браслетам связывается с 2/1, 2/6* (рис. 6.П.4).

Бронзовая подвеска в виде сдвоенного медальона (рис. 6.П.4).

Бронзовая ложковидная подвеска (рис. 6.П.4).

Рубчатые пронизки из темно-синего египетского(?) фаянса (рис. 6.П.4).

Подвеска из зуба ископаемой рыбы.

Бронзовая подвеска в виде раковины улитки (рис. 6, П: 4).

Атрибуция: кубано-терская культура.
Хронология: СБ 1с.

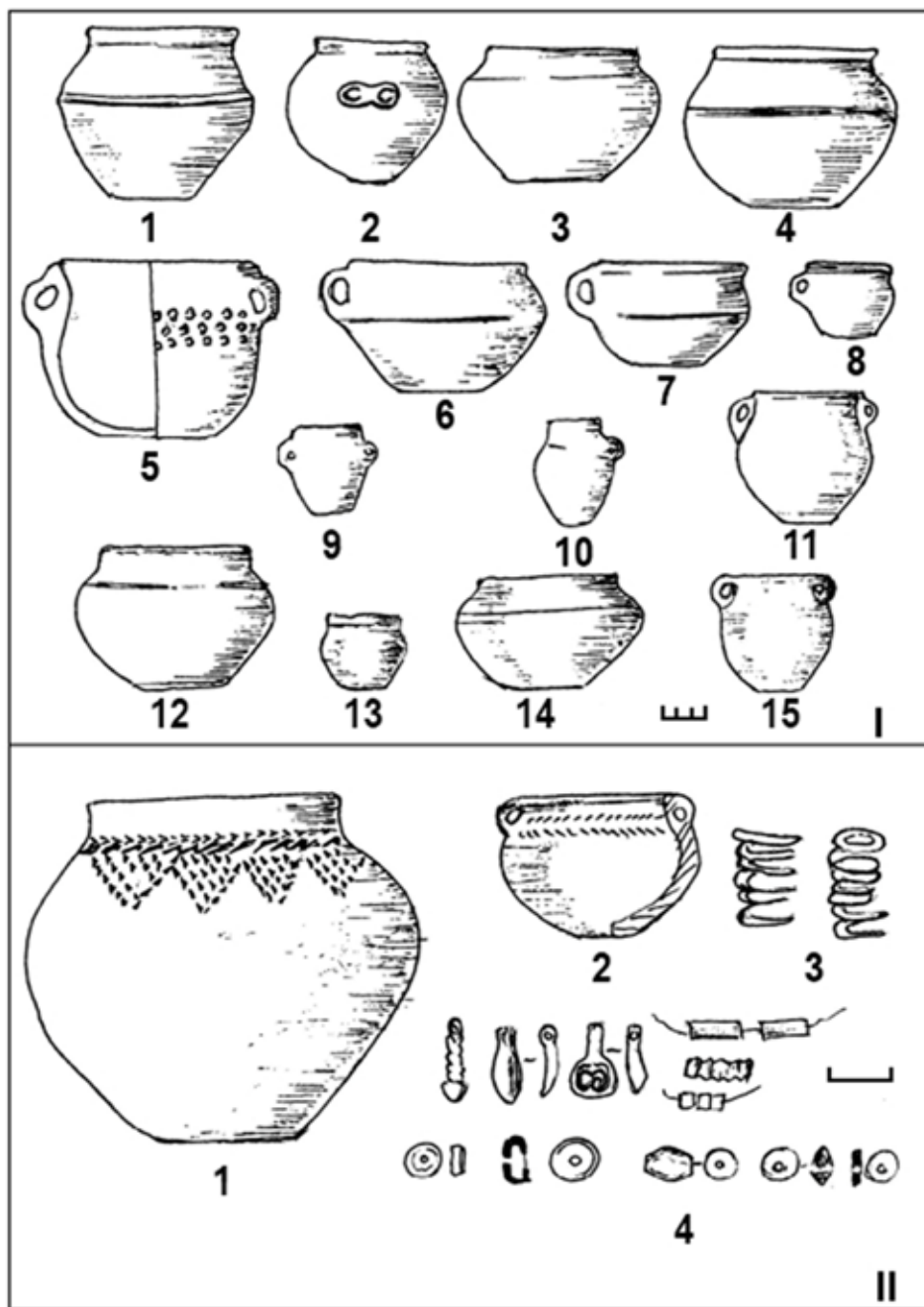
Курган № 2 (рис. 7–9). Памятник представлял собой пологую невысокую насыпь, поросшую травой, высотой – 1 м и диаметром – 20 м. На поверхности насыпи отмечены камни.

Стратиграфия прослеживалась в разрезах центральной бровки (рис. 7.1-2). Насыпь состояла из двух курганных слоёв. Погребённая почва отмечена на глубине 1,2 м, а материк – на глубине 1,5 м. Древнейший курган был укреплен кромехом из валунов размером 0,5×0,2–0,5 м.

Древнейшим погребением в кургане было основное майкопское, за которым шло впускное майкопское, которое «село» в заполнение основного захоронения (прямая стратиграфия). Поскольку очевидна древность майкопских комплексов, которые были ещё и ограблены, в соответствии с темой статьи мы не приводим их описание (рис. 9.П, 9.ПІ).

Кенотаф 2/2 впущен с поверхности этого кургана и забросан камнями. Он зафиксирован на глубине 0,7 м от вершины, т. е. с поверхности древнего кургана. Последним впускным стало погребение, которое было разрушено. Первые 2 погребения относятся к майкопской культуре. Судя по инвентарю и обряду, погребение 2/2 относится к смешанной кубано-терской и куро-аракской традиции, судя по сочетанию кабардино-пятигорского топора и корчаги по куро-аракской керамической технологии. Четвёртое впускное захоронение относится к кубано-терской культуре этапа, где доминирующим является тип «шаровидная амфора» с орнаментацией треугольным орнаментальным штампом при отсутствии куро-аракских черт, как по форме, так и по технологии.

Кенотаф 2/2 (рис. 8.ПІ) – *впускной; третий по порядку введения в курган.* Стратиграфически следовал за майкопскими захоронениями. В свою очередь, 2/2 перекрывалась погребением с порядковым номером 4 (прямая стратиграфия). Глубина от вершины до края ямы – 0,7 м, а до дна – 1,86 м. Яма была обнаружена по каменной наброске над ней (размеры 2,3×2,2 м). Вероятно, каменный курган над погребением 2/2 был законсервирован земляной насыпью (курганый слой I). Ближе ко дну яма приобретала очертания прямоугольника с закругленными углами. На её дне (размеры 2,7×1,65×1,16 м) у северной стенки стояло в ряд 4 сосуда. В центре кенотафа лежал гладкий топорик из змеевика кабардино-пятигорского типа (1 стадии, по В. А. Сафронову). Около него находилась

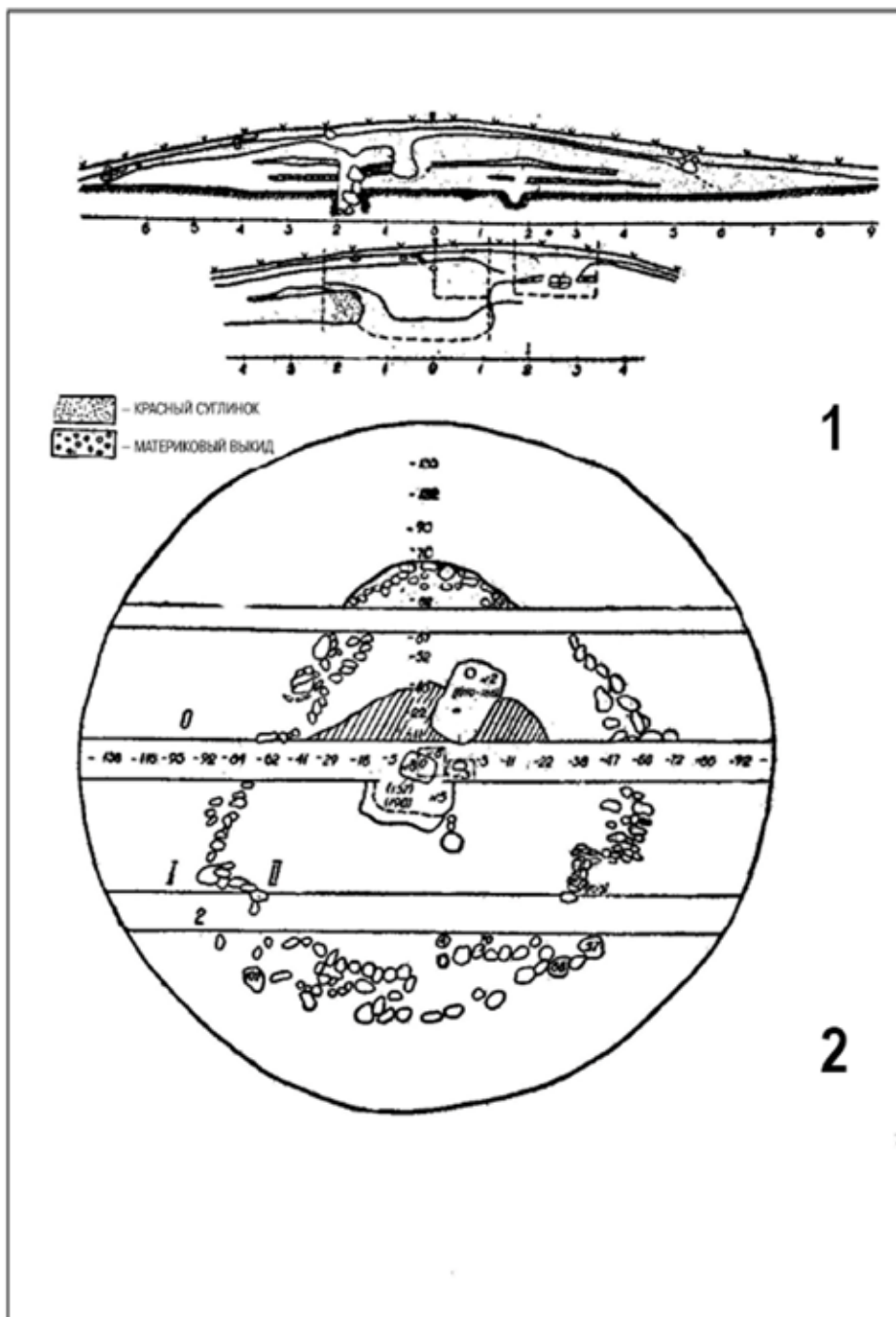

I. Реставрированные из разрушенного погребения 1/13-14, воссоединенные с «комплексами из грабительских ходов» 1/9, 10, 11, 12+1/5);

II. Реконструкция погребения 1/18 в западной от центральной бровке по центру

Рис. 6 / Fig. 6. Дзуарикау, курган 1 / Dzuarikaу, mound 1

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

1. Центральная бровка; 2. План кургана

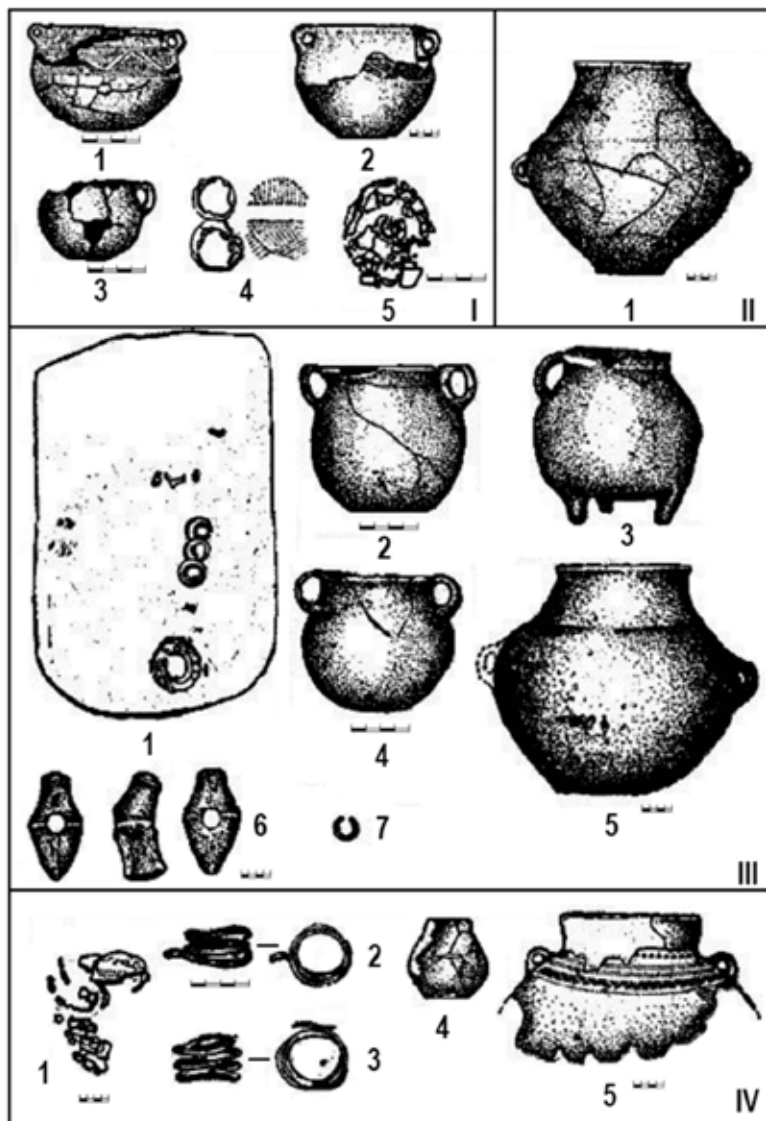
Рис. 7 / Fig. 7. Дзуарикау, курган 2 / Dzuarikaу, burial mound 2

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

серебряная кольцевидная подвеска с несомкнутыми концами.

Сосуд 1 (рис. 8. III.5) – корчага высотой 33,5 см, диаметр – 34,5 см, цвет снаружи – чёрный, матовый, изнутри – жёлтый.

Сосуд 2 (рис. 8. III.3) – сосуд на трёх ножках с одной ленточной ручкой от венчика к плечикам, высота – 11,37 см, диаметр – 15,6 см, цвет чёрный, изнутри – светло-коричневый, в изломе – чёрный.

I. Погребение 2/1;
II. Корчага в кромлехе 2/4;

III. Могила-кенотаф 2/2;
IV. Погребение 2/3

Рис. 8 / Fig. 8. Дзуарикау, курган 2 / Dzuarikaу, burial mound 2

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

Сосуд 3 (рис. 8.III.4) – «кратер» с двумя ленточными ручками от венчика, высота – 14,3 см, диаметр – 14,3 см, цвет – коричневый снаружи, внутри – серо-коричневый.

Сосуд 4 (рис. 8.III.2) – «кратер» с двумя ленточными ручками от венчика, высота – 12,9 см, диаметр – 15 см, цвет – чёрный снаружи и серый изнутри.

Топор гладкий – из змеевика серо-зелёного цвета, длина – 9,2 см (рис. 8.III.6).

Подвеска – с несомкнутыми концами, серебряная диаметром 1 см (рис. 8.III.7).

С этим же погребением связывается находка корчаги в кромлехе 2/4, того же типа, что и корчага в погребении 2/2 (рис. 8.II).

Таким образом, инвентарь погребений 1/15 и 2/2 включал сосуды типологически идентичные, одинаковые корчаги, серебряные подвески «как бы у головы», но топор сачхерского типа был в погребении 1/15 с сосудами по кубано-терской керамической технологии, а топор из змеевика кабардино-пятигорского типа (характерная черта кубано-терской культуры) находился вместе с типичными сосудами КТК (кратеры), но выполненными по куро-аракской технологии. Оба погребения следует считать одним из доказательств для определения времени прямых и тесных контактов КТК и КАРК.

Погребение 2/6-7+2/3+2/1 (рис. 8.I) – *впускное, четвёртое по порядку введения в курган*. Находилась в центральной части кургана, в бровке 0 на глубине 1 м от вершины кургана, почти на уровне древней дневной поверхности. Представляла собой яму, стенки которой были выложены на высоту 0,5 м крупным булыжником. Длина площадки в бровке около 2 м по линии С-Ю. С юга к ней примыкал комплекс, состоящий из 2 сосудов и 2 браслетов (погребение 2/3 по полевой нумерации). Расстояние сосуда, фрагмента амфоры с орнаментом, от центра кургана – 2,3 м. Кроме того, на расстоянии 1,7 м от центра на той же глубине 1,07 м находились сосуды, стоящие в линию

3-В. Они были обозначены комплексом 2/1 (по полевой нумерации). Анализируя ситуацию, мы пришли к выводу, что комплексы 2/1, 2/3, 2/6-7, по полевой нумерации, следует считать *инвентарём одного и того же захоронения, четвёртого впускного в курган*. Размеры реконструированной ямы 2,3×1,5×1,07 м. Она была ориентирована по линии СЗ-ЮВ и выходила углом из бровки 0 с восточного разреза, а в западном разрезе фиксировалась как яма длиной – 2,5 м.

Инвентарь состоял из сосудов **комплекса 2/6** по полевой нумерации.

Сосуд 1 (рис. 8.I.2) – «кратер» с двумя ленточными ручками от венчика, с тёмно-жёлтым ангобом; украшен по плечикам нарезками, образующими вписанные углы, высота – 24,6 см, диаметр – 27,2 см.

Сосуд 2 (рис. 8.I.6.) – с двумя ленточными ручками от венчика, жёлтого цвета, высота – 12 см, диаметр – 14 см; орнамент нанесён шнуровым и треугольным штампами.

Сосуд 3 (рис. 8.I.4) – одноручный, без орнамента; высота – 9,4 см, диаметр – 8,4 см.

Сосуд 4 – кружка, без орнамента; высота – 6,5 см, диаметр – 7,3 см.

Кроме того, инвентарь погребения включал также **сосуды комплекса 2/3**.

Сосуд 5 (рис. 8.IV.5.) – амфора красно-коричневого цвета снаружи и изнутри, чёрного цвета в изломе, с двумя ленточными ручками по плечикам. Реконструируемая высота – 20,8 см, диаметр – 21 см. Орнамент представлял собой горизонтальные линии оттисков треугольного штампа и оттисков шнура. От ручки к ручке шла линия рельефного зигзага, сделанная вдавлениями треугольного штампа.

Сосуд 6 (рис. 8.4) – без орнамента, высота – 6 см.

Помимо перечисленных, к инвентарю погребения относились сосуды из комплекса 2/1 по полевой нумерации.

Сосуд 7 (рис. 8.I.3) – коричневого цвета, покрыт ангобом изнутри и снаружи, с двумя ленточными ручками от венчика

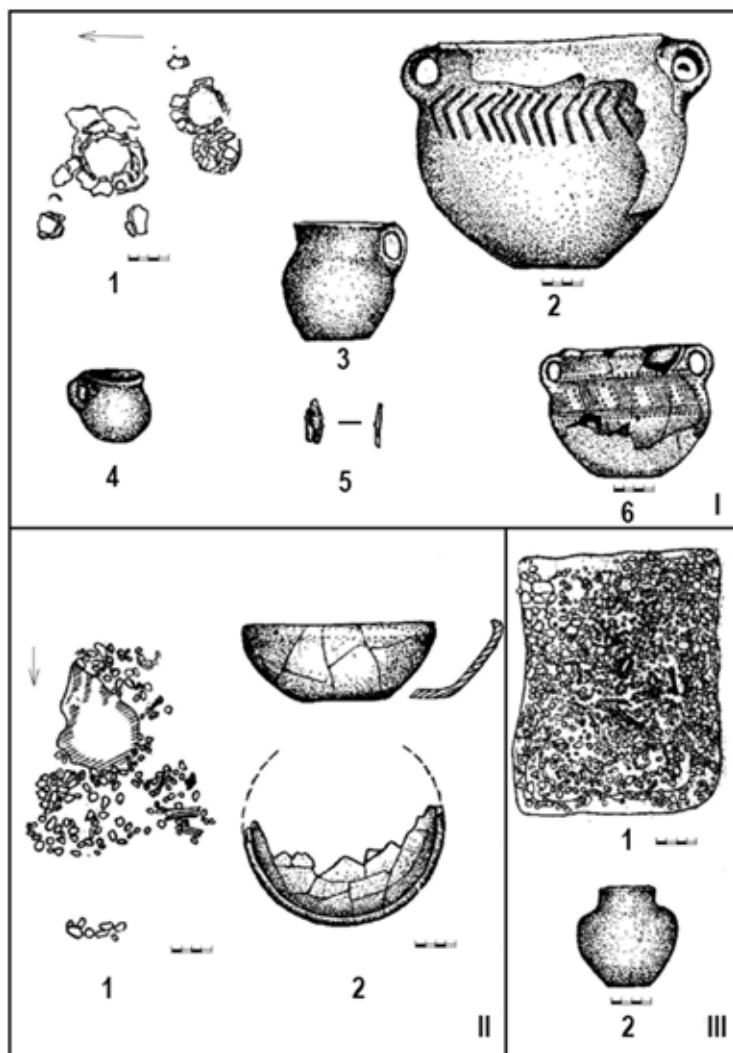
к плечикам, с орнаментом на плечевой части, составленным из треугольников, окаймлённых треугольным штампом и заштрихованных вертикальными линиями отисков шнура. Треугольники расположены вершиной вверх и вниз. Высота – 8,6 см, диаметр – 12,4 см.

Сосуд 8 (рис. 8.I.5.). С двумя ленточ-

ными ручками, тёмно-коричневого цвета изнутри, снаружи и в изломе. Высота – 10,7 см. Диаметр – 16,0 см.

Сосуд 9 (рис. 8.I.4.) – кружка без орнамента, ручка от венчика; диаметр – 10,1 см, высота – 7,9 см. Ангоб коричневого цвета изнутри и снаружи.

Браслеты бронзовые в 3 витка.

I. Погребение 2/6 : 1 – развал сосудов; 2–4, 6 – отреставрированные сосуды: бронзовый предмет неопределенной формы; II. Погребение 2/8 – впускное майкопское; III. Погребение 2/5 – основное майкопское (дно покрыто мелкой речной галькой, на которой кости скелета)

Рис. 9 / Fig. 9. Дзуарикау, курган 2 / Dzuarikau, burial mound 2

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

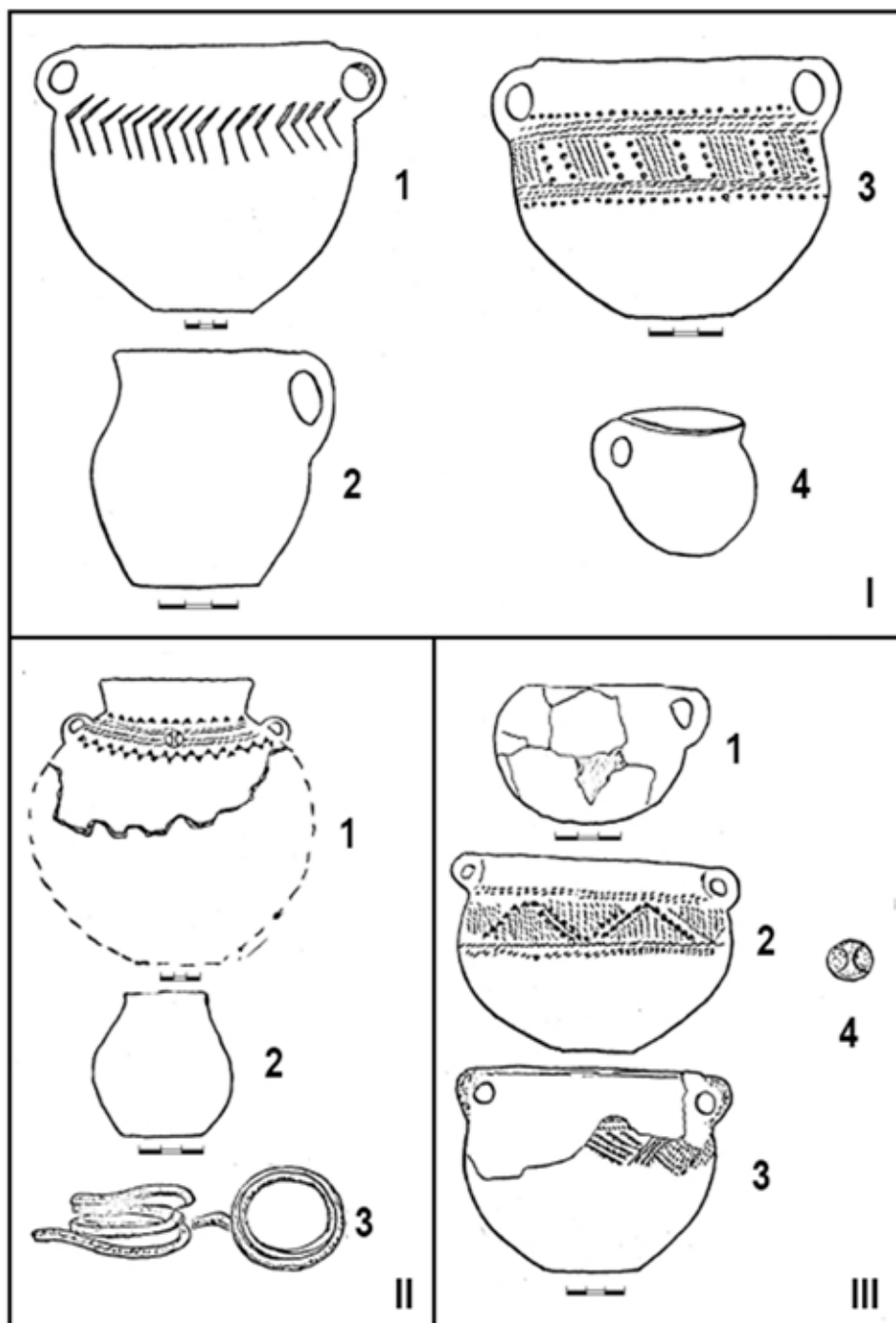

Рис. 10 / Fig. 10. Дзуарикау, курган 2. Реконструкция разрушенного погребения (комплексы I – 2/1, II – 2/3, III – 2/6–7) / Dzuarikau, burial mound 2. Reconstruction of the destroyed burial (complexes I – 2/1, II – 2/3, III – 2/6–7)

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

Курган № 3 (рис. 11–12). Невысокая насыпь из земли и камней, поросшая травой. Высота – 1,09 м, диаметр – 20 м. В южной поле кургана на глубине 0,5 м от дёрна были найдены сосуды, обозначены как комплекс 3/1 (рис. 11.П). Форма могильного сооружения единственного погребения – гробница, представлявшая собой длинный ящик из песчаниковых плит, ориентированный по линии север-юг. Ширина ящика – 2,3 м, высота – 0,6 м, длина боковых плит – 4,96 м, а длина покровной плиты – 4,87 м. Внутреннее пространство состояло из ямы в материке и заплечика-площадки. Площадка была разделена поперёк сплошной плитой, так что её северная половина образовала портал размерами 1,5×0,7 м, в котором находились сосуды и который с северной стороны был закрыт большим валуном. В ящике-портале и на заплечике ямы стояли сосуды (рис. 12.1).

Размеры ямы 2,04×1,79×0,52 м, причём её глубина 0,52 м измеряется от заплечика. Глубина ямы от покровной плиты – 1,04 м. Наброска камней лежала на покровной плите и со временем обвалилась в яму. Гробница была ориентирована по линии север-юг, а погребение было ориентировано по линии запад-восток.

На дне ямы лежал скелет женщины (?) на правом боку, головой на запад. Руки были согнуты и помещены перед лицевой частью черепа. На запястьях сохранились фрагменты трёхвитковых браслетов (рис. 12.6). У левого плеча лежала бронзовая рожковидная булавка. В отверстии булавки находилась бронзовая игла, закреплявшая её на одежде (?) (рис. 12.2). На груди лежали ложковидные подвески (рис. 12.1. 4–5), кольцевидная подвеска со шнуровым орнаментом (рис. 12.1.3), пастовые цилиндрические бусы, бусина с кружковым орнаментом и бронзовая подвеска в виде якоря или стрелки (рис. 12.8). Справа и слева от скелета находились сосуды (рис. 12.10–13). В ногах стоял большой сосуд, в котором лежал маленький сосудик (рис. 12.10).

Описание инвентаря

Булавка рожковидная (рис. 12.2) Такие булавки исследователи считали эндемичными для Кабарды. Так, Б. Е. Деген описал 6 находок подобных булавок из курганов в Кабардинском парке г. Нальчика, так называемых курганах в «садках». Позже археологами Кабардино-Балкарии три таких булавки были раскопаны в курганах у с. Чегем, Лечинкай [3]. Все они имеют одинаковое соотношение длины лопастей к длине стержня [19, с. 17, рис. 4].

Подвеска кольцевидная бронзовая с ушком (рис. 12.1.3). Орнаментирована «шнуром» по окружности (диаметры – 2,6 см и 1,2 см).

Браслеты бронзовые трёхвитковые (2 экз.) (рис. 12.1.6). Диаметр витка – 8 см.

Подвески ложковидные бронзовые – длина 2 см (рис. 12.1.4–5).

Подвеска в виде якоря или стрелки – длина 1 см (рис. 12.1.8).

Бусы пастовые – длина 0,7– 0,9 см (рис. 12.1.7).

Керамические сосуды (рис. 12.1.10–13).

Сосуды на заплечике

Сосуд 1 (рис. 11.П.2) – амфора саксо-тюрингского типа КШК с четырьмя брусковидными выступами на линии наибольшего диаметра. Высота – 26,7 см, диаметр – 28,8 см; ангоб имел серо-жёлтый цвет. Параллельные оттиски с ямочным узором спускаются от горловины к наибольшему диаметру, деля поверхность сосуда на 4 зоны. Такое деление на 4 сектора есть и на сосудах КШК, и в дольменах Новосвободной [16].

Сосуд 2 (рис. 11.П.4) – кружка-кубок жёлто-коричневого цвета, с выпуклой горловиной; высота – 9,8 см, диаметр – 12,2 см. Имеет ленточную ручку, идущую из-под венчика к наибольшему диаметру.

Сосуд 3 (рис. 11.П.3) – кружка-кубок жёлто-коричневого цвета с цилиндрической горловиной; высота – 11 см, диаметр – 15,3 см.

Сосуд 4 (рис. 11. П. 5) – кубок серо-коричневого цвета с конической горло-

виной; высота – 9,3 см, диаметр – 12,5 см; цвет – тёмно-коричневый снаружи, серо-жёлтый изнутри, в изломе – чёрный.

Сосуды в ящике-портале: 3/3 по левой нумерации

Сосуд 5 (рис. 12.П.2) – кувшин с желобчатой ручкой из-под венчика, тёмно-коричневого цвета, диаметр – 8,8 см, высота – 16,8 см.

Сосуд 6 (рис. 12.П.3) – тип «кратер», с двумя ленточными ручками, идущими от венчика к плечикам; орнамент на плечевой части состоит из двух горизонтальных полос, украшенных косыми оттисками шнурового штампа; высота – 6 см, диаметр – 12 см.

Сосуд 7 (рис. 12.П.4) – фрагменты «кратера», аналогичного сосуду 6, украшены горизонтальными полосами косых сдвоенных оттисков шнура, окаймленных *треугольным* штампом.

Сосуды в яме со скелетом (рис. 12) – не орнаментированы.

Сосуд 8 (рис. 12.І.12) – тип «кратер» с двумя ленточными ручками из-под венчика; цвет – серо-коричневый снаружи, серо-жёлтый изнутри; высота – 12,5 см, диаметр – 15 см.

Сосуд 9 (рис. 12.І.10) – без ручек, снаружи коричневого цвета; высота – 29,5 см, диаметр – 27,9 см.

Сосуд 10 (рис. 12.11) – кружка с одной ручкой и выделенной горловиной; высота – 11,2 см, диаметр – 13,2 см.

Сосуд 11 (рис. 12.13) – кружка с невыделенной горловиной, сужается к устью, ручка выступает над краем сосуда; высота – 11 см, диаметр – 12,5 см.

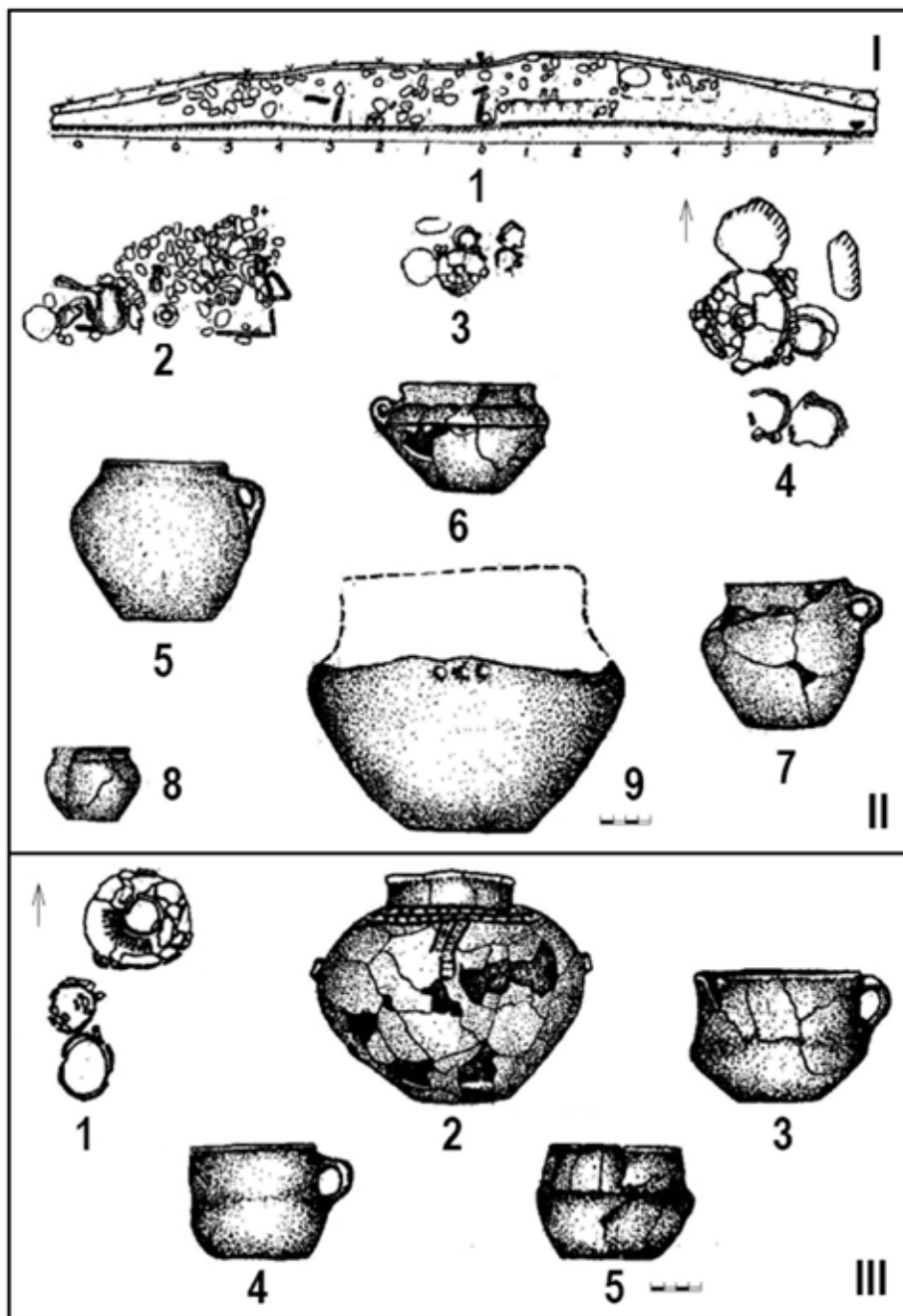
Комплекс 3/1 (рис. 11.П.5-9) находился в южной половине кургана, на расстоянии 3,5 м от центра к западу и в 2 м от центра к югу. Представлял собой развал сосудов в камнях на уровне древней дневной поверхности. Все сосуды были одноручными, аналогичными сосудам из ямы 3/2. Вероятно, являются следами

тризны и относятся к основному и единственному погребению 3/2.

Курган № 3 представляет собой единовременный комплекс, но часть его вместе с булавкой относится к местной северокавказской традиции (?), а «кратеры», кубковидные кружки и амфора саксо-тюрингского типа на заплечике ямы относятся к европейскому компоненту культуры шнуровой керамики.

Бронзовый век Северной Осетии формировался миграционным путём. Первая индоевропейская миграция пастухов-тохаров (XXVIII–XXV вв. до н. э.) прошла с Подунавья через Северное Причерноморье до Среднего Енисея [13] с коротким заходом на Кавказ. (Около Владикавказа был найден конеголовый скипетр, аналогичный скипетру в погребении Джангр 1/3 в Калмыкии [12]). Миграция из Европы сменяется в XXIII в. до н. э. майкопской миграцией из Северной Месопотамии.

По тому же маршруту с Подунавья проходила миграция индоариев (археологический эквивалент – кубано-днепровская или новотитаровский вариант) и праиранцев (ямная культура), которые заняли Предкавказье (XXV–XX вв. до н. э.) [18; 20]. Синхронно новотитаровским и древнеямным памятникам через массив позднего Триполья проникают в среднегорье Северо-Западного Кавказа культура дольменов Новосвободной [16; 17, с. 74–99], а в Северной Осетии кубано-терская культура, родственная и новосвободненской, и катакомбной культурам, и с лингвистической точки зрения представляющая древнеевропейцев [10; 11]. Конец майкопской эпохи в Северной Осетии фиксируется началом кубано-терской культуры (КТК), связанной происхождением, как и культура дольменов Новосвободной, с кругом культур шнуровых керамик и шаровидных амфор Европы [11; 17, с. 74–99]. Раскопками курганов у с. Дзуарикау установлены прямые контакты носителей кубано-терской культуры и финальной куро-арак-

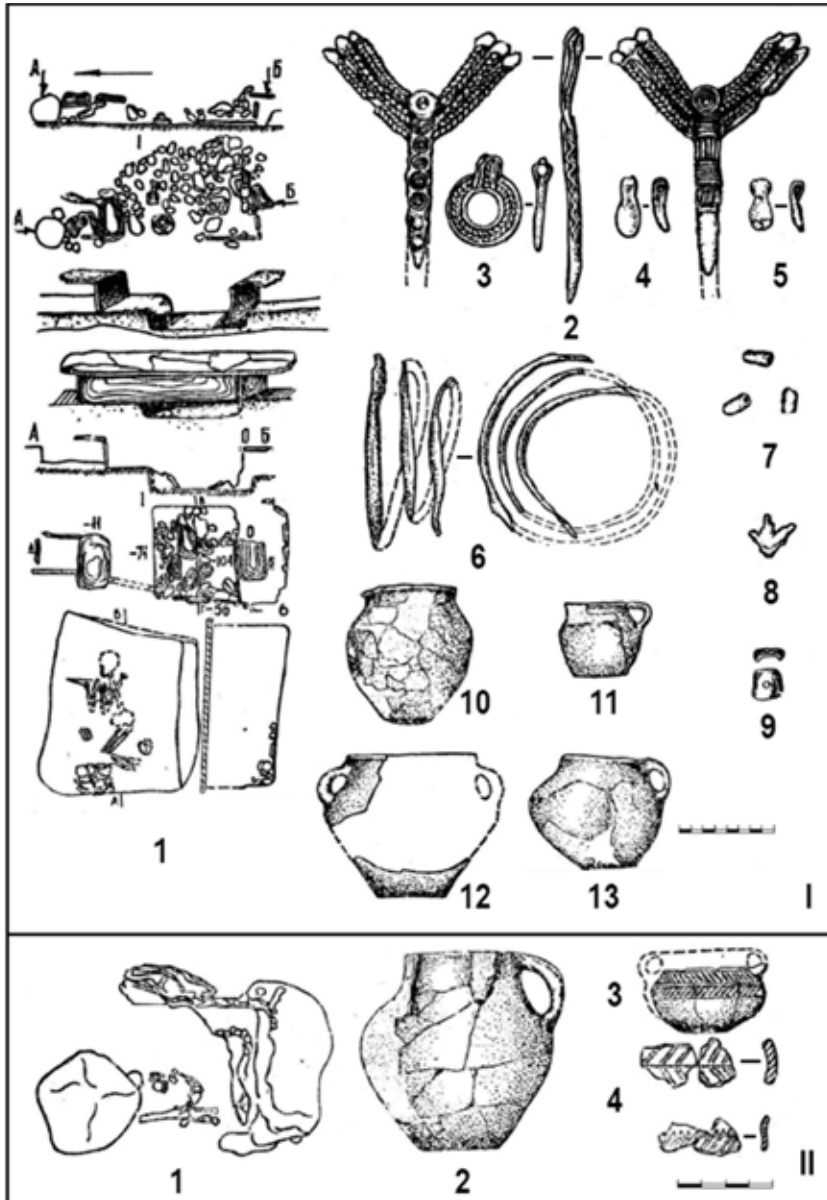
I. Бровка с гробницей 3/2: 2 – план гробницы (вид сверху);

II. Сосуды вне гробницы 3/1;

III. Комплексы на запячлке ямы 3/2

Рис. 11 / Fig. 11. Дзуарикау, курган 3 / Dzuarikaui, mound 3

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова, хранятся в Национальном музее РСО-Алания

I: 1 – расчистка гробницы;
 2 – булавка рожковидная,
 3 – кольцевидная подвеска,
 4–5 – ложковидная подвеска,
 6 – браслеты
 7 – пронизки;
 8 – якоревидная подвеска;
 10–13 – сосуды в яме

II: 1 – план портала гробницы;
 2–4 – сосуды в портале гробницы

Рис. 12 / Fig. 12. Дзуарикау, курган 3 / Dzuarikaу, burial mound 3

Источник: рисунки Н. А. Николаевой и А. В. Сафронова. Материалы хранятся в Национальном музее РСО-Алания

ской культуры Закавказья. Данные археологии лингвистически подтверждаются индоевропейскими изоглоссами в картвельских языках [5; 11], представленных куро-аракскими памятниками.

Заключение

По итогу исследования сделаем следующие выводы.

1. Курганы могильника у с. Дзуарикау, и с. Ногир, как и у с. Чикола и Хазнидона в Северной Осетии, являются базовыми памятниками для выделения, периодизации, хронологии и атрибуции культуры среднебронзового века – кубано-терской культуры.

2. Реконструкция, предпринятая в этой статье, первоначального состава погребального инвентаря 2 курганов расширила круг аналогий для кубано-терской культуры в таких отдалённых регионах, как Северо-Западное Причерноморье [20] и в Европе в памятниках КШК [1], и позволяют рассматривать вопросы происхождения новосвободненской и кубано-терской культуры как единую проблему.

3. Миграция носителей КШК, КША и их дериватов подтверждается данными ареальной лингвистики об индоевропейско-картвельских изоглоссах, причём

индоевропейские корнесловы в картвельских языках – результат миграций разных пастушеских групп индоевропейского населения на Кавказ, а конкретнее, древнеевропейцев – предков кельтов, италиков, германцев, славян [10; 11]. Это соответствует наблюдаемой мозаичности инвентаря КТК в её комплексах и ритуалах.

4. Согласно нашей гипотезе, новосвободненская, кубано-терская и катакомбная культуры имеют, с одной стороны, общее миграционное происхождение из Средней Европы, а с другой стороны, как устойчивые культурные образования они окончательно формировались уже на территории Северного Кавказа под влиянием местного окружения предшествующих и синхронных культур. Местным «северокавказским» компонентом можно считать комплексы 1/13-14, 2/1, 2/6, 3/1 [19].

5. Поскольку новосвободненских памятников в Северной Осетии нет, наиболее ранние памятники КТК (Дзуарикау, 1/19 с новосвободненским топором, XXII–XX вв. до н. э.) следуют непосредственно за майкопскими погребениями XXIII в. до н. э. и предшествуют чисто куро-аракским и смешанным КТК/КАРК погребениям (Дзуарикау 1/15 и Дзуарикау 2/2).

Дата поступления в редакцию 11.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко И. И. Культуры шнуровой керамики // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / отв. ред. О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. С. 35–200.
2. Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / отв. ред. К. Х. Кушнарёва, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. 384 с.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Дергачёв В. А., Манзура И. В. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинёв: Штинца, 1991. 335 с.
5. Климов Г. А. Древнейшие индоевропейские картвельских языков. М.: Институт языкознания, 1994. 249 с.
6. Марковин В. И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: АН СССР, 1960. 151 с.
7. Коваленко М. Н., Федосов М. Н. «Группа погребений с триподами» из курганов у с. Дзуарикау (некоторые итоги изучения) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас: Пилигрим, 2010. С. 194–197

8. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. 150 с.
9. Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979. 150 с.
10. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тысячелетии до н. э. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии. 2010. № 223. С. 121–131.
11. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.
12. Николаева Н. А. Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине III тыс. до н. э. (проблема датировки «конеголовых» скипетров) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 99–109.
13. Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 570–579.
14. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии / отв. ред. М. М. Блиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1980. С. 18–81.
15. Погребения эпохи средней бронзы с украшениями из могильника близ с. Дзуарикау (по материалам раскопок 2008 г.) / М. Ю. Федосов, М. А. Коваленко, Б. З. Караев, С. В. Ляхов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. / отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 415–418.
16. Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады». Спб.: Нестор-История, 2012. 343 с.
17. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. 1974. Вып. VII. С. 23–306.
18. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.: Гос. исторический музей, 2007. 400 с.
19. Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа / отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. 115 с.
20. Яровой Е. В. Курганы энеолита – бронзы Поднестровья. Кишинёв: Штинца, 1990. 269 с.

REFERENCES

1. Artemenko I. I. [Corded Ware Cultures]. In: Bader O. N. et al, eds. *Epokha bronzy lesnoy lenty SSSR. Arkheologiya SSSR* [Bronze Age of the Forest Belt of the USSR. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 35–200.
2. Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., eds. *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Archaeology of the USSR. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p.
3. Markovin V. I., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Research at New Construction Sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Dergachev V. A., Manzura I. V. *Pogrebalnyye komplekсы pozdnego Tripolya* [Funeral Complexes of Late Trypillian Region]. Chisinau, Shtintsa Publ., 1991. 335 p.
5. Klimov G. A. *Drevneyshiyе indoyevropeizmy kartvel'skikh yazykov* [The most ancient Indo-Europeanisms of the Kartvelian languages]. Moscow, Institut yazykaoznaniya Publ., 1994. 249 p.
6. Markovin V. I. *Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.)* [The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (2nd millennium BC)]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 151 p.
7. Kovalenko M. N., Fedosov M. N. ["A group of burials with tripods" from the mounds near the village of Dzuarikaу (some results of the study)]. In: *XXVI Krupnovskiyе chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Problemy khroniki i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikovologii i kul'tury Severnogo Kavkaza* [XXVI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus. Problems of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the North Caucasus]. Magas, Piligrim Publ., 2010, pp. 194–197.

8. Nechitaïlo A. L. *Verkhneye Prikubanye v bronzovom veke* [Upper Kuban Region in the Bronze Age]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1978. 150 p.
9. Nechitaïlo A. L. *Suvorovskiy kurgannyi mogilnik* [Suvorovsky Burial Mound]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1979. 150 p.
10. Nikolaeva N. A. [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd-2nd millennia BC according to archaeology, linguistics, and mythology. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2010, no. 223, pp. 121–131.
11. Nikolaeva N. A. *Etnokulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v drevney drevney istorii Yevropy i Blizhnego Vostoka. (vydeleniye drevneyevropeyskoy linii razvitiya)* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd-2nd millennia BC in the context of the ancient history of Europe and the Middle East. (highlighting the ancient European line of development)]. Moscow, Izd-vo MGOU Publ., 2011. 500 p.
12. Nikolaeva N. A. [South-Eastern Europe and the Caucasus: "horse-headed" scepters and historical connections in the middle of III mill. BC]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2011, no. 1, pp. 99–109.
13. Nikolaeva N. A. [The earliest history of the Ciscaucasia in light of the concept of Indo-European migrations (part 2)]. In: *Oriental Studies*, 2019, no. 4, pp. 570–579.
14. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [Bronze Age burial mound near the village of Dzuarikau]. In: Bliev M. M., ed. *Problemy arkheologii Severnoy Osetii* [Problems of Archaeology of North Ossetia]. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1980, pp. 18–81.
15. Fedosov M. Yu., Kovalenko M. A., Karaev B. Z., Lyakhov S. V. [Burials of the Middle Bronze Age with ornaments from the burial ground near the village of Dzuarikau (based on excavations in 2008)]. In: Marchenko I. I., ed. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [Sixth International Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, Ecoinvest Publ., 2013, pp. 415–418.
16. Rezepkin A. D. *Novosvobodnenskaya (na osnove materialov mogil'nika «Klady»* [Novosvobodnenskaya culture (based on the materials of the burial ground "Klady"). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012. 343 p.
17. Safronov V. A. [Classification and dating of Bronze Age monuments of the Northern Caucasus]. In: *Soobshcheniya Nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kultury Ministerstva kultury SSSR* [Reports of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the USSR Ministry of Culture], 1974, iss. VII, pp. 23–306.
18. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.)* [Northwestern Caspian region in the Bronze Age (5th–3rd millennia BC)]. Moscow, Gos. istoricheskiy muzey Publ., 2007. 400 p.
19. Turgiev T. B., ed. *Etnokulturnyye problemy bronzovogo veka Severnogo Kavkaza* [Ethnocultural problems of the Bronze Age of the Northern Caucasus]. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1986. 115 p.
20. Yarovoy E. V. *Kurgany eneolita – bronzy Podnestrovyia* [Mounds of the Eneolithic – Bronze Age of the Dniester Region]. Kishinev, Shtintsa Publ., 1990. 269 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Российского технологического университета (МИРЭА);
e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Aleksander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, MIREA – Russian Technological University;
e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В. Периодизация и хронология бронзового века Северной Осетии по материалам курганов у с. Дзуарикау // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 97–122.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-97-122

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. Periodization and chronology of the Bronze Age in North Ossetia based on the materials of the kurgans near the village of Dzuarikau. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 97–122.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-97-122

УДК 902.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-123-138

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ МОЛОТОЧКОВИДНЫХ БУЛАВОК ЭПОХИ РАННЕГО – СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Степанов И. А.

*Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проверить применимость статистических методов к построению классификации молоточковидных булавок эпохи бронзы.

Процедура и методы. Исследована выборка костяных молоточковидных булавок из Государственного исторического музея. Составлен перечень признаков, которые могут иметь значение при построении классификации. Апробирован метод главных компонент, дано описание его применения.

Результаты. Выработаны метрические и качественные признаки, характеризующие молоточковидные булавки. Создана база данных с информацией об изученной выборке. Показана применимость статистических методов к построению классификаций молоточковидных булавок.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статистически подтверждены некоторые выводы авторов прошлых классификаций. Выделены предварительные типы булавок, пригодные для построения новой классификации в ходе дальнейшего анализа.

Ключевые слова: молоточковидные булавки, классификация, метод анализа главных компонент, ямная культура, раннекатакомбная культура, Предкавказье, бронзовый век

STATISTICAL APPROACH TO CLASSIFICATION OF THE HAMMER-HEADED PINS OF THE EARLY – MIDDLE BRONZE AGE

I. Stepanov

*State Academic University for the Humanities
Maronovsky pereulok 26, Moscow 119049, Russian Federation*

Abstract

Aim. To test the applicability of statistical methods to constructing a classification of hammer-headed pins of the Bronze Age.

Methodology. A sample of bone hammer-headed pins from the State Historical Museum was studied. A list of features that may be important in constructing a classification was compiled. The method of principal component analysis was tested and a description of its application was given.

Results. Metric and qualitative features characterizing hammer-headed pins have been developed. A database with information about the studied sample has been created. The applicability of statistical methods to constructing classifications of hammer-headed pins has been demonstrated.

Research implications. Some conclusions of the authors of the previous classifications have been statistically confirmed. Preliminary types of pins suitable for constructing a new classification in the course of further analysis have been identified.

Keywords: hammer-headed pins, classification, principal component analysis method, Yamnaya culture, early Catacomb culture, Ciscaucasia, Bronze Age

Введение

Изучение такой категории артефактов раннего – среднего бронзового века, как молоточковидные булавки, привлекало многих исследователей. При этом наиболее актуальными являлись вопросы хронологии их бытования и культурной принадлежности, не меньший интерес вызывал и опрос об их назначении. Однако особое место в историографии костяных молоточковидных булавок занимает проблематика их классификации.

Молоточковидные булавки визуаль-но существенно различаются и имеют надкультурный характер, в связи с чем являются прекрасным объектом для классификации. Однако ни одна из классификаций до сих пор не принята как основная, что наравне с расширением источниковедческой базы и уточнением хронологии комплексов предопределяет необходимость разработки новой классификации.

Весомый вклад в изучение молоточковидных булавок внёс Б. А. Латынин, который в своей работе, охватывающей большинство аспектов исследования молоточковидных булавок, предпринял первую попытку их классификации. Сгруппировав доступные к тому времени материалы, он построил 2 классификации: для Причерноморья и для Предкавказья.

В качестве основных критериев для выделения типов Б. А. Латынин положил материал, форму и расположение выступов на вершине, а также форму стержня, на основании чего он выделял 5 типов костяных булавок для Причерноморья (рис. 1.1) и 6 типов для Предкавказья. При этом 3 предкавказских типа относятся к металлическим, 2 типа костяных соотносятся с причерноморскими и лишь 1 тип костяных булавок автор называет уникальным для Предкавказья. Также он описывает уникальные булавки, не включённые в классификацию [6, с. 34].

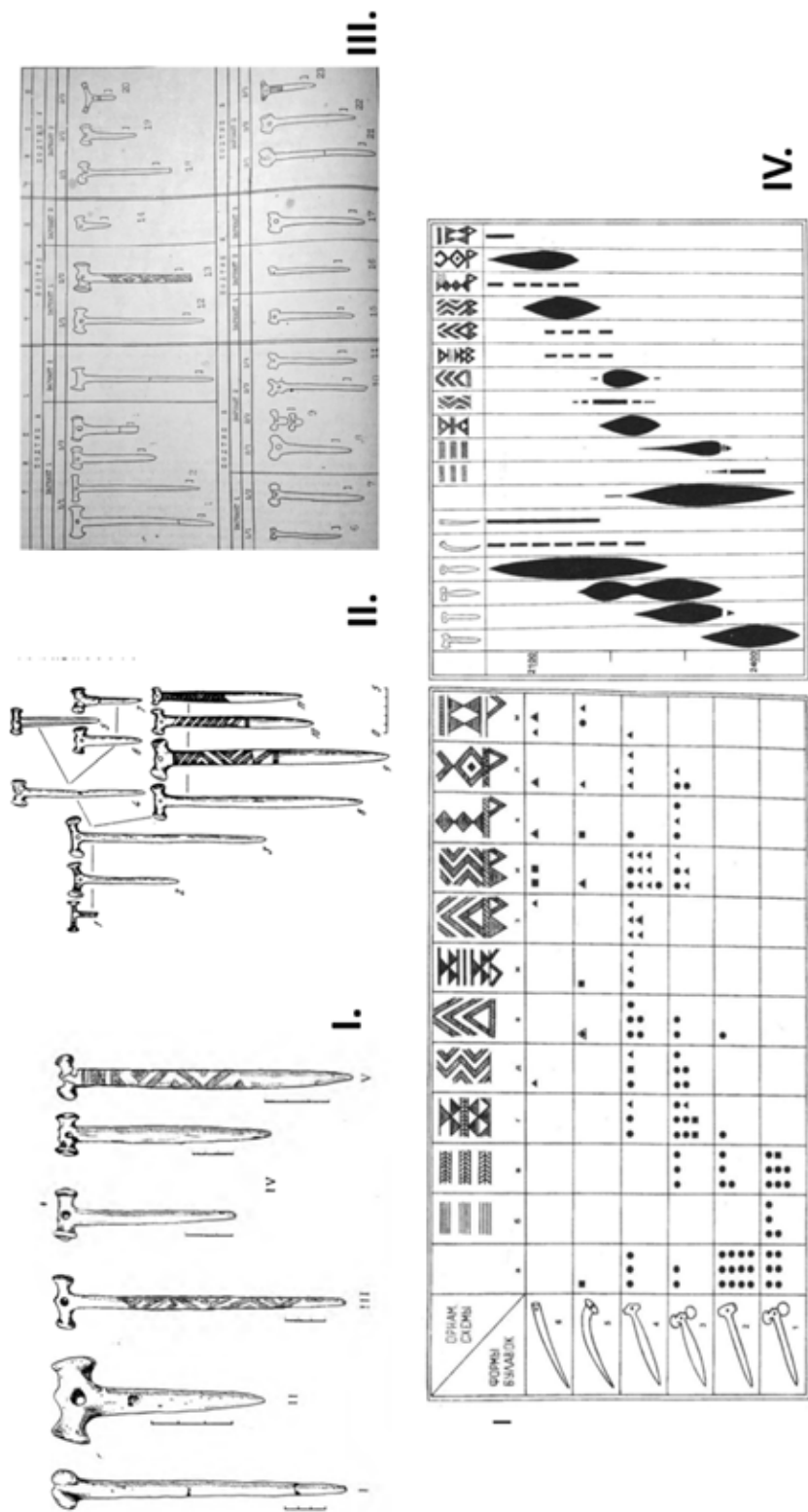
Данная классификация является эмоционально-описательной и строится на

визуально отмеченных закономерностях. Автор лишь отметил особенности и сходства предметов. Оперирование такими категориями, как «большой» и «небольшой», делают данную классификацию неустойчивой и зависимой от субъективного восприятия. За рамками классификации остался такой важный аспект, как орнаментация, что можно объяснить малочисленностью доступной автору выборки. Так, из 50 учтённых для Причерноморья булавок лишь 10 имели орнамент. Кроме того, автор подчёркивал, что предлагаемая им классификация даёт лишь «некоторое обобщённое представление о том, в каких вариациях формы они имеются в различных районах, но не отвечают на вопрос об их соотношении во времени» [6, с. 34], поскольку для определения хронологической последовательности типов необходимо их соотносить с данными стратиграфии и прочими хронологическими показателями. Здесь скрыт ещё один недостаток классификации – её дискретность, которая не позволяет проследить эволюцию форм булавок.

Указанная классификация подверглась критике. Например, Н. А. Николаева и В. А. Сафронов отмечали ошибочность выделения I причерноморского типа, поскольку известны лишь 2 экземпляра и их форма скорее подсказана материалом, а также VI предкавказского типа как нехарактерного для региона. Но главным недостатком названо неиспользование в классификации «количественных характеристик» [9, с. 13].

Тем не менее важно признать, что Б. А. Латынин не только актуализировал тему молоточковидных булавок, но и заложил основу для её дальнейшего систематизированного изучения.

В дальнейшем классификацией молоточковидных булавок занимался В. А. Сафронов [10, с. 42–47], опиравшийся на соотношение метрических параметров. В своей работе он отметил важную закономерность: часть булавок

I. Причерноморские типы (по Б. А. Латынину); II. Эволюция молоточковидных булавок (по В. А. Сафронову);
 III. Типы булавок (по Л. Г. Ковалевой); IV. Варианты форм и орнаментации булавок (по А. Н. Гею)

Рис. 1 / Fig. 1. Схемы и таблицы существующих классификаций молоточковидных булавок / Diagrams and tables of existing classifications of hammer-headed pins
 Источники: I – [6, с. 34, рис. 32]; II – [9, с. 16, рис. 3]; III – [5, с. 31 рис. 3]; IV – [2, с. 167, рис. 51а-б]

имеют цилиндрический стержень, тогда как другие – линзообразный (веретенообразный). При этом булавки с цилиндрическим стержнем он обозначил как характерные для ямных погребений, тогда как веретенообразные – для катакомбных. Основываясь на данном факте, им были предложены 2 соотношения для построения классификации:

1) соотношение наибольшего диаметра стержня (D) и наименьшего диаметра стержня у навершия (D_1) – (D/D_1) ;

2) соотношение длины молоточковидной навершия (L) и наибольшего диаметра стержня (D) – (L/D) [10, с. 43, 45].

Впоследствии данная классификация, изначально построенная для предкавказских булавок, была дополнена причерноморскими образцами, в результате чего было выделено 3 типа костяных молоточковидных булавок:

1) с цилиндрическим стержнем и длинной головкой (изначальный тип);

2) с коническим стержнем и массивной головкой (причерноморский тип);

3) с линзообразным (веретенообразным) стержнем и короткой головкой (предкавказский тип) [9, с. 13].

Для классификации было использовано всего 3 параметра и их соотношение. В. А. Сафронов утверждал, что в связи с простотой форм булавок предложенных параметров достаточно для того, чтобы проследить их развитие: с течением времени форма булавок эволюционировала так, что значение D/D_1 росло, а L/D сокращалось (рис. 1.П). Данная закономерность действительно прослеживается на представленных графиках. Однако автор признаёт, что 2 признаков не всегда достаточно для выражения формы, поэтому для отражения на графике связи с иными признаками он с помощью символов отмечал на графике такие признаки, как тип погребения, форма навершия и наличие орнаментации [10, с. 45]. При этом он оставил без внимания детали орнаментации, лишь констатируя, что на ранних булавах орнаментация пред-

ставлена горизонтальными линиями, а на поздних – геометрическими фигурами.

Данная классификация также была подвергнута критике. Так, А. Л. Нечитайло писала: «...выискивать стандарты в формах стержней булавок и в соотношении наибольшего и наименьшего диаметров вряд ли правомерно» [7, с. 64], поскольку форма и толщина могли быть подсказаны материалом. Также она отрицала и предложенный В. А. Сафроновым эволюционный ряд, ссылаясь на собственные раскопки, показавшие существование форм, обозначенных как разновременные [7, с. 64].

Подобная критика озвучена и А. Н. Геом, который полагал, что в условиях неспециализированного производства сверхточные мерные признаки и пропорции не могут служить достоверными параметрами. Однако автор признаёт, что В. А. Сафронов в основном правильно определил хронологическую последовательность форм булавок [2, с. 165]. С предложенной В. А. Сафроновым эволюцией форм соглашался и В. Я. Кияшко, который также отметил связь молоточковидных булавок с веретенообразным стержнем и относительно маленькими молоточками с булавками с гвоздевидным навершием (предполагая их более позднее появление) [4, с. 6].

Отметим, что Н. А. Николаева, принимавшая участие в разработке классификации, в дальнейшем обратила внимание на «разностатусность» молоточковидных булавок, изготовленных из рога и кости, на основании чего предложила исключать из данной классификации «нестандартные» булавки (небольшого размера, изготовленные из кости) на основании используемого материала и абсолютных размеров [8, с. 160]. Ранее подобные булавки по классификации В. А. Сафронова были отнесены к раннему, 1 типу, однако встречались в т. ч. и в достаточно поздних погребениях, иногда совместно с более поздними типами. Данная доработка, безусловно, служит в поддержку

обсуждаемой классификации, однако не отменяет иных недостатков и не объясняет, какое место в общей классификации должны занимать «нестандартные» булавки.

Совершенно иной подход к построению классификации молоточковидных булавок представлен Л. Г. Ковалёвой, которая в качестве основного признака для выделения типов избрала детали оформления навершия булавок, а именно – верхней линии навершия (рис. 1. III). Для причерноморских булавок ею было выделено 7 типов:

1. прямая;
2. выпуклая;
3. вогнутая;
4. с выступом;
5. с 2 выступами;
6. с 3 выступами;
7. с 4 и более выступами.

При этом для каждого типа выделяются подтипы – двухэлементный боковой выступ и одноэлементный. А также варианты (на основании взаиморасположения боковых выступов и стержня) и разновидности (массивность стержня, навершия, длина шеек, форма выступов и т. д.) [5, с. 26].

Обоснованием для подобной классификации можно считать тот факт, что столь широкое разнообразие оформлений (а также наличие следов по изменению формы навершия на некоторых булавках) могут свидетельствовать об определённой смысловой нагрузке, выходящей за рамки стилистики [5, с. 26]. Хотя А. Н. Гей отмечал, что подобное внимание к малейшим деталям оформления наверший не вполне оправдано [2, с. 165], представляется, что столь глубокое внимание к деталям навершия является сильной стороной данной классификации (благодаря чему, например, удалось выявить, что 5–7 типы характерны именно для Северного Причерноморья), однако недостаточное внимание к форме стержня и полное пренебрежение орнаментацией не позволяют назвать

данную классификацию полностью объективной.

В свою очередь, А. Н. Гей предложил классификацию, которая основывалась на признаках, очевидных не только для современных исследователей, но и для изготовителей булавок: общая форма и орнаментальная композиция. Он выделил 6 вариантов форм булавок (при этом 2 варианта не относятся к молоточковидным) и 12 вариантов орнаментации на них [2, с. 165–168].

Согласно точке зрения А. Н. Гея, данная классификация позволяет проследить вероятную хронологическую последовательность смены вариантов узора и форм, хотя автор признаёт, что представленные датировки предварительны и ориентировочны (рис. 1. IV). По мнению автора, булавки с цилиндрическим стержнем являются наиболее ранними, от них произошли булавки с веретенообразным стержнем (а от последних стержневидные и гвоздевидные булавки). В свою очередь, булавки без орнамента и булавки с зональным узором предшествуют булавкам с геометрической орнаментацией, затем в орнаментальную композицию были включены особые пояски [2, с. 168–169].

Заслугой автора следует считать выявление основных элементов орнаментации булавок и их хронологической последовательности. В предложенных ранее классификациях орнаментации уделялось незаслуженно мало внимания, тогда как создатели булавок могли придавать ей особое значение, возможно, даже большее, чем форме. В то же время при разработке классификации автор не учитывал особенностей оформления навершия, в то время как детали их оформления сложно назвать случайными, что показала классификация Л. Г. Ковалёвой. Также А. Н. Гей полностью отказался от метрических признаков. Хотя автор справедливо заметил, что точные параметры слабо применимы к неспециализированному производству, полный отказ от них

представляется ошибочным, поскольку классификация В. А. Сафронова продемонстрировала наличие определённых закономерностей, которые трудно проиллюстрировать без метрических данных. Кроме того, анализ выборки показал, что на некоторых булавах орнаментальная композиция одновременно представлена несколькими вариантами, тогда как в классификации А. Н. Гея они разделены. Поэтому данная классификация также может быть доработана.

Также следует учитывать работу Н. И. Шишлиной. Она не ставила задачи по разработке классификации, однако при их описании использовала обобщённые рабочие типы, составленные на основе предложенной А. Н. Геем классификации. Для костяных молоточковидных булавок автор выделила следующие типы [13, с. 99–100]:

1. с цилиндрическим стержнем и узором из линий и заштрихованных полос;
2. с тонким цилиндрическим стержнем, без орнамента;
3. с крупным цилиндрическим стержнем, без орнамента;
4. с веретенообразным или прямым стержнем и вариациями геометрического орнамента.

Подводя итог, отметим, что существующие классификации опираются на разные классификационные признаки. Нельзя не признавать заслуг авторов, верно выявивших общие закономерности. Созданные ими классификации имеют сильные стороны и аргументы в свою пользу, однако в них можно найти недостатки, не позволяющие считать ни одну из них полной. В связи с этим отсутствует консенсус касательно того, какой классификации следует придерживаться. Именно поэтому при разработке новой классификации важно учесть опыт существующих классификаций, но в то же время необходимо найти новый путь, который смог бы совместить положительный опыт разных исследователей. Пред-

ставляется, что метод анализа главных компонент может подойти для решения данной задачи, поскольку он позволяет одновременно учесть значительное количество признаков. Зачастую данный метод используется в антропологических исследованиях, однако известны примеры его успешного применения на археологическом материале [1, с. 210, 214; 3, с. 258].

Отбор классификационных признаков и составление базы данных по костяным молоточковидным булавам

Перед тем как приступить к статистическому анализу, была проведена предварительная работа по обработке и систематизации изучаемого материала. Работа состояла из 3 этапов:

1. анализ существующих классификаций;
2. подбор и систематизация классификационных признаков; исходным принципом был отбор максимального количества таких признаков;
3. измерение и осмотр булавок в соответствии с установленными признаками и внесение данных в сводную таблицу.

Следует заметить, что значительная часть признаков заимствована из существующих классификаций, однако были предложены и новые признаки и параметры. В результате было выделено 39 признаков, условно делимых на 7 групп (рис. 2):

- I) метрические данные,
- II) орнаментация,
- III) форма верхней линии навершия,
- IV) форма молоточков,
- V) форма навершия,
- VI) ориентация молоточков,
- VII) форма стержня.

Информация о всех группах признаков, кроме первой (где представлены метрические измерения), отражена в виде двоичной системы, где «1» означает наличие признака, а «0» – отсутствие. Та-

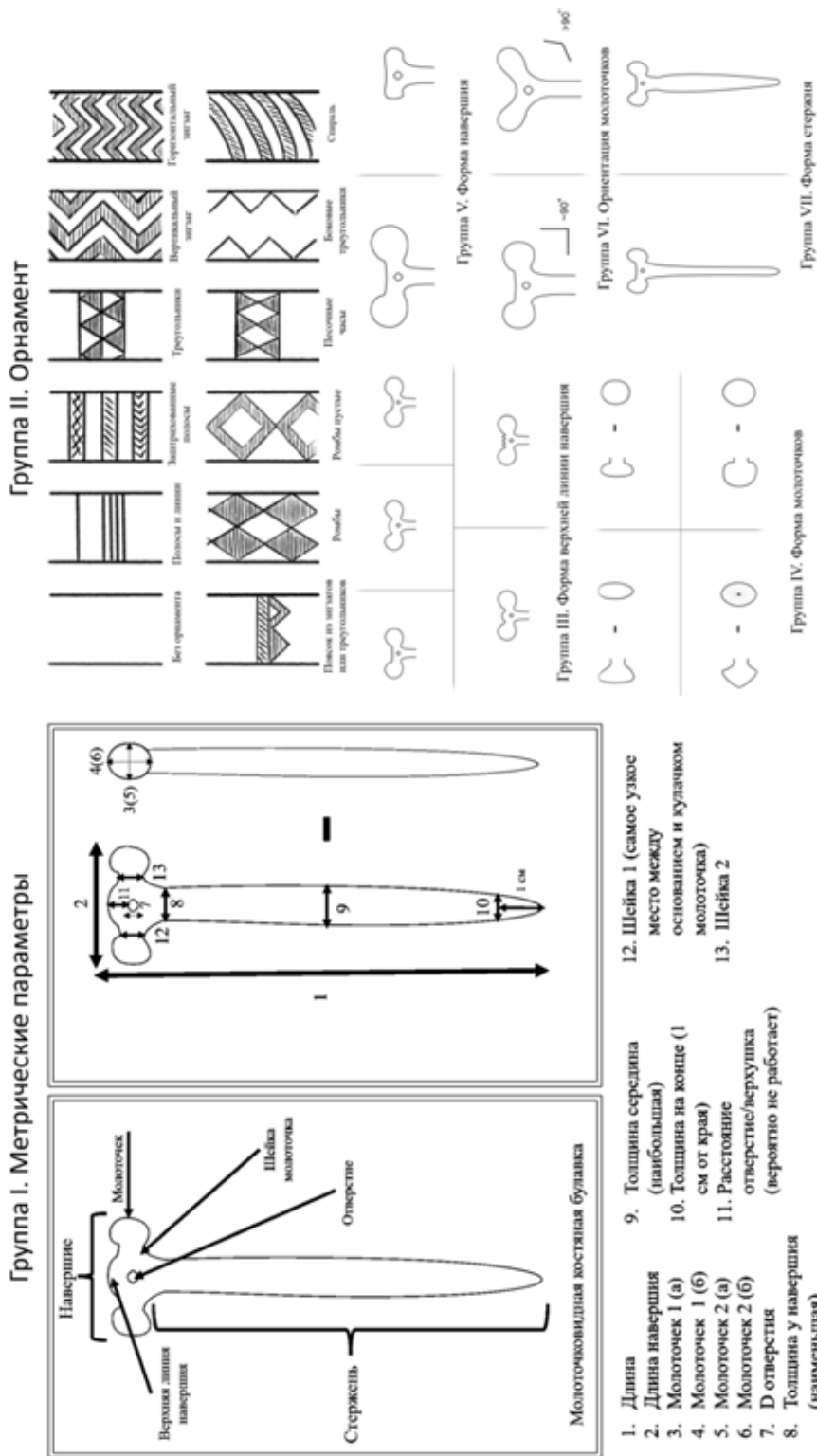

Рис. 2 / Fig. 2. Признаки, анализируемые в данной статье / Indicators analyzed in this article

Источник: составлено автором

кая форма записи информации делает её пригодной для статистического анализа.

I группа – метрические данные. Группа включает 14 признаков (длина булавки; длина навершия; 2 оси для каждого молоточка; диаметр отверстия; диаметр стержня в трёх местах (наименьшая у навершия, наибольшая и в 1 см от конца); расстояние между отверстием и верхней линией навершия; наименьший диаметр шеек молоточков; толщина навершия у основания). Измерения проводились с использованием электронного штангенциркуля с точностью до 0,01 мм, однако данные округлялись до 0,1 мм. Представляется важным обосновать параметры.

Длина булавки и длина навершия были включены, поскольку являются наиболее визуально заметными параметрами, которые явно были заметны изготовителям. Безусловно, существует вероятность, что данные размеры были определены особенностями материала, однако отбрасывать столь важные параметры без предварительной проверки представляется опрометчивым, особенно учитывая опыт классификации В. А. Сафронова.

Зачастую молоточки булавок имеют форму эллипса или неидеальной окружности, поэтому было решено измерять не одну ось, а две, чтоб точнее отразить в графике конкретную форму молоточков. Поскольку молоточки несимметричны, было решено измерять оба.

Диаметр стержня в трёх точках измерялся с целью отражения в таблице формы стержня, на что обращало внимание большинство исследователей.

Наименьший диаметр шеек молоточков и толщина навершия в основании включены, поскольку передают детали оформления навершия.

Расстояние между отверстием и верхней линией навершия предварительно должно было отражать форму верхней линии навершия. Однако в ходе работы стало очевидно, что данный признак не может отразить каких-либо особенно-

стей производства, поскольку отверстие у большинства булавок не является полностью перпендикулярным, и его высота относительно верхней линии навершия отличается для каждой стороны. Подобные выводы сделаны и при анализе диаметра отверстия, который зачастую не одинаков для обеих сторон, что могло со временем усугубляться вследствие трения о шнур при ношении.

II группа – орнаментация. К ней относится 12 признаков: без орнамента; полосы и линии; заштрихованные полосы; треугольники, вертикальный зигзаг, горизонтальный зигзаг, поясок из зигзагов или треугольников, ромбы, пустые ромбы, песочные часы, боковые треугольники, спираль.

Основой для данной группы послужила классификация А. Н. Гея в авторской модификации. Значение орнаментации для классификации в настоящее время признаётся большинством авторов, поскольку прослеживаются чёткие закономерности между типом орнаментации и культурной принадлежностью булавки. При составлении таблицы учитывалось, что для многих молоточковидных булавок характерны орнаментальные композиции, включающие разные детали орнамента.

III группа – форма верхней линии навершия. Группа включает в себя следующие варианты: прямая, выпуклая, вогнутая, с выступом, с выступами. Основанием для включения данных признаков стал тот факт, что формы данного элемента действительно многообразны. В отличие от классификации Л. Г. Ковалёвой, в данной работе булавки с несколькими выступами объединены в одну группу, поскольку это весьма редкие признаки, более характерные для булавок из Северного Причерноморья.

IV группа – форма молоточков (овальные, круглые, конусовидные, шаровидные).

V группа – форма навершия (правильное/редуцированное).

VI группа – ориентация молоточков (прямые/косые).

VII группа – форма стержня (цилиндрический/веретенообразный), также включает в себе взаимоисключающие и визуально отличимые признаки, которые потенциально могли бы отражать особые черты конкретной области или времени производства. При этом фактически данные группы уже представлены в метрических признаках, однако для упрощения работы в статистических программах было решено также внести их в таблицу.

Апробация статистических методов на выборке булавок

На следующем этапе был произведён анализ выборки, куда вошли булавки из коллекции Государственного исторического музея (всего 90 булавок). При этом в дальнейшем выборка будет дополнена, а недостающие данные будут учтены. Важно также отметить, что в работу не были включены металлические булавки, для которых необходим отдельный анализ.

После составления базы данных начался этап анализа, для чего данные были импортированы в пакет статистических программ Statistica.

Первым шагом стала проверка нормальности распределения метрических признаков тестом Шапиро-Уилка. Это было необходимо для того, чтобы убедиться, что существующие вариации не являются результатом случайного отклонения от единого стандарта в рамках одного производственного процесса. В результате было установлено, что распределение 10 размеров из 14 отклоняется от нормального (при $p < 0,05$). Следовательно, эталон формы булавок был, как минимум, не один (рис. 3).

Следующим шагом была проверка корреляций между метрическими признаками и качественными признаками, касающимися орнаментации, с целью предварительной оценки наличия неочевидных связей. Применялся линей-

ный коэффициент корреляции Пирсона (табл. 1). Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что измерительные признаки сильно взаимосвязаны, и все связи положительные (чем больше один признак, тем больше остальные, коэффициент корреляции (КК) более 0,5). Также заслуживает внимания факт наличия отрицательной связи признака «без орнамента» с диаметром стержня (КК менее -0,5), что статистически подтверждает тот факт, что орнамент чаще встречается на более длинных и ещё чаще более толстых булавах. При этом для булавок с веретенообразным стержнем более характерен такой элемент орнамента, как поясок из зигзагов или треугольников, часто (КК 0,35, для цилиндрических наборов, КК -0,33). Таким образом, подтверждена связь между геометрическим орнаментом и веретенообразным стержнем, а также между цилиндрическим стержнем и отсутствием орнамента.

Озвученные выше шаги являются лишь предварительными процедурами. Чтобы понять вариацию объектов по нескольким признакам, обычно используют разные варианты факторного анализа, целью которого является сокращение количества признаков до 2-3, но самых важных (что позволяет уменьшить количество переменных с минимальной потерей информации) [11, с. 174–176]. Самый простой вариант факторного анализа – метод главных компонент. Таким образом, последним шагом на данном этапе работы стало применение метода главных компонент. В его рамках сначала выясняется наиболее сильно варьирующая комбинация исходных признаков. Она становится первой главной компонентой (ГК1). Затем вторая комбинация (ГК2), потом третья (ГК3) и далее (всего получается приблизительно столько же ГК, сколько было исходных признаков). При этом только первые 2-3 ГК отражают большую часть вариации [12, с. 5–6]. Анализ метрических признаков рассматриваемой выборки показывает, что первая главная компо-

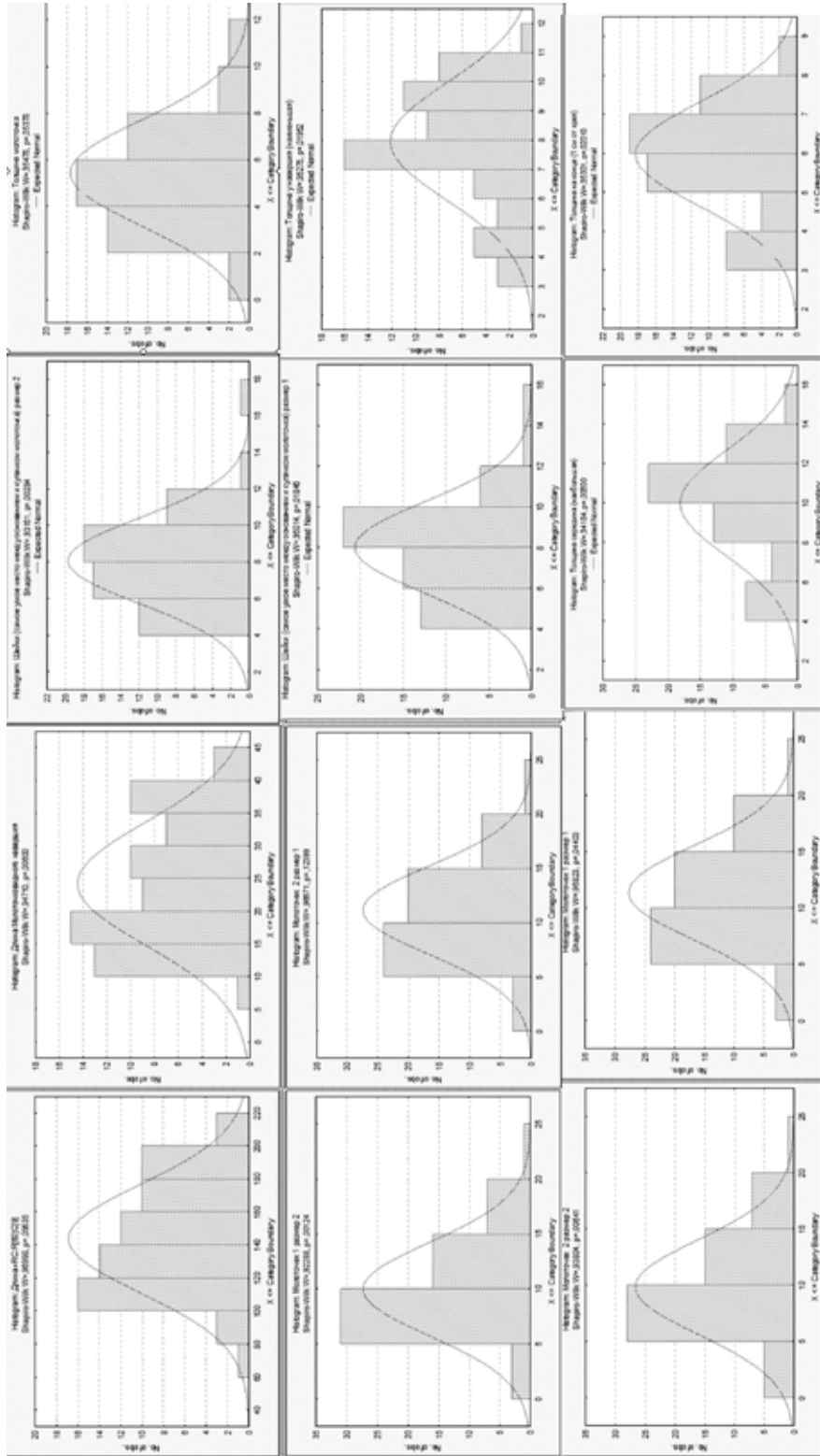

Рис. 3 / Fig. 3. Графики (гистограммы) частотности распределения / Frequency distribution graphs

Источник: составлено автором

нента имеет собственное число 9 и долю изменчивости 69,6%, а вторая главная компонента – 1,3 и 10,5% соответственно (табл. 2). График вариации булавок, построенный по главным компонентам, отражает информацию по 10 исходным признакам из 13 (суммарное собственное число ГК1 и ГК2 – 10,3) или 80,1% всей изменчивости в выборке. Таким образом, количество переменных сокращено с 13 до 2, при потере 19,9% информации (которые отражены в остальных ГК, но собственное число каждой из них <1).

Из таблицы коэффициентов корреляций между старыми исходными при-

знаками и новыми факторами (главными компонентами) следует, что с ГК1 сильно отрицательно скоррелированы почти все исходные признаки (коэффициент от -0,72 до -0,91). Следовательно, чем больше значение координаты булавок в ГК1, тем меньше их размеры, что уже отмечено при анализе корреляций. С ГК2 все исходные признаки скоррелированы слабее, но среди них есть несколько с коэффициентом близким к 0,5 (толщина на середине (-0,51) и на конце (-0,44)). Таким образом, чем больше значение координат по ГК2, тем меньше толщина булавок (табл. 3). Далее на базе двух первых

Таблица 2 / Table 2

Таблица собственных значений матрицы корреляций / Correlation Matrix Eigenvalue Table

Номер значения	Собственные значения матрицы корреляций. Только основные переменные			
	Собств. Зн.	% общей дисперс.	Кумулятивн. Собств. Зн.	Кумулятивн. %
1	9,057585	69,67373	9,05758	69,6737
2	1,369713	10,53625	10,42730	80,2100
3	0,845744	6,50573	11,27304	86,7157
...
13	0,004327	0,03328	13,00000	100,0000

Источник: составлено автором

Таблица 3 / Table 3

Таблица факторных координат на основе корреляций / Correlation-Based Factor Coordinate Table

Переменная	Фактор 1	Фактор 2
Длина стержня	-0,80249	-0,11451
Длина навершия	-0,89357	0,01741
Молоточек 1 а	-0,91892	0,33059
Молоточек 1 б	-0,88924	0,37804
Молоточек 2 а	-0,92051	0,33567
Молоточек 2 б	-0,88747	0,37429
D отверстия	-0,57131	-0,43066
Толщина	-0,88870	-0,36598
Толщина	-0,79969	-0,50521
Толщина на	-0,76406	-0,43536
Расстояние	-0,66045	-0,21885
Шейка 1	-0,89502	0,14984
Шейка 2	-0,87653	0,12960

Источник: составлено автором

главных компонент был построен график (рис. 4).

При отсутствии точных границ между группами применимо описание комбинаций признаков, характерных для объектов в разных квадрантах (исходя из содержания главных компонент, подставляются конкретные признаки). В результате, в выборке можно выделить 3 группы:

1. большие и тонкие булавки (левый верхний квадрант графика);
2. большинство булавок средних размеров, но толстых (низ центра графика);
3. булавки маленькие и тонкие (правый верхний квадрант).

1 и 3 группы в основном включают булавки с цилиндрическим стержнем, тогда как вторая объединяет веретенообразные.

В связи с тем, что границы между группами пока не ясны (одна группа плавно переходит в другую), для их уточнения предстоит внести в работу новые данные (прежде всего хронологические). Уже на данном этапе представляется возможным включение в график «внешних» признаков, оставшихся вне анализа главных компонент. Это позволит проверить наличие дополнительных различий между условно выделенными группами. Так, признак «без орнамента» встречается только в верхних квадрантах, представленных узкими/цилиндрическими булавками (среди самых длинных и самых коротких булавок). Толстые/веретенообразные булавки (внизу графика) – орнаментированы.

Графики, отражающие признаки, связанные с орнаментом в целом, позволили заключить, что орнамент из простых

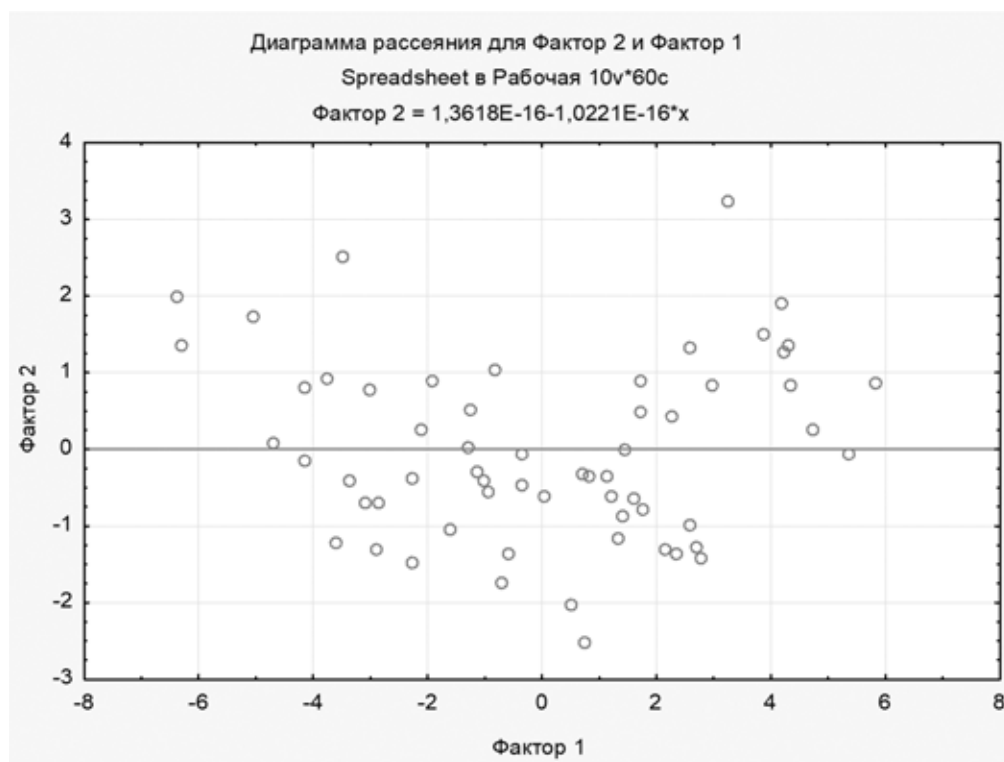

Рис. 4 / Fig. 4. Диаграмма рассеяния для главных компонент / Scatterplot for Principal Components

Источник: составлено автором

линий, а также из заштрихованных полос характерен как для веретенообразных, так и для больших цилиндрических булавок. Такие типы орнаментации как ромбы, спирали, треугольники, зигзаги, а также пояска в основном встречаются на булавках с веретенообразным стержнем. Орнамент в виде песочных часов или боковых треугольников распространён среди булавок 2 группы, однако в выборке данные признаки встречены редко.

Анализ графиков форм молоточков показал, что шаровидные (и в меньшей мере овальные) молоточки наиболее характерны для 2 группы (веретенообразные булавки), круглые наоборот – для 1 и 3 (цилиндрические). Конусовидная форма в выборке представлена лишь одной веретенообразной булавкой.

Признаки, связанные с верхней линией навершия, оказались наименее информативными; и выпуклая, и прямая встречены во всех группах, выделяется лишь такой признак, как выступ на верхней линии навершия, но он не характерен для маленьких булавок.

Вполне закономерно, что деградированные молоточки чаще встречаются у маленьких булавок (как с тонким, так и с толстым стержнем). При этом косые молоточки тяготеют к булавкам с более тонким стержнем. Заслуживает внимание и тот факт, что «разброс» признаков, связанных с формой стержня, несколько отличается от данных графика, что позволяет заключить, что определение формы стержня булавки «на глаз» не всегда применимо, поскольку булавка может казаться «скорее веретенообразной», фактически имея «цилиндрические» размеры.

Сделанные выводы не противоречат существующим подходам, а также подсказывают направления для дальнейшей работы по выявлению подгрупп булавок и построению новой классификации. Первоочередными задачами следует считать расширение выборки и уточнение контекста обнаружения каждой булавки, представленной в ней.

Заключение

Проведение пробного статистического анализа позволило предварительно выделить 3 группы булавок:

1. большие цилиндрические булавки с простым орнаментом из линий (или без него) и шаровидными (или круглыми молоточками);

2. булавки с веретенообразным стержнем, сложным геометрическим орнаментом и шаровидными молоточками;

3. тонкие цилиндрические булавки без орнамента с овальными или круглыми молоточками.

Их хронологическое соотношение на данный момент не установлено, однако если исходить из широко распространённой идеи о том, что веретенообразная форма является более поздней, а также признать правильность рассуждений А. Н. Гея о более позднем характере геометрического орнамента на булавках, то можно заключить, что вторая группа является более поздней, чем первая, при этом их соотношение с маленькими булавами из 3 группы только предстоит выяснить. Также предполагается, что в рамках дальнейшей разработки новой классификации будут выделены новые группы и подгруппы булавок. Можно заключить, что метод анализа главных компонент действительно позволяет обобщить опыт предыдущих исследователей и подходит для построения классификации такой категории артефактов как молоточковидные булавки.

Важным представляется тот факт, что выводы, полученные статистически, согласуются с имеющимися на данный момент представлениями:

1) для молоточковидных булавок возможно построение рабочей классификации;

2) форма стержня и форма навершия взаимосвязаны;

3) орнаментацию следует относить к числу важных признаков для классификации булавок;

4) метрические параметры применимы при разработке классификации молоточковидных булавок;

5) существует связь между орнаментом, формой и размерами булавки.

В то же время было отмечено, что к значимым элементам оформления наверхшия следует также относить форму молоточков.

При дальнейшей разработке классификации следует также опираться на статистические данные, применяя тем самым комплексный подход, позволяющий обобщить признаки, относящиеся к нескольким группам.

Следующим этапом на пути к разработке новой классификации является включение в анализ данных о контексте

находок, в т. ч. культурную принадлежность, форму погребения, половозрастные данные, местоположение булавок в погребениях, а также категории артефактов, включённые в те же комплексы, что и булавки. Вполне вероятно, что вместе с изменением формы или орнамента булавок менялась и обрядность, отличаясь у разных групп или трансформируясь со временем. Если такие взаимосвязи существуют, то статистически они будут выявлены. Это может позволить выявить те признаки, которые являются хронологическими или культурными маркерами. Параллельно с этим предполагается создание как можно более полной базы данных о погребениях с булавками для проверки формируемой классификации.

Дата поступления в редакцию 12.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Васько Д. С., Колосов В. П. Пелики керченского стиля из собрания Государственного Эрмитажа. Опыт статистического анализа // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): мат-лы конф. Ч. 2 / редкол. В. А. Хршановский и др. СПб.: ИПЦ СПб-ГУПТД, 2020. С. 210–215.
2. Гей А. Н. Новотиторская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.
3. Казарницкий А. А., Панасюк Н. В. Краниология и археология восточноманычской катакомбной культуры – перспективы анализа встречаемости признаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 250–260.
4. Кияшко В. Я. К вопросу о молоточковидных булавках // Донские древности. Вып. 1 / под ред. В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко. Азов: Азовский полиграфист, 1992. С. 4–57.
5. Ковалева Л. Г. Молоточковидные булавки Северного Причерноморья // Проблемы археологии Северного Причерноморья: мат-лы науч. конф. / отв. ред. А. В. Гаврилов. Херсон, 1991. С. 26–34.
6. Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 9. Л.: Сов. художник, 1967. С. 5–96.
7. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. 151 с.
8. Николаева Н. А. О лингвокультурной атрибуции и семантике «костяных молоточковидных булавок» (по материалам раскопок 1986 года в Калмыкии) // Бюллетень КалмНЦ РАН. 2019. № 4. С. 151–169.
9. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
10. Сафронов В. А. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 42–47.
11. Фёдоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 215 с.
12. Холюшкин Ю. П., Витяев Е. Е., Костин В. С. Задачи археологии и методы их решения // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2013. № 18. С. 3–97.
13. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с.

REFERENCES

1. Vas'ko D. S., Kolosov V. P. [Peliks of the Kerch style from the collection of the State Hermitage Museum. An experience of statistical analysis]. In: Khrshanovsky V. A. et al., eds. *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo V. I. Rostovtseva (vzglyad iz XXI veka)*. CH. 2 [Bosporan phenomenon. Bosporan kingdom of M. I. Rostovtsev (a view from the 21st century). Part 2]. St. Petersburg, IPC SPb-GUPTD Publ., 2020, pp. 210–215.
2. Gey A. N. *Novotitorovskaya kultura* [Novotitorovskaya culture]. Moscow, Stary Sad Publ., 2000. 223 p.
3. Kazarnizki A. A., Panasyuk N. V. [Craniology and archeology of the East Manych catacomb culture – perspectives of the analysis of the consistency of signs]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History], 2018, vol. 10, no. 3, pp. 250–260.
4. Kiyashko V. Ya. [On the issue of hammer-shaped pins]. In: Kiyashko V. Ya., Maksimenko V. Ye., eds. *Don'skiye drevnosti Vyp. 1* [Donskie drevnostiyu Vol. 1]. Azov, Azovsky polygraphist Publ., 1992, pp. 4–57.
5. Kovaleva L. G. [Hammer-shaped pins of the Northern Black Sea region]. In: Gavrilov A. V., ed. *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Problems of archeology of the Northern Black Sea region]. Kherson, 1991, pp. 26–34.
6. Latynin B. A. [Hammer-shaped pins, their cultural attribution and dating]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Vip. 9* [Archaeological collection of the State Hermitage. Vol. 9]. Leningrad, Sov. Artist Publ., 1967, pp. 5–96.
7. Nechitaïlo A. L. *Verkhneye Prikubanye v bronzovom veke* [Upper Kuban Region in the Bronze Age]. Kyiv, Naukova Dumka, 1978. 151 p.
8. Nikolaeva N. A. [On the linguistic-cultural attribution and semantics of “two-hammer bone pins” (based on excavations in Kalmykia)]. In: *Byulleten KalmNTS RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS], 2019, no. 4, pp. 151–169.
9. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. [The origin of bone hammer-shaped pins]. In: *KIA* [KSIA], 1975, iss. 142, pp. 11–17.
10. Safronov V. A. [Classification of Ciscaucasian Bone Hammer-Shaped Pins]. In: *KIA* [KSIA], 1973, iss. 134, pp. 42–47.
11. Fedorov-Davydov G. A. *Statisticheskiye metody v arkheologii* [Statistical Methods in Archaeology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 215 p.
12. Khol'yushkin Yu. P., Vityaev E. E., Kostin V. S. [Problems of Archaeology and Methods of Their Solution]. In: *Informatsionnyye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Information Technologies in Humanitarian Research], 2013, iss. 18, pp. 3–97.
13. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.)* [Northwestern Caspian Region in the Bronze Age (5th–3rd Millennia BC)]. Moscow, GIM Publ., 2007. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанов Иван Алексеевич – магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук; e-mail: komrad.ivanstep@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Stepanov – Master's Degree Student, State Academic University for the Humanities; e-mail: komrad.ivanstep@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанов И. А. Статистический подход к классификации молоточковидных булавок эпохи раннего – среднего бронзового века // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 123–138.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-123-138

FOR CITATION

Stepanov I. A. Statistical approach to classification of the hammer-headed pins of the Early – Middle Bronze Age. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 123–138.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-123-138

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-139-151

НАЧАЛЬНЫЕ «КИЗИЛ-КОБИНСКИЕ» ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ (XI–X ВВ. ДО Н. Э.)

Лучинский Н. Д.

Институт археологии Российской академии наук

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выделить хронологические горизонты памятников Горного Крыма эпох финала позднего бронзового века – начала раннего железного века.

Процедура и методы. Для разработки хронологии используется сравнительно-типологический метод. Проводится синхронизация памятников Горного Крыма с культурами Северного Причерноморья поздней бронзы – раннего железного веков.

Результаты. В ходе анализа материалов выяснилось, что памятники Горного Крыма составляют 2 хронологических горизонта: XI–X вв. до н. э. (белозерское время) и VIII–VII вв. до н. э. (ранний кизил-кобинский горизонт). Выдвинуто предположение, что между ними имеется хронологическая лакуна.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты важны для разработки проблемы генезиса кизил-кобинской культуры Горного Крыма.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Поднепровье, белозерская культура, гальштатские культуры, ранняя кизил-кобинская культура, финал поздней бронзы, начало раннего железа

INITIAL “KIZIL-KOBA” MONUMENTS OF THE SOUTHWESTERN AND SOUTHEASTERN CRIMEA: PROBLEMS OF CHRONOLOGY AND CONTINUITY (11TH–10TH CENTURIES BC)

N. Luchinsky

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences

ul. Dmitry Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the chronological horizons of the monuments of the Mountainous Crimea of the epochs of the end of the Late Bronze Age – the beginning of the Early Iron Age.

Methodology. A comparative typological method is used to develop the chronology. The monuments of the Mountainous Crimea are synchronized with the cultures of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age – Early Iron Age.

Results. During the analysis of the materials, it turned out that the monuments of the Mountainous Crimea make up two chronological horizons: 11th–10th centuries BC (Belozersky period) and 8th–7th centuries BC (horizon of the early Kizil-Koba culture). It is suggested that there is a chronological gap between them.

Research implications. The results obtained are important for the development of the problem of the genesis of the Kizil-Koba culture of the Mountainous Crimea.

Keywords: Northwestern Black Sea region, Lower Dnieper, Belozersk culture, Hallstatt cultures, early Kizil-Koba culture, the final of the Late Bronze Age, the beginning of the Early Iron age

Введение

Эта работа является продолжением предшествующей статьи [15] и завершает собой задуманный цикл статей о хронологии наиболее ранних памятников кизил-кобинской культуры (начальной стадии а – XI–X вв. до н. э.) [14, с. 96]. Тогда были рассмотрены основные памятники центральной группы Горного Крыма [14]. Здесь же мы акцентируем внимание на хронологии памятников юго-западной и юго-восточной групп.

Необходимо сделать важные замечания. Со времени последней публикации пришлось критически пересмотреть свои взгляды на генезис и вопросы хронологии ранней кизил-кобинской культуры. Поэтому пусть читателя не удивляет, что обозначение рассматриваемых памятников финала поздней бронзы как кизил-кобинских в заголовке этой статьи взято в кавычки. Дело в том, что в ходе дальнейших исследований выяснилось:

1) на данный момент мы не можем построить чёткую абсолютную хронологию как собственно кизил-кобинских памятников (VIII–IV вв. до н. э.), так и памятников Крыма финала позднего бронзового века;

2) в связи с этим неясно, как памятники финала поздней бронзы и кизил-кобинской культуры хронологически соотносятся между собой (ряд данных может указывать на хронологические лакуны между ними);

3) в связи со слабой изученностью материала не ясно, наблюдается ли генетическая преемственность между памятниками финала поздней бронзы Горного Крыма и кизил-кобинской культурой.

Однако в историографии памятники Предгорного и Горного Крыма XI–X вв. до н. э. традиционно считают ранними

кизил-кобинскими. По справедливому замечанию коллег, преждевременный отказ от обозначения этих памятников как кизил-кобинских может внести методологическую путаницу в дальнейшие исследования¹. В связи с этим на данном этапе исследований не будем отказываться от традиционного подхода. Однако проявим большую сдержанность в интерпретации памятников финала поздней бронзы Горного Крыма как кизил-кобинских. Тем не менее дальнейшее решение проблемы генезиса кизил-кобинской культуры невозможно без рассмотрения древностей поздней бронзы. Итак, рассмотрим вопросы хронологии эпохи поздней бронзы Крыма и сделаем предварительные выводы о возможности генетической связи памятников Горного Крыма финала поздней бронзы с кизил-кобинской культурой. Следует пояснить, по каким ведущим признакам мы выделяем «классическую» кизил-кобинскую культуру VIII–IV вв. до н. э.:

а) характер и мотив резного геометрического орнамента на лощёной керамике – полотно орнамента открытое, по верху плеча сосуда идёт одинарный или двойной пояс наколов, от которого опускаются вниз несколько рядов линий под углом или заштрихованные треугольники вершиной вниз;

б) погребения в каменных ящиках подквадратной и подпрямоугольной форм, с каменными прямоугольными или округлыми оградами или без них, нередко с выступающими пазами боковых плит. Часто погребения на могильниках имеют линейную структуру, на некоторых из них наблюдается тенденция южной или юго-восточной ориентировки

¹ За этот ценный совет особая благодарность С. Д. Лысенко и А. Романчуку.

погребённых. В погребальном инвентаре часто присутствует кизил-кобинская керамика (в ряде случаев с указанным резным орнаментом) [7, с. 30–33].

Указанные признаки наблюдаются на всех памятниках кизил-кобинской культуры – от предскифского времени до её конца на системном и структурном уровне специфичны среди синхронных культур и типичны для предгорной и горной зон Крыма. Полагаем, что есть возможность определить их как «этническое ядро» кизил-кобинской культуры или как «портрет культуры», по терминологии В. А. Сафронова – Н. А. Николаевой [18, с. 59]. Истоки именно этих признаков следует искать в предшествующих культурах Северного Причерноморья и Крыма.

**Хронология начальных
«кизил-кобинских» памятников:
юго-западная группа**

Поселение Уч-Баш. Раскопки С. Ф. Стржелецкого (раскоп I (восточный) 1952–1953 гг., раскоп II (центральный) 1953 г.) и Э. А. Кравченко (раскоп 1 (западный) 2006–2012 гг., раскоп 3 (северный) 2006–2013). *Стратиграфия* памятника разработана Э. А. Кравченко как на основе архивных данных С. Ф. Стржелецкого, так и на основе её анализа материалов из закрытых комплексов. Значительная часть стратиграфии памятника сильно нарушена в 1940-е гг. при произведённых взрывах. Наиболее полно стратиграфия представлена на западном раскопе. Верхний слой западного раскопа представлен дерново-гумусным слоем. Его подстилает зольный слой. Ниже лежали слои супеси, щебнистого суглинка, пережжённого суглинка, тёмного суглинка и бентонитовых трамбовок непосредственно над материком [17, рис. 2.6, 2.7].

На основе наблюдений за стратиграфической ситуацией западного раскопа Э. А. Кравченко выделяет 4 этапа жизнедеятельности в его пределах:

- 1 этап – сооружение внешнего рва и вала (середина – вторая половина IX в. до н. э.);
- 2 этап – функционирование мастерской по железным изделиям, с внешней стороны вала (вторая половина IX – первая половина VIII вв. до н. э.);
- 3 этап – возведение каменных оборонительных сооружений, их разрушение; непосредственно на них лежит слой зольно-мусорных накоплений (слой зольника) [17, с. 57–58];
- 4 этап представлен слоем зольно-мусорных накоплений и датируется второй половиной VIII – началом VII вв. до н. э.

В этих стратиграфических наблюдениях важно следующее: указанный слой зольника, содержащий материалы собственно кизил-кобинской культуры [17, с. 58], не связан с более ранними слоями. Ко времени отложения зольного слоя более ранние комплексы уже не функционировали [17, с. 72]. Это заставляет поставить вопрос о хронологической и генетической преемственности между кизил-кобинской культурой и предшествующими древностями Горного Крыма поздней бронзы.

Материалы из закрытых комплексов восточного, центрального и северного раскопов относятся к XI–IX – первой половине VIII вв. до н. э. Всего Э. А. Кравченко выделяет на Уч-Баше 5 горизонтов второй половины XI – начала VII вв. до н. э., каждый из которых укладывается в рамки 50 лет [10, рис. 195]. Столь дробная периодизация выглядит несколько искусственной, т. к. многие хроноиндикаторы имеют более широкие датировки. Тем не менее, Э. А. Кравченко провела важные стратиграфические и хронологические наблюдения на поселении Уч-Баш.

В целом *относительная хронология* памятника строится на анализе *керамического комплекса*. Керамика Уч-Баша датируется по аналогиям с материалами синхронных памятников и распределяет-

ся по выделенным горизонтам, объединённым в периоды. Э. А. Кравченко выделяет 3 периода в развитии поселения Уч-Баш:

1. старший дотаврский период – середина XI – середина IX вв. до н. э.;
2. младший дотаврский период – середина IX – середина VIII вв. до н. э.;
3. таврский период – середина VIII – начало VII вв. до н. э. [10, рис. 195].

Посудный набор ранних горизонтов памятника представлен **крупными пифосоподобными сосудами** [17, рис. 3.4.2: II.1, I.1], nelloщёными горшками средних размеров S-видного профиля, с плоским дном, вытянутых и приземистых пропорций (с шаровидным туловом). Эти типы сосудов часто украшены лепным валиком по плечу сосуда, а также другими видами налепов [10, рис. 15: 5; 17, рис. 3.4.2: I.2, I.4]. Аналогии им имеются на синхронных памятниках Крыма XI–X вв. до н. э., а также в белозерской, белогрудовской и ранней чернолесской культурах, в группе Балта [2, рис. 26.15, рис. 27.10, рис. 31.3; 4, рис. 128.6; 5, рис. 5.2]. По этим аналогиям возможна более ограниченная датировка наиболее ранних горизонтов Уч-Баша в рамках XI–X вв. до н. э. Однако возможно, что на поселении Уч-Баш традиции изготовления такой посуды могли продолжаться и в первой половине IX в. до н. э., и Э. А. Кравченко права. На мой взгляд, сейчас трудно сказать что-то определённое касательно датировки такой керамики вплоть до раннего предскифского времени, т. к. у нас до сих пор нет надёжной стратиграфии и материалов из закрытых комплексов с других памятников Крыма.

Биконические корчаги с резко отогнутым венчиком, конусовидным горлом и расширенным округлым туловом на середине высоты сосуда, которое плавно сужается к малому плоскому донцу [10, рис. 25.3; 17, рис. 3.4.2: II.4]. Наиболее близкие аналогии имеются в культуре Гава [10, с. 56–57]. По всей видимости, указанные корчаги с поселения Уч-Баш

являются наиболее ранней формой биконических корчаг и могут датироваться в рамках XI–X вв. до н. э.

Корчага средних размеров выраженного S-видного профиля, с плавно отогнутым венчиком, расширенным приземистым туловом и широким плоским выделенным дном [10, рис. 16.1]. Ближайшие аналогии имеет на поселениях предгорного Крыма Льговское-2017, Дружное 2 [14, рис. 3.3–3.5], а также на погребении 1 кургана 4 у с. Каиры [1, рис. 1.7]. По этим аналогиям подобные корчаги также датируются XI–X вв. до н. э.

Кубковидные сосуды средних размеров с плавно отогнутым венчиком, высоким дуговидным коническим горлом и приземистым туловом с округлым дном, украшенные различными видами лепного орнамента [10, рис. 89.5; 11, рис. 3.4.2: II.5] имеют аналогии на поселении Кизил-Коба [14, рис. 4.1]. Относительно схожие формы встречаются на памятниках группы Балта Северо-Западного Причерноморья [2, рис. 28.13], что в контексте белозерских материалов и аналогий с поселения Кизил-Коба делает возможной датировку этого вида сосудов более ранним временем XI–X вв. до н. э. На наш взгляд, этот вид сосудов вообще довольно специфичен для Крыма. Датировать их более поздним временем (включая VIII в. до н. э.) было бы возможно по схожести сосуда из кургана Астанино Ленинского р-на Крыма [3, с. 121, кат. № 168], но в публикациях приведён лишь схематичный рисунок последнего, что не даёт привести его как прямую аналогию сосуда из Кизил-Кобы. Потому на данный момент стоит остановиться на датировках не позже X, возможно, начала IX в. до н. э.

Довольно редкая форма керамики – **двуручные черпаки**, которые на данный момент известны в Крыму только из материалов поселения Уч-Баш (контекст находок не ясен) [11, табл. 27: 3, 7, 11], имеют относительные аналогии в культурной группе Балта [2, рис. 28.6,

фото 3.4], в группе Бабадаг [20, Taf. 16.3], и датируются для Крыма XI–IX/VIII вв. до н. э.

Лощёные черпаки, кубки и миски поселения Уч-Баш [10, рис. 173–175] имеют многочисленные аналогии в белозерской культуре и культурной группе Балта [2, рис. 25.9–25.12, 28.1, 28.2, 28.4], и датируются в рамках XI–X вв. до н. э. Там же встречаются схожие мотивы и элементы резной и прочерченной орнаментации [2, рис. 24.14–24.15, 28.3, 5, 7, 12–14].

Э. А. Кравченко датирует керамический комплекс дотаврских периодов поселения Уч-Баш достаточно широко – от XI до VIII–VII вв. до н. э. [10, рис. 195]. В пользу этого косвенно могут свидетельствовать находки в соответствующих слоях и комплексах каменных топоров, молотов и булав [17, рис. 3.1.2:1, 3.1.3]. Однако, судя по формам последних, подобные изделия из камня известны и в белозерское время. В целом комплекс керамики, изделий из камня, *костяные псалы* [17, рис. 3.5.15], находящие наибольшие аналогии в памятниках белозерского времени финала поздней бронзы [2, рис. 35.17, 38.9–38.10], скорее свидетельствуют о датировке наиболее ранних комплексов поселения Уч-Баш XI–X вв. до н. э.

Посудные наборы следующего горизонта (таврского периода по Э. Кравченко) [17, рис. 3.4.15:II] значительно отличаются от предшествующего времени. Пожалуй, какую-то эволюционную преемственность можно проследить в некоторых типах лощёных кубков и черпаков [10, рис. 176–177], но это может быть результатом синхронного развития этих форм керамики в Северном Причерноморье и сохранения белозерских традиций в культурном пространстве предскифского времени. На nelloщёной посуде (например, на фрагментах кухонных горшков) постепенно исчезает валиковая лепная орнаментация [10, рис. 163]. Среди лощёной посуды появляется новый тип – бичонические корчаги, у которых диаметр

венчика и донца примерно совпадает, а наибольшее расширение тулова падает на середину высоты сосуда [10, рис. 129]. Схожие корчаги имеются в центральной зоне предгорий Крыма, на поселении Холодная балка (рядом с Таш-Джарганом), где они украшены типичным кизил-кобинским орнаментом [14, рис. 3.2]. Относительно схожие по форме корчаги есть в культуре Козия-Сахарна (Сахарна-Солончены) [6, рис. XVII:6], в ранней чернолесской культуре [19, рис. 35], в предскифских памятниках [3, с. 103, кат. № 134]. По этим аналогиям этот тип посуды для Крыма датируется временем около IX–VII вв. до н. э., с наибольшей вероятностью – VIII – начала VII вв. до н. э. (если судить в контексте материалов Холодной балки). Появляются кубки приземистых (по сравнению с белозерским временем) пропорций, украшенные резным орнаментом [10, рис. 177–178] явно лесостепного-степного происхождения, сходным в некоторых элементах с жаботинским, чернолесским и шире – гальштатским орнаментом (например, в культуре Бассараби-Шолданешты), что также позволяет датировать их примерно VIII–VII вв. до н. э. Появляются чаши малых размеров, обычные в посудных наборах кизил-кобинской культуры [10, рис. 82.9–82.11]. Одна из ранних кизил-кобинских чаш была найдена в черноморском погребении Крыма Пролом 1 [9, рис. 15.1], что позволяет относить время появления этого типа сосудов и орнамента на ней как минимум к VIII в. до н. э.

Этим датировкам не противоречат и находки каменных топоров предскифского времени, а также костяных и бронзовых наконечников стрел и бляшек [17, рис. 3.1.2:8, 9; 3.1.3:5-8; 331.4-10; 3.5.11:1-4, 6-19]. Возможно, что ряд данных (например, время бытования ряда видов посуды) может говорить в пользу непрерывного функционирования поселения Уч-Баш на протяжении XI–VIII вв. до н. э. Однако учитывая, что материалы поздней бронзы (в целом белозерские)

и предскифского времени (по сути собственно кизил-кобинские) значительно отличаются друг от друга, следует оставить на данный момент вопрос о их генетической преемственности открытым до дальнейшей систематизации и технологического изучения. Так как материалы раннего горизонта Уч-Баша значительно схожи с материалами белозерской культуры и вполне могут укладываться в рамки финала поздней бронзы, возможен хронологический разрыв: ранний горизонт – XI–X вв. до н. э., следующий (таврского периода, по Э. А. Кравченко) – VIII–VII вв. до н. э. Замечание Э. А. Кравченко о том, что комплексы, содержащие кизил-кобинские материалы, появились уже после того, как более ранние на Уч-Баше были заброшены, делает подобное предположение вполне вероятным.

Поселение Сахарная Головка. Расположено на склонах горы Сахарная Головка (Инкерманская долина), на правом берегу р. Чёрной [10, с. 249]. Было открыто Л. Н. Соловьёвым в ходе археологических разведок в 1920-е гг. А. К. Тахтаем было прослежено несколько хозяйственных ям в 1944 и 1951 гг. Раскопки проводились С. Ф. Стржелецким и Веймарном в 1952 г. [17, с. 68]. Подробных данных о стратиграфии памятника в современных публикациях нет.

Относительная хронология
Э. А. Кравченко строится на основе анализа керамического комплекса и синхронизации комплексов Сахарной Головки с горизонтами поселения Уч-Баш. Материалы поселения Сахарная Головка синхронны горизонтам Ia–III поселения Уч-Баш [17, с. 70–71], т. е. датируются серединой XI – серединой IX вв. до н. э. На наш взгляд, немногочисленная керамика Сахарной Головки ещё более разнородна, чем керамика Уч-Баша, и явно относится к разным периодам, разделённым значительным хронологическим разрывом. Ранние формы керамики представлены нелощёным горшком средних размеров тюльпановидной формы с орнаментом

в виде резной линии по шейке сосуда. Аналогии этому типу Э. А. Кравченко находит в погребении 45 Верхнехортицкого могильника, и, соответственно, синхронизирует его с горизонтом Ia Уч-Баша (начало X в. до н. э.) [10, с. 52, рис. 26.2].

Интересен фрагмент лощёной биконической корчаги с конусовидным горлом, по форме схожей с корчагой Уч-Баша. Корчага с Сахарной Головки орнаментирована по горлу и плечу каннелюрами [10, рис. 57.1, 58.1], что наиболее сближает её с подобными сосудами культуры Гава и говорит в пользу датировки XI–X вв. до н. э. Фрагменты лощёных сосудов и кубков из ямы 2 Сахарная Головка [10, рис. 79], по Э. А. Кравченко, датируются концом X – первой половиной IX вв. до н. э. (III горизонт Уч-Баша) [17, с. 71]. Однако прочерченный и лепной орнамент подтреугольными валиками на ряде фрагментов может датироваться и XI–X вв. до н. э.

За этими материалами следуют сосуды, находящие аналогии уже на памятниках (в основном погребениях) архаической Скифии около VII в. до н. э. К ним относятся 2 плоскодонных нелощёных горшка, вытянутых и приземистых пропорций (вид VI/2 по классификации Э. А. Кравченко) [10, с. 72, рис. 163.3], и лощёная корчага с воронковидным горлом, шаровидным расширенным туловом на верхней трети сосуда, которое резко сужается к узкому плоскому донцу, украшенная резным кизил-кобинским орнаментом [10, с. 73, рис. 112]. Аналогичная корчага была найдена в Крыму при раскопках поселения Фронтное 2 [13, с. 274, рис. 22]. По всей видимости, к этому же времени относится и корчага средних размеров, вытянутых пропорций, с шаровидным туловом и резным кизил-кобинским орнаментом [10, рис. 136.1]. Таким образом, на данный момент на поселении Сахарная Головка также выделяются 2 горизонта, не связанные между собой хронологически: финала поздней бронзы XI–X вв. до н. э. и позднейшего

предскифского – раннескифского времени Крыма VII в. до н. э.

Поселение Ашлама-Дере. Расположено в балке Ашлама-Дере в 4 км к востоку от Бахчисарая. Раскопки проводились Е. В. Веймарном в 1946 г. и Х. И. Крис в 1950–1951 гг. [12, с. 184].

Стратиграфические исследования проводились вдоль северного склона промоины. Под мощным слоем мергеля были обнаружены 2 культурных слоя, разделённые стерильным слоем мергеля со щебёнкой [12, с. 186]. Как отмечает Х. И. Крис, т. к. различий в материалах слоев не наблюдалось, находки не публиковались послойно [12, с. 188], что, к сожалению, снижает ценность стратиграфических наблюдений.

Как и в большинстве других случаев, *относительную хронологию* приходится строить исключительно на анализе *керамического комплекса*. Фрагмент верхней профильной части крупного горшковидного сосуда [12, рис. 2.1] находит аналогии на других памятниках Предгорного Крыма поздней бронзы, а также в ареале группы Балта, белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья и ранней чернолесской культуры, и датируется XI–X вв. до н. э. [2, рис. 26.15, 27.10, 31.3; 4, рис. 128.6; 5, рис. 5.2]. Кубковидный лощёный сосуд с лепным орнаментом («корчажка») [12, рис. 3.1] имеет аналогии на Уч-Баше, в Кизил-Кобе, схожие сосуды есть в белозерской культуре, и также датируется XI–X вв. до н. э. (см. выше). Кубки и черпаки малых размеров [12, рис. 3.3–3.6] имеют аналогии на других памятниках Предгорного Крыма финала поздней бронзы, в белозерской культуре, и датируются XI–X вв. до н. э. На данный момент сложно подобрать аналогии лощёной чаше с петельчатой ручкой на ножке [12, рис. 2.2]. По всей видимости, это нетипичная форма керамики является или импортом, или результатом гальштатского культурного влияния (?). Некоторые приземистые кубки [12, рис. 2.3–2.6] могут относиться

и к финалу поздней бронзы, и к раннему предскифскому времени и соответственно датируются XI–IX вв. до н. э. В данном случае сложно сказать что-либо более определённое из-за отсутствия стратиграфического распределения материала и его малого количества в публикации. В целом поселение в балке Ашлама-Дере на данный момент представляется возможным датировать временем в рамках XI–X/IX вв. до н. э.

Хронология памятников юго-восточной группы

Поселение Тау-Кипчак (Лесное). Материалы поселения Тау-Кипчак (Лесное) публикуются здесь по архивным материалам О. А. Махневой¹. Раскопки проводились в 1969–1972 гг. при строительстве Балановского водохранилища, на затопленной в настоящее время территории. Судя по всему, население памятника занимало значительный ареал, т. к. материалы при проведении работ были обнаружены на площади около 15 га².

Относительная хронология строится на анализе керамического комплекса. Он представлен теми же категориями и типами сосудов, что и на других горнокрымских памятниках финала поздней бронзы: крупные нелощёные пифосоподобные сосуды, горшковидные сосуды крупных и средних размеров S-видного профиля, лощёные корчаги средних размеров с дуговидной шейкой, черпаки и кубки, полусферические и шлемовидные миски³ [8, рис. 59.3, 4, 8, 9, 11, 15, 16, 19]. Все эти виды посуды находят аналогии на памятниках белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья и белогрудовско-чернолесских памятниках Лесостепи и датируются не позже XI–X вв. до н. э., согласно В. А. Колотухину [8, с. 56].

¹ Махнева О. А. Керамика раннетавракского поселения Тау-Кипчак (рукопись) // Советская Археология. 1978. № 707. С. 2. Рис. 2. 7. II. (номер не вышел в печать).

² Указ. соч. с. 1.

³ Указ. соч. рис. I–V.

Поселение Льговское-2017 (Тууш-3).

Расположено в пойме р. Мокрый Индол, рядом с с. Льговское Кировского района Республики Крым. Раскопки проводились отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН в 2017 г. Общая площадь проведённых исследований составила 10 235 м². На поселении открыты многочисленные жилые и хозяйственные объекты, получено большое количество материала [13, с. 117]. К началу раскопок верхние слои были нарушены при проведении земляных работ, однако нижние слои эпохи поздней бронзы сохранились достаточно хорошо. Привести *данные стратиграфии* на данном этапе не представляется возможным¹. Отчётный материал хорошо подготовлен начальником 3 раскопа М. Ю. Меньшиковым², однако на его раскопе представлена наиболее ранняя часть поселения, ещё сабатиновского времени, и потому эти материалы не относятся к теме настоящей статьи.

Относительная хронология строится на основе анализа керамического комплекса. Он включает крупные нелощёные горшковидные сосуды с валиковой орнаментацией, горшки средних размеров с шаровидным туловом, лощёные биконические корчаги, корчаги с дуговидной шейкой средних размеров, черпаки и кубки, полусферические и конические миски с лепным орнаментом [13, рис. 12]. Ряд фрагментов имеет резной орнамент финала поздней бронзы. Керамический комплекс поселения Льговское находит аналогии в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья, в ранних

чернолесских памятниках, и датируется не позже XI–X вв. до н. э.

Из наиболее надёжных *абсолютных хроноиндикаторов* интерес представляет ряд костяных булавок, довольно редкого типа украшений в Северном Причерноморье³. Они находят аналогии на различных памятниках культур Северо-Западного Причерноморья, например, в ареале культуры Ноа. Что интересно, в Северном Причерноморье этот тип украшений не выходит за рамки XII в. до н. э. [16, с. 59, рис. 49–50]. Таким образом, в настоящее время горизонт поселения Льговское финала поздней бронзы датируется в рамках XII–XI/X вв. до н. э.

Заключение

В настоящем цикле статей были рассмотрены вопросы хронологии памятников Предгорного и Горного Крыма финала поздней бронзы и их связи с последующей кизил-кобинской культурой. В ходе исследования был выявлен горизонт памятников, которые датируются временем не позже XI–X вв. до н. э. Эти памятники отделены хронологически от предшествующих культур Крыма (кемиобинского, ямно-катакомбного и срубно-сабатиновского времени) и по всей видимости не связаны с ними генетически. При этом материалы памятников XII/XI–X вв. до н. э. значительно схожи с материалами белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья, культурной группы Балта и белогрудовско-чернолесской культурой, а также с гальштатскими культурами Северо-Западного Причерноморья.

Логично предложить гипотезу, согласно которой в финале поздней бронзы белозерское население Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья мигрировало в зону крымских предгорий. При этом специфика керамического комплекса и погребальной обрядности

¹ Прим.: Из-за степени готовности отчётной документации по этому памятнику, к сожалению, автор не может опубликовать многие из находок, хотя и был участником раскопок этого поселения и изучал материалы в фондах музея «Неаполь Скифский» г. Симферополь. Потому в данной статье приводятся официальные публикации материалов и в редких случаях авторские фотографии.

² Внуков С. Ю. Отчёт об археологических наблюдениях на поселении Тууш 3 в Кировском районе Республики Крым в 2017 г. // Фонды ИА РАН. М., 2019.

³ Фонды ИАМЗ Неаполь Скифский, К. о. № 37–39, КР 503.

(погребения в каменных ящиках могильников Суучхан, Донское и Дружное) состоит в значительной доле гальштатских культурных традиций на рассмотренных памятниках. Это явление требует объяснения. Возможно, что это было или крайне гальштатизированное население белозерской культуры, или вместе с белозерским населением в Предгорный Крым переселилась и часть гальштатского населения Северо-Западного Причерноморья. Подчеркну, что это лишь предварительные предположения. Возникает вопрос, как памятники Горного Крыма финала поздней бронзы связаны с классическими кизил-кобинскими памятниками?

Даже на многослойных поселениях, таких как Уч-Баш, Сахарная Головка или урочища Таш-Джарган, где одновременно встречаются финальные позднебронзовые и кизил-кобинские материалы, между ними намечается серьёзный хронологический разрыв. Так, судя по встречаемости наиболее ранней орнаментированной кизил-кобинской керамики на предскифских памятниках степного и предгорного Крыма, наиболее ранние поселения и могильники собственно кизил-кобинской культуры не могут датироваться раньше второй половины – конца IX–VIII вв. до н. э. То есть имеет место хронологический разрыв примерно в 150–200 лет. Редкие стратиграфические исследования, похоже, подтверждают это.

В этой ситуации представляется возможным построение следующей модели генезиса кизил-кобинской культуры: на протяжении XI–X вв. до н. э. предгорную зону Крыма заселяют белозерские племена с выраженными гальштатскими традициями. К концу X в. до н. э. (возможно, к началу или середине IX в. до н. э.) жизнь на их поселениях прекращается. В раннее предскифское время в степи и предгорьях Крыма появляется новая волна степного населения («киммерийский» горизонт могильника Строгоновка, погребения Степного Крыма и Симферопольского

района). Видимо, вместе с ними приходит и часть населения с границ степи и лесостепи Северного Причерноморья с гальштатскими традициями – богато орнаментированной лощёной керамикой и погребениями с кромлехами и каменными ящиками. Оно оседает в крымских предгорьях в пределах современного Симферопольского района и составляет основу кизил-кобинской культуры (например, памятники Таш-Джаргана). В пользу этого *предварительного предположения* (!) говорит схожесть форм и орнаментов кизил-кобинской культуры VIII в. до н. э. с жаботинской керамикой, с культурой Басараби-Шолданешты, чернолесской (непоротовская группа) и даже гальштатскими культурами Нижнего Дуная. Однако в Крыму быстро выработалась собственная орнаментация и погребальная обрядность, которая дополнительно модифицировалась под влиянием скифского населения в VII–VI вв. до н. э.

Таким образом, памятники финала поздней бронзы предгорной и горной зон Крыма, по всей вероятности, не являются ранними кизил-кобинскими. Скорее, это предшественники кизил-кобинского населения, чем его культурные и генетические предки. Не зря В. А. Колотухин пытался выделить их в отдельную «горнокрымскую культуру» поздней бронзы [7]. Однако сделать более определённые выводы на данном этапе исследований не представляется возможным. Необходимы систематизация накопленных материалов, технологические аспекты анализа керамики, а для разработки подробной хронологии ранней кизил-кобинской культуры и памятников горного Крыма финала поздней бронзы дальнейшие интенсивные полевые исследования с детальным изучением стратиграфии и закрытых комплексов, а также междисциплинарные исследования. И всё это должно проводиться с учётом историко-археологической реконструкции этнокультурных процессов поздней бронзы – раннего железного века Северного

Причерноморья. Без этого любые предположения о происхождении кизил-кобинской культуры будут лишь красивыми абстрактными интеллектуальными конструкциями – шаткими, и пустыми внутри.

Дата поступления в редакцию 09.09.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агульников С. М., Шилов Ю. А. Курган белозерской культуры у с. Каиры // Древности степного Причерноморья и Крыма: сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Н. Тощев. Вып. I. Запорожье: ЗГУ, 1990. С. 67–70.
2. Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
3. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX – первая половина VII вв. до н. э.). Киев: Издатель Олег Финюк, 2017. 338 с.
4. Граков Б. Н. Ранний железный век. (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского университета, 1977. 232 с.
5. Граков Б. Н., Тереножкин А. И. Субботовское городище // Советская археология. 1958. № 2. С. 164–178.
6. Кашуба М. Т. Раннее железо в Лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488.
7. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. (Этнокультурные процессы). Киев: «Южногородские ведомости», 1996. 158 с.
8. Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: ИД «Стилос», 2003. 139 с.
9. Колтухов С. Г. Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплекты» IX–VII вв. до н. э.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. 116 с.
10. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 272 с.
11. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981. 129 с.
12. Крис Х. И. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая // Советская археология. 1955. Вып. XXIV. С. 184–196.
13. Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. II / отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. 396 с.
14. Лучинский Н. Д. К проблеме генезиса кизил-кобинской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 85–102.
15. Лучинский Н. Д. Кизил-кобинские памятники центральной группы Горного Крыма: хронология начальной стадии (XI–X вв. до н. э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 119–128.
16. Лысенко С. С. Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы. Кишинэу; Киев: Stratum, 2021. 688 с.
17. От бронзы к железу: хозяйство жителей Инкерманской долины (по материалам исследований поселений Уч-Баш и Сахарная Головка) / Э. А. Кравченко, С. А. Горбаненко, Л. В. Горобец, Р. В. Кройтор, С. Н. Разумов, М. С. Сергеева, Е. Ю. Яниш. К.: ИА НАН Украины, 2016. 318 с.
18. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 398 с.
19. Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: АН УССР, 1961. 248 с.
20. Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. T. I. Bonn: GMBH, 1976. 379 p.

REFERENCES

1. Agulnikov S. M., Shilov Yu. A. [Mound of the Belozersky culture in the village of Kairy]. In: Toshchev G. N., ed. *Drevnosti stepnogo Prichernomorja i Kryma. Vip. 1* [Antiquities of the Black Sea and Crimean Steppes. Iss. I]. Zaporozhye, ZSU Publ., 1990, pp. 67–70.

2. Vanchugov V. P. *Belozerskiye pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye. neuvyazka formirovaniya belozerskoy kultury* [Belozersky monuments in the North-Western Black Sea region. The problem of formation of Belozersky culture]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1990. 168 p.
3. Gavrilyuk N. A. *Lepnaya keramika rannikh kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya (IX – pervaya polovina VII vv. do n. e.)* [Molded pottery of the early nomads of the Northern Black Sea region (9th – first half of the 7th century BC)]. Kyiv, Izdatel Oleg Finyuk Publ., 2017. 338 p.
4. Grakov B. N. *Ranniy zheleznyy vek. (Kul'tury Zapadnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy)* [Early Iron Age. (Cultures of Western and South-Eastern Europe)]. Moscow, Izd-vo stolichnogo institute Publ., 1977. 232 p.
5. Grakov B. N., Terenozhkin A. I. [Subbotovo settlement]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1958, no. 2, pp. 164–178.
6. Kashuba M. T. [Early Iron in the Lesostepes between the Dniester and Syrets (Kozia-Saharna culture)]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 3, pp. 241–488.
7. Kolotukhin V. A. *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznoogo veka. (etnokulturnyye protsessy)* [Gorny Krym in the Late Bronze Age - the beginning of the Iron Age. (Ethnocultural processes)]. Kyiv, Yuzhnohorodskie vedomosti Publ., 1996. 158 p.
8. Kolotukhin V. A. *Pozdnyy bronzovyy vek Kryma* [The Late Bronze Age of Crimea]. Kyiv, ID "Stilos" Publ., 2003. 139 p.
9. Koltukhov S. G. *Kimmeriytsy Stepnogo i Predgornogo Kryma (pogrebal'nyye pamyatniki i «komplekty» IX–VII vv. do n. e.)* [Cimmerians of the Steppe and Foothill Crimea (burial monuments and "sets" of the 9th–7th centuries BC)]. Simferopol, IT "ARIAL", 2022. 116 p.
10. Kravchenko Ye. A. *Kyzyl-kobinskaya kultura v Zapadnom Krymu* [Kyzyl-Kobyn culture in Western Crimea]. Kyiv; Lutsk, IA NAN Ukrainy, 2011. 272 p.
11. Chris H. I. *Kyzyl-kobinskaya kultura i tavry* [Kizil-Kobyn culture and brands]. Moscow, Nauka Pbl., 1981. 129 p.
12. Chris H. I. [Explorations on a settlement of the Late Bronze and Early Iron Ages in the Ashlam basin near Bakhchisaray]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1955, iss. XXIV, pp. 184–196.
13. Vnukov S. Yu., Sharov O. V. *Krym-Tavrida. Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu v 2017-2018 gg. T. II* [Krym-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018. Vol. II]. Moscow, IA RAN Publ., 2019. 396 p.
14. Luchinsky N. D. [About the origin of Kizil-Koba culture]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political science], 2022, no. 5, Circumpontica, iss. III, pp. 85–102.
15. Luchinsky N. D. [Monuments of the Kizil-Koba culture of the central group in the mountainous Crimea: chronology of the initial stage (11th–10th centuries BC)]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: History and political sciences], 2023, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 119–128.
16. Lysenko S. S. *Ukrasheniye naseleniya Severnogo Prichernomor'ya epokhi pozdney bronzy* [Decorations of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age]. Chisinau; Kyiv, Stratum Publ., 2021. 688 p.
17. Kravchenko E. A., Gorbanenko S. A., Horobets L. V., Kroitor R. V., Razumov S. N., Sergeeva M. S., Yanish E. Yu. *Ot bronzy k zhelezu: khozyaystvo obitateley Inkermanskoy ravniny (po materialam issledovatel'skikh rabot poseleniy Uch-Bash i Sakharnaya Golovka)* [From bronze to iron: the household of the inhabitants of the Inkerman valley (according to research materials, Uch-Bash and Sakharnaya Golovka were settled)]. K.: IA NAN Ukrainy Publ., 2016. 318 p.
18. Safronov V. A. *Indoyevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestors]. Gorky, Volgo-Vyatskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1989. 398 p.
19. Terenozhkin A. I. *Predskifskiy period na dneprovskom Pravoberezh'ye* [Pre-Scythian period on the Right Bank of the Dnieper]. Kyiv, AN USSR Publ., 1961. 248 p.
20. Hänsel B. *Beiträge zur regionalen und chronologischen gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. T. I*. Bonn, GMBH, 1976. 379 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинский Николай Дмитриевич – сотрудник Института археологии Российской академии наук;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay D. Luchinsky – Member of Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лучинский Н. Д. Начальные «кизил-кобинские» памятники Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма: проблемы хронологии и преемственности (XI–X вв. до н. э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 139–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-139-151

FOR CITATION

Luchinsky N. D. Initial “Kizil-Koba” monuments of the Southwestern and Southeastern Crimea: problems of chronology and continuity (11th–10th centuries BC). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 139–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-139-151

УДК 902.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-152-164

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БРОНЗОВЫХ ТРАПЕЦИЕВИДНЫХ ПРЯЖКАХ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Керцева Г. Н.¹, Керцев Р. Ю.²

¹ *Институт истории и археологии Республики Северная Осетия - Алания
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Российская Федерация*

² *ООО «Гера»
г. Владикавказ, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ изображений на бронзовых трапециевидных пряжках кобанской культуры Центрального Кавказа.

Процедура и методы. Проведён анализ бронзовых трапециевидных пряжек кобанской культуры Центрального Кавказа и изображений на них с помощью историко-типологического, стилистического, семиотического методов. Выявлены связь размеров и формы пряжек с особенностями зооморфных изображений, определены основные этапы их трансформации и датировка.

Результаты. Установлена связь изображений с типом и размером пряжки. Выделены 7 типов бронзовых трапециевидных пряжек с XII по IV вв. до н. э.

Теоретическая и/или практическая значимость. Поясные пряжки – один из характерных предметов кобанской культуры на протяжении её существования. Поясные пряжки Центрального Кавказа публиковались, но комплексно не рассматривались. Также была изучена типология и хронология этих предметов. Анализ пряжек позволит сделать их категорией находок, датирующих погребения или культурный слой.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, кобанская культура, зооморфное искусство, бронзовые поясные пряжки, трансформация изображений

TRANSFORMATION OF ZOOMORPHIC IMAGES ON BRONZE TRAPEZOIDAL BUCKLES OF THE KOBAN CULTURE

G. Kertseva¹, R. Kertsev²

¹ *Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
ul. Vatutina 46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation*

² *"Gera" LLC
Vladikavkaz, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the images on bronze trapezoidal buckles of the Koban culture of the Central Caucasus.

Methodology. An analysis of bronze trapezoidal buckles of the Koban culture of the Central Caucasus and the images on them was carried out using historical-typological, stylistic, semiotic methods. The connection between the size and shape of the buckles and the features of the zoomorphic images on them is revealed, the main stages of their transformation and dating are determined.

Results. Images are associated with the type and size of the buckle. There are 7 types of bronze trapezoidal buckles from the 12th to 4th centuries BC.

Research implications. Belt buckles are one of the characteristic objects of Koban culture throughout its existence. Belt buckles of the Central Caucasus were published, but were not comprehensively considered. The typology and chronology of these subjects has also been studied. Analysis of buckles will make them a category of finds dating the burials or the cultural layer.

Keywords: North Caucasus, Koban culture, zoomorphic art, bronze belt buckles, image transformation

Введение

Немаловажную роль в исторической реконструкции социальных процессов в обществе играют поясные пряжки. Поясные пряжки в кобанской культуре являлись неотъемлемой функциональной частью костюма. Они выполняли не только защитные функции, но и отражали социальный статус. Пояса и поясные пряжки изменялись с течением времени, исходя из внутренних социально-экономических явлений и процессов, и в меньшей степени были подвержены влияниям извне. К сожалению, пояса из органических материалов (растительных волокон и кожи) не сохраняются в кобанских погребениях. Об их пропорциях косвенно можно судить по ширине пряжек.

Изображения поясов встречаются на бронзовых антропоморфных фигурках кобанской культуры: на женских фигурках бронзового ожерелья начала I тыс. до н. э. из фондов Национального музея КБР в окружении голов хищников и козла [2, табл. 4а]; на женской фигурке из «кобанской коллекции Британского музея»; на женской фигурке стоящий на рогах оленя с наверхшия из Камунты (Северная Осетия); на 4 женских фигурках из Кобани; на подвеске в виде андрогина и фигурке мужчины со ст. Казбек в Грузии. Пояс – это показатель высокого статуса. Судя по раскопкам кобанских погребений, Б. В. Техов приходит к выводу, что пояс «был обязательным атрибутом как мужского, так и женского костюма», и это развитие шло от неорнаментированных узких экземпляров к более широким, содержащим растительные и геометрические узоры и сложные композиции,

сцены охоты, «шествия животных» [12, с. 224–225]. Как правило, женские поясные гарнитуры уже не так богато орнаментированы. На женских поясах часто изображается змея, пряжки чаще бывают гладкими. Так, в Тлийском могильнике известны поясные пряжки с изображением редуцированных конских копыт, ёлочным и ромбовидным орнаментом. Однако в ряде женских погребений бронзовые поясные пряжки и пояса отсутствовали, тогда как практически во всех мужских погребениях пояса или поясные пряжки имелись в наличии.

На территории Центрального Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа (с XII в. до IV в. до н. э.) наряду с другими видами пряжек использовались бронзовые поясные пластинчатые пряжки с изображением животных. Для этих пряжек характерна прямоугольная форма, продольное углубление для отверстий вдоль спинки пряжки и крючок в центре передней части. Поясные пряжки в начале исследования были выделены по количеству отверстий от 3 до 26. В большинстве случаев крючок пряжек, исходя из изображений на них, расположен справа и лишь в 2 случаях – слева. Крючок пряжек с горизонтальной осью симметрии рисунков мог быть направлен в любую сторону.

Большинство сохранившихся находок кобанской культуры выполнены из бронзы. В художественной обработке металла наблюдается основной принцип декоративно-прикладного искусства – согласованность эстетического с утилитарным. Для бронзовых поясных пряжек характерна фронтальная композиция, которая представляет изображения в од-

ной проекции. Характерным признаком фронтальной композиции является распределение в одной плоскости элементов формы в двух направлениях по отношению к зрителю. Пластинчатые пряжки, судя по оборотной стороне, отливались в открытой одностворчатой форме, выполненной из мягкого камня. Ажурные поясные пряжки чаще всего отливались по восковой модели в одностворчатой форме. Отдельно к ним могли монтироваться (приливаться) объёмные фигуры, протомы и головы животных, отлитые способом утерянной формы.

Поясные пряжки в кобанской культуре являлись неотъемлемой функциональной частью костюма, они выполняли защитные функции, отражали социальный статус. Особенностью пряжек кобанской культуры является то, что их задняя часть (спинка) была стационарной и фиксировалась на бронзовом или кожаном поясе. Для этого использовались отверстия. Они могли быть круглыми как на пластинчатых трапециевидных или птицевидных пряжках. На ажурных пряжках пояс крепился к декоративным отверстиям – элементам спинки пряжки. Другой (передний) конец пряжки был крючковидный и вставлялся в отверстие на бронзовом или кожаном поясе, закрепляя всю конструкцию.

Одними из тех, кто впервые занимался бронзовыми трапециевидными пряжками кобанской культуры, были А. С. Уваров и П. С. Уварова [14, с. 9–11; 15, с. 42–44, 48, табл. XIV–XXI, XXIII, 1, XXIV, 1-3, XXV, 3-4, XXXVII, 3-4 и др.]. В XX в. бронзовыми трапециевидными пряжками как ярким атрибутом кобанской культуры занимался Е. И. Крупнов [7], Я. В. Доманский опубликовал пряжки из коллекции Эрмитажа, датировав их серединой I тыс. до н. э. [4, илл. 59–60]. В 1990-е гг. датировку для предметов кобанской культуры предложила В. И. Козенкова [5, с. 90, 94–95, рис. 34–36]. Поясными трапециевидными пряжками занимался Б. В. Техов. Благодаря раскоп-

кам Тлийского могильника он пополнил коллекцию этих предметов [11; 12; 13].

Трансформация пряжек кобанской культуры

Рассмотрим трансформацию поясных трапециевидных пряжек на протяжении 8 веков – с XII по IV вв. до н. э. Проанализируем, как менялись их размеры, а соответственно и количество отверстий на них, их форма, репертуар зооморфных образов и композиций на них. Выявим причины таких изменений.

В прикладном искусстве кобанской культуры присутствуют *вертикальные зооморфные композиции*, состоящие из 2 голов или фигур животных, когда головы или фигурки животных располагаются одна над другой. Такие же композиции встречаются на ранних трапециевидных пряжках.

1. Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с острыми углами со слабо выступающим крючком – 8 экз. (Кобанский мог. – 6 (рис. 1.2–1.6, 1.8), 1 – из Цхинвальского Краеведческого музея (рис. 1.1), 1 – из Национального музея Украины (рис. 1.7). В этом типе пряжек от 7 до 21 отверстий на спинке (количество отверстий указано на рис. 1 слева от пряжки). Для этих пряжек характерно профильное изображение фигур хищников один над другим (от 4 до 6 фигур), лапы вытянуты вперёд под углом. Хищники изображены бегущими: видны 2 задние и 2 передние ноги, пасть открыта, длинный хвост загнут кверху, иногда в колечко. На выступе крючка в некоторых случаях изображён треугольник. Фон на таких пряжках состоит из орнамента «бегущая волна» или «меандр», по их краю проходит тонкая рамка с продольным рифлением или меандром. Туловище некоторых хищников внутри заполнено окружностями или линиями, повторяющими контур тела. Поясные пряжки кобанской культуры близки пряжкам колхидской культуры рубежа II–I тыс. до н. э. – начала I тыс. до н. э. [5, с. 94–95,

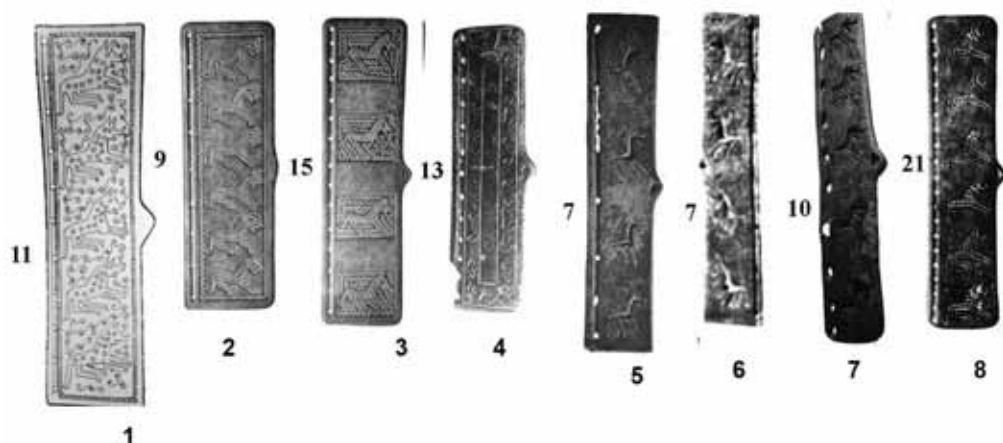

Рис. 1 / Fig. 1. Бронзовые трапециевидные пряжки I типа. XII – рубеж XI–X вв. / Bronze trapezoidal buckles of type I. 12th – the turn of the 11th–10th centuries.

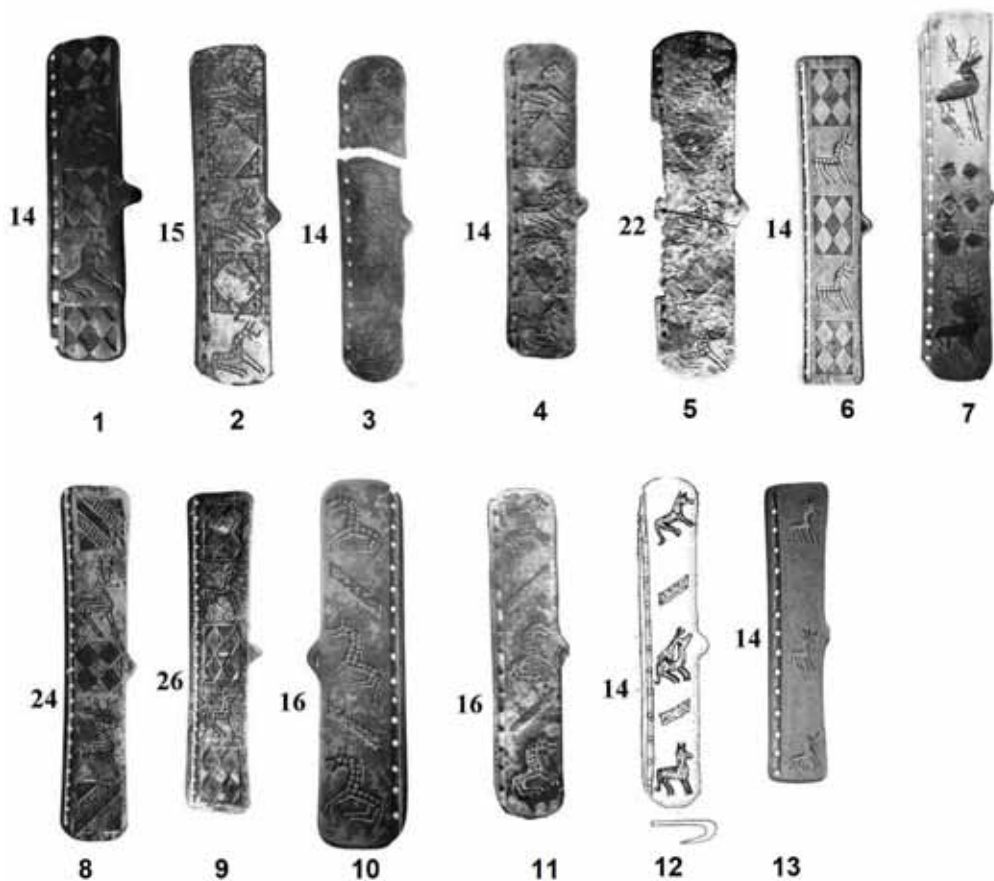
Источник: 1. Цхинвальский криведческий музей. Туаева З. Д. Прямоугольные поясные пряжки эпохи поздней бронзы – раннего железа из Кобана и Тли // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 99–103. Рис. 1.1; 2. Кобанский могильник Венский музей естественной истории. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900. Табл. XX.4; 3. Кобанский могильник. Венский музей естественной истории. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900. Табл. XX.1; 4. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900. Табл. XIX.2; 5. Кобанский могильник. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase Paris-Lion, 1886. Atlas. Pl. IX.1; Arceologie Compare. Paris, 1889. Pl. 27225e; 6. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. PL. IX.1; 7. Кавказ. Национальный музей Украины. Инв. № Б2508. Дар А. А. Русова 1916 г.; 8. Кобанский могильник. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984. Илл. 53

рис. 34–36,]. Пряжки этого типа датируются XII – рубежом XI–X вв. до н. э.

2. Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с закруглёнными углами со слабо выступающим крючком – 12 экз. (рис. 2): с изображением фигурок хищников – 7 экз. (1 – из мог. Фаскау, 1 – из окрестностей Владикавказа, 5 – из Кобанского мог.) и фигурок оленей – 5 экз. (3 – из Кобанского мог., 1 – из Джизи, 1 – из Музея Казанского ГУ). Животные: расположены одно над другим вертикально. Количество фигурок хищников на пряжке варьируется от 2 до 4, оленей – от 2 до 3. Поза хищников и копытных аналогична предыдущему варианту. Рога оленей изображены анфас. Олени в той же позе на бронзовом поясе из Национального

музея Армении (инв. № 2151) [16, Taf. 45]. В качестве разделительных элементов между фигурами животных использовались треугольники и ромбы.

3. Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с вогнутой спинкой острыми углами со слабо выступающим крючком (Рис. 3). Для таких пряжек присущ слабо выступающий крючок. Для них характерно изображение оленей. Голова стоящих фигурок оленей повернута назад (рис. 3.3, 3.5, 3.6, 3.8), у остальных – вперёд. Количество фигурок – по 2. На пряжках появляются изображения редуцированных голов хищников и оленей (рис. 3.4–3.5). Количество отверстий на пряжках от 6 до 8. Рога оленей изображены анфас. Все находки из погребений Тлийского мо-

1, 4, 7, 8, 12 – бронза и железная инкрустация, остальные – бронза

Рис. 2 / Fig. 2. Бронзовые трапециевидные пряжки II типа. Рубеж XI–X – начала X в. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type II. Frontier 11th–10th – beginning of the 10th century BCE

Источник: 1. Могильник Фаскау. *Kaukasischer Bronzeschmiede Berlin*, 1984. Abb.13; 2. Кобанский могильник. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984. Илл. VIII; 3. Кобанский могильник. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*. Т. VIII. М., 1900. Табл. XXIII.1; 4. Находка близ Владикавказа. Передано А. А. Спицыным в 1929 г. в Институт истории материальной культуры АН СССР; 5. Кобанский могильник. Кол. Комарова. Фото: отдел Научного архива ИИМК 241.51; 6. Кобанский могильник. *Sen Germen muse. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase*. Paris-Lion, 1886. Т. 2. Табл. X bis.2; 7. с. Джизи. *Сокровища Алании*. М., 2011. С. 78; 8. Кобанский могильник 4. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. Табл. VII; 9. Кобанский могильник. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*. Т. VIII. М., 1900. Табл. XVI.2; 10. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. Уварова П. А. Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*. Т. VIII. М., 1900. Табл. XIX.1; 11. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. *Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase*. Paris-Lion, 1886. Т. 2. Pl. IX.2; 12. Кобанский могильник. ГЭ. Из собрания Бобринского. Инв. № 1360; 13. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*. Т. VIII. М., 1900. Табл. XIX. 3

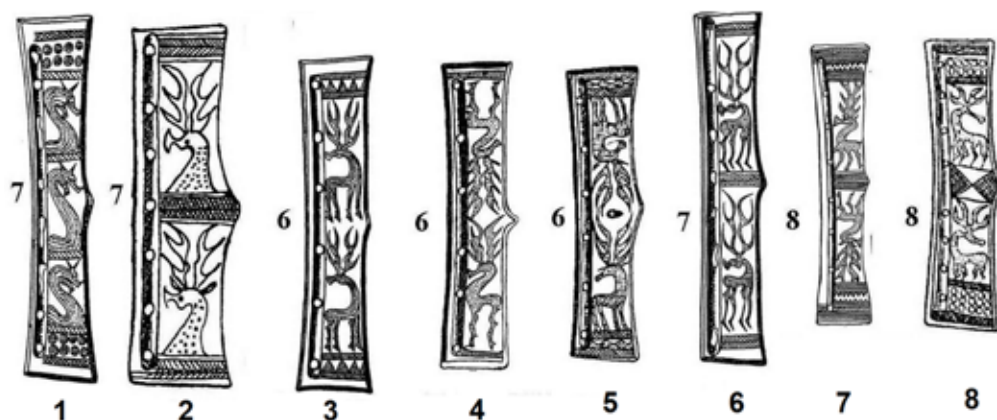

Рис. 3 / Fig. 3. Бронзовые трапецевидные пряжки III типа. Рубеж XI–X – начала X в. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type III. Frontier 11th–10th – beginning of the 10th century BCE

Источник: 1. Тлийский могильник. Погр. № 358. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 149.3; 2. Тлийский могильник. Погр. № 468. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 150.2; 3. Тлийский могильник. Погр. № 360. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 149.2; 4. Тлийский могильник. Погр. № 385. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 149.5; 5. Тлийский могильник. Техов Б. В. Археология Южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 56.5; 6. Тлийский могильник. Погр. № 360. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 149.2; 7. Тлийский могильник. Погр. № 452. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 123.8; 8. Тлийский могильник. Погр. № 51. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 159.1

гильника: №№ 51, 360, 385, 358, 452, 468 [11, табл. 25; 12, табл. 159.1, табл. 149.2, рис. 30.3, табл. 159.2, табл. 158.6; 13, рис. 37.14, с. 424, табл. 149.3].

Для тлийских находок в большинстве случаев характерно вертикальное изображение 2 протом и фигур оленей (по 2 на пряжке) и 3 протом хищников (одна над другой) с разделительными орнаментальными полосами между ними. Характерно стилизованное изображение стоящих фигурок оленей (грибовидный нос), с ногами, расположенными под прямым углом к туловищу. На некоторых из них фигуры животных и декоративные элементы (ромбы) инкрустированы железом, что позволяет датировать их не ранее рубежа XI–X – начала X вв. до н. э. [5, рис. 36, табл. 1, с. 90].

4. Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с вогнутой спинкой и со слабо выступающим крючком в передней части – 17 экз.: Кобанский мог. – 4 экз. на

пряжках – от 12 до 20 отверстий (рис. 4), Тлийский мог. – 13 экз. – от 6 до 8 отверстий. Для пряжек из Кобанского мог. характерно горизонтальное изображение фигур бегущих хищников с зигзаговидной фигурой между ними. Для тлийских находок в большинстве случаев характерно вертикальное изображение 2 протом и фигур оленей (по 2 на пряжке) и 3 протом хищников (одна над другой) с разделительными орнаментальными полосами между ними. Характерно стилизованное изображение стоящих фигурок оленей (грибовидный нос) с ногами, расположенными под прямым углом к туловищу. Изменяется композиционное решение: фигуры оленей расположены вертикально ногами друг к другу. Они датируются началом второй половины X – началом VII в. до н. э. [5, с. 90, рис. 36].

Вертикальные композиции характерны для ранних поясных пряжек центрального варианта кобанской культуры.

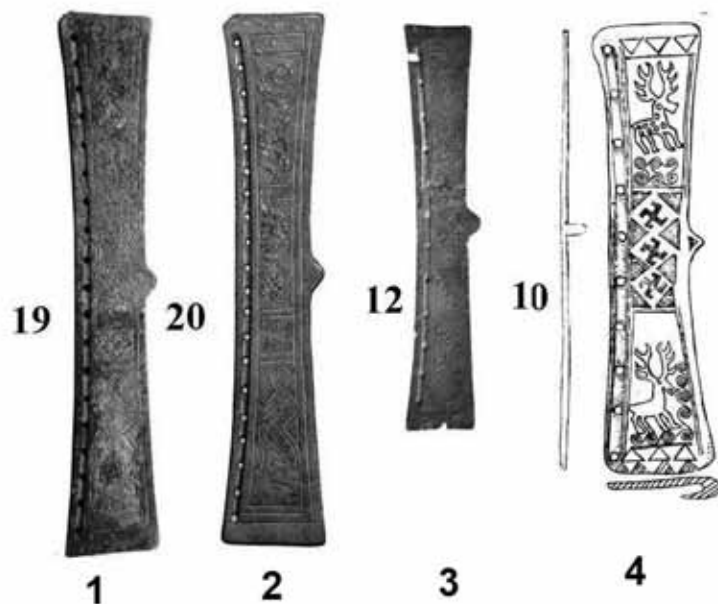

Рис. 4 / Fig. 4. Бронзовые трапециевидные пряжки IV типа. Рубеж XI–X – начала X в. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type IV. Frontier 11th–10th – beginning of the 10th century BCE

Источник: 1. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. Инв. № 27.115; 2. Кобанский могильник. Сен-Жерменский музей. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. Т. 2. Pl. VIII.3; 3. Кобанский могильник. Фото Отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Q503.6; 4. Кобанский могильник. ГЭ. Инв. № 1360. Собрание А. А. Бобринского

В таких композициях изображались фигуры и головы копытных и хищных животных. Эту композицию можно считать присущей кобанской культуре, начиная с самых ранних этапов развития этой культуры. Первоначально в протокобанскую эпоху они появляются в горах Дигорского (Фаскау или Кумбулта), и Алагирского ущелий (Адайдонского мог.), затем фиксируются на пряжках Кобанского мог., а с середины VII в. до н. э. перемещаются на южный склон Главного Кавказского хребта (Тлийский мог., Ксанское ущелье, с. Дзриа, из с. Кливана, с. Рук, Дыргджинский мог.), где на поясных пряжках, навершиях, наконечниках жезлов и привесках продолжают своё существование до середины I тыс. до н. э.

Поздние типы пряжек появляются с VIII в. до н. э. Для них характерно изменение пропорций, они становятся короче.

Для них также присуще горизонтальное расположение фигур и голов животных. Появляются новые сюжеты. Можно выделить 3 подтипа поздних пряжек.

5. Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки со слабо выступающим крючком – 12 экз. (Кобанский мог. – 4 экз. (Рис. 5.1, 5.2, 5.4, 5.5), Тлийский мог. – 8 экз. (рис. 5.3, 5.6–5.12)). Для 4 тлийских пряжек характерно изображение голов хищников. К изображениям фигурок оленей и хищников добавляются новые: лошадь, птица, змея, рыба. В половине случаев по верхнему и нижнему краю проходит орнаментация «ёлочкой», треугольниками, окружностями. На остальных пряжках орнамент отсутствует. Если раньше изображались целые фигурки, то сейчас ещё и редуцированные головы и копыта. Вместо изображений фигурок стоящих хищников и оленей по-

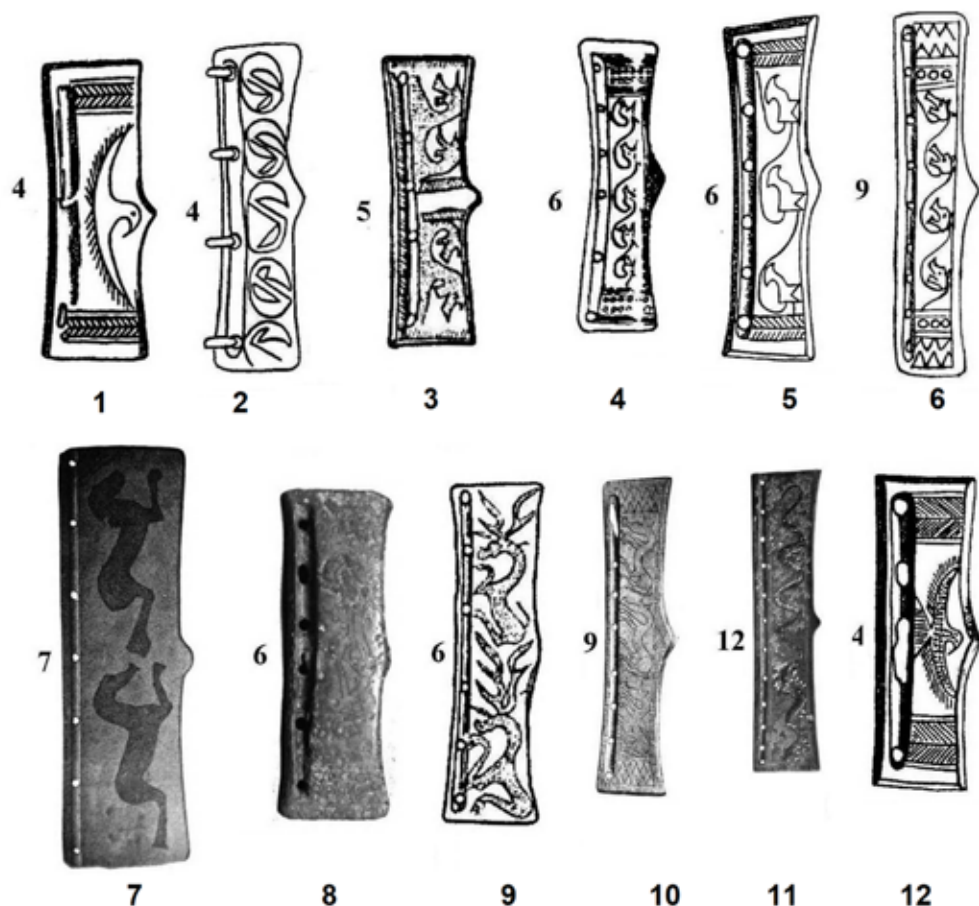

Рис. 5 / Fig. 5. Бронзовые трапециевидные пряжки V типа. Рубеж IX – первой половины VIII в. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type V. Frontier IX – the first half 8th century BCE

Источник: 1. Тлийский могильник. Погр. № 372. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 158.1; 2. Тлийский могильник. Погр. № 448; 3. Тлийский могильник. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 37.22. С. 424; 4. Тлийский могильник. Пог. № 436. Техов, 2002. Табл. 107; 5. Тлийский могильник. Погр. № 368. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 149.4; 6. Тлийский могильник. Пог. 469. Техов Б.В., 2002. Табл. 150.12; 7. Кобанский могильник. Собрание Венского музея естественной истории. Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказ. Т. VIII. М., 1900. Табл. XXV.4; 8. Кобанский могильник. Собрание Сен-Жерменского музея. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. Т. 2 Pl.X.1; 9. Тлийский могильник. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 37.15. С. 424; 10. Кобанский могильник. Собрание Сен-Жерменского музея. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. Atlas. Pl. IX.3; 11. Кобанский могильник. Собрание Сен-Жерменского музея. E. Recherches anthropologiques dans le Caucase Ch. Reinwald, Libraire, 1886. Atlas. Pl. X.1; 12. Тлийский могильник. Погр. № 375. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 158.2

являются ряды изображений из горизонтальных голов хищников, фигур бегущих хищников, расположенных горизонтально. Поясные пряжки в виде скачущей лошади могут датироваться VIII – рубежом VIII–VII вв. до н. э. [9, с. 97–122].

6. Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки со средневыступающим крючком – 7 экз. (Кобанский мог. – 3 экз., Тлийский мог. – 4 экз.) (рис. 6). Для них характерны горизонтальные композиции со схематическими изображениями в основном рыб, змей, иногда фигурок хищников. Датируются VII в. до н. э. [12, с. 41–42, рис. 150.10]. Встречаются симметричные композиции, связанные с искусством Переднего Востока.

7. Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки с сильно выступающим крючком – 5 экз. Фаскау (рис. 7.4), Гастон Уота (рис. 7.1, 7.3), Хор Гон (рис. 7.2), Тли используются на протяжении VI–IV вв. до н. э. На них, кроме привычных для кобанской культуры оленя и хищника, изображаются новые фигуры: козел, всадник. Однако и для них используется новая стилизация, характерная для савроматского искусства. Поясная

пряжка с изображением оленя «на пуантах» по аналогиям датируется V–IV вв. до н. э. [6, табл. 7.3]. Пряжка из Фаскау датируется VI в. до н. э. [1, с. 98; 3, с. 49–50]. А. П. Мошинский датирует её исходя из комплексов V в. до н. э. [8, с. 59]. Поясная пряжка с изображением всадника на лошади датируется А. Х. Слановым IV в. до н. э. [10, с. 55]. На позднем этапе VII–IV вв. до н. э. поясные пряжки становятся короче и шире, появляются поясные пряжки со сквозными отверстиями фона и сплошными фигурами животных. В оформлении проявляется влияние савроматского звериного стиля.

Таким образом, бронзовые поясные пластинчатые зооморфные пряжки на протяжении своего существования претерпевают изменения. С VIII в. до н. э. они становятся короче, уменьшается количество отверстий, композиция из вертикальной становится горизонтальной, сокращается число фигур, появляются новые сюжеты, связанные с передневосточными влияниями. С V в. в пряжках проявляются савроматские влияния, отразившиеся в иной, чем ранее, стилизации изображений животных.

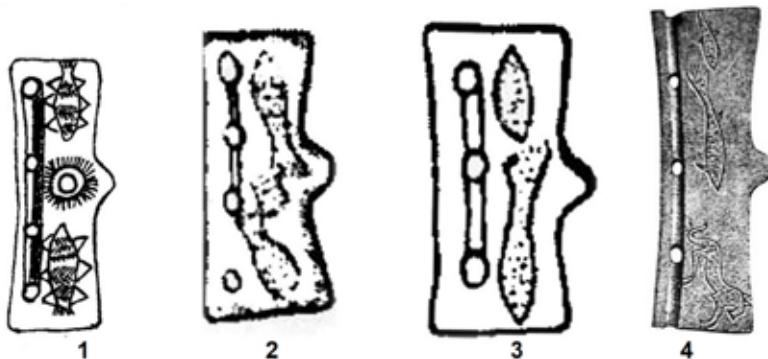

Рис. 6 / Fig. 6. Бронзовые трапецевидные пряжки VI типа. VII в. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type VI. 7th century BCE

Источник: 1. Тлийский могильник. Погр. № 409. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 150.10; 2. Тлийский могильник. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Табл. 37.21. С. 424; 3. Тлийский могильник. Погр. № 32. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 37.9. С. 424; 4. Кобанский могильник. Собрание Сен-Жерменского музея. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris-Lion, 1886. T. 2. Pl. IX.5

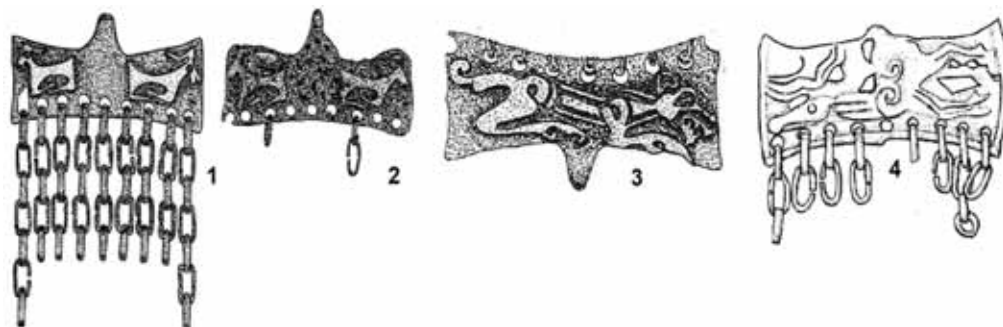

Рис 7 / Fig. 7. Бронзовые трапециевидные пряжки VII типа. V–IV вв. до н. э. / Bronze trapezoidal buckles of type VII. 5th–4th centuries BCE

Источник: 1. Могильник Гастон Уота. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. М., 2006. Рис. 33.2; 2. Могильник Хор Гон склеп 3. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. М., 2006. Рис. 33.3; 3. Могильник Гастон Уота. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. М., 2006. Рис. 33.4; 4. Могильник Фаскау. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. М., 2006. Рис. 33.1

Заклучение

Наиболее распространёнными пряжками кобанской культуры являются пластинчатые трапециевидные пряжки с выступающей центральной частью, завершающейся крючком-застёжкой и разной степенью выгнутой спинки, в желобке которой размещены отверстия. Встречается от 26 отверстий в наиболее ранних пряжках XII в. до н. э. до 4 – в пряжках IV в. до н. э. Соответственно изменялась и высота пряжек – от 15 до 5 см. Самые ранние поясные пряжки кобанской культуры высокие, т. е. они крепились на более широкие пояса и выполняли роль защитного доспеха. С годами они становятся уже, превращаясь в декоративные. На ранних пряжках вертикально помещались плоскостные (гравированные по бронзе или изображённые до отливки на воске) образы собако-волков и оленей, связанные, прежде всего, с охотничьей тематикой.

Поздние типы пряжек появляются с VIII в. до н. э. Для них характерно изменение пропорций, они становятся короче. Для них типично горизонтальное расположение фигур и голов животных. Появляются новые сюжеты. С VIII в. до н. э. они становятся короче, уменьша-

ется количество отверстий, композиция из вертикальной переходит в горизонталь, сокращается число фигур, связанных с передне-восточными влияниями, появляются новые сюжеты. К изображениям фигурок оленей и хищников добавляются новые: скачущая лошадь, птица, змея и рыба. Если на ранних пряжках изображались целые фигурки, то сейчас ещё и редуцированные головы и копыта. Вместо изображений фигурок стоящих хищников и оленей, появляются ряды изображений из горизонтальных голов хищников, фигур бегущих хищников, расположенных горизонтально. Поясные пряжки в виде скачущей лошади могут датироваться VIII–VII вв. до н. э. Пряжка с изображением ряда звериных голов датируется VIII – рубежом VIII–VII вв. до н. э. [9, с. 97–122].

С V в. тематика изображений на таких пряжках изменяется, появляются изображения козлов и фигурки всадника на лошади. В ряде случаев начинает использоваться новая стилизация, характерная для скифского и савроматского искусства. Например, изображение оленя «на пуантах» из Фаскау V в. до н. э. имеет аналогии в скифо-сибирском стиле Поволжья [1, с. 98; 3, с. 49–50; 8, с. 59].

Пряжки с изображением двух козлов с подогнутыми ногами из Гастон-Уота имеют многочисленные аналогии на скифских памятниках.

Судя по размерам и тематике изображений пластинчатые трапецевидные пряжки первоначально являлись атрибутом мужского костюма. Женские пряжки были другой формы. Затем приблизительно с VII в. до н. э. бронзовые пояса и пряжки появляются и в женском костюме.

Первоначально пряжки наряду с бронзовыми и кожаными поясами служили защитным доспехом, защищая область пояса и нижней части грудной клетки от поражения. Не случайно в традиционной культуре индоевропейских

народов поясу придавалось «охранительные» свойства.

Поясные пряжки кобанской культуры являлись неотъемлемой частью традиционного костюма, социальным, гендерным и этническим индикатором. В меньшей степени они отражают внешние культурные воздействия. Они играли большую роль в мужском костюме. Хотя не все женщины были захоронены с поясами и пряжками, но те, которые были погребены с ними, видимо, имели высокий социальный статус.

Поясные пряжки в эпоху поздней бронзы – раннего железного века являлись индикатором социального статуса в кобанском обществе.

Дата поступления в редакцию 12.09.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // Советская археология. 1950. Вып. XIV. С. 20–101.
2. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э.) / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
3. Виноградов В. Б., Шкурко А. И. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.: Изд-во МГУ. 1963. С. 37–58.
4. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. 238 с.
5. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука, 1996. 162 с.
6. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
7. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960. 520 с.
8. Мошинский А. П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ, 2006. 208 с.
9. Скаков А. Ю. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии / отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 97–122.
10. Сланов А. Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали: Ирystон, 1989. 111 с.
11. Техов Б. В. Кобано-тлийское графическое искусство. Владикавказ-Цхинвал, 2001. 315 с.
12. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 512 с.
13. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 540 с.
14. Уваров А. С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Труды V Археологического съезда в Тифлисе / под ред. гр. Уваровой. М., 1887. С. 1–9.
15. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900. 375 с.
16. Schäfer H., Andrae W. Die Kunst des alten Orient. Berlin, Published by Herder, 1977. 795 p.

REFERENCES

1. Artamonova-Poltavtseva O. A. [Culture of the North-East Caucasus in the Scythian Period]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1950, iss. XIV, pp. 20–101.
2. Batchaev V. M. [Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian Periods]. In: Markovin V. I., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. T. 2: Pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (IX–VII vv. do n. e.)* [Archaeological Research on New Construction Sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 2: Monuments of the Late Bronze and Early Iron Ages (9th–7th Centuries BC)]. Nalchik, Elbrus Publ., 1985, pp. 7–115.
3. Vinogradov V. B., Shkurko A. I. [On Some Objects of the Animal Style from the Central Ciscaucasia in the Scythian Period]. In: *Sbornik dokladov na VI i VII vsesoyuznykh arkheologicheskikh studencheskikh konferentsiyakh* [Collection of Papers at the 6th and 7th All-Union Archaeological Student Conferences]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1963, pp. 37–58.
4. Domansky Ya. V. *Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza* [Ancient artistic bronze of the Caucasus]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 238 p.
5. Kozenkova V. I. *Kulturno-istoricheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovyye problemy vozniknoveniya i razvitiya kobanskoj kultury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and the Early Iron Age (Key issues of the origin and development of the Koban culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 162 p.
6. Korolkova E. F. *Zverinyy stil Yevrazii. Iskusstvo plemon Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy furnitury* [Animal style of Eurasia. Art of the tribes of the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (7th–4th centuries BC). Problems of style and ethnocultural affiliation]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2006. 272 p.
7. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 520 p.
8. Moshinsky A. P. *Drevnosti Gornoj Digorii. VII–IV vv. do n. e.* [Antiquities of Mountain Digoria. 7th–4th centuries BC]. Moscow, GIM Publ., 2006. 208 p.
9. Skakov A. Yu. [Some Rare Motifs of the Koban-Colchian Graphic Art]. In: Devlet M. A., ed. *Mirovozzreniye drevnego naseleniya Yevrazii* [Worldview of the Ancient Population of Eurasia]. Moscow, Stary Sad Publ., 2001, pp. 97–122.
10. Slanov A. Kh. *Zheleznyy vek na territorii Yuzhnoy Osetii* [Iron Age on the Territory of South Ossetia]. Tskhinvali: Iryston, 1989. 111 p.
11. Tekhov B. V. *Kobano-tliyskoye graficheskoye iskusstvo* [Koban-Tli Graphic Art]. Vladikavkaz-Tskhinvali, 2001. 315 p.
12. Tekhov B. V. *Tayny drevnikh pogrebeniy* [Secrets of Ancient Burials]. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2002. 512 p.
13. Tekhov B. V. *Arkheologiya yuzhnoy chasti Osetii* [Archaeology of the Southern Part of Ossetia]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2006. 540 p.
14. Uvarov A. S. [What Conclusion about the Bronze Period Does the Information on Finds of Bronze Objects in the Caucasus Lead to?]. In: Uvarova count, ed. *Trudy V Arkheologicheskogo syezda v Tiflis* [Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis]. Moscow, 1887, pp. 1–9.
15. Uvarova P. S. *Mogilniki Severnogo Kavkaza* [Burial Grounds of the Northern Caucasus]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1900. 375 p.
16. Schäfer H., Andrae W. *Die Kunst des alten Orient*. Berlin, Published by Herder, 1977. 795 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керцева (Вольная) Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия - Алания; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Керцев Руслан Юрьевич – сотрудник ООО «Гера»; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kertseva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Archeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania;
e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Ruslan Yu. Kertsev – employee of “Gera” LLC;
e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю. Трансформация зооморфных изображений на бронзовых трапециевидных пряжках кобанской культуры // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 152–164.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-152-164

FOR CITATION

Kertseva G. N., Kertsev R. Yu. Transformation of zoomorphic images on bronze trapezoidal buckles of the Koban culture. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 152–164.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-152-164

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-165-173

ФРАГМЕНТ НЕСОХРАНИВШЕЙСЯ «ТАКТИКИ» ПИРРА

Нефёдкин А. К.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести текстологическое исследование пассажей в древнегреческих тактических сочинениях.

Процедура и методы. Использован сравнительно-текстологический анализ.

Результаты. Сделано предположение о пассаже о построении сиккульской конницы, восходящем к «Тактике» царя Пирра, который сам сражался на Сицилии.

Теоретическая и / или практическая значимость. Введён в научный оборот предполагаемый пассаж из древнего тактического произведения – несохранившейся «Тактики» царя Эпира Пирра.

Ключевые слова: тактика, Пирр, военное дело, сиккулы, конница

A FRAGMENT OF PYRRHUS' MISSING «TACTICS»

A. Nefedkin

*Belgorod State National Research University
ul. Studencheskaya 14, Belgorod 308007, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a textual study of the passages of the ancient Greek tactical writings.

Methodology. Comparative textual analysis is used.

Results. An assumption is made about the passage on the formation of the Sicilian cavalry, dating back to the “Tactics” of King Pyrrhus, who himself fought in Sicily.

Research Implications. A supposed passage from an ancient tactical work (the lost “Tactics” of King Pyrrhus of Epirus) has been introduced into academic circulation.

Keywords: tactics, Pyrrhus, warfare, Siculi, cavalry

Введение

В древности Пирр Эпирский (319–272 гг. до н. э.) считался одним из наиболее талантливых военачальников, которого сам Ганнибал ставил по полководческому дарованию на первое¹ или, по другой версии, на второе после Александра Македонского место². В источниках сохранился ряд упоминаний, чем на войне прославился эпирский царь. Историк и военный Аммиан Марцеллин (IV в.) указывал, что Пирр был известен тем, что умел вытягивать и стягивать фронт армии³. Царь мог даже совмещать в одной боевой линии отряды метателей-италиков и сариссофоров-фалангитов⁴.

© CC BY Нефёдкин А. К., 2024.

¹ Plut. Pyrrh. 8.5.

² Liv. XXXV.14.512; Plut. Tit. 21.4; App. Syr. 10.

³ Amm. XXIV,1,3; ср.: Front. Strat. II.2.1.

⁴ Polyb. XVIII.28.10. Подробнее см.: [8, с. 165–174].

Историк из Карфагена Прокл, сын Эвкрата, считал Пирра даже искуснее Александра в построениях гоплитов и всадников, а также в произведении стратегем¹. Латинский грамматик Элий Донат (IV в.), комментируя текст латинского комедиографа Теренция, замечает: «Пирр же был наиболее опытным в стратегемах и первым показал, как изучался этот порядок посредством камушков на доске»². Кроме того, Пирр считался первым из греков, кто ввёл правило обносить свой лагерь единым валом³. Поэтому-то и сам Пирр отмечал правильное устройство лагеря римлян⁴ и их военного строя⁵. Царь также воспринимался как лучший стратег, который умел захватывать местности и расставлять там гарнизоны⁶.

Как видим, источники отмечают, в первую очередь, то, что Пирр умел крайне искусно составлять диспозицию армии, предварительно рассмотрев её на столе. Другими словами, он был опытен именно в тактике, которая, по античным понятиям, состояла в организации, построении и маневрировании войска⁷.

Сочинения Пирра

Сам Пирр рассматривал военное дело как самое важное занятие для царя⁸. Очевидно, поэтому он и сочинял военные трактаты, противопоставив себя простым теоретическим тактикам. Компилятор Иоанн Стобей (V в.) описывает такой случай: «Пирр обещающему научить тактике, никогда не бывшему в бою, сказал, что не нуждается в не слышавшем трубу стратеге»⁹. Моралист Плутарх (46 – после 119 г.) заметил: «О его искусстве и мастерстве в строях и стратегиях можно

получить свидетельства из сочинений, которые он об этом оставил»¹⁰. Наряду с рассматриваемой далее «Тактикой» известно, что царь написал трактат об осадных машинах¹¹. Афиной Механик (I в. до н. э.) также упоминает «Полиоркетики» Пирра, где описываются подкопы и крытые ходы¹². Маловероятно, что 2 последние произведения входили в состав «Тактики», поскольку «механики» и «полиоркетики» – это совершенно другие жанры военной литературы¹³.

Кроме того, в «Стратегемах» С. Юлия Фронтиня (ок. 40–103 гг.) есть пассаж о сохранении «золотого моста» для бегущего противника, со ссылкой на «полководческие наставления для памяти», составленные Пирром¹⁴. О какой работе царя идёт речь, неясно, но по жанру похоже на стратегику – наставления военачальнику, о существовании которых нам ничего не известно. Впрочем, примечательно, что *codex Bernensis graecus*, 97 (XVI в.) – копия знаменитого военного манускрипта X в. *codex Laurentianus graecus*, LV-4 – приписывает авторство «Стратегикоса» Онасандра (I в. н. э.) Пирру [14, р. 62, п. 1; 19, р. 8, 28]. Ведь сам трактат Пирра был уже неизвестен и не было возможности сопоставить его текст с сочинением Онасандра. Нельзя, впрочем, исключить, что какие-то рекомендации входили в «Тактику» Пирра или даже в его мемуары¹⁵. К сожалению, все сочинения Пирра до нас не дошли, хотя военные произведения царя были популярны ещё в римского время¹⁶.

«Тактика» Пирра

Теперь обратимся к собственно тактическому трактату. Первое упоминание о нём находим в «Тактической теории» фи-

¹ Paus. IV.35.4.

² Donat. ad Terent. Eunuch. 783. Здесь и далее перевод автора статьи.

³ Liv. XXXV.14.89; Front. Strat. IV.1.14; Amm. XXIV.1.3.

⁴ Plut. Pyrrh. 16.7.

⁵ Plut. Tit. 5.6.

⁶ Liv. XXXV.14.9.

⁷ Ael. Tact. 3.

⁸ Plut. Pyrrh. 8.4; ср.: Just. XXV.5.45.

⁹ Stob. Anth. IV.13.60.

¹⁰ Plut. Pyrrh. 8.2.

¹¹ Vitruv. VII. praef. 14; Athen. Mech. 5.

¹² Athen. Mech. 31.

¹³ Подробнее: [7, с. 3950].

¹⁴ Front. Strat. II.6.10.

¹⁵ Dion. Hal. Ant. Rom. XX.10.2; Plut. Pyrrh. 21.8. См.: [2, с. 10, 59–60] (из мемуаров Пирра).

¹⁶ Cicer. Epist. IX.25.1.

лософа Элиана (ок. 113 г.): «Разработал тактическую теорию в подробностях и Эней, составивший и другие значимые полководческие книги, эпитому которых сделал фессалиец Киней; и Пирр Эпирот составил «Тактику», и Александр, его сын, и Клеарх, а ещё Павсаний и Евангел, и Полибий Мегалополит, многознающий муж, сблизившийся со Сципионом, и Эвполом, и Ификрат; стоик же Посидоний написал также и «Тактическое искусство» и многие другие: одни, как Брион, опубликовали краткие введения, а другие – специальные труды»¹. Несколько позднее, в 136 г., вслед за Элианом эту же информацию повторил в начале своего «Тактического искусства» знаменитый историк Флавий Арриан, хотя само имя Пирра, как и начало трактата, не сохранилось, оставшаяся часть начинается словами «...сын Пирра, и Клеарх, не водивший 10 тысяч эллинов на Царя, но другой, вот этот Клеарх. Между прочим, и у Павсания существует сочинение об этом, также ты можешь найти другое сочинение у Евангела и у Полибия Аркадянина, который был связан и со Сципионом Римлянином, проводившим многие великие войны, как другие, так и ту, в которой Карфаген в Ливии он взял и в рабство обратил. Сочинено нечто об этом как Эвполомом, так и Ификратом, не афинским стратегом, но другим, вот этим. Даже Посидоний Родосский, написав какое-то «Тактическое искусство», оставил его нам»².

В данной вводной главе Элиан и вслед за ним Арриан описывают тактические произведения, послужившие основными источниками. Имя царя Пирра стоит первым в списке тактиков и, очевидно, это не случайно: Пирр был первым, кто составил тактический трактат, по крайней мере, все другие авторы, время жизни которых нам известно, писали позднее.

Вслед за отцом «Тактику» составил и сын Пирра и его второй жены Ланассы,

дочери сицилийского тирана Агафокла (Plut. Pyrrh. 9.1), Александр II, который был царём Эпира в 272 – ок. 242 гг. до н. э. Он воевал вместе с отцом в Италии, однако, когда Пирр переправился в Сицилию для войны с карфагенянами (278 г. до н. э.), он остался в италийских Локрах Эпизефирских³. Поскольку такая ситуация с наследником престола кажется некоторым исследователям странным, выдвигается предположение о том, что Александр всё же отбыл на Сицилию с отцом, а в Локры был назначен младший сын царя Гелен, чьё имя и должно стоять в источнике сообщения Трога-Юстина [3, с. 140; 5, с. 354–355; 20, р. 463]. Впрочем, мичиганский историк П. Э. Кент считает, что Пирр не стал брать с собой наследника из-за неопределённости ситуации в Сицилии [18, р. 124]. О дальнейшей военной биографии Александра II известно, что, став после смерти отца царём Эпира, он, претендуя на Македонское царство, вторгся туда во время Хремонидовой войны в 264 г. до н. э. но вскоре был выбит как оттуда, так и из самого Эпира, куда, впрочем, быстро вернулся (263/2 г. до н. э.) [4, с. 173–180].

Как видим, и Александр обладал большим военным опытом. Однако о его «Тактике» никаких подробностей, кроме самого её существования, неизвестно, кроме Элиана и Арриана, имя некоего Александра, сочинение которого послужило источником для его «Тактики», упоминает магистр Никифор Уран (1000-е гг.) [7, с. 54; 15, р. 150]. Однако о каком писателе с именем Александр идёт речь, неясно – какие-то дополнительные данные отсутствуют. Вероятно, сама «Тактика» Александра была написана под влиянием военных работ отца, как некое дополнение к той же «Тактике» Пирра, поскольку вряд ли можно предполагать, что Александр просто повторил те же сюжеты, что и отец, без какой их дальнейшей разработки.

¹ Ael. Tact. 1.2.

² Arr. Tact. 1.1.

³ Just. XVIII.2.12; XXIII.3.3.

Сравнения данных сохранившихся «Тактик»

Теперь обратимся к собственно сведениям, которые содержатся в трёх сохранившихся до нас античных «Тактиках», ведь, кроме работ Элиана и Арриана, до нас дошло краткое «Тактическое искусство» философа Асклепиодота (I в. до н. э.). На основании схожести текстов 3 трактатов, справедливо считается, все 3 сочинения восходят к не сохранившемуся «Тактическому искусству» философа-стоика Посидония Родосского (ок. 135 – ок. 51 г. до н. э.), который в своём сочинении опирался на утерянную «Тактику» историка Полибия (ок. 200 – ок. 120 гг. до н. э.). Ведь философ хорошо знал наследие великого историка и даже написал несохранившееся продолжение его «Всеобщей истории»¹. Отсюда и возникла схожесть сведений в текстах трёх «Тактик».

В интересующем нас месте Асклепиодот пишет следующее: «(2) Одни делали их (*всадников*) строи в виде квадрата, вторые – вытянутыми, другие же – ромбовидными, а прочие – островидными или же клиновидными... (4) Квадратными же строями пользовались персы, сиккулы (*Σικελοί*) и эллины, из-за того, что в них илы могли составлять шеренги вместе с рядами. Впрочем, эллины, изменяя илу на вытянутую по количеству, придали ей по внешности вид квадрата. Ведь они строили 16 человек по длине, 8 же по ширине, но с удвоением интервалов из-за величины коней; а некоторые, сделав утроение числа длины *по отношению* к глубине, придали утроение интервалу по глубине, чтобы опять вид *строя* был квадратным»².

В параллельном пассаже Элиан даёт такое описание: «(1) А строи всадников у тех, кто сочинял до нас, или квадратные, или четырехугольные, или ромбовидные, или клиновидные... (5) Однако квадратными *строями* пользовались и

персы, и сиккулы, и большинство эллинов, убеждённые, что и *это* соединение имеет большую подвижность, и совместная скачка и польза намного лучшие. Ведь *такое* построение имеет большую подвижность по ряду и шеренге, а все командиры, построенные таким образом вместе, нападают на врагов. (6) Лучшими же являются *строи*, имеющие удвоение числа *всадников* по длине, нежели по глубине: например, 8 *всадников* длина, а 4 – глубина, или 10 – длина, а 5 – глубина»³.

Арриан адаптировал текст предыдущего автора следующим образом: «(1) Именно у всадников пёстрые и разнообразные строи: одни – квадратные, другие – прямоугольные, третьи – ромбовидные, а четвертые – собранные в клин... (9) Именно персы особенно использовали квадратные строи, как и варвары на Сицилии (*οἱ ἐν Σικελίᾳ βάρβαροι*) и большинство наиболее искусных в верховой езде эллинов, (10) ведь хорошо построенный этот строй лучше другого, так как, когда и по ряду, и по шеренге *он* построен, *тогда* и атаки, и отступления делаются очень проворно; и только у этих *строев* все командиры, собранные вместе, нападают на врагов. (11) Лучшими же являются *строи*, имеющие удвоение числа в длине, нежели в глубине: например, если построены по 10 по фронту и по 5 в глубине или же по 20 по фронту, а по 10 в глубине»⁴.

В общем, «Тактики» информируют нас о коннице классической греческой ойкумены, тогда как упоминаний о других восточных (парфянских, массагетских, бактрийских) всадниках, что было бы характерно для периода эллинизма, или западных (кельтских, германских, нумидийских), что было значимо для римской эпохи, нет. Также нет информации и о собственно римских всадниках, Арриан специально вставлял в свою «Тактику» свидетельства о современной ему коннице⁵.

¹ Например, см.: [23, p. XXIII–XXIV].

² Asclep. Tact. 7.2, 4.

³ Ael. Tact. 18.1, 56.

⁴ Arr. Tact. 16.1, 9–10.

⁵ Arr. Tact. 4.79; 18.3; 34–44.

Естественно, греки знали, в каких строях сражались отряды их собственных всадников. Так, фила афинских всадников, состоявшая из сотни конников, строилась в 5 или 10 шеренг¹. Построение спартанского улама из 50 всадников было также квадратным². Позднее Маврикий в «Стратегеконе» считал, что конница должна была строиться по 510 человек в ряду³.

Упоминание персидских конных квадратных строев восходит к информации Ксенофонта, в частности, к описанию шествия Кира в «Киропедии»⁴. На рубеже VI–V вв. до н. э. для персидских конников были характерны глубоко построенные отряды. В частности, тот же Ксенофонт описывает подобное построение ахеменидской конницы в бою под Даскелионом (396 г. до н. э.)⁵. Полибий также считал, что персидская конница строилась именно в 8 шеренг⁶.

Стоит обратить внимание на то, что наряду с греками и персами, о которых, как видим, нам известно, что они обладали достаточно эффективной конницей, упомянуты местные жители Сицилии. Можно было бы подумать, что прямоугольные (и как вариант – квадратные) построения по рядам и шеренгам были каким-то особенными и характерными лишь для упомянутых в «Тактиках» народов, однако такие строи были самыми обычными в коннице [9, с. 214–215, 247, 291–292, 319–320; 10; 16, р. 75, 181]⁷.

Сикулы

В «Тактиках» «сикелы» (Σικελοί) – это сицилийцы-сикулы, индоевропейское население восточной части острова в доэллинистическое время. Причём, если Асклепидот и Элиа просто говорят о жителях острова, то Арриан в соответ-

ствующем пассаже называет варваров, обитавших на острове. «Тактики», следовательно, передают нам некую традицию о том, что у сикулов имелась некая конница, строившаяся в квадратные отряды. Однако об этой сикульской коннице сохранилось крайне мало сведений, что косвенным образом свидетельствует и о её малой эффективности. Известно, что во время Сицилийской экспедиции в конце 415 г. до н. э. афиняне приказали сикулам доставить им коней⁸, а в начале кампании 414 г. до н. э. к афинскому стратегу Никию прибыли всадники сикулов и других союзников, которых согласно Фукидиду, была сотня, а по Диодору, только одних сикулов было 250⁹. В том же году к спартанцу Гилиппу присоединилось до 1000 сикулов, среди которых, вероятно, были и всадники¹⁰.

Иконография и археология сицилийского военного дела также весьма скудные. Рубежом VII–VI вв. до н. э. датируется сикульское надгробие греческого производства, найденное около Камарины, где представлен всадник, вооружённый большим круглым щитом и копьём с широким наконечником [21, р. 227]. Очевидно, так была вооружена архаическая местная знать. Если же обратиться к сицилийской иконографии более позднего классического времени, то увидим, что на монетах Гелы V в. до н. э. показаны всадники без защитного вооружения, вооружённые лёгким копьем [17, Abb. 144–145, 344; 22, Taf. 55.154]. Вероятно, они представляют нам некий местный тип конницы [1, с. 143, 170, примеч. 170; 25, р. 31; 26]. Судя по вооружению, такие наездники сражались как лёгкая конница, ведшая только или преимущественно метательный бой¹¹. Подобная конница обычно формировалась по территориальному принципу, когда в одном отряде

¹ Xen. Hipp. 2,19; 4,10; 5,7.

² Plut. Lycur. 23,1.

³ Mauric. Strat. II,5.

⁴ Xen. Cyr. VIII.3.1618; ср.: Hdt. VII.87.

⁵ Xen. Hell. III.4.13; ср.: Arr. Anab. I.15.7.

⁶ Polyb. XII.18.3. Подробнее о развитии персидской конницы в ахеменидскую эпоху см.: [6; 10].

⁷ Ср.: Xen. Anab. I,8,9.

⁸ Thuc. VI.88.6.

⁹ Thuc. VI.98.1; Diod. XIII,7,4.

¹⁰ Thuc. VII.1.5; ср.: Diod. XIII.7.7. См.: [27, р. 110, 206–207, n. 91].

¹¹ Ср.: Xen. Hell. VII.1.2021.

сражались соплеменники. Странно, что комментаторы текстов «Тактик» не обратили внимание на это противоречие между дошедшими до нас тактическими и историческими источниками.

К сожалению, археология острова немного добавляет к нашим представлениям о сикульском военном деле. Оружие редко встречается в сицилийских гробницах или святилищах. Так, например, судя богатому погребению 2 мужчин у Палермо, открытому в 2003 г., автохтоны во второй четверти V в. до н. э. обладали набором оружия гоплитского типа: воин был снаряжён бронзовым шлемом, поножами, обшитым бронзовым покрытием круглым щитом диаметром 60 см, железным мечом и копьём [12, р. 109–120; 24, р. 181–190]. В общем, можно полагать, что если даже местная знать под греческим влиянием снаряжала себя в качестве гоплитов, но с более лёгким щитом, то вряд ли служба в коннице была сколько-нибудь популярна у местного населения. Даже у самих сицилийских греков, у наиболее сильной сиракузской конницы соотношение всадников к пехотинцам было как 1:10, т. е. не превышало обычных греческие показатели¹.

Со времени правления сицилийского тирана Агафокла (317–289 гг. до н. э.) упоминания сикулов вообще исчезают из

письменных источников; как считается, они эллинизировались ещё в IV в. до н. э. [11, р. 171; 13]². По крайней мере, тот же Полибий в сохранившихся частях своей «Истории» упоминает о сикулах лишь в исторической перспективе³, а не в рассказах о событиях, современных автору.

Заключение

Можно полагать, что источником информации о сикулах в «Тактиках» был некий источник, который хорошо знал местные сицилийские военные реалии. Подобным компетентным военным источником вполне мог быть тактический трактат Пирра или, менее вероятно, его сына Александра, не бывшего на острове. Достаточно вспомнить, что Пирр был на Сицилии в 278–275 гг. до н. э., т. е. 2 года и 4 месяца [3, с. 134; 5, с. 345]. Позднее информацию о сикульской коннице заимствовал Полибий, а после него сохранившиеся «Тактики» Асклепиодора, Элиана и Арриана. Такая схема заимствования может объяснить, каким образом информация о не столь известной туземной коннице вошла в греческую тактическую традицию и заняла своё место в тексте рядом с известными всадниками самих греков и персов.

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Высокий К. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VI середины V вв. до н. э. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 444 с.
2. Казаров С. С. Царь Пирр: Античная историческая традиция и современная историография. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2002. 142 с.
3. Казаров С. С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2004. 288 с.
4. Казаров С. С. Александр II Эпирской // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 6 / под ред. А. А. Егоров. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2008. С. 173–180.
5. Казаров С. С. История царя Пирра Эпирского. (Res militaris). СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. 521 с.
6. Нефёдкин А. К. Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: сб. науч. статей / отв. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Издательство СГУ, 1999. С. 20–32.

¹ Hdt. VII.158; Polyb. XII.26b.1; Diod. XI.21.1.

² Diod. XX.31.2–32.2.

³ Polyb. XII.5.10, 10.6.

7. Нефёдкин А. К. Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы / пер. с греч. под ред. А. К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. С. 39–56.
8. Нефёдкин А. К. Метатели и сариссофоры: взаимодействие пехотинцев в эллинистических армиях // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 165–174.
9. Нефёдкин А. К. Конница эпохи эллинизма. (*Historia militaris*). СПб.: Издательство РГПУ, 2019. 784 с.
10. Нечитайлов М. В. Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н. э. // *Para bellum*. 2002. № 14. С. 19–36.
11. Abel K. Siculi // *Der kleine Pauly*. Bd. V. Stuttgart: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975. P. 171.
12. Albanese Procelli R. M. Sepolture di guerrieri della prima metà del V secolo a. C. nella Sicilia interna: l'evidenza da Montagna di Marzo // Micciché C., Modeo S., Santagati L. Diodoro Siculo e la Sicilia indigena: Atti del convegno di studi. Caltanissetta, 2005. Palermo: Siciliantica, 2006. P. 109–120.
13. Calvagno E. I Siculi: Fine di un ethnos. 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.siciliantica.it/download/03_%20Emilio_Galvagno.pdf (дата обращения: 19.08.2024).
14. Dain A. Les manuscrits d'Onésandros. Paris: Les Belles lettres, 1930. 174 p.
15. Dain A. Histoire du texte d'Élien le Tacticien des origines à la fin du Moyen Âge. Paris: Les Belles lettres, 1946. 394 p.
16. Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
17. Jenkins G. K., Küthmann H. Münzen der Griechen. München: Ernest Battenberg Verlag, 1972. 330 p.
18. Kent P. A. A History of the Pyrrhic War. New York: Routledge, 2020. 142 p.
19. Köchly H. De scriptorum militarium Graecorum codice Bernensi disseratio. Turici: Ex officina Zürcheri et Furreri, 1854. 36 p.
20. Lévêque P. Pyrrhos (Bibliothèque des École Françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. 185). Paris: E. de Boccard, 1957. 735 p.
21. Lubtchansky N. Cavaliers siciliens: Contribution à l'étude sur la formation des traditions équestres dans la Sicile archaïque // Les équidés dans le monde méditerranéen antique: Actes du colloque organisé par l'École française d'Athènes, le Centre Camille Jullian et l'UMR 5140 du CNRS / ed. A. Gardeisen. Lattes: Association pour le développement de l'archéologie en Languedoc-Roussillon, 2005. P. 219–231.
22. Regling K. Die antike Münze als Kunstwerke. Berlin: Schoetz und Parrhysius, 1924. 148 S.
23. Roos A. G. Praefatio // Flavii Arriani quae exstant omnia. Vol. II / ed. A. G. Roos. Lipsiae: B. G. Teubnerus, 1968. P. VXLV.
24. Spatafora F. Armi e guerrieri nella Sicilia indigena: segni di Guerra in luoghi di pace // Miti di guerra, riti di pace: la guerra e la pace: un confronto interdisciplinare: Atti del Convegno / ed. M. Concetta, L. Donato. Bari: Edipuglia, 2011. P. 181–190.
25. Spence I. G. The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens. Oxford: Clarendon Press, 1993. 380 p.
26. Aeli Donati quod fertur Commentum Terenti. Vol. I / P. Wessner, ed. Lipsiae: B. G. Teubnerus, 1902. 542 p.
27. Worley L. J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. 241 p.

REFERENCES

1. Vysoky K. F. *Istoriya Sicilii v arxaicheskuyu epokhu: Rannyya grecheskaya tiraniya koncza VI serediny V v. do n. e.* [The history of Sicily in the Archaic era: The early Greek tyranny of the late 6th mid-5th century BC]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2004. 444 p.
2. Kazarov S. S. *Czar` Pirr: Antichnaya istoricheskaya tradiciya i sovremennaya istoriografiya* [King Pyrrhus: Ancient historical tradition and modern historiography]. Rostov-na-Don: Izdatelstvo RGPU Publ., 2002. 142 p.
3. Kazarov S. S. *Czar Pirr i Epirskoe gosudarstvo v ellinisticheskom mire* [King Pyrrhus and the Epirus state in the Hellenistic world]. Rostov-upon-Don, Izdatelstvo RGPU Publ., 2004. 288 p.
4. Kazarov S. S. [Alexander II of Epirus]. In: *Aktualnye problemy vseobshhej istorii*. [Actual problems of universal history], 2008, iss. 6, pp. 173–180.

5. Kazarov S. S. *Istoriya czarya Pirra Epirskogo (Res militaris)* [The history of King Pyrrhus of Epirus. (Res militaris)]. St. Petersburg: Izdatelstvo SPbGU Publ., 2009. 521 p.
6. Nefedkin A. K. [The development of tactics of the Persian cavalry of the Achaemenids]. In: Kudryavtsev A. A., ed. *Drevnie i srednevekovye civilizacii i varvarkij mir. Sbornik nauchnykh statej* [Ancient and medieval civilizations and the barbarian world. Collection of scientific articles]. Stavropol: Izdatelstvo SGU Publ., 1999, pp. 20–32.
7. Nefedkin A. K. *Antichnaya voennaya teoriya i «Strategemy» Poliena* [Ancient military theory and "Strategems" of Polyaeus]. In: Nefedkin A. K., ed. *Polyen. Strategems* [Polien. Strategemias]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2002, pp. 39–56.
8. Nefedkin A. K. *Metateli i sarissofory: vzaimodejstvie pexotincev v ellinisticheskix armiyakh* [Throwers and sarissophores: interaction of infantrymen in Hellenistic armies]. In: *Bulletin of Ancient History* [Vestnik drevney istorii], 2005, no. 2, pp. 165–174.
9. Nefedkin A. K. *Konnicza epoxi ellinizma (Voyennaya istoriya)* [Cavalry of the Hellenistic era. (Historia militaris)]. St. Petersburg: Izdatelstvo RGPU Publ., 2019. 784 p.
10. Nechitailov M. V. [Cavalry of the Achaemenid empire in the second half of the fifth century BC]. In: *Para bellum*, 2002, no. 14, pp. 19–36.
11. Abel K. Siculi. In: *Der kleine Pauly. Bd. V*. Stuttgart, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975, p. 171.
12. Albanese Procelli R. M. Sepolture di guerrieri della prima meta del V secolo a. C. nella Sicilia interna: l'evidenza da Montagna di Marzo. In: Miccichè C., Modeo S., Santagati L. *Diodoro Siculo e la Sicilia indigena: Atti del convegno di studi. Caltanissetta, 2005*. Palermo, Siciliantica, 2006, pp. 109–120.
13. Calvagno E. I Siculi: Fine di un ethnos. Available at: http://www.siciliantica.it/download/03_%20Emilio_Galvagno.pdf (Accessed: 19.10.2024).
14. Dain A. *Les manuscrits d'Onésandros*. Paris, Les Belles lettres, 1930. 174 p.
15. Dain A. *Histoire du texte d'Élien le Tacticien des origines à la fin du Moyen Âge*. Paris: Les Belles lettres, 1946. 394 p.
16. Gaebel R. E. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman, University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
17. Jenkins G. K., Küthmann H. *Münzen der Griechen*. München, Ernest Battenberg Verlag, 1972. 330 p.
18. Kent P. A. *A History of the Pyrrhic War*. New York, Routledge, 2020. 142 p.
19. Köchly H. *De scriptorum militarium Graecorum codice Bernensi disseratio*. Turici, Ex officina Zürcheri et Furreri, 1854. 36 p.
20. Lévêque P. *Pyrrhos. (Bibliothèque des École Françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. 185)*. Paris, E. de Boccard, 1957. 735 p.
21. Lubtchansky N. Cavaliers siciliens: Contribution à l'étude sur la formation des traditions équestres dans la Sicile archaïque. In: Gardeisen A., ed. *Les équidés dans le monde méditerranéen antique: Actes du colloque organisé par l'École française d'Athènes, le Centre Camille Jullian et l'UMR 5140 du CNRS*. Lattes, Association pour le développement de l'archéologie en Languedoc-Roussillon, 2005, pp. 219–231.
22. Regling K. *Die antike Münze als Kunstwerke*. Berlin, Schoetz und Parrhysius, 1924. 148 p.
23. Roos A. G. Praefatio. In: Roos A. G., ed. *Flavii Arriani quae exstant omnia. Vol. II*. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 1968, p. VXLV.
24. Spatafora F. Armi e guerrieri nella Sicilia indigena: segni di Guerra in luoghi di pace. In: Concetta M., Donato L., eds. *Miti di guerra, riti di pace: la guerra e la pace: un confronto interdisciplinare: Atti del Convegno*. Bari, Edipuglia, 2011, pp. 181–190.
25. Spence I. G. *The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 380 p.
26. Wessner P., ed. *Aeli Donati quod fertur Commentum Terenti Vol. I*. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 1902. 542 p.
27. Worley L. J. *Hippes: The Cavalry of Ancient Greece. (History and Warfare)*. Boulder; San Francisco; Oxford, Westview Press, 1994. 241 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нефёдкин Александр Константинович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической археологии Белгородского государственного национального исследовательского университета;

e-mail: centmilhist@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander K. Nefedkin – Dr. Sci. (History), Head of the Laboratory, Historical Archaeology, Belgorod State National Research University;

e-mail: centmilhist@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нефёдкин А. К. Фрагмент несохранившейся «тактики» Пирра // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 165–173.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-165-173

FOR CITATION

Nefedkin A. K. A fragment of Pyrrhus' missing "Tactics". In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 165–173.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-165-173

УДК 938(082)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-174-188

КИНЖАЛЫ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КАМЕННОМОСТСКОГО МОГИЛЬНИКА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Зуев В. Ю.*член редколлегии журнала Stratum plus**г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение находок клинкового оружия – кинжалов предскифского и скифского времени, найденных в 2008 г. при раскопках могильника в с. Каменномоостское Кабардино-Балкарской республики, в контексте материалов двуслойного разновременного памятника, относимого в литературе к культурному феномену кобанской культуры.

Процедура и методы. Методами стратиграфического анализа установлено, что кинжалы относятся к разным по погребальному обряду захоронениям предскифского и раннескифского времени, совершённым на мысовом плато у слияния двух рек – Малки и Кичмалки. Захоронения в каменных ящиках совершались на этом месте в доскифское время и содержали закопанные в материковый слой сооружения из плитняка, в которых в скорченном положении были погребены мужчины (воины), женщины и дети, являвшиеся жителями горных долин Северного Кавказа в IX–VIII вв. до н. э. В конце VII–VI вв. до н. э. на месте существующего могильника происходят новые ритуальные действия. Появляются вытянутые труположения на уровне древнего горизонта, чуть заглублённые в грунт, заложенные каменными выкладками из окатанных водою валунов. Среди камней имеются следы тризн в виде разбитых сосудов и предметов оружия, материальный облик которых соответствует эпохе скифской архаики.

Результаты. На основе типологического анализа биметаллический кинжал из погребения в ящике отнесён к кругу клинков кабардино-пятигорского типа, а железный кинжал, найденный среди каменных выкладок верхнего слоя могильника, – к типу клинков с антенновидным навершием, характерным для скифского вооружения эпохи архаики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Стратиграфические и типологические наблюдения позволяют уверенно говорить не о единой «кобанской» культуре Каменномоостского могильника, а о двух исторически разных периодах существования памятника доскифского и раннескифского времени, отличающихся как по обряду совершения захоронений, так и по материальной культуре соответствующих эпох.

Ключевые слова: кинжалы кабардино-пятигорского и скифского типов, ранние кочевники Евразии, погребальные обряды доскифской и раннескифской эпох

DAGGERS OF PRE-SCYTHIAN AND SCYTHIAN TIMES FROM THE BURIAL COMPLEXES OF THE KAMENNOMOSTSKY BURIAL IN KABARDINO-BALKARIA

V. Zuev

*Member of the editorial board of the international journal Stratum plus
St.Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the daggers of pre-Scythian and Scythian times found in 2008 during excavations of a burial ground in the village Kamennomostskoye, Kabardino-Balkarian Republic in the context of materials from a two-layer monument of different periods, which is referred in the literature to a cultural phenomenon of the Koban culture.

Methodology. Using the methods of stratigraphic analysis, it was established that the daggers belong to burials of pre-Scythian and early Scythian times, different in funeral rites, made on a cape plateau at the confluence of two rivers – the Malka and the Kichmalka. Burials in stone boxes took place at this site in pre-Scythian times and contained limestone structures buried in the continental layer, in which men (warriors), woman and children who were residents of the mountain valleys of the North Caucasus in the 9th–8th centuries BC were crouched and buried. At the end of the 7th–6th centuries BC new ritual actions took place on the site of the existing burial ground. Elongated corpses appear at the level of the ancient horizon, slightly buried in the ground, laid down with stone layouts from boulders rounded with water. Among the stones there are traces of funeral feasts in the form of broken vessels and weapons, the material appearance of which corresponds to the Scythian archaic epoch.

Results. Based on a typological analysis, the bimetallic dagger from the burial in the box is assigned to the circle of blades of the Kabardino-Pyatigorsk type, and the iron dagger found among the stone linings of the upper layer of the burial ground is classified as a type of blade with an antenna-shaped pommel, characteristic of Scythian weapons of the archaic period.

Research implications. Stratigraphic and typological observations make it possible to speak confidently not about a single “Koban” culture of the Kamennomostskoye burial ground, but about two historically different periods of the monument's existence in pre-Scythian and Early Scythian times, differing both in the rite of burial and in the material culture of the corresponding epochs.

Keywords: daggers of the Kabardino-Pyatigorsk and Scythian types, early nomads of Eurasia, funeral rites of the pre-Scythian and early Scythian eras

Введение

Древности, найденные в могильнике у с. Каменномостское Кабардино-Балкарской республики известны в археологической науке с 20-х гг. XIX в. В 1849 г. при возведении укреплений на левом берегу р. Малка, в месте слияния её с р. Кичмалка, были потревожены несколько погребений, в которых находились глиняные сосуды, кости людей и разнообразные предметы из бронзы. Часть их была собрана сотрудником дипломатической канцелярии Главного управления в Закавказском крае, известным ориенталистом, одним из создателей Кавказского

отделения РГО Н. В. Ханьковым (1822–1878) и ныне хранится в Тбилисском историческом музее (Грузия). Эти находки были изданы в 1857 г. секретарём Русского нумизматико-археологического общества П. С. Савельевым (1814–1859) в редактируемых им «Записках Русского Археологического общества» [15, с. 51–61; 20, с. 50–51]. В течение последующего времени из этого могильника в поле зрения учёных неоднократно попадали различные древние вещи из погребальных комплексов (раскопки 1878, 1914, 1921, 1925 гг.). Свод этих находок был издан в 1941 г. сотрудником Государственного

Эрмитажа А. А. Иессеном (1896–1964) [11, с. 7–50].

Научные раскопки на могильнике проводились лишь после Великой Отечественной войны. В 1946 г. сотрудник Кабардино-Балкарского НИИ П. Г. Акритас (1880–1968) произвёл первые научные раскопки потревоженного при строительстве дороги небольшого кургана на территории могильника, где исследовал один каменный ящик [1, с. 311–312].

В 1948 г. на могильнике произвёл раскопки 3 каменных ящиков известный московский кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) [13, с. 243–275]. Эти материалы легли в основу разработанной им периодизации древностей кобанской культуры эпохи бронзы и раннего железного века, которая до наших дней является основной для классификации археологических памятников Кавказа указанных эпох [14, с. 26, 131, 182, 202, 204, 333, 349].

В 1949 г. на Каменноостском могильнике были произведены исследования профессором К. Э. Гриневичем (1891–1970). Экспедиция под его руководством раскопала 10 каменных ящиков [8, с. 128–135].

В 1954 г. П. Г. Акритас раскопал в Каменноостском ещё 2 каменных ящика, один из которых содержал богатое захоронение женщины середины VI в. до н. э. [2, с. 39–49].

Дальнейшее исследование могильника было продолжено лишь в 70–80-е гг. XX в. экспедициями В. М. Батчаева (1942 г. р.) в 1971, 1978, 1985 и 1987 гг. За эти годы им было раскопано 20 погребений в разных местах могильника [4, с. 406; 5, с. 99–105; 6, с. 7–8, 55, табл. 1, 3–22].

Таким образом, к 2008 г., когда под руководством автора этой статьи начала работать Кабардино-Балкарская археологическая экспедиция Государственного унитарного предприятия Кабардино-Балкарской республики «Наследие» и Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского

научного центра Российской Академии наук [10, с. 188–190], на могильнике было вскрыто и зафиксировано 40 погребений. К сожалению, все работы велись без единой стратегии исследований. Места раскопок выбирались произвольно и ограничивались лишь изучением так или иначе визуально фиксируемых погребений. При этом всеми исследователями отмечались многочисленные следы случайных раскопок на памятнике, из которых к нашему времени происходит очень представительная коллекция единичных находок, достигающая нескольких десятков экземпляров целых сосудов, бронзовых и железных изделий разнообразного назначения, в т. ч. и клинкового оружия.

Исследования 2008–2009 гг. позволили уточнить многое в понимании археологии этого памятника. Со времён экспедиции К. Э. Гриневича все исследователи полагали, что на обрывистом мысу между реками Малка и Кичмалка располагается естественным образом укрепленное поселение кобанской культуры [12, с. 26–27, № 30]. А его предполье занимает древний могильник со сложной структурой социально дифференцированных погребений (Е. И. Крупнов полагал, что на окраинах могильника в особых «кварталах» для бедноты хоронились без сопроводительного инвентаря обездоленные представители кобанского общества [14, с. 333]). Исследования 2008–2009 гг. абсолютно точно доказали, что никакого поселения типа «городища» на мысу не существует, и он весь занят различными погребальными сооружениями [10, с. 189].

Вторым новшеством, установленным в процессе полевых исследований 2008–2009 гг., является то, что Каменноостский могильник как археологический памятник – это двуслойный могильник, и все его захоронения чётко делятся на самостоятельные культурные и хронологические горизонты. В 2016 г. археолог из Нальчика В. А. Фоменко и его ученик А. Р. Шаов (1988 г. р.) попытались опровергнуть этот вывод в статье о Камен-

номостском могильнике [19, с. 58]. При этом оба на этом памятнике никогда не бывали, хотя В. А. Фоменко даже командировался Институтом гуманитарных исследований на раскопки, но так и не приехал в Каменноост. Они попытались вывести о разных хронологических и культурных горизонтах заменить тезисом о постоянстве населения единой кобанской культуры, которая лишь меняет абсолютно все элементы материальной культуры под скифским влиянием, прекращает хоронить умерших в каменных ящиках в скорченных позах, заменяя это вытянутыми труположениями на древнем горизонте. Это представляет, по мнению данных авторов, суть культурной эволюции особой локальной берёзовско-каменноостской культуры кобанской общности с VIII по VI вв. до н. э.

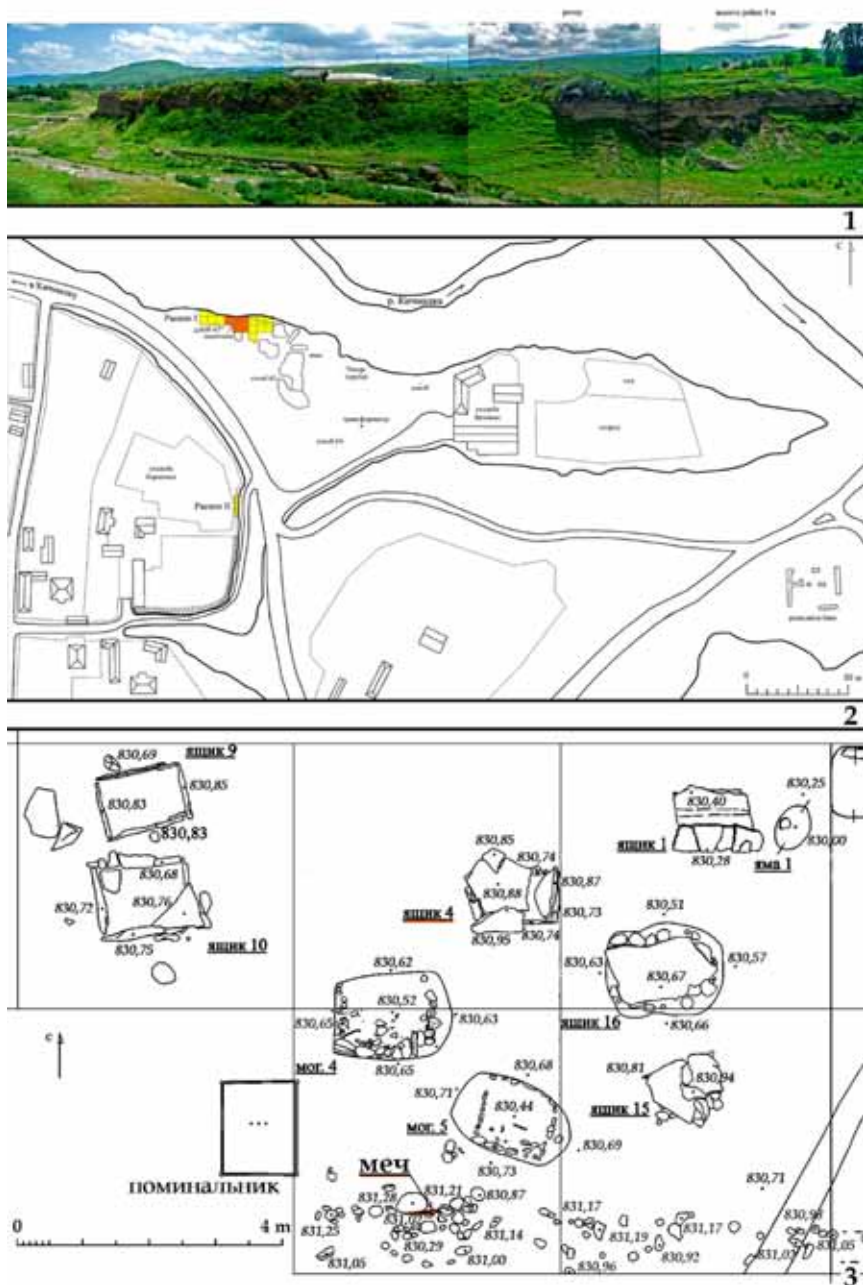
Трудно понять, как эти теоретики автохтонного культурогенеза реально представляют себе этот процесс эволюции в реальных условиях жизни (века перманентного влияния и заимствования инокультурных скифских новаций вплоть до полной потери традиций собственной культуры). Эти исследователи не приводят никаких доказательств этого феномена. Они просто уверены в том, что «есть все основания считать, что на протяжении VIII–VI вв. до н. э. население, оставившее Каменноостский могильник, было одним и тем же в этнокультурном отношении. Проникновение элементов скифской культуры на протяжении VI в. до н. э. привело к изменениям в материальной и духовной культуре, что отразилось в погребальном инвентаре и обряде каменноостцев. Те же процессы происходили в соседнем Пятигорье, населённом тем же каменноостско-берёзовским населением» [19, с. 58]. Мой опыт полевого археолога однозначно говорит о том, что картине, рисуемой этими исследователями, противоречит, прежде всего, стратиграфия погребений в Каменноостском могильнике.

Рассмотрим соотношение двух находок типичных клинков предскифского и раннескифского времени из Каменноостского могильника в их архитектурно-погребальном контексте, чтобы стала очевидной несостоятельность автохтонистской парадигмы, которой придерживаются упомянутые авторы.

Каменный ящик и кинжал предскифского периода

Каменный ящик № 4. Обе находки кинжалов были сделаны в соседних квадратах раскопа 2008 г. в северо-западной части плато у обрывистого берега р. Кичмалки (рис. 1.1). Всего на раскопе 2008 г., площадью 288 м² (рис. 1.2), было выявлено 18 погребений в каменных ящиках, 7 – в неглубоких ямах, обложенных мелкими валунами, и 3 погребения без фиксации могильных конструкций. Над всеми этими захоронениями были зафиксированы каменные выкладки со следами тризн и жертвоприношений (рис. 1.3). Вдоль двух рядов захоронений в ящиках по всей длине раскопа зафиксирована древняя траншея, забутованная камнями и засыпанная жёлтой материковой супесью [9, с. 284–285].

Любопытной особенностью обрядовой практики является довольно трудоёмкая процедура совершения захоронений. Все ящики и могилы почти достигают галечного материкового слоя и сооружены в природном слое чистой жёлтой глинистой супеси. Строители захоронений в каменных ящиках и неглубоких ямах с каменными кладками тщательно удаляли гумусный слой и засыпали созданные погребения только чистым однородным слоем супеси, добывая её в ряде мест могильника открытым способом. В образовавшиеся ямы сбрасывали гумус, который впоследствии засыпали слоем перемещённой супеси, и на этом месте вновь хоронили умерших, засыпая каменные погребальные конструкции чистой жёлтой супесью. В результате у тех каменных ящиков, для ко-

1. Панорама плато и мыса, на которых расположен Каменномостский могильник. Вид с севера из-за реки Кичмалка;
2. План Каменномостского могильника с сеткой квадратов раскопа 2008 г.;
3. Каменномостский могильник. План участка с каменными ящиками, погребениями 4 и 5 и каменной выкладкой, где был найден железный кинжал

Рис. 1 / Fig. 1. Каменномостский могильник / Kamennomostsky burial ground

Источник: фото и рисунки автора

торых вырывались ямы в перемешанном слое заполнения ям для выборок жёлтой супеси, засыпка и формы их читались по заполнению отчётливо. У ящичков и могил, сооружённых в непотревоженном материковом слое, проследить заполнение и формы ям было невозможно, и они фиксировались по плитам каменных конструкций.

Ящик 4 (рис. 2) находился в северо-западной части могильника в 3,2 м от края обрыва. От современной дороги из Каменноостского в дер. Кичмалка в 40 м от неё на север стоит железная ограда – памятник разбившемуся в этом месте в 60-х гг. XX в. на мотоцикле жителю Каменноостского. Ящик 4 находился в 3,5 м на северо-восток от северо-восточного угла поминальной ограды. В верхнем слое раскопа над ящичком 4 (севернее его) находилась современная яма для выборки песка для строительных нужд, заваленная мусором. Никаких следов погребальной ямы с каменным ящичком зафиксировать не удавалось. При зачистке уровня материкового слоя на глубине 1,61 м (от уровня общего репера раскопа) были выявлены плоские песчаниковые плиты перекрытия ящика 4. Оно было ориентировано продольной осью с востока на запад и состояло из 5 плоских каменных плит, одна из которых, западная, просела внутрь ящика (рис. 2.1). Стенки ящика были вертикально врыты в грунт и составлены из 6 плоских камней. Размеры стенок ящика по продольной оси – 130 см, по поперечной – 97,5 см. Внутренняя площадь ящика 4 – 102,5×75 см.

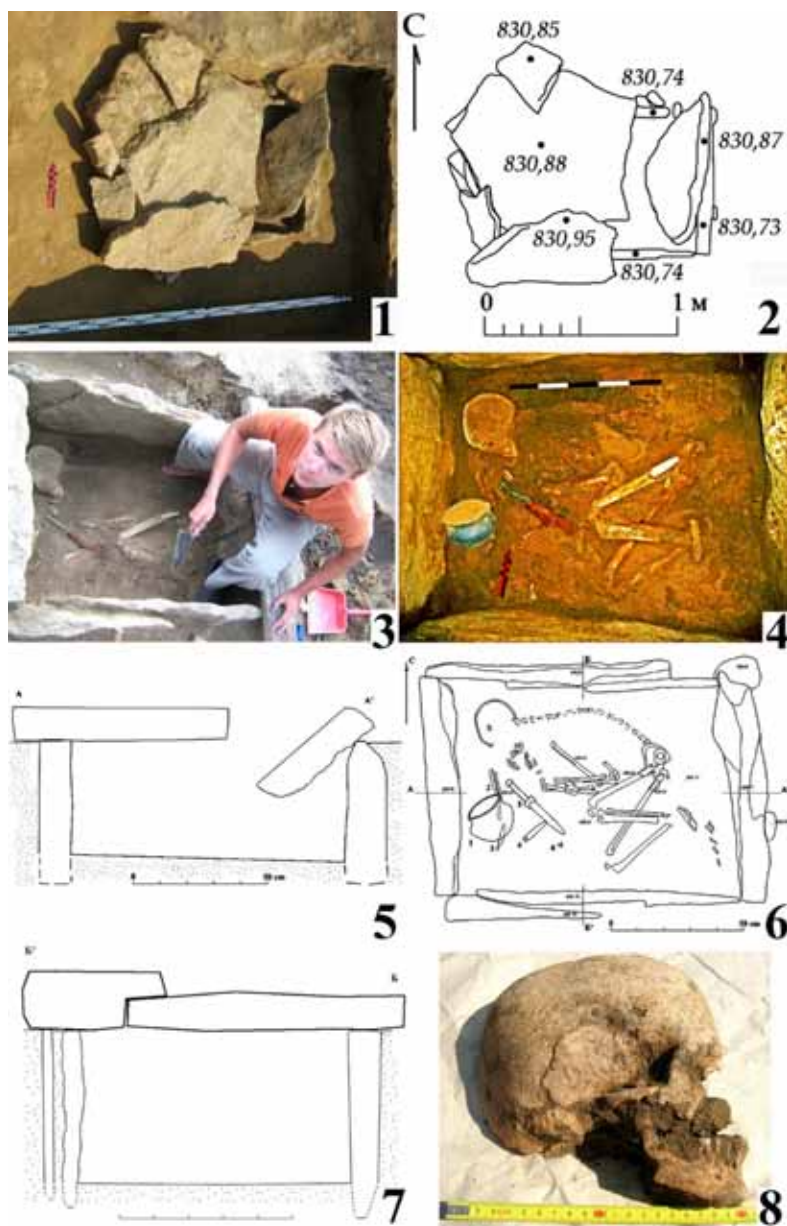
Костяк взрослого мужчины старше 40 лет лежал скорченно на правом боку, головой на запад, на глубине 46 см от верхнего края ящика (рис. 2.6). Кисти рук находились перед лицевой частью черепа. Сохранность костяка плохая, но все кости находились в анатомическом порядке. Сравнительно неплохо сохранилась правая половина черепа (рис. 2.8).

На уровне лица к югу от погребённого лежала в анатомическом сочленении нога

барана (рис. 2.6.2), рядом с которой лежал железный нож с тонким черенком и горбатой спинкой (рис. 2.6.3). Длина ножа – 10 см, ширина лезвия – 1,5 см (рис. 3.3). Поверх ноги барана и ножа был наклонно поставлен лепной горшок, горлом на северо-запад (рис. 2.6.1). Дно горшка уплощённое. Обжиг неравномерный (рис. 3.1). Сосуд имеет ребро по тулову и слегка отогнутый наружу венчик. Неорнаментирован. Поверхность лощёная, вероятно, горячей галькой. В тесте видна примесь слюды. Высота горшка – 11,5 см; диаметр венчика – 15 см; диаметр тулова по ребру – 16 см; диаметр уплощённого дна – 5 см. Объём горшка – 1,4 л.

Западнее горшка, на уровне рук, слева от погребённого лежал несохранившийся кожаный пояс воина, затягивавшийся бронзовой ворворкой (рис. 2.6.6). На нём были подвешены каменный оселок (рис. 2.6.4) и биметаллический кинжал с бронзовой литой рукоятью с перекрестьем и откованным железным клинком (рис. 2.6.5). Круглая бронзовая ворворка в виде столбика, расширяющегося к основанию, имеет сквозное вертикальное отверстие и 2 боковых – для продевания кончиков ремня. Её высота – 1,5 см; диаметр основания – 1,8 см; верхний диаметр – 0,8 см; диаметр вертикального отверстия – 0,6 см и боковых – 0,3 см (рис. 3.5). Продолговатый каменный оселок имеет один конец в виде ласточкиного хвоста, видимо, для правки лезвий кинжала. Его длина – 11,5 см, максимальная ширина – 2,5 см. Вверху оселка имеется отверстие для подвешивания, просверленное с двух сторон, диаметром 1 см (рис. 3.4).

Биметаллический кинжал лежал вдоль тела погребённого воина – от кистей рук к согнутым коленям (рис. 2.6.5). Его навершие, рукоять и лопасти перекрестья отлиты из бронзы. В полую трубку рукояти закреплён насадом штырь железного клинка, который находился в несохранившихся деревянных ножнах, оставивших след в отпечатках окислов изъеденных ржавчиной плоскостей лез-

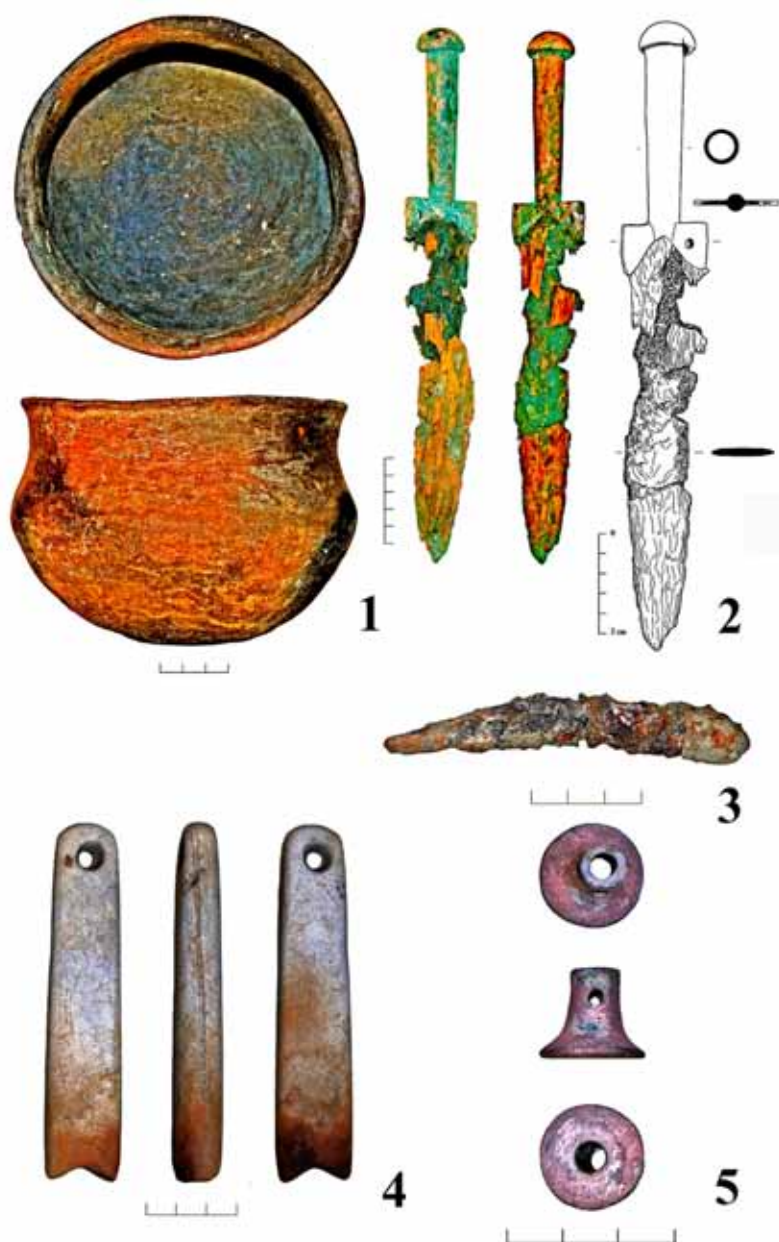

1. Перекрытие каменного ящика 4 (фотография. Вид с запада);
 2. План перекрытия каменного ящика 4 с нивелировочными отметками;
 3. Процесс раскопок Р. А. Козленко каменного ящика 4;
 4. Фотография погребения в каменном ящике 4;

- 5, 7. Графические разрезы каменного ящика 4;
 6. План погребения в каменном ящике 4 (1 – сосуд; 2 – кости ноги барана; 3 – железный нож; 4 – каменный оселок; 5 – биметаллический кинжал; 6 – бронзовая ворворка);
 8. Мужской череп из ящика 4

Рис. 2 / Fig. 2. Каменномоостский могильник. Раскопки ящика 4 / Kamennomostsky burial ground. Excavations of the box 4

Источник: фото и рисунки автора

1. Лепной глиняный горшок;
2. Биметаллический кинжал;

3. Железный нож;
4. Каменный оселок;
5. Бронзовая ворворка

Рис. 3 / Fig. 3. Находки из каменного ящика 4 / Finds from stone box 4

Источник: фото и рисунки автора

вия (рис. 3.2). Рукоять кинжала имеет полусферическое грибовидное навершие. Её ствол отлит в виде чуть сужающейся к лопастям перекрестья полый бронзовой трубки, которая при переходе к железному клинку резко сужается и соединяет 2 крыла плоского перекрестья, которое образуют 2 треугольных плеча, обращённых вершинами в сторону острия клинка. В правом крыле перекрестья (судя по положению в погребении) имеется отверстие, за которое кинжал крепился к поясу (рис. 3.2). Железное лезвие клинка имело в сечении овальную форму. Клинок шире рукояти на 2/3. Его лезвия почти параллельны и сходятся к острию в нижней трети длины клинка. Размеры кинжала: общая длина в ножнах – 290 мм; длина бронзовой рукояти (с опущенными жальцами перекрестья) – 127 мм; высота грибовидного навершия – 10 мм; ширина навершия – 30 мм; длина круглого ствола рукояти – 108 мм; диаметр ствола рукояти под навершием – 20 мм; диаметр ствола рукояти у плечиков перекрестья – 16 мм; высота крыльев перекрестья (от плечиков до острия «жальцев») – 27 мм; диаметр отверстия в правом крыле перекрестья – 5 мм; длина лезвия (от бронзовой рукояти посередине клинка) – 207 мм; ширина клинка под перекрестьем – 35 мм; ширина клинка (в 100 мм от острия кинжала) – 30 мм (рис. 3.2).

Кинжалы этого типа известны в Центральном Предкавказье и Прикубанье. Е. И. Крупнов предложил их называть разновидностью биметаллических мечей и кинжалов кабардино-пятигорского типа [14, с. 203]. Н. В. Анфимов (1909–1998), учитывая находку в Николаевском могильнике в Адыгее, предлагал кинжалы этого типа называть северокавказскими [3, с. 198]. А. И. Тереножкин (1907–1981) называл их биметаллическими кинжалами с перекрестьями, образованными острыми треугольниками, которые он относил к третьей фазе эволюции киммерийских мечей и кинжалов [16, с. 123–124]. Наконец, С. Б. Вальчак

(1965 г.р.) терминологически определил подобные кинжалы как клинки с рукоятями округлого сечения предскифского периода [7, с. 6–25]. В настоящее время точных аналогий кинжалу из ящика 4 2008 г. раскопок в Каменномоетском могильнике известно более двух десятков.

В Каменномоетском могильнике в 1914 г. и 1928 г. были найдены 2 кинжала [11, с. 21, рис. 4.1; 14, с. 202]. Случайные находки кинжалов данного типа были сделаны на р. Кичмалка у с. Хабаз и в истоках р. Баксан [14, с. 202]. А. И. Тереножкин опубликовал 6 аналогичных кинжалов (из погребения 5 1898 г. у с. Кескем; из погребения Султаногорского могильника под Кисловодском; 2 кинжала из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (находки С. Н. Замятина и Н. Н. Михайлова 1959 г.); из погребения в Берёзовском могильнике; случайная находка в Центральном Предкавказье) [16, с. 112–114, рис. 60]. Ещё 12 аналогичных кинжалов привёл в своей публикации С. Б. Вальчак (из могильника Дубовая роща, разрушенное погребение; из могильника Фарс/Клады, погребение 25; из могильника Клинь-Яр III (погребение 121, 186 и разрушенное погребение 1987 г.); из могильника Псекупс (погребение 3, 56, 120); из могильника Пшиш (погребения 41, 95, 103). Причём, в ряде комплексов (например, погребение 186 из могильника Клинь-Яр III) имеются яркие хроноиндикаторы в виде предметов конской узды и шлемов «ассирийского типа» [7, с. 17–25].

Имеющийся материал из комплексов с аналогичными кинжалами позволяет датировать погребение в каменном ящике 4 2008 г. раскопок на Каменномоетском могильнике в пределах второй половины – рубежа VIII–VII вв. до н. э.

Каменная крепида и железный кинжал скифского типа

После снятия дёрна и поверхностного гумусного слоя в центральной части раскопа 2008 г. на глубине 0,5 м (от уровня

общего репера раскопа) была расчищена каменная выкладка из окатанных речных валунов (рис. 4.1). Она имела вытянутую

форму с востока на запад 3×4 м. Между камней выкладки было найдено много разрозненных фрагментов лепной кера-

1. Каменная выкладка (вид с востока);
2. Слой жёлтой саманной полосы (вид с востока);
3. Камни вдоль дна траншеи крепида (вид с запада). В левом нижнем углу засыпанный после раскопок ящик 4. На переднем плане – современный поминальник;

4. Камни на дне в западном конце траншеи.
У овального камня железный кинжал (вид с севера);
5. Железный кинжал *in situ* (вид с юга);
6. План каменной заботки траншеи с железным кинжалом и нивелировочными отметками; 7 – К. С. Евтеев с железным кинжалом у места его находки

Рис. 4 / Fig. 4. Каменные выкладки и крепида / Stone displays and crepidoma

Источник: фото и рисунки автора

мики (среди которых есть фрагменты чернолощёной корчаги и профилированных закрытых плоскодонных сосудов неравномерного обжига) и костей животных.

После разбора камней выкладки вдоль всей её длины южнее, на уровне материковой супеси, на глубине 1,29 м была зафиксирована по заполнению глубокая траншея, идущая вдоль южного борта раскопа, заполненная поверху ярко-жёлтой глиной, которая, вероятнее всего, была размывом необожжённых саманных блоков (рис. 4.2). На дне траншеи на глубине 1,56 м (от уровня общего репера раскопа) лежали в один слой окатанные в воде камни мелкого и среднего размера, образуя по всей длине траншеи каменную подушку какой-то земляной конструкции, верх которой был выложен слоем жёлтых саманных блоков. Эта земляная конструкция, тянущаяся вдоль обрыва террасы примерно в 8 м от него, получила условное наименование крепиды (рис. 4.3). Следует подчеркнуть, что дно этой траншеи было выше уровня залегания перекрытий каменных ящиков на 10–15 см, являясь конструктивным сооружением более позднего, чем каменные ящики, времени. В западном конце траншеи у крупного овального камня на дне при зачистке был обнаружен среди камней железный скифский меч (рис. 4.4). Он лежал вдоль осевой линии крепиды на дне траншеи, на глубине 1,54 м (от уровня общего репера раскопа), остриём на запад, буквально обложенный камнями небольшого размера (рис. 4.5). Вполне вероятно, меч попал в основание траншеи крепиды с ритуальной целью (рис. 4.6–4.7) и, таким образом, является датированным элементом каменно-земляной конструкции Каменномогостского могильника.

Меч имеет форму, характерную для скифских клинков эпохи архаики. У него антенновидное навершие, откованное отдельно и закреплённое на штыре ствола рукояти методом насада и расклёпки. Концы навершия закручены в волюты

разных размеров, у которых по центру небольшие отверстия, образованные при закрутке горячей заготовки вокруг щипцов (рис. 5). Ствол рукояти и лезвие клинка были откованы из одной полосы железа. Рукоять прямоугольная в сечении, без каких-либо следов декорировки. Перекрестье меча почковидное, плоское. Оно отковано отдельно, наложено на плечики клинка слева направо и тщательно проковано. Находясь в траншее, нижняя половина перекрестья проржавела и отвалилась, открыв плечики клинка (рис. 5). Лезвие широкое (2/3 ширины рукояти), имело слабо выраженную лавролистную форму. Сечение клинка ромбовидное, с проковкой ребра жёсткости. В древности лезвия клинка сильно пострадали и под перекрестьем имеют большие выщерблены с обеих сторон (рис. 5). В нижней трети клинка он плавно сходится к острию меча. Меч сильно проржавел. Его размеры: общая длина – 395 мм; длина лезвия (от плечиков клинка) – 285 мм; длина рукояти (с навершием и перекрестьем) – 120 мм; высота навершия – 30 мм; ширина навершия – 50 мм; ширина рукояти – 25 мм; высота перекрестья – 35 мм; ширина перекрестья – 55 мм; ширина клинка (по плечикам) – 40 мм; максимальная ширина клинка (в 160 мм от острия) – 45 мм; толщина лезвия (по ребру жёсткости) – 5 мм (рис. 5).

В современной типологии скифского клинкового оружия, разработанной Д. А. Топалом (1971 г. р.), принята эпонимная система классификации мечей и кинжалов по наиболее типичным памятникам [18, с. 20–21]. К сожалению, для железных мечей и кинжалов с антенновидным навершием и почковидным перекрестьем типологического эпонимного таксона у Д. А. Топала не нашлось. Между тем такие клинки имеются на Кавказе, в Причерноморье и Трансильвании (Глийский могильник, погребение 139; Кубалач, случайная находка; Поповка, курган 3; Фрата, находка 1944 г.; Кристешть, погребение 9; Фериджиле, курган 44)

Рис. 5 / Fig. 5. Скифский железный кинжал каменноостского типа / Scythian iron dagger of the stone-bridge type

Источник: фото и рисунки автора

[17, с. 336, рис. 3D; с. 337, рис. 4.7; с. 303, рис. 3E; с. 303, рис. 4.2; с. 302, рис. 4.2; с. 303, рис. 3B]. Все они датированы концом VII–VI вв. до н. э. Правда, их число невелико, чем и объясняется попытка Д. А. Топала «влиять» подобные клинки в тип, который он называет шумейкинскими мечами и кинжалами, у которых при почковидных перекрестьях насадные навершия имеют брусковидную форму [18, с. 133–148]. Д. А. Топал при этом никак не объясняет включение в этот тип клинков, у которых навершие имеет антенновидную форму.

Назрела необходимость выделить мечи и кинжалы, подобные найденному в 2008 г., в особую типологическую группу и назвать их мечами и кинжалами Каменноостского типа. В пользу этого предложения говорит и ещё одна классификация скифского клинкового оружия, предложенная в 2016 г. киевским археологом А. В. Шелеханем (1986 г. р.) [21, с. 356 (тип 2, отдел 4)]. Важно отметить, что и в его классификации мечи и кинжалы подобного типа датируются самое позднее второй половиной VI в. до н. э.

Заклучение

Описанные в данной статье кинжалы и погребально-поминальные комплексы Каменноостского могильника доказывают, что рассмотренные материалы относятся к разным культурным и хронологическим горизонтам древностей Центрального Предкавказья. Объединять их в единый пласт древностей кобанской культуры нет никаких археологических оснований. Погребения в каменных ящиках, с которыми связаны биметаллические мечи и кинжалы кабардино-пятигорского типа, относятся к предскифской эпохе VIII в. до н. э. Захоронения на уровне древнего горизонта, как и все каменно-земляные поминальные сооружения рассматриваемого памятника, относятся к эпохе господства в Предкавказье скифской археологической культуры конца VII–VI вв. до н. э.

На мой взгляд, раскопки и ввод в научный оборот новых археологических материалов будут способствовать лучшему пониманию древних реалий эпохи раннего железного века Северокавказского региона.

Дата поступления в редакцию 28.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Акритас П. Г. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. // Учёные записки КБНИИ. 1947. Вып. 2. С. 311–312.
2. Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 году // Учёные записки КНИИ. 1955. Вып. 10. С. 39–49.

3. Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа // Новое в советской археологии / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 196–198.
4. Атабиев Б. Х. Новые материалы по эпохе поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа (IX–VI вв. до н. э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М., Ставрополь, 2008. С. 406.
5. Батчаев В. М. К вопросу о датировке Каменноостского могильника // Древности Дагестана. 1974. Вып. 5. С. 99–105.
6. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов. Глава I. Новые материалы к Археологической карте Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 2 / под ред. В. И. Марковина. Нальчик, 1985. С. 7–8, 55.
7. Вальчак С. Б. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н. э.) // Военная археология: сб. / отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. С. 6–25.
8. Гриневич К. Э. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / под ред. Е. И. Крупнова. М., 1951. С. 128–135.
9. Зуев В. Ю. Раскопки Каменноостского могильника в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия. 2011. Т. 2008. С. 283–286.
10. Зуев В. Ю. Каменноостский могильник в Кабардино-Балкарии: история изучения и новые материалы // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации: мат-лы конф. Вып. XXVII. Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 188–190.
11. Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / отв. ред. М. И. Артамонов. М.-Л., 1941. С. 7–50.
12. Козенкова В. И. Кобанская культура: западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с.
13. Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Учёные записки КБНИИ. 1950. Вып. 5. С. 243–275.
14. Крупнов. Е. И. Древняя история Северного Кавказа // М.: АН СССР, 1960. 518 с.
15. Савельев П. [С.] [Комментарии 1854 г. к письму Н. В. Ханыкова от 20 апреля 1853 г., с использованием его приложения] // Записки императорского Археологического общества. 1857. Т. IX. С. 51–61.
16. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
17. Топал Д. А. Антенны скифских акинаков, истоки и эволюция // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2017. № 3. С. 299–353.
18. Топал Д. А. Акинак на западе скифского мира. Кишинэу, 2021. 648 с.
19. Фоменко В. А., Шаов А. Р. Каменноостский могильник предскифского и скифского времени на реке Малке // Общество: Философия, история, культура. 2016. № 8. С. 56–59.
20. Ханыков Н. [В.] Древности, найденные на Кавказе [Письмо в Археологическое общество от 20 апреля 1853 г.] // Записки императорского Археологического общества. 1857. Т. IX. С. 50–51.
21. Шелехань А. В. Скифские мечи и кинжалы в причерноморской лесостепи (вариант классификации) // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. конф. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 355–368.

REFERENCES

1. Akritas P. G. [Archaeological exploration in Kabarda in 1946]. In: *Uchonyye zapiski KBNI* [Scientific notes of KBNI], 1947, iss. 2, pp. 311–312.
2. Akritas P. G. [Archaeological work in Kabarda in 1954]. In: *Uchonyye zapiski KBNI* [Scientific notes of KBNI], 1955, iss. 10, pp. 39–49.
3. Anfimov N. V. [Daggers of the Kabardino-Pyatigorsk type]. In: Krupnov E. I., ed. *Novoye v Sovetskoy arkheologii* [New in Soviet archeology]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 196–198.
4. Atabiev B. Kh. [New materials on the Late Bronze and Early Iron Age of the Central Caucasus (9th–6th centuries BC)]. In: *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII. Krupnovskie chteniya. 1971–2006* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue VIII. Krupnovskie readings. 1971–2006]. Moscow, Stavropol, 2008, p. 406.
5. Batchaev V. M. [On the dating of the Kamennomostsky burial ground]. In: *Drevnosti Dagestana* [Antiquities of Dagestan], 1974, iss. 5, pp. 99–105.

6. Batchaev V. M. [Antiquities of the pre-Scythian and Scythian periods. Chapter I. New materials for the archaeological map of Kabardino-Balkaria]. In: Markovin V. I. ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii*. Vyp. 2 [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria. Issue 2]. Nalchik, 1985, pp. 7–8, 55.
7. Valchak S. B. [Chronology and genesis of swords and daggers with rounded cross-section handles in the pre-Scythian period (8th–7th centuries BC)]. In: Dvurechensky O. V., ed. *Voyennaya arkheologiya* [Military archeology]. Moscow, Quadriga Publ., 2008, pp. 6–25.
8. Grinevich K. E. [New data on the archeology of Kabarda]. In: Krupnov E. I., ed. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus]. Moscow, 1951, pp. 128–135.
9. Zuev V. Yu. [Excavations of the Kamennomostsky burial ground in Kabardino-Balkaria]. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya* [Archaeological discoveries], 2011, vol. 2008, pp. 283–286.
10. Zuev V. Yu. [Kamennomostsky burial ground in Kabardino-Balkaria: history of study and new materials]. In: *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i issledovaniya: mat-ly konf. Vyp. XXVII. Krupnovskiyeh chteniya* [The latest discoveries in the archaeology of the North Caucasus. Research and interpretation. No. XXVII. Krupnovsky readings]. Makhachkala, 2012, pp. 188–190.
11. Iessen A. A. [Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria]. In: Artamonov M. I., ed. *Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii* [Materials on the archaeology of Kabardino-Balkaria]. Moscow-Leningrad, 1941, pp. 7–50.
12. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kultura: zapadnyy variant* [Koban culture: western variant]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 196 p.
13. Krupnov E. I. [Archaeological research in the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1948]. In: *Uchonyye zapiski KBNI* [Scientific notes of the KBNI], 1950, iss. 5, pp. 243–275.
14. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 518 p.
15. Savelyev P. [S.] [Comments of 1854 to the letter of N.V. Khanykov dated April 20, 1853, using his appendix]. In: *Zapiski imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Archaeological Society], 1857, vol. IX, pp. 51–61.
16. Terenozhkin A. I. *Kimmeriytsy* [Cimmerians]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1976. 223 p.
17. Topal D. A. [Antennae pommels of Scythian akinakai. Origins and evolution]. In: *Arkheologiya stepey Yevrazii. Bronzovyy vek i ranniy zheleznyy vek* [Archaeology of the Eurasian steppes. Bronze Age and Early Iron Age], 2017, no. 3, pp. 299–353.
18. Topal D. A. *Akinaki na zapade skifskogo mira* [Akinakes in the West of the Scythian World]. Chisinau, 2021. 648 p.
19. Fomenko V. A., Shaov A. R. [The Kamennomost burial ground of pre-Scythian and Scythian times on the Malka River]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture], 2016, no. 8, pp. 56–59.
20. Khanikov N. [V.] [Antiquities found in the Caucasus [Letter to the Archaeological Society dated April 20, 1853]. In: *Zapiski Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Archaeological Society], 1857, vol. IX, pp. 50–51.
21. Shelekhan A. V. [Scythian swords and daggers in the Black Sea forest-steppe (classification variant)]. In: *Aktualnyye problemy arkheologii Yevrazii* [Actual problems of archeology of Eurasia]. Almaty, IAIM. A. KH. Margulana Publ., 2016, pp. 355–368.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуев Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, член редколлегии международного журнала «Stratum plus. Археология и культурная антропология»;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim Yu. Zuev – Cand. Sci. (History), member of the editorial board, International Journal “Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology”;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зуев В. Ю. Кинжалы предскифского и скифского времени из погребальных комплексов Каменно-мостского могильника в Кабардино-Балкарии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 174–188.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-174-188

FOR CITATION

Zuev V. Yu. Daggers of Pre-Scythian and Scythian times from the burial complexes of the Kamennomostsky burial in Kabardino-Balkaria. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 174–188.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-174-188

УДК – 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-189-201

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕКАН (КЛЕВЕЦ) ИЗ АДЫГЕИ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРЕВНОСТЕЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ

Дударев С. Л.

Независимый исследователь

г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Публикация новой находки – биметаллического чекана эпохи скифской архаики из района г. Майкопа (Краснодарский край, респ. Адыгея); определение места находки среди данной категории предметов вооружения VII–VI вв. до н. э., выявленных на территории Кавказа, Восточной Европы и Ближнего Востока; уточнение характера культурно-исторических связей населения указанных регионов между собой в эпоху скифской архаики.

Процедура и методы. Приведён анализ взглядов исследователей на вопрос о происхождении биметаллических чеканов (клевецов) с территории указанных регионов, уточнена источниковая база для дальнейшего изучения темы, определены подходы к исследованию данной категории предметов.

Результаты. Уточнены районы, из которых шло распространение данных предметов, вскрыты ошибки, допущенные теми или иными учёными в процессе установления генезиса чеканов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Опубликован и обобщён материал по теме исследования, в научный оборот введены новые источники для её изучения.

Ключевые слова: биметаллические чеканы (клевцы), эпоха скифской архаики, кобанская культурно-историческая общность

BIMETALLIC PUNCH (BATTLE-PICK) FROM ADYGEA AND ITS PLACE AMONG ANCIENT EURASIA OF THE SCYTHIAN ARCHAIC AGE

S. Dudarev

Independent researcher

Armavir, Russian Federation

Abstract

Aim. To publish a bimetallic punch of the Scythian archaic era from the area of Maykop (Krasnodar Territory, Republic of Adygea) and determine of the location of the find among this category of weapons of the 7th–6th centuries BC, identified in the Caucasus, Eastern Europe and the Middle East, clarify the nature of the cultural and historical connections of the population of these regions with each other in the era of the Scythian archaic.

Methodology. An analysis of the views of researchers on the question of the origin of bimetallic punches (battle-picks) from the territory of these regions is provided, the source base for further study of the topic is clarified, and approaches to the study of this category of objects are defined.

Results. The areas from which these items were distributed were clarified, and mistakes made by certain scientists in the process of establishing the genesis of coinage were revealed.

Research implications. Material on the research topic has been published and summarized, and new sources for its study have been introduced into scientific circulation.

Keywords: bimetallic punches (battle-picks), Scythian archaic era, Koban cultural and historical community

Введение

Одной из оригинальных категорий вооружения периода скифской архаики на территории Северного Кавказа являются биметаллические чеканы (клевцы), найденные на обширной территории, включающей ареал от Северного Причерноморья до Центральной Азии и Ближнего Востока. Выяснение их генезиса может способствовать уточнению важных особенностей историко-культурного взаимодействия между собой населения указанных регионов, места в нём носителей тех или иных археологических культур (КИО): древнейших скифов, саков, носителей кобанской и колхидской КИО и др. Не беря сейчас на себя окончательное решение вопроса о происхождении указанных артефактов, ограничимся публикацией новой их находки и анализом историографии по вопросу о происхождении чеканов-клевцов.

Новая находка эпохи скифской архаики из района г. Майкопа

Предмет, о котором пойдёт речь, был найден нами в сети Интернет (рис. 1).

Сообщалось, что он обнаружен в районе г. Майкопа. Длина ударной части находки, имеющей сильно вытянуто-подтреугольную форму, – 22,5 см. В верхней части она имеет небольшое расширение. «Пятка» бойка заканчивается тупым углом. Лезвийная часть чекана имеет ребро жёсткости. Длина бронзовой втулки цилиндрической формы, круглой в плане – 7,0 см. Диаметр у основания – 2,7 см. В нижней части втулки имеется сквозное отверстие для крепления к рукояти. Втулка оканчивается вверху небольшим округло-грибовидным расширением (диаметр 2,5 см), а несколько ниже их, над нижней кромкой лезвия чекана и вровень с её уровнем, проходят

3 рельефных пояска. В месте перехода втулки в лезвие, под ней, находится двузубчатый бронзовый же выступ, который является сильно схематизированным изображением птичьей головки с клювом, характерной для серии данных предметов с очерченной выше территории (рис. 1.1а–1.1б). Предмет, функционально имитировавший удар клюва хищной птицы, с помощью данного изображения, в ряде случаев сильно схематизированного, должен был ассоциировать для владельца оружия и окружающих его людей сходство с охотой степного орла, ястреба, беркута.

На территории Краснодарского края подобного рода находки до сих пор были крайне редки. Можно назвать только одну – втулку биметаллического чекана из окрестностей ст. Пластуновской [23, с. 280–282]. На территории распространения кобанской КИО также известна пара сходных предметов, один из которых можно именовать клевецом (Перкальский могильник), тип другого неясен ввиду неудовлетворительной сохранности (могильник у сёл Кёнденен; старое написание – Гунделен) [10, с. 75, 155, табл. XX.4-5]. Они включены В. И. Козенковой в её VIII тип топоров так называемого западного варианта кобанской культуры (КИО) [10, с. 75]. Разница между клевцами и чеканами, как пояснял М. П. Грязнов, состоит в том, что клевец – это оружие с загнутым, как клюв, бойком, а чекан – это оружие с прямым бойком [16, с. 25]. В работах Н. Л. Членовой тем не менее все подобные предметы вооружения именуются чеканами [16, с. 25–38; 17, с. 4–7; 18, с. 15], причём, по её мнению, чекан – это оружие с суживающимся, заострённым лезвием или бойком [16, с. 25]. Напротив, у В. И. Козенковой данный тип артефактов именуется исключи-

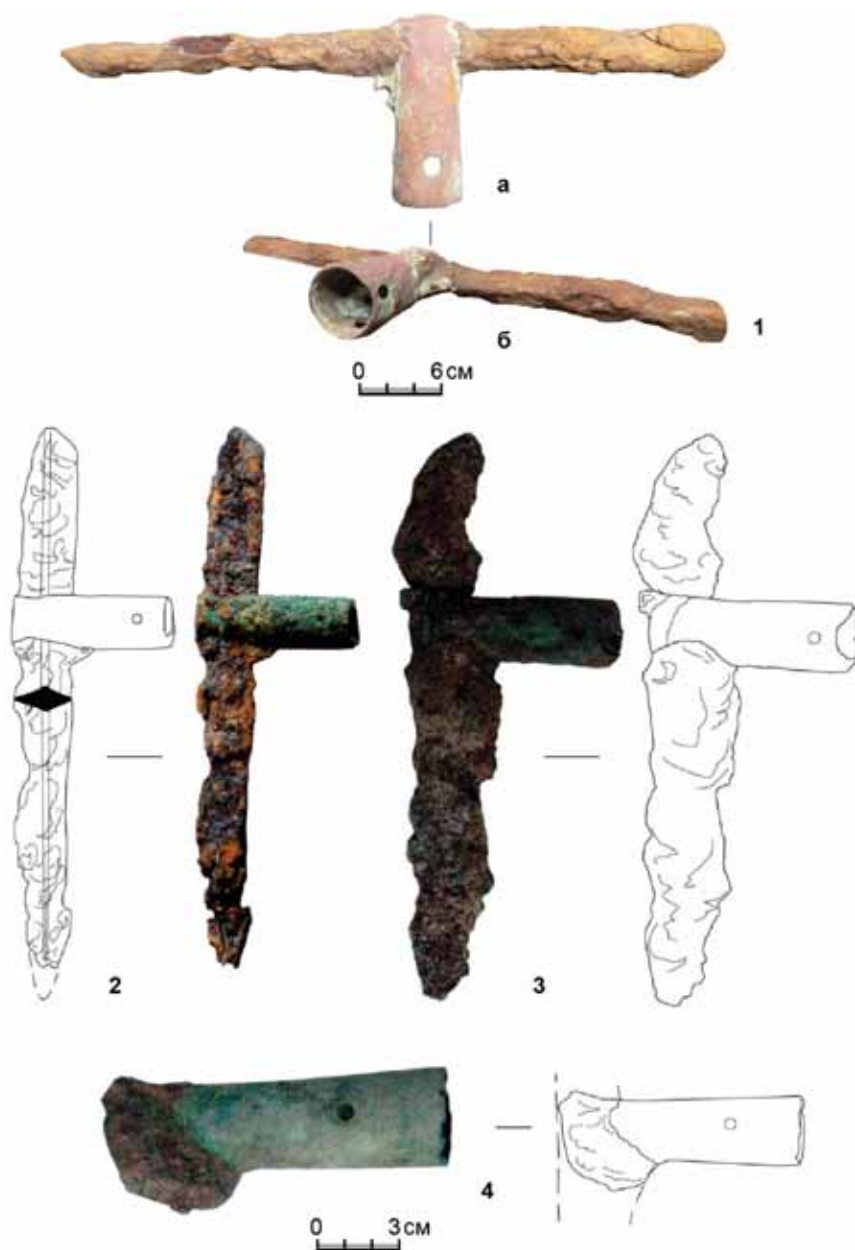

Рис. 1 / Fig. 1. Биметаллические чеканы (клевцы) из района г. Майкопа (1) и могильников Цаиши и Эргета-II (Колхида) (2–4) / Bimetallic coins (battle-picks) from the area of Maikop (1) and the burial grounds of Tsaisi and Erget-II (Colchis)

Источник: 1 – Находки по всему миру // Дзен: [сайт]. URL: https://dzen.ru/v_poiskah_zolota (дата обращения: 20.07.2024); 2–4 – [19]

тельно топорами-клевцами [10, с. 75–76; 11, с. 103–106]. Точно так же именовали их Е. И. Крупнов [13, с. 205], В. Б. Виноградов [3, с. 125–127] и другие исследователи. Они связывали топоры-клевцы (независимо от материала, из которого они были изготовлены) с памятниками Прикамья или Южной Сибири (Е. И. Крупнов), видя для них ананьинско-тагарские прототипы (В. Б. Виноградов) и одновременно допуская местное их производство (Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов). В связи со сказанным мы будем употреблять в статье оба наименования.

Находка из Перкальского могильника сопоставлялась Н. Л. Членовой с ранне-тагарскими и ананьинскими образцами [16, с. 26]. При этом важно, что, неоднократно обращаясь к вопросу о происхождении чеканов, она определяла их распространение в обширной области между Ираном и бассейном Оби, откуда они, по-видимому, попадали и в другие области, в т. ч. в Прикамье [17, с. 7]. Это суждение важно упомянуть потому, что позднее перкальский чекан, как и тагарские, возводился специалистом к общему прототипу, но при этом констатировалось что тагарские и «западные» (в т. ч. северокавказские) находки – это 2 разные ветви чеканов [18, с. 15].

Много внимания генезису чеканов-клевцов из кобанского ареала уделила В. И. Козенкова. В середине 1990-х гг. она пришла к выводу, что топоры-клевцы её VIII типа (биметаллические) и IX типа (бронзовый и железный) указывают на контакты кавказского населения с Поволжьем, а через него и с Южной Сибирью, следуя в этом плане общему «тренду» [10, с. 75]. Ею была и «переозвучена» датировка клевцов у ряда исследователей концом VI–V вв. до н. э., и в таком контексте была воспринята А. В. Пьянковым как её собственная [23, с. 281]. В то же время, опираясь на мнение Б. Б. Пиотровского, приведшего в 1989 г. находки биметаллических клевцов из района Имирлера (Центральная Анатолия) и

Муша близ оз. Ван [21, с. 8], В. И. Козенкова писала, что находки таковых в ареале Кобани убедительно показывают, что конкретные пути «непрямых связей между Малой Азией и Сибирью», о которых говорилось в статье этого учёного, пролегли через Северный Кавказ [10, с. 75]. Но наибольшее внимание было уделено исследовательницей данному вопросу в 2010-х гг., когда она предприняла немалые усилия для выяснения генезиса рассматриваемых клевцов в связи с находкой из Перкальского могильника из района г. Пятигорска. Однако мы вернёмся к её изысканиям в указанной связи ниже.

Теперь же нужно пояснить, почему тема происхождения биметаллических чеканов (клевцов) привлекла нас сегодня. Причина этого не только в публикуемой находке из района г. Майкопа. Ещё в 1994 г., ознакомившись с не столь давней в то время статьёй Б. Б. Пиотровского [21], мы предприняли анализ известных на тот момент находок чеканов с головкой хищной птицы [5]. Автор в то время пришёл к выводу, что бронзово-железные чеканы указанного типа не могли попасть в Анатолию и на Армянское нагорье через Северный Кавказ, поскольку являются более ранними, чем волго-камские, ананьинские, которые, по мысли В. Б. Виноградова (в чём мы шли за учёным), проникали на Северный Кавказ в конце VI–V вв. до н. э. [5, с. 14]. Проникновение биметаллических чеканов с головкой хищной птицы на Ближний Восток мы связали с сакским этническим элементом, чьё присутствие в этом регионе отмечалось в работах археологов 1970-х – начала 1990-х гг. Вернуться же к продолжению обсуждения этого вопроса нас недавно побудили упомянутые исследования В. И. Козенковой 2010-х гг. Впрочем, прежде чем перейти к ним, упомянем ещё точку зрения А. И. Иванчика, который посчитал эти клевцы маркером собственно киммерийской культуры и предположил, что их находки отражают путь продвижения киммерийских групп

из Центральной Азии или Южного Приуралья через Кавказ в Переднюю Азию (2001). Затем А. Ю. Алексеев (2003) предположил, что биметаллические клеветцы, восходящие к «сибирским» прототипам данного оружия, появились в Восточной Европе на Северном Кавказе и Малой Азии вместе с киммерийцами и скифами [1, с. 51; 9, с. 49]. Ниже мы увидим, что точку зрения А. И. Иванчика поддержал А. С. Балахванцев, но со знаменательной оговоркой.

В 2013 и 2014 гг. В. И. Козенкова дважды высказалась по вопросу о путях проникновения биметаллических клеветцов на Северный Кавказ, в область кобанской КИО [11, с. 104–105; 12]. Её основные выводы по этому вопросу:

1. Биметаллический клевец из Перкальского могильника не является случайной находкой и был найден в так называемом кенотафе.

2. Материалы могильника, принадлежащие к «коренной культуре», синхронны памятникам Предкавказья конца VII – начала VI в. до н. э., и клевец относится к этому же времени.

3. Перкальский клевец, возможно, маркирует вместе с курганными материалами скифского облика период возвращения разнородных воинских контингентов из переднеазиатских походов на Северный Кавказ и во владения саков Приаралья. Клеветцы были принесены из Малой Азии некоей местной группой воинов, которые вместе со скифами участвовали в походах на юг.

4. Как чужеродный элемент клеветцы не были приняты в местный арсенал и могли быть использованы в поминальных церемониях по соплеменнику, погибшему на стороне (что предполагается для конкретного случая с перкальским клеветцом).

Все эти вполне рабочие и небесполезные в целом рассуждения были отягощены стремлением В. И. Козенковой всячески и неоднократно подчеркнуть, что наша трактовка 1994 г. (к которой мы, напомним, по разным причинам не воз-

вращались вплоть до сего времени) является устаревшей, неверной и т. п. Причём археолог никак не упоминала того, что её собственная точка зрения претерпела эволюцию от повторения чужих (тоже давно устаревших?!) воззрений до своих собственных, и игнорировала мнения ряда учёных, в т. ч. Н. Л. Членовой, А. И. Иванчика и А. Ю. Алексева.

Но самое прискорбное (не побоимся этого слова) в том, что специалист для того чтобы окончательно показать полную «неправоту» данного конкретного автора, выбранного из всех названных выше для пристрастной критики, пошла на ещё один шаг, который трудно поддаётся рациональному объяснению. В. И. Козенкова выступила с утверждением, что нам с В. А. Фоменко принадлежит-де высказывание о том, что биметаллические клеветцы на Северном Кавказе выступают как показатель наличия обратного влияния финноязычных племён Средней Волги на местное население VII–VI вв. до н. э. [11, с. 106]. К огромному сожалению для памяти этого незаурядного исследователя, данное утверждение является фактом неприглядной и прямой подтасовки, указывающей на крайний субъективизм указанного учёного во взглядах на отношения с некоторыми коллегами. Ибо в нашей с В. А. Фоменко небольшой брошюре [7] речь, в частности, шла о бронзовой рукояти биметаллического кинжала из фондов Кисловодского краеведческого музея, исследованной в своё время по нашей просьбе Л. П. Грубник-Буйновой в Харьковском ГУ. Спектроаналитическое исследование позволило установить, что металл, из которого была отлита рукоять, принадлежит к волго-камской химической группе. Точечный орнамент, нанесённый на рукоять, также характерен для волго-камских кинжалов типа К-34 [7, с. 7]. И при этом не было, разумеется, сказано ни слова ни о каких клеветцах.

Чтобы завершить рассмотрение вклада В. И. Козенковой в вопрос о биметаллических клеветцах, укажем и на некото-

рые обстоятельства выяснения условий нахождения перкальского образца. Установившая последние, она обратилась к личному архиву А. А. Иессена, где приводилась информация со слов Н. М. Егорова, записанная при передаче этого клевца в Государственный Эрмитаж. Согласно ей, в центре овала из 18 камней лежала кучка из 5 камней. Клевец лежал к западу от этой кучки, т. е. внутри овала [11, с. 104]. Здесь необходимо обратить внимание исследователей на статью В. А. Фоменко, которая до сих пор так и не попала в поле зрения заинтересованных авторов. Этот специалист в своё время опубликовал ранее неизданный материал из Перкальского могильника, среди которого был и упоминавшийся выше клевец. Интересно то, что прорисовка данных материалов хранилась в личном архиве пятигорского краеведа А. П. Рунича, который занимался раскопками Перкальского могильника вместе с Н. М. Егоровым, сведениями от которого и воспользовался В. А. Фоменко. Поразительно то, что приведённые выше описания Н. М. Егорова ближе всего свидетельствуют А. П. Рунича, который писал о грунтовом погребении с кольцевой обкладкой из камней, в котором лежал скорченный скелет, располагавшийся на правом боку, головой на запад, в сопровождении керамических сосудов. В области пояса у него находились золотые бляшки с солярным орнаментом. В погребении был и бронзовый наконечник стрелы. Биметаллический же клевец был найден над этим погребением, среди камней [24, с. 65]. Таким образом, эти данные как будто подтверждают стремление В. И. Козенковой доказать, что указанный предмет вооружения находился в кенотафе [11, с. 105]. Однако В. А. Фоменко издал и имевшееся у него описание того же погребения Н. М. Егоровым, отличное от того, что приводила В. И. Козенкова. Оно более подробное, внимательное и квалифицированное, нежели приведённое выше, но совпадает с последним в главных деталях. Кроме

одной, самой важной для нас. По поводу биметаллического клевца Н. М. Егоров сообщал, что он является случайной находкой на данном могильнике [24, с. 65]. Как справедливо заметил В. А. Фоменко, расхождения в описаниях этих исследователей очевидны и степень достоверности этих сведений сегодня установить невозможно. Со своей стороны укажем на то, что данные несовпадения относятся к издержкам работы этих известных краеведов, при том что их немалый вклад в изучение Кавминвод в целом сомнению не подлежит.

Уже после выхода упомянутых выше работ В. И. Козенковой достоянием науки стали находки биметаллических клевцов из могильников Колхиды – Цаиши и Эргета II [19, с. 199–200, 204, рис. 2.9, 5.15], которые датированы по сопровождающему материалу концом VII – началом VI вв. до н. э. (рис. 1.2–1.4). Сам факт их наличия здесь, в относительной близости от находок в Анатолии и на Армянском нагорье, может указывать на пути дальнейшего распространения клевцов с юга на север, в Закавказье, а затем и на Северный Кавказ.

Важно заметить и то, что практически одновременно с данной публикацией появилась и статья А. С. Балахванцева, который выступил за то, чтобы при классификации клевцов учитывались 2 признака: биметаллизм и наличие головки хищной птицы под бойком [2, с. 22–25]. Опираясь на них, он выделил группу предметов, включающую в себя 15 экземпляров. Произведённое автором сужение ареала биметаллических клевцов с головой хищной птицы позволило ему предположить, что центр возникновения и производства данного вида оружия находился между Камой и Уралом [2, с. 22]. Дискутируя с нашей точкой зрения, которую мы дублировали в конце 1990-х гг. [6, с. 89], этот специалист, задаваясь вопросом, кто являлся заказчиком биметаллических клевцов и принёс их в Северное Причерноморье и Малую Азию, указы-

вает на то, что мнение автора этих строк не находит подтверждения в письменных источниках [2, с. 24]. Он солидаризируется с точкой зрения А. И. Иванчика (см. выше), но задаёт при этом закономерный вопрос: можно ли связать с киммерийцами бронзово-железные клевцы Южного Урала или Приаралья, где киммерийцев, в свою очередь, также не знает ни один источник? Учёный выдвигает предположение, что распространение клевцов из бронзы и железа с головой хищной птицы в западной части евразийских степей поначалу было связано с продвижением не киммерийцев, а скифов, чьё появление они отмечали. Как полагает этот автор, только после прихода последних на Северный Кавказ и в Причерноморье указанный тип оружия был заимствован киммерийцами и перестал быть этническим маркёром [2, с. 24].

И подходя к концу историографической части нашего анализа, коснёмся самой последней хронологически точки зрения на рассматриваемый вопрос. В 2023 г. С. Скорый и Р. Зимовец, рассматривая новую находку биметаллического клевца с головкой с птичьей головкой под бойком, на сей раз из бассейна р. Ворсклы, близ г. Ахтырка на территории современной Сумской области Украины, сделали сводку бронзово-железных образцов. Она включает в целом 24 экземпляра, среди которых 18 имеют указанное изображение птицы. Эта подборка датируется авторами VII – первой половиной VI в. до н. э. [26, р. 20–21]. Примечателен также следующий вывод исследователей. Они связывают биметаллические клевцы с головкой птицы с Приаральем и историческими саками (но ничего не упоминают о нашей точке зрения!) и рассматривают их находки на Кавказе, Прикубанье и Восточной Украине как маркёры движения некоторой части скифского воинского контингента в Европу сразу или после азиатских походов. Что же касается концентрации клевцов в ареале ананьинской культуры, то она

объясняется миграцией части скифского или сакского воинского контингента, зафиксированной Геродотом. В последнем случае эти археологи игнорируют давние разработки М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, которые детально исследовали возможные археологические следы этой миграции [22, с. 195–221].

В последние годы нами в сети Интернет были выявлены находки чеканов-клевцов недавнего времени. К ним принадлежит не только публикуемый чекан из района Майкопа (Северный Кавказ), но и новые артефакты с территории Северного Причерноморья. Однако не все они имеют чёткие географические привязки. Мы приводим только те из них, которые связаны хотя бы с определёнными территориальными рамками. Таковы помещаемые нами чеканы с головой птицы с запада Харьковской (рис. 2.1–2.3) и Винницкой областей Украины (рис. 2.4–2.5).

Майкопский экземпляр описан выше. Что же касается двух других, то они имели аналогичную ему по абрису втулку, но количество поясов на ней было разным. У находки из Харьковской области их было 5, а у винницкого образца – 1. Кроме того, лобная часть втулки экземпляра из региона Винницы украшена рельефным орнаментом, не имеющим аналогов в собрании евразийских чеканов-клевцов. Миндалевидная в торцевой части, она покрыта рядом уступов, повторяющих форму окончания втулки (рис. 2.4). Различна и лезвийная часть.

У майкопского образца она, как отмечалось выше, сильно выгнуто-подтреугольная, а у находок из Северного Причерноморья ударная часть имеет вид утолщённой пластины ножевидной формы, со срезанным по прямой верхним окончанием и заостряющимся бойком. По всей длине предметов проходит либо нервюра, либо ребро жёсткости. Если майкопский чекан весьма сходен с широко известным предметом из Имирлера [25, р. 69, abb. 25.2], то описанные изделия с территории Украины тяготеют

Рис. 2 / Fig. 2. Биметаллические чеканы (клевы) с запада Харьковской области (1–3) и из Винницкой области (4–5) / Bimetallic coins (battle-picks) from the west of Kharkiv region (1–3) and from Vinnytsia region (4–5)

Источник: Журнал интернет-аукциона «Мешок» [Электронный ресурс].
URL: <https://meshok.net/blog> (дата обращения: 20.07.2024)

к находкам из Сулака, Уйгарака, Муша, Цаиши, и некоторым другим [9, с. 46–47, рис. 22.2, 22.7, 22.9, 22.15, с. 201, рис. 2.9]. Кроме того, у последних имеются ещё наконечники рукояти с отверстием для крепления, чем они близки находкам из Уйгарака, Имирлера и Анатолии, т. е. наиболее ранним. Такой же наконечник, суда по описанию, присутствует у клевца из Ахтырки [24].

Заключение

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. Специалисты отмечают отличия между клевцами и чеканами, но большинство их, несмотря на это, пользуются всё же термином «клевцы». На этом основании мы используем в данной статье тот и другой термины.

2. Истоки этой формы оружия находятся в восточных районах Евразии (чеканы сибирского типа) [1, с. 50], но её производство в конкретных случаях могло быть местным.

3. Распространение чеканов (клевцов) с головкой птицы под бойком связывается с движением ранних кочевников – киммерийцев, скифов, саков, а также их союзников, в т. ч. представителей кавказских племенных групп. Считать данные изделия этническим маркером какой-то из этих этнических групп преждевременно.

4. На сегодняшний день представляется целесообразным считать, что вектор движения указанных клевцов-чеканов был северо-западным и северо-восточным – из районов Закаспия, Армянского нагорья, Анатолии, Западного Закавказья на Северный Кавказ, Среднее Поднепровье, Волго-Камье.

5. Время этого движения было достаточно узким – VII – возможно, самое начало VI вв. до н. э. В этот период (особенно ближе к его концу) совершался отток тех номадов и их союзников, принимавших участие в походах в Закавказье и Переднюю (Западную) Азию, в Северное Причерноморье, перевалочной базой для

которых был Северный Кавказ. Именно здесь могло располагаться «царство Ишкуза» ассиро-вавилонских летописей [15, с. 52], на что указывают такие яркие памятники, как Краснознаменские курганы [20], которые некоторые археологи связывают ныне с киммерийцами [14, с. 155].

6. Рассмотренное оружие ближнего боя было в тот момент, как мы думаем, престижным атрибутом преимущественно части племенной верхушки, участвовавшей в походах в страны Закавказья и Древнего Востока. Никто из современных исследователей не обратил внимание на очень интересное суждение А. Ю. Алексеева, подметившего, что топография биметаллических клевцов во многом совпадает с ареалом шлемов так называемого кубанского типа [1, с. 50], которые только и могли быть сколько-нибудь эффективной защитой головы от удара чеканом-клевцом. И те, и другие быстро вышли из употребления после окончания переднеазиатских походов, хотя спрос на «кубанские» шлемы достигал Поволжья [4]. Смена моды на вооружение, в т. ч. тяжёлое, а также, возможно, понижение статуса некоторых групп «воюющих» (утрата лидерства после завершения походов? подвижки в воинской верхушке общества?) повлекли, по-видимому, за собой отказ от «экзотических» форм оружия ближнего боя, к числу которых принадлежали чеканы-клевцы. Как Степь, так и особенно Северный Кавказ, предпочитали железные топоры как давнюю и более удобную категорию оружия ближнего боя, не требовавшую дополнительной тяжёлой экипировки. Именно она, а не чеканы-клевцы, стала доминировать в качестве оружия ударного действия у скифов VI–V вв. до н. э., о чём, похоже, свидетельствуют и материалы по переднеазиатской глиптике того времени [13, с. 59, рис. 3]. На Северо-Западном Кавказе клевцы в раннемеотский период не известны совсем. В более восточных районах северокавказского региона, как и в Закавказье (Мушиери, Брилли, Двани) они изредка встречаются пре-

имущественно в железном исполнении и почти без деталей зооморфного оформления. Исследователи связывают указанные закавказские находки с заимствованиями из скифского вооружения (С. А. Есаян, М. Н. Погребова) [8, с. 86–87].

Дата поступления в редакцию 25.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
2. Балахванцев А. С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления ранне-скифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы конф./ ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 22–25.
3. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 389 с.
4. Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения / отв.ред. Ю. В. Бромлей. Л.: Наука, 1985. С. 169–183.
5. Дударев С. Л. О происхождении биметаллических чеканов из Малой Азии // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья: тезисы докладов / под ред. С. Н. Савенко. Кисловодск, 1994. С. 13–15.
6. Дударев С. Л. К вопросу о месте «киммерийских комплексов» из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // Вестник древней истории. 1998. № 4. С. 77–93.
7. Дударев С. Л., Фоменко В. А. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир, 1996. 16 с.
8. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Восточная литература, 1985. 152 с.
9. Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. 324 с.
10. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИИЦ "ГИМР", 1995. 166 с.
11. Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следы разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
12. Козенкова В. И. Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XX-VIII Крупновские чтения: мат-лы конф./ под ред. Д. С. Коробова. М.: ИА РАН, 2014. С. 160–162.
13. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 519 с.
14. Кузнецова Т. М. Скифский царь Мадий или киммериец Лигдами? // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой: сб. статей / отв. ред. А. А. Малышев, А. Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 146–155.
15. Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014. 120 с.
16. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 289 с.
17. Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии / отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.
18. Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.
19. Папуашвили Р. И., Балахванцев А. С. Биметаллические клевцы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: мат-лы конф. / под ред. А. С. Балахванцева, С. В. Кулланда. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2016. С. 199–206.
20. Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., Берлин, Бордо: Палеограф, 2006. 176 с.

21. Пиотровский Б. Б. Скифы и Урарту // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 3–10.
22. Погребова М. Н., Раевский Д. А. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. 260 с.
23. Пьянков А. В. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5 / под ред. Е. И. Крупнова. Армавир: АГПУ, 2005. С. 280–282.
24. Фоменко В. А. О Перкальском могильнике скифского времени близ Пятигорска (по материалам Н. М. Егорова) // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.): тезисы докладов / под ред. В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева. Грозный, 1991. С. 63–66.
25. Kossack G. Von den Anfängen des skyto-iranischen Tierstils. Skythika, München. 1987. 100 p.
26. Skory S., Zymovets R. Bimetallic Pick-Axe from the Dnipro Forest-Steppe Left Bank (a new artifact of the Asian nomad migration vector of the Early Scythian period) // Warriors and their Weapons in Bronze and Iron Ages / Târgu Jiu, ed. Gorj County, 2023. P. 20–21.

REFERENCES

1. Alekseev A. Yu. *Khronografiya obraztsov Skifii* [Chronography of European Scythia]. St. Petersburg, Izd-vo GE Publ., 2003. 416 p.
2. Balakhvantsev A. S. [Bimetallic pick from Buguruslan and the problem of the formation of the early Scythian culture]. In: Lukyashko S. I., ed. *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire* [The war and the military affairs in the Scythian-Sarmatian world]. Rostov-on-Don, Izd-vo YUNTS RAN Publ., 2015, pp. 22–25.
3. Vinogradov V. B. *Tsentrallyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoye vremya* [Central and North-Eastern Caucasus in Scythian times]. Grozny, Checheno-Ingushskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1972. 389 p.
4. Galanina L. K. [Helmets of the Kuban type (questions of chronology and origin)]. In: Bromley Yu. V., ed. *Kulturnoye naslediyе Vostoka. Problemy, poiski, obsuzhdeniya* [Cultural heritage of the East. Problems, Searches, Judgments]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 169–183.
5. Dudarev S. L. [On the Origin of Bimetallic Coins from Asia Minor]. In: Savenko S. N., ed. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo arkheologov o velikikh torgovykh i kul'turnykh putyakh drevnosti i srednevekov'ya* [International Cooperation of Archaeologists on the Great Trade and Cultural Routes of Antiquity and the Middle Ages]. Kislovodsk, 1994, pp. 13–15.
6. Dudarev S. L. [On the Place of the “Cimmerian Complexes” from Western Asia in the System of Chronological and Cultural Relations of the Black Sea Region, the Caucasus, and the Eastern Regions of Eurasia]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 1998, no. 4, pp. 77–93.
7. Dudarev S. L., Fomenko V. A. *Novyye dannyye o svyazyakh Tsentral'nogo Predkavkazya s Povolzh'yem v epokhu rannego zheleza* [New Data on the Relations of the Central Ciscaucasia with the Volga Region in the Early Iron Age]. Armavir, 1996. 16 p.
8. Yesayan S. A., Pogrebova M. N. *Skifskiyе pamyatniki Zakavkazya* [Scythian monuments of Transcaucasia]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1985. 152 p.
9. Ivanchik A. I. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni* [Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of archeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the pre- and early Scythian time]. Moscow, 2001. 324 p.
10. Kozenkova V. I. *Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoy kul'tury (sistematzatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant* [Weapons, military and horse equipment of the Koban culture tribes (systematization and chronology). Western version]. Moscow: IIC "TIMR" Publ., 1995. 166 p.
11. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kultura i okruzhayushchiy mir (vzaimosvyazi, problemy sudby i sledy raznokul'turnykh infil'tratsiy v okruzhayushchey srede)* [Koban culture and the surrounding world (interrelations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. Moscow Taus Publ., 2013. 252 p.
12. Kozenkova V. I. [Chronology of the Perkala burial ground in the context of new materials of the Scythian appearance in the Ciscaucasia]. In: Korobov D.S., ed. *Ye. I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza* [E. I. Krupnov and the development of the archeology of the North Caucasus]. Moscow, IA RAN Publ., 2014, pp. 160–162.
13. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 519 p.

14. Kuznetsova T. M. [Scythian king Madius or Cimmerian Ligdamis?]. In: Malyshev A. A., Skakov A. Yu., eds. *Kobanskaya kulturno-istoricheskaya obshchnost v dvadtsati drevnostyakh Kavkaza. Pamyati doktora istoricheskikh nauk V. I. Kozenkovoy* [Koban cultural and historical community in the context of Caucasian antiquities. In memory of Doctor of Historical Sciences V. I. Kozenkova]. Moscow, MAKS Press Publ., 2021, pp. 146–155.
15. Murzin V. Yu. *Skifskaya problema glazami avtora* [The Scythian Problem through the Eyes of the Author]. Kyiv, 2014. 120 p.
16. Chlenova N. L. *Proiskhozhdeniye i rannyyaya istoriya plemen tagarskoy kultury* [The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 289 p.
17. Chlenova N. L. [Relations between the Cultures of Western Siberia and the Cultures of the Urals and the Middle Volga Region at the End of the Bronze Age and the Beginning of the Iron Age]. In: Troitskaya T. N., ed. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii* [Problems of West Siberian Archaeology]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, pp. 4–42.
18. Chlenova N. L. *Tsentralnaya Aziya i skify. I. Data kurgana Arzhana i yego mesto v sisteme kultury skifskogo mira* [Central Asia and the Scythians. I. The Date of the Arzhan Mound and Its Place in the System of Cultures of the Scythian World]. Moscow, 1997. 98 p.
19. Papuashvili R. I., Balakhvantsev A. S. [Bimetallic picks from the burial grounds of Colchis (Erget II, Tsai-shi)]. In: Balakhvantsev A. S., Kulland S. V., eds. *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza* [The Caucasus and the Steppe at the Turn of the Late Bronze and Early Iron Ages]. Moscow, In-t Vostokovedeniya RAN Publ., 2016, pp. 199–206.
20. Petrenko V. G. *Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnyye kurgany ranne-skifskoy epokhi na Severnom Kavkaze* [Krasnoznamensky Burial Ground. Elite Barrows of the Early Scythian Era in the North Caucasus]. Moscow, Berlin, Bordeaux, Paleograph Publ., 2006. 176 p.
21. Piotrovsky B. B. [Scythians and Urartu]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 1989, no. 3, pp. 3–10.
22. Pogrebova M. N., Raevsky D. A. *Ranniye skify i Drevniy Vostok. K istorii stanovleniya skifskoy kultury* [Early Scythians and the Ancient East. On the history of the formation of Scythian culture]. Moscow, NaukaPubl., 1992. 260 p.
23. Pyankov A. V. [Bimetallic coin from the vicinity of the station of Plastunovskaya (Krasnodar Territory)]. In: Krupnov E. I., ed. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 5* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus. Issue 5]. Armavir, ASPU Publ., 2005, pp. 280–282.
24. Fomenko V. A. [On the Perkal burial ground of the Scythian period near Pyatigorsk (based on materials by N. M. Egorov)]. In: Vinogradov V.B., Dudarev S. L., eds. *Arkheologiya na novostroykakh Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.)* [Archeology in new buildings of the North Caucasus (1986–1990)]. Grozny, 1991, pp. 63–66.
25. Kossack G. *Von den Anfängen des skyto-iranischen Tierstils*. Skythika, München. 1987. 100 p.
26. Skory S., Zymovets R. Bimetallic Pick-Axe from the Dnipro Forest-Steppe Left Bank (a new artifact of the Asian nomad migration vector of the Early Scythian period). In: Tărgu Jiu, ed. *Warriors and their Weapons in Bronze and Iron Ages*. Gorj County, 2023, pp. 20–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, почётный работник сферы образования РФ, действительный член (академик) Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа;
e-mail: dudarev51@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Dudarev – Dr. Sci. (History), Prof., Honored Scientist of Kuban, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Full Member (Academician) of the International Academy of Informatization and the Public Academy of Science, Culture and Education of the Caucasus;
e-mail: dudarev51@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дударев С. Л. Биметаллический чекан (клевец) из Адыгеи и его место среди древностей Евразии эпохи скифской архаики // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 189–201.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-189-201

FOR CITATION

Dudarev S. L. Bimetallic punch (battle-pick) from Adygea and its place among ancient Eurasia of the Scythian archaic ages. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 189–201.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-189-201

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-202-211

УНИКАЛЬНЫЙ ЦЕЛЬНОБРОНЗОВЫЙ ТОПОР-КЛЕВЕЦ ИЗ СТАНИЦЫ ГОСТАГАЕВСКОЙ

Новичихин А. М.¹, Смекалова Т. Н.²

¹ Анапский археологический музей

354440, г. Анапа, ул. Набережная, д. 4, Российская Федерация

² Крымский федеральный университет им. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр-кт. Академика Вернадского, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Комплексное изучение топора-клевеца, найденного в ст. Гостагаевской.

Процедура и методы. Проведён культурно-типологический анализ находки, выполнен рентгено-флуоресцентный анализ металла.

Результаты. Определено место клевеца в системе древностей Кавказа раннескифского времени. Установлен состав металла, из которого отлито изделие, выявлены технологические особенности его изготовления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение топора-клевеца проведено на новой источниковой основе, с привлечением широкого круга новейших археологических находок. Впервые осуществлен рентгено-флуоресцентный анализ цельнобронзового оружия раннескифской эпохи.

Ключевые слова: топор-клевец, ранние скифы, Кавказ, Переднеазиатские походы, рентгено-флуоресцентного анализ, оловяно-свинцовая бронза

Благодарности. Исследования проводились при поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта в форме субсидии № 075-15-2023-010 от 21.02.2023 (15.СИН.21.0024).

THE UNIQUE ALL-BRONZE AXE FROM THE VILLAGE OF GOSTAGAEVSKAYA

A. Novichikhin¹, T. Smekalova²

¹ Anapa Archaeological Museum

ul. Naberezhnaya 4, Anapa 354440, Russian Federation

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University

prosp. Akademika Vernadskogo 4, Simferopol 295007, Russian Federation

Abstract

Aim. To conduct a comprehensive study of the axe-*klevets* found in the village of Gostagaevskaya.

Methodology. A cultural and typological analysis of the find was carried out, and an X-ray fluorescence analysis of the metal was performed.

Results. The place of axe-*klevets* in the system of antiquities of the Caucasus of the Early Scythian period has been determined. The composition of the metal from which the product was cast is established, the technological features of its manufacture are revealed.

Research implications. The study of the find was carried out on a new source basis, involving a wide range of the latest archaeological finds. For the first time, an X-ray fluorescence analysis of an all-bronze weapon of the Early Scythian era was carried out.

Keywords: axe-klevets, early Scythians, Caucasus, Near Asian campaigns, X-ray fluorescence analysis, tin-lead bronze

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Russian Federation represented by the Ministry of Education and Science of Russia within the framework of the Agreement on the provision of a grant from the federal budget in the form of subsidy No. 075-15-2023-010 dated 02/21/2023 (15.SYN.21.0024).

Введение

Бронзовый топор-клевец из станицы Гостагаевской, о котором пойдет речь в данной статье, был введён в научный оборот два десятилетия назад [14, с. 19–22; 15, с. 77–79; 16, с. 56–57, рис. 76.2]. Однако за прошедшие с момента первой публикации годы стало известно о новых находках подобной формы боевых топоров, что заметно изменило позицию гостагаевской находки в современных представлениях о вооружении раннескифского времени. Кроме того, в 2020 г. удалось методом рентгено-флуоресцентного анализа изучить состав металла данного экземпляра. Всё это даёт основание вновь обратиться к данной находке и уточнить её место в системе древностей Кавказа раннего железного века.

Описание и обстоятельства находки

Бронзовый топорик-клевец, найденный в станице Гостагаевской в 1958 г. и хранящийся в Анапском археологиче-

ском музее (КМ 8365/739, ГК 26172347) довольно своеобразен по форме (рис. 1). Его боёк остролистой формы с высоким продольным ребром напоминает наконечник копья. Острие обломано, в месте повреждения плоскость бойка погнута. Проух овальный в плане, сечение его стенок – линзовидное. Обушок – в виде вытянутого цилиндра с двумя выпуклыми валикообразными утолщениями на конце. Клевец литой, тщательно прокованный, на лезвиях бойка видны следы заточки. Сохранившаяся длина изделия – 15,8 см, ширина бойка в месте максимального расширения – 4 см, наибольшая толщина по центру проуха – 3,5 см. Предмет довольно тяжёлый – вес сохранившейся части – 218,71 г.

Прежде всего, удалось уточнить место и обстоятельство находки: согласно записи в акте о поступлении, клевец был обнаружен в ст. Гостагаевской на ул. Комсомольской в береговом обрыве реки. В 2008 г. одному из авторов удалось ос-

Рис. 1 / Fig. 1. Бронзовый топор-клевец из станицы Гостагаевской / The bronze axe-klevets from the village of Gostagaevskaya

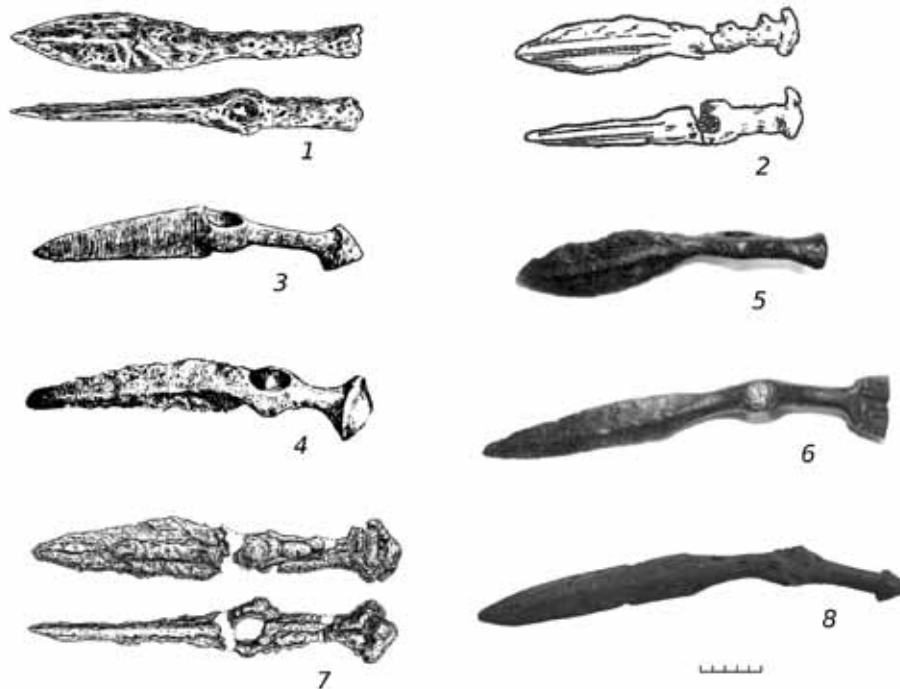
Источник: фото А. М. Новичихина

мотреть предполагаемое место находки. Выяснилось, что оно связано не с р. Гостагайкой, как предполагалось ранее, а с одним из её левых притоков – р. Хаджи-Абрамкой; в западной части станицы ул. Комсомольская пересекает эту реку. На левом берегу Хаджи-Абрамки, рядом с местом пересечения с указанной улицей, расположен курганный могильник из почти десятка небольших, до 1 м, насыпей, некоторые из которых непосредственно примыкают к береговому обрыву. Судя по всему, из одного такого размытого рекой кургана и происходит поступивший в Анапский музей клевец.

Топор-клевец из станицы Гостагаевской в системе древностей Кавказа раннескифского времени

За последние годы заметно расширился и круг аналогий этому образцу оружия. При первой публикации он был ограничен регионом Западного Закавказья, районом к северу от р. Куры, где железные экземпляры такого оружия (рис. 2.1–2.3) были найдены в трёх могильниках раннего железного века – Тлийском, Дванском и Брильском [8, с. 87; 11, с. 225, рис. 10.1; 24, с. 41; 25, с. 56–57].

Особенностью этих трёх закавказских некрополей является наличие в них по-

1–2. Тлийский могильник;
3. Дванский могильник;
4. Нижне-Чегемский могильник;

5–6. Таманский полуостров (разрушенный могильник у пос. Красная Скала);
7. погребение 8 кургана 11 могильника Лебеди V;
8. Краснодарский край

Рис. 2 / Fig. 2. Железные топоры-клевцы раннескифского времени, найденные на Кавказе / Early Scythian iron axes found in the Caucasus

Источники: 1 – [25]; 2 – [24]; 3 – [11]; 4 – [4], 5, 6 – [12; 13]; 7 – [19]; 8 – Государственный каталог Музейного фонда РФ

гребений, содержащих предметы вооружения и конского снаряжения скифского облика. Появление здесь подобных предметов исследователи связывают с пребыванием в этом районе Закавказья во второй половине VII – первой половине VI вв. до н. э. скифов – участников так называемых переднеазиатских походов [8; 18; 25]. В результате при первой публикации гостагаевского клевца было высказано предположение, что на Западный Кавказ он мог попасть при возвращении скифов в Предкавказье после окончания переднеазиатских походов [14, с. 19–22; 15, с. 77–78; 16, с. 56–57].

Отметим, что к указанному району Западного Закавказья территориально примыкает ещё одна, не учтённая ранее находка, сделанная в расположенном поблизости регионе, но уже к северу от Кавказского хребта – железный клевец с листовидным бойком и цилиндрическим обушком (рис. 2.4), имеющий биконическое окончание (схожий с экземпляром из Дванского некрополя), найденный в Нижне-Чегемском могильнике в Кабардино-Балкарии [4, рис. 29.1].

Уже после опубликования гостагаевской находки появилась информация о новых находках клевцов с листовидным бойком на Северо-Западном Кавказе. Два экземпляра подобного оружия стали экспонатами частного «Музея истории оружия» в г. Запорожье на Украине. Они, как утверждают авторы публикации, входят в состав «серии скифских боевых топоров», происходящих «из памятников Таманского полуострова, где жили родственные скифам племена синдвов и меотов» [12, с. 49; 13, с. 83]. Сведения о происхождении запорожской коллекции боевых топоров с «Таманского полуострова» могут быть несколько скорректированы: по имеющейся информации в начале первого десятилетия XXI в. в 10 км к северу от Анапы близ пос. Красная Скала при плантажной вспашке был разрушен грунтовый могильник раннего железного века, на котором было собрано

много предметов вооружения: наконецники копий, кинжалы-акинаки, топоры. По словам очевидца, среди последних имелись экземпляры «необычных» форм. С его же слов известно, что собранные на распаханном могильнике древние предметы были скуплены «коллекционером с Украины». Судя по всему, именно они и стали основой «серии» находок из «памятников Таманского полуострова» частного «Музея истории оружия» в Запорожье. В этой коллекции имеется два железных экземпляра клевцов с листовидным бойком. Один из них (рис. 2.5) с ребром вдоль бойка и цилиндрическим обушком по форме является практически полной аналогией клевцу из ст. Гостагаевской, другой (рис. 2.6) имеет вытянутые пропорции и плоский Т-образный обушок, украшенный резным орнаментом, [12, с. 50–51, рис. 3.3, 4.3, 7, 11; 13, с. 84, рис. 3.3, 4.3, 7, 11].

Вероятнее всего, к раннему железному веку (а не к позднему средневековью, как указано в Госкаталоге) относится железный клевец неизвестного происхождения (рис. 2.8) (из числа изъятых из незаконного оборота предметов археологии и переданных ФСБ) с остролистной формой бойка и цилиндрическим обушком с коническим окончанием из собрания КГИАМЗ (КМ 13807/57, ГК 40781449), напоминающий экземпляры из Дванского могильника и Нижнего Чегема.

Ещё один железный клевец с листовидным бойком и цилиндрическим обушком с утолщённым окончанием (рис. 2.7) входил в состав инвентаря раннескифского погребения 8 кургана 11 могильника Лебеди V в степном Прикубанье. Погребение, содержащее разнообразный и хронологически выразительный инвентарь, в т. ч. теосскую амфору, датировано последним десятилетием VII в. до н. э. и отнесено к кругу древностей, связанных с возвращением скифских воинских формирований из переднеазиатских походов [19, с. 206–228].

Таким образом, к настоящему времени известны (вместе с гостагаевским) 10 клевцов с листовидными бойками, находки которых связаны с Кавказом и поровну локализируются в двух регионах: 1) Западное Закавказье и ближайшая к нему зона Северного Кавказа; 2) Западный Кавказ и степное Предкавказье. В первом регионе известно пять находок, происходящих из погребальных комплексов: погребение 2 Дванского могильника (рис. 2.3), погребения 143 и 258 Тлийского могильника (рис. 2.1–2.2), Брильский и Нижне-Чегемский могильники (рис. 2.4). На Западном Кавказе таких клевцов также найдено пять, из них только один встречен в закрытом археологическом комплексе: погребение 8 кургана 11 могильника Лебеди V (рис. 2.7), ст. Гостагаевская (рис. 1), находки с «Таманского полуострова» (разрушенный могильник у пос. Красная Скала) (рис. 2.5–2.6), неизвестного происхождения из собрания КГИАМЗ (рис. 2.8). Гостагаевский клевец является в этой серии единственным бронзовым экземпляром, остальные девять клевцов с листовидным бойком – железные.

Клевцы встречены в погребальных памятниках, либо непосредственно связанных с ранними скифами (Лебеди V), либо содержащих предметы, характерные для раннескифской археологической культуры (Тлийский, Брильский, Дванский, Нижне-Чегемский могильники, возможно, некрополь у пос. Красная Скала). Это указывает на то, что данный предмет вооружения мог сложиться в процессе непосредственного взаимодействия носителей раннескифской культуры с племенами Кавказа, возможно, как результат создания последними эффективного ударного оружия, способного пробивать распространившиеся у скифов металлические доспехи (шлемы и пластинчатые панцири). Отметим, что именно этим объясняется появление биметаллических клевцов-чеканов, также известных в раннескифское время [23, с. 33].

Обращает на себя внимание тот факт, что, к примеру, в отличие от указанных биметаллических длинновтульчатых клевцов-чеканов, широко распространённых на просторах Евразии (последние сводки находок см.: [2, с. 22–25; 6; 23, с. 30–60]), ареал клевцов с листовидным бойком ограничен Кавказом¹. Вполне вероятно, что практика показала меньшую эффективность этого вида вооружения по сравнению с длинновтульчатыми биметаллическими клевцами-чеканами. Это повлекло и относительно скорое прекращение их изготовления, и весьма ограниченный ареал распространения, обусловленный происходившими в пределах Кавказа в период переазиатских походов перемещениями как самих скифов, так и других, вовлечённых в эти походы групп населения. Вопрос о месте возникновения этого вида ударного оружия остаётся открытым – это мог быть как Западный Кавказ, так и Западное Закавказье.

Состав сплава топора-клевец из станицы Гостагаевской

Как уже отмечалось выше, почти все известные топоры-клевцы, являющиеся древковым оружием ближнего боя, изготовлены из железа. Отмечены также, в т. ч. и в северокавказском регионе, довольно многочисленные биметаллические чеканы с длинными втулками, в которых корпус топора – железный, а втулка с фигурными изображениями – бронзовая [2, с. 23; 10, с. 75; 23, с. 39–43].

¹ Несомненный интерес представляет клевец с листовидным бойком в руках царского оруженосца на персидском рельефе сокровищницы в Персеполе [27, р. 21–24, fig. 14]. Он заметно моложе кавказских (строительство сокровищницы относят к концу правления Дария I или же к правлению Ксеркса – в пределах первой половины V в. до н. э.), в его оформлении присутствуют как луристанские черты (бойк, выходящий из открытой пасти животного), так и персидские (выступ в форме полумесяца на обушке). Создаётся впечатление, что, клевец, изображённый на персепольском рельефе, является парадным оружием и не связан напрямую с ареалом кавказских находок.

Необходимо заметить, что состав сплава этих предметов определялся обычно лишь визуально; в литературе мы встретили только одно исследование состава сплава и технологии изготовления биметаллического клевца из Бугуруслана с помощью рентгено-флуоресцентного метода. Состав бронзового сплава втулки с головками хищных птиц в верхней части: Cu – 49–66%; Sn – 31–37%; Pb – 2–4% [7, рис. 5–6]. Автор также детально описала сложную технологию изготовления и подбор элементного состава материала изделия. Боёк топора был откован из железа, а бронзовая втулка с изображениями двух голов птиц – прилита к железной части орудия по выплавляемой объёмной восковой модели в оболочковую утрачиваемую форму [7, с. 26]. Бронза должна была иметь температуру плавления ниже точки плавления железа. Это условие для выявленного состава сплава заведомо выполнено, т. к. бронза, содержащая более 20% олова, плавится при температурах выше 700–800°C (температура плавления железа 1538°C). Свинец был добавлен, чтобы облегчить процесс литья, поскольку даже небольшое его количество существенно влияет на способность сплава заполнять полость сложной фигурной формы [20, с. 138–140]. По мнению автора, литейщик выбрал материал для втулки, исходя из физических и эстетических свойств легко полирующейся высокооловянной бронзы. Цвет блестящей втулки мог меняться от серебристо-золотистого в новом изделии до зелёного

при его окислении, что составляло эффектный контраст с цветом и фактурой брутального железного бойка.

Исследуемый топор-чекан представляет собой экстраординарный пример цельнобронзового орудия. По полученным нами данным, он изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы, причём высокое содержание олова (в среднем, около 17%) сопровождается малыми добавками свинца (не более 1,5%). Из остальных примесей – мышьяк, никель и серебро, концентрация каждого не превышает 0,5% (табл. 1). Анализ состава сплава проводился на приборной базе Отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского неразрушающим рентгено-флуоресцентным безэталонным методом на спектрометре Mistral M1 (Bruker).

Согласно приведённой выше сводке, гостагаевский топорик является единственным бронзовым экземпляром среди 10 таких предметов с листовидным бойком; остальные 9 клевцов – железные.

Полностью бронзовые топоры-чеканы несколько других типов тоже единичны. Известны ещё только несколько бронзовых клевцов, один из которых происходит из Цукур-Лимана (Таманский полуостров) [5, с. 93; 21, с. 133–134], другой – из Эшкаконского ущелья (Карачаево-Черкесия) [10, с. 75, табл. XX.6]. Известны также бронзовые длиннотульчатые клевцы из Лубенского клада (Полтавщина), из окрестностей Харькова, из Усинского и Любыно-Москальско-

Таблица 1 / Table 1

Состав сплава топора-клевец из ст. Гостагаевской, в масс. % / Composition of ax-clover alloy from the village of Gostagaevskaya, wt %/

	Cu	Ni	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
Цилиндрическая часть втулки	83,07	0,31	0,00	0,09	0,41	0,36	1,64	0,13	13,99
Листовидная часть бойка	87,90	0,27	0,00	0,26	0,25	0,23	1,11	0,08	9,90
обух	71,41	0,64	0,10	0,91	0,61	0,66	1,66	0,18	23,84
Среднее значение	79,65	0,45	0,05	0,58	0,43	0,44	1,38	0,13	16,87

го (Восточная Сибирь) [9, с. 162, рис. 11; 17, с. 6–12, рис. 2–3]. Ко времени VII или начала VI в. до н. э. бронза для изготовления оружия (за исключением литых наконечников стрел) уже не использовалась [13, с. 82].

Незначительное распространение цельнобронзовых топоров-клевцов объясняется, возможно, непрактичностью подобных изделий для использования их по назначению. Действительно, чеканы призваны были пробивать металлические доспехи (шлемы и пластинчатые панцири). Шлемы в раннескифский период на Северном Кавказе, как правило, изготавливались из оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы [1, с. 224, 226, сноска 3; 3, с. 121]. Части панцирного набора делались из железа или бронзы [26, с. 22]. Для того чтобы пробить такой шлем или панцирь, требовался материал, имеющий особую твёрдость и стойкость к удару. Высокооловянная бронза такими свойствами не обладает. Наоборот, она чрезвычайно хрупка и при ударах о защитные доспехи из бронзы или железа будет ломаться. Доказательство хрупкости бронзовых клевцов мы видим непосредственно на исследуемом экземпляре, листовидный боёк которого сломан.

Поэтому можно предположить, что бронзовые чеканы несли не боевую функцию, а были символом сакральной власти правителей. Некоторые авторы считают,

что топоры-клевцы и топоры-молотки представляли собой скипетры – знаки средней и высшей скифской аристократии. Они практически не выявлены в погребениях рядовых скифских воинов, а происходят из курганов скифской знати [13, с. 82; 22, с. 55–56, скипетры II-ой группы]. Такое предположение согласуется и с материалом, из которого изготовлены клевцы – высокооловянной бронзой, которая обладает высокими декоративными качествами: серебристо-золотистым цветом и блестящей поверхностью, легко достигаемой полировкой. Содержание олова до 20–23% делало цвет изделия золотисто-жёлтым, а повышение концентрации этого элемента в составе сплава до 24–28% – серостальным [27, с. 398–407].

Заключение

Таким образом, клевец из ст. Гостагаевской представляет собой уникальный образец ударного оружия, отлитого из оловянно-свинцовой бронзы в одной из кавказских мастерских в период переднеазиатских походов скифов (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.). Являясь единственным бронзовым экземпляром в серии однотипных ему железных топоров-клевцов с листовидным бойком, он был малоэффективным для пробивания металлических доспехов и, вероятно, служил символом власти – скипетром, повторяющим форму боевого оружия.

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Ю. Шлем «кубанского» типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.) // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 221–234.
2. Балахванцев А. С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы конф. / ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 22–25.
3. Барцева Т. Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (По данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2 / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 116–134.
4. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.
5. Граков Б. Н. Скифы. М.: Издательство МГУ, 1971. 200 с.

6. Ениосова Н. В. Приложение к статье А. С. Балахванцева // *Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы конф.* / отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 26–27.
7. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 152 с.
8. Ключко В. И. Происхождение скифов // *Эпоха раннего железа* / отв. ред. С. С. Бессонова. Киев-Полтава, 2009. С. 151–166.
9. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИИЦ «ТИМР», 1995. 166 с.
10. Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника // *Советская археология*. 1949. № 11. С. 225–240.
11. Мурзин В. Ю., Шлайфер В. Г. Скифські сокири-скіпетри з музею історії зброї у м. Запоріжжі // *История оружия*. 2008. № 1. С. 46–53.
12. Мурзин В. Ю., Шлайфер В. Г. Скифские топоры – инсигнии власти (из коллекции Музея истории оружия в г. Запорожье) // *Вестник института истории, археологии, этнографии*. 2009. № 1. С. 81–95.
13. Новичихин А. М. Бронзовый клевец из станицы Гостагаевской // *PARA BELLUM*. 2004. № 3. С. 19–22.
14. Новичихин А. М. Бронзовый клевец из станицы Гостагаевской // *Археологические вести*. 2005. № 12. С. 77–79.
15. Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа: Из-во СГУТиКД, 2006. 220 с.
16. Окатенко В., Зимовец Р., Скорый С. Уникальные чеканы эпохи скифской архаики из Харьковской области (Лесостепь Левобережной Украины) // *Revista Arheologică. Serie novă*. 2023. Vol. XIX. № 2. С. 5–20.
17. Погребова М. Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)* / ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 42–58.
18. Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В. Комплекс раннескифского времени кургана 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // *Археологические вести*. 2019. Вып. 25. С. 206–228.
19. Равич И. Г. Эталонные микроструктур оловянной бронзы // *Художественное наследие*. 1983. № 8. С. 136–143.
20. Рябкова Т. В., Вахтина М. Ю. Погребение в кургане у Цукур-Лимана в работах М. И. Ростовцева и современные представления о комплексе // *Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. 1: мат-лы конф.* / редкол. В. А. Хршановский и др. СПб., 2020. С. 127–136.
21. Скорый С. Бронзовые скипетры скифской эпохи // *Revista Arheologică. Serie novă*. 2023. Vol. XIX. № 1. С. 46–61.
22. Скорый С. А., Зимовец Р. В. Артефакт из Ахтырки: к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии // *Археология Казахстана*. 2023. № 2. С. 30–60.
23. Сланов А. Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 112 с.
24. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Глийского могильника). М.: Наука, 1980. 94 с.
25. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 190 с.
26. Шемаханская М. С. Феномен высокооловянистой посуды – от древности до наших дней // *Исследования в консервации культурного наследия*. Вып. 2: мат-лы конф. / отв. ред.: А. В. Трезвов, Л. И. Лифшиц, О. В. Яхонт. М.: Индрик, 2008. С. 291–298.
27. Schmidt E. F. *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in Homeland of the Achaemenians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1939. 140 p.

REFERENCES

1. Alekseev A. Yu. [Helmet of the “Kuban type” from the Kelermes burial ground (excavated in 1993)]. In: *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskiiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 221–234.
2. Balakhvantsev A. S. [Bimetallic pick from Buguruslan and the problem of the formation of the early Scythian culture]. In: Lukyashko S. I., ed. *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire* [The

- War and the military in the Scythian-Sarmatian world]. Rostov-n-Don, YUNTS RAN Publ., 2015, pp. 22–25.
3. Bartseva T. B. [Chemical composition of non-ferrous metal from the burial mound near the village of Nartan (According to spectral analysis)] In: Markovin V. I., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. T. 2* [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 2]. Nalchik, Elbrus Publ., 1985, pp. 116–134.
 4. Vinogradov V. B. *Tsentral'nyy i Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoye vremya (VII–IV vv. do n. e.)* [Central and North-Eastern Caucasus in Scythian times (7th–4th centuries BC)]. Grozny, Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1972. 389 p.
 5. Grakov B. N. *Skify* [Scythians]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1971. 200 p.
 6. Eniosova N. V. [Appendix to the article by A. S. Balakhvantsev]. In: Lukyashko S. I., ed. *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire* [War and military affairs in the Scythian-Sarmatian world]. Rostov-n-Don, YUNTS RAN Publ., 2015, pp. 26–27.
 7. Yesayan S. A., Pogrebova M. N. *Skifskiy pamyatniki Zakavkazya* [Scythian monuments of Transcaucasia]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 152 p.
 8. Klochko V. I. [The origin of the Scythians]. In: Bessonov S. S., ed. [The Early Iron Age]. Kyiv-Poltava, 2009, pp. 151–166.
 9. Kozenkova V. I. *Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoy kul'tury (sistematzatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant* [Weapons, military and horse equipment of the tribes of the Koban culture (systematization and chronology). Western version]. Moscow, IIC "TIMR" Publ., 1995. 166 p.
 10. Makalatia S. I. [Excavations of the Dvan burial ground]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1949, no. 11, pp. 225–240.
 11. Murzin V. Yu., Shlaifer V. G. [Scythian axes-scepters from the Museum of the History of Weapons near Zaporozhye]. In: *Istoriya oruzhiya* [History of Weapons], 2008, no. 1, pp. 46–53.
 12. Murzin V. Yu., Shlaifer V. G. [Scythian axes – insignias of power (from the collection of the Museum of the History of Weapons in Zaporozhye)]. In: *Vestnik instituta istorii, arkheologii, etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archaeology, Ethnography], 2009, no. 1, pp. 81–95.
 13. Novichikhin A. M. [Bronze axe from the village of Gostagaevskaya]. In: *PARA BELLUM*, 2004, no. 3, pp. 19–22.
 14. Novichikhin A. M. [Bronze hammer from the village of Gostagaevskaya]. In: *Arkheologicheskiy vesti* [Archaeological News], 2005, no. 12, pp. 77–79.
 15. Novichikhin A. M. *Naseleniye Zapadnogo Zakubanya v pervoy polovine I tysyacheletiya do n. e.* [Population of Western Trans-Kuban Region in the First Half of the 1st Millennium BC]. Anapa, Iz-vo SGU-TiKD Publ., 2006. 220 p.
 16. Okatenko V., Zimovets R., Skory S. [Unique pick-axes of the Scythian archaic time from Kharkov area (Forest-steppe of Left-bank Ukraine)]. In: *Revista Arheologică. Novaya seriya* [Revista Arheologică. New series], 2023, vol. XIX, no. 2, pp. 5–20.
 17. Pogrebova M. N. [Monuments of the Scythian culture in Transcaucasia]. In: Litvinsky B. A., ed. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekoye (istoriya i kultura)* [The Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and Culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 42–58.
 18. P'yankov A. V., Rybkova T. V., Zelensky Yu. V. [Complex of the Early Scythian period in kurgan no. 11 at the cemetery of Lebedi V in the Kuban river region]. In: *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], 2019, iss. 25, pp. 206–228.
 19. Ravich I. G. [Standards of tin bronze microstructures]. In: *Khudozhestvennoye naslediyе* [Artistic heritage], 1983, no. 8, pp. 136–143.
 20. Rybkova T. V., Vakhtina M. Yu. [Burial in the burial mound at Tsukur-Liman in the works of M. I. Rostovtsev and modern ideas about the complex]. In: Khrshanovsky V. A. et al, eds. *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo M. I. Rostovtseva. Vzgl'yad iz XXI veka. CH. 1* [The Bosporan phenomenon: Mikhail Rostovtsev and the Bosporan kingdom (looking back from the 21st century). Part 1]. St. Petersburg, 2020, pp. 127–136.
 21. Skoryi S. [Bronze scepters of Scythian epoch]. In: *Revista Arheologică. Novaya seriya* [Revista Arheologică. New series], 2023, vol. XIX, no. 1, pp. 46–61.

22. Skoryi S. A., Zimovets R. V. [Artifact from Akhtyrka: to the question of bimetallic pick-axes of the Scythian archaic era in Eurasia]. In: *Arkheologiya Kazakhstana* [Archaeology of Kazakhstan], 2023, no. 2, pp. 30–60.
23. Slanov A. Kh. *Zheleznyy vek na territorii Yuzhnoy Osetii* [Iron Age on the territory of South Ossetia]. Tskhinvali, Iryston, 1989. 112 p.
24. Tekhov B. V. *Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII–VI vv. do n. e. (po materialam Tliyskogo mogilnika)* [Scythians and the Central Caucasus in the 7th–6th centuries BC (based on materials from the Tli burial ground)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 94 p.
25. Chernenko E. V. *Skifskiy ansambl* [Scythian armor]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1968. 190 p.
26. Shemakhanskaya M. S. [Phenomenon of High-Tin Ware – from Antiquity to the Present Day]. In: Trezov A. V., Lifshits L. I., Yakhont O. V., eds. *Issledovaniya po konservatsii kulturnogo naslediya. Vyp. 2* [Research in the Conservation of Cultural Heritage. Issue 2]. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 291–298.
27. Schmidt E. F. *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago, The University of Chicago Press, 1939. 140 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Анапского археологического музея;
e-mail: yazamat03@mail.ru

Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского;
e-mail: tnsmek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey M. Novichikhin – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archaeology, Anapa Archaeological Museum;
e-mail: yazamat03@mail.ru

Tatyana N. Smekalova – Dr. Sci. (History), Department Head, Department of Natural Science Methods in Archaeology of Crimea, Research Center for History and Archaeology of Crimea, V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: tnsmek@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичихин А. М., Смекалова Т. Н. Уникальный цельнобронзовый топор-клевец из станицы Гостагаевской // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 202–211.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-202-211

FOR CITATION

Novichikhin A. M., Smekalova T. N. The unique all-bronze axe from the village of Gostagaevskaya. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 202–211.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-202-211

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-212-222

ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРИОДА ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ «БЕРЕГОВОЕ» ПОД НОВОРОССИЙСКОМ

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. Ф.

Новороссийский исторический музей-заповедник

353900, г. Новороссийск, ул. Советов, д. 58, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Ввести в научный оборот данные о новом памятнике периода греческой колонизации Северного Причерноморья – поселении «Береговое».

Процедура и методы. Приведены результаты археологических исследований в урочище Широкая Балка (Краснодарский край, Россия). Были произведены полевые разведочные работы, археологические раскопки и камеральные работы с найденным в ходе работ массовым материалом и индивидуальными находками.

Результаты. В результате исследований зафиксированы каменные стены здания, перекрытые оползневым слоем. Среди находок фрагменты амфор конца VI–V вв. до н. э.

Теоретическая и/или практическая значимость. Приводимые в статье данные могут быть использованы для дальнейших исследований древностей эпохи греческой колонизации Причерноморья.

Ключевые слова: Новороссийск, урочище Широкая балка, греческая колонизация Северного Причерноморья, поселение, культурный слой

SETTLEMENT OF THE PERIOD OF GREEK COLONIZATION OF THE NORTHERN BLACK SEA COAST “BEREGOVOYE” NEAR NOVOROSSIYSK

A. Shishlov, A. Kolpakova, N. Fedorenko

Novorossiysk Historical Museum-Reserve

353900 г. Novorossiysk, 58, Sovetov str. Russian Federation

Abstract

Aim. To introduce data on a new monument of the period of Greek colonization of the Northern Black Sea coast, the settlement “Beregovoje”.

Methodology. The article presents the results of archaeological research in the Shirokaya Balka tract (Krasnodar Krai, Russia). Field reconnaissance works, archaeological excavations and desk work were carried out with the mass material and individual finds found during the works.

Results. The investigations recorded stone walls of a building overlain by a landslide layer. Among the finds there are fragments of amphorae of the end of 6th–5th centuries BC.

Research implications. The data presented in the article can be used for further studies of antiquities of the epoch of Greek colonization of the Black Sea region.

Keywords: Novorossiysk, Shirokaya Balka tract, Greek colonization of the Northern Black Sea coast, settlement, cultural layer

Введение

В 70-х годах XX в. сотрудниками Новороссийского музея А. В. Дмитриевым и А. П. Кононенко в береговом обрыве урочища Широкая балка г. Новороссийска были обнаружены рукотворные каменные кладки, перекрытые оползневый слоем. В 2008 г. на основании схожести фиксируемых в береговом обрыве каменных кладок с погребальными конструкциями на известных прибрежных комплексах (грунтовых могильниках эпохи поздней бронзы – раннего железа в устье Лобановой щели и в устье р. Дюрсо) памятник был поставлен на охрану приказом Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края под названием «Некрополь Береговой, 1 тыс. до н. э.».

В результате разведки, проведенной сотрудниками отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника под руководством А. В. Шишлова, в 2016 г. в зоне строительства объекта «Берегоукрепление и благоустройство набережной урочища Широкая Балка г. Новороссийск» удалось уточнить характер памятника [4]. Защищенные каменные кладки оказались остатками стен

здания VI–V вв. до н. э., и памятник был переименован в поселение «Береговое» (рис. 1).

Поселение «Береговое» под Новороссийском

Памятник расположен на левом берегу р. Чухабль, в 150 м к востоку–северо-востоку от места впадения реки в Чёрное море, у подножья юго-западного склона г. Амзай (рис. 1). Территория памятника ограничена с юго-юго-востока линией берегового обрыва. С юго-запада территория памятника уходит под заасфальтированную береговую смотровую площадку. Центральная часть памятника находится под дорожным покрытием набережной, а его северо-западная часть расположена в юго-восточной части территории пансионата «Аист» (рис. 2).

При проведении археологической разведки был осмотрен участок берегового обрыва длиной до 60 м в северо-западной части набережной, являющийся территорией памятника археологии «Некрополь "Береговой"». При осмотре берегового обрыва визуально зафиксирована кладка, состоящая из крупных окатанных камней, лежащих в 3 слоя (рис. 3), других археологических объектов не обнаружено.

Рис. 1 / Fig. 1. Карта-схема месторасположения поселения «Береговое» / Location map of the “Beregovoye” settlement

Источник: данные авторов

Рис. 2 / Fig. 2. Вид на поселение «Береговое» с юго-востока / View of the “Beregovoye” settlement from the southeast

Источник: фото авторов

Рис. 3 / Fig. 3. Кладка Стены 1 в береговом обрыве до начала работ. Вид с юго-юго-востока / The masonry of Wall 1 in the coastal bluff before the start of works. View from south-southeast

Источник: фото авторов

Для исследования кладки вдоль берегового обрыва был заложен шурф. После обнаружения второй кладки при зачистке борта берегового обрыва к востоку от шурфа раскоп был увеличен. Длина раскопа вдоль берегового обрыва составила

10,7 м, ширина – от 1,2 до 2,4 м, однако фактически ширина исследованной площади сократилась из-за водопроводной трубы, проходящей вдоль берегового обрыва на глубине от 2,2 до 2,6 м от современной поверхности. Труба стала есте-

стенной С-С3 границей раскопа. Общая исследованная площадь раскопа по дну составила 17,3 м² (рис. 4).

После снятия верхних дорожных напластований и оползневой слоя на уровне от -204 до -238 проявились камни верхнего слоя кладки стены 1, а на уровне от -158 до -190 проявилась камни верхнего слоя стены 2. При снятии оползневой слоя в западной и в восточной стороне

раскопа до уровня основания кладок с внешней стороны стен 1 и 2 находки отсутствовали, лишь в северо-восточном углу обнаружен фрагмент красноглиняного сосуда. В центральной части раскопа между стенами зафиксирован развал каменной кладки на уровне от -221 до -250 (уровень 1) (рис. 4). После фиксации развала и его разборки зафиксированы 2 стены (рис. 5–8).

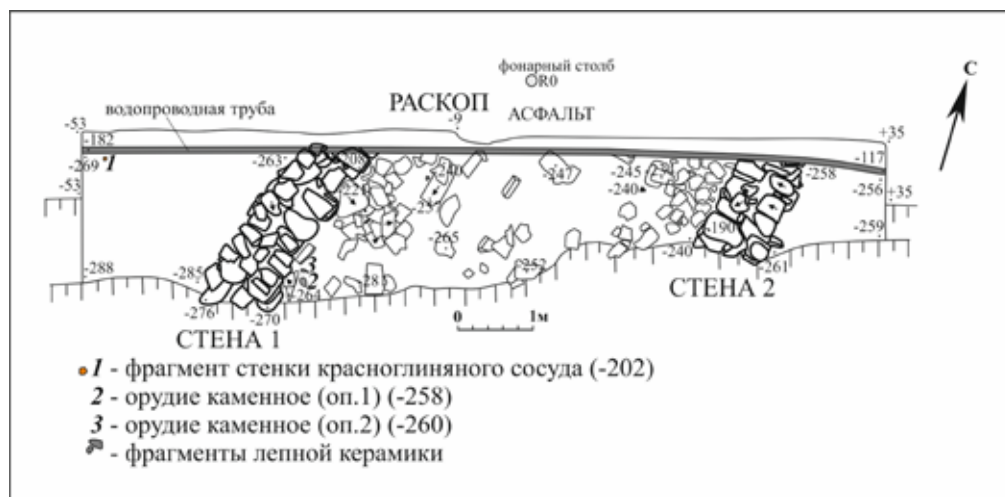

Рис. 4 / Fig. 4. План раскопа поселения «Береговое». Уровень 1 / Excavation plan of the “Beregovoye” settlement. Level 1

Источник: рисунок авторов

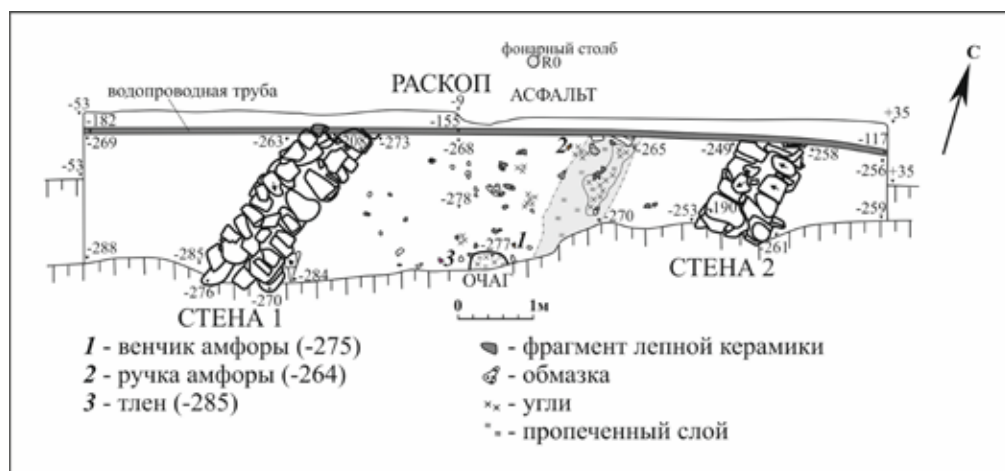

Рис. 5 / Fig. 5. План раскопа поселения «Береговое». Уровень 2 / Excavation plan of the “Beregovoye” settlement. Level 2

Источник: рисунок авторов

Рис. 6 / Fig. 6. Стены на поселении «Береговое». Вид с востока - северо-востока / Walls at the “Beregovoye” settlement. View from east-northeast

Источник: фото авторов

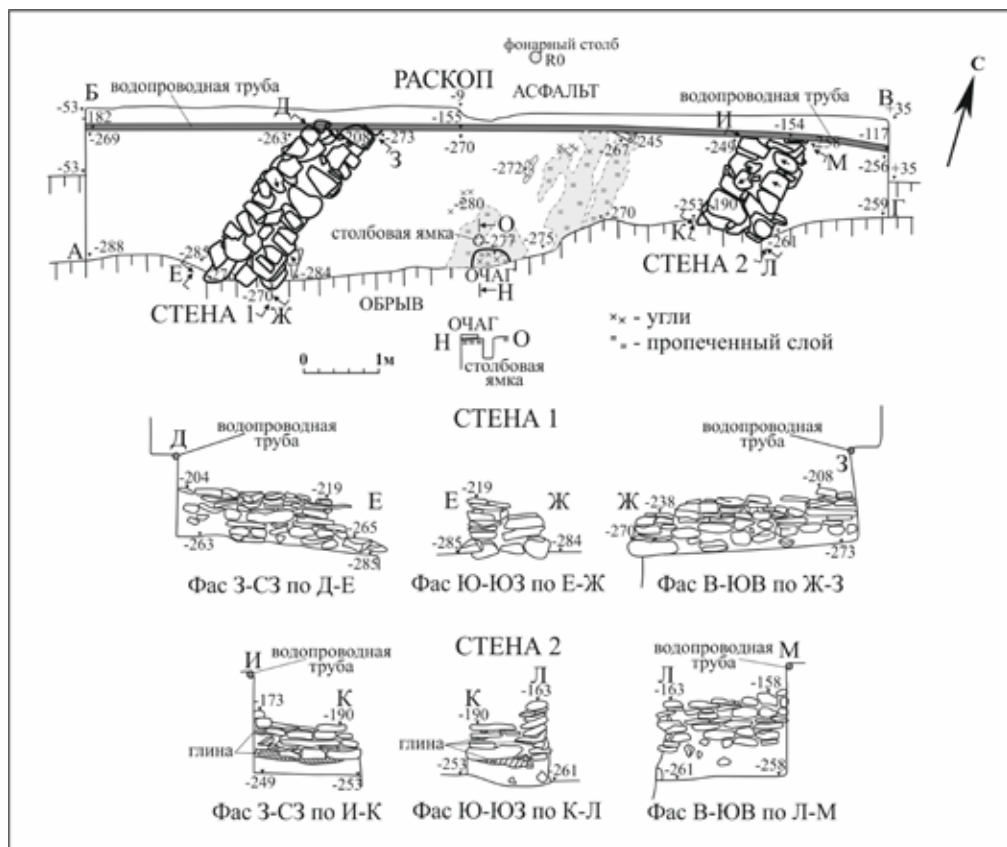

Рис. 7 / Fig. 7. План раскопа поселения «Береговое». Уровень 3 / Excavation plan of the "Beregovoye" settlement. Level 3

Источник: рисунок авторов

Стена 1 ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ, длина зачищенной части 2,5 м, ширина до 0,9 м, высота до 0,8 м.

Стена 2 расположена в 4 м восточнее и параллельно стене 1, ориентирована также по линии ЮЮЗ-ССВ. Длина зачищенной части – 1,5 м, ширина – до 0,84 м, высота – до 0,8 м.

В пространстве между стенами (уровень 2) (рис. 5) на уровне от -265 до -283 зафиксировано условное дно помещения, на котором в западной части зафиксированы фрагменты лепной керамики, в центральной части на границе берегового обрыва – очаг, в восточной части – следы обожжённой поверхности условного пола и скопления угольков. При зачистке в слое выше уровня обожжённой поверх-

ности зафиксированы фрагменты лепной керамики и 2 амфор – венчик протофасосской амфоры и ручка лесбосской амфоры (рис. 9.7–9.8).

Стены сложены из двух рядов камней разного размера, практически без забутовки. Ставшие строительным материалом камни в большинстве состоят из окатанных морем уплощённых валунов и крупных галек, в меньшей мере – из плоских обломков скалы. Стены почти параллельны, в пространстве между стен зафиксирован культурный слой толщиной до 10 см, что говорит о том, что это единый комплекс. Таким образом, зафиксированы остатки какого-то сооружения (здания). Расстояние между стенами око-

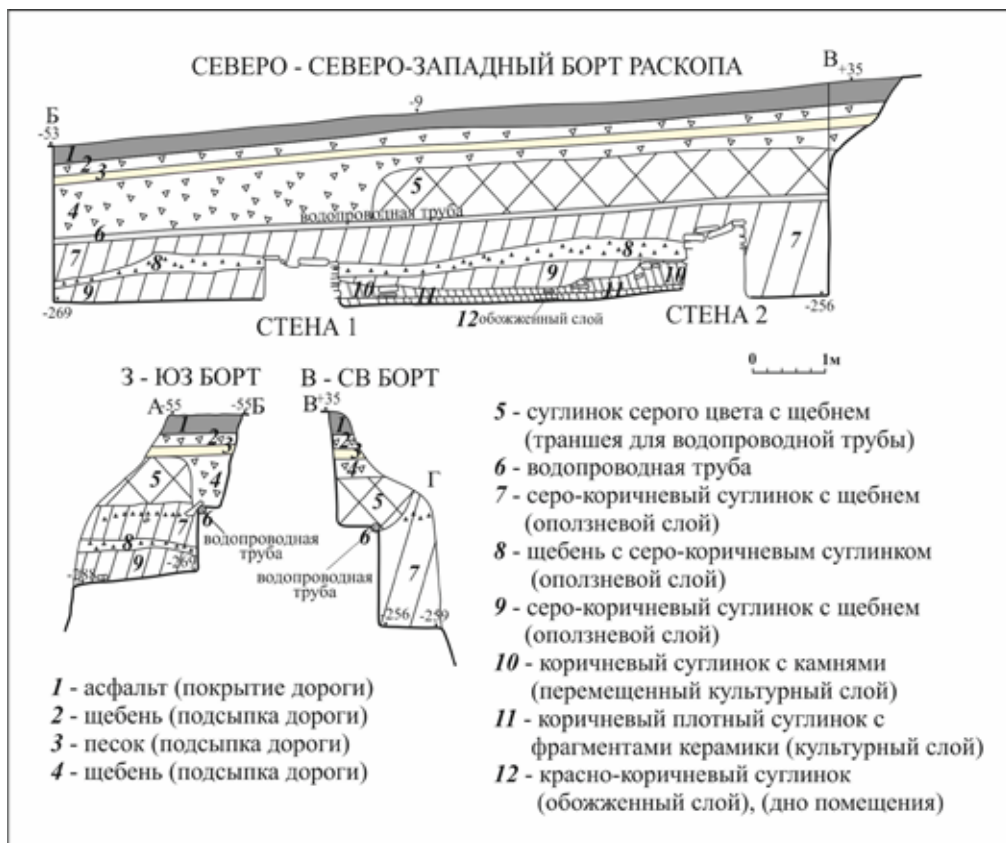

Рис. 8 / Fig. 8. Стратиграфия раскопа поселения «Береговое» / Stratigraphy of the “Beregovoye” settlement excavation site

Источник: рисунок авторов

ло 4 м. Общая исследованная площадь сооружения составила 12 м².

После фиксации и снятия находок обожжённая поверхность была ещё раз зачищена. В результате зачистки к северо-востоку от очага зафиксирована столбовая ямка диаметром 10 см, глубиной до 31 см (уровень 3) (рис. 7).

Стратиграфия дана для всей площади шурфа, включая прирезку (рис. 8):

1. асфальт (покрытие дороги) толщиной до 25 см;
2. щебень (подсыпка дороги) толщиной до 20 см;
3. песок (подсыпка дороги) толщиной до 10 см;
4. щебень (подсыпка дороги) толщиной до 85 см;

5. суглинок серого цвета с щебнем (траншея для водопроводной трубы) толщиной до 80 см в восточной части разреза;

6. водопроводная труба на уровне -185 до -117 от R0;

7. слой серо-коричневого суглинка с щебнем (оползневой) толщиной от 25 до 150 см;

8. слой щебня с серо-коричневым суглинком (оползневой) толщиной до 30 см;

9. слой серо-коричневого суглинка со щебнем (оползневой) толщиной до 50 см;

10. слой коричневого суглинка с камнями, являющимися развалом стен (перемещённый культурный слой), толщиной от 12 до 40 см в промежутке между стен;

11. слой коричневого плотного су-глинка с фрагментами керамики (куль-турный слой) толщиной до 10 см;

12. красно-коричневый суглинок (обожжённый слой), условное дно поме-щения толщиной от 1 до 4 см.

После проведённых работ стены не разбирались, шурф был засыпан, позже законсервирован – обложен бетонными блоками, т. к. в будущем предполагалось исследовать части стен, уходящих под до-рогу.

Всего при раскопках участка было найдено 3 каменных предмета и 138 фраг-ментов керамики, из которых 12 фраг-ментов амфор и 126 – лепных сосудов.

При зачистке развала камней между стенами (*уровень 1*) найдены:

- орудие каменное рубящее(?), полу-овальной в плане формы, линзо-видной – в поперечном сечении, подтреугольной – в продольном сечении. Поверхность с 2 сторон оббита, торцевые края заужены, за-острены. Размеры: 11,5×8,9×3,7 см (рис. 9.1);
- отбойник каменный, овальной в плане формы, овальной в сече-нии. Со всех сторон оббит, частич-но затёрт. Размеры: 5,3×4,0×4.6 см (рис. 9.2);
- орудие каменное (шпатель(?), овальной в плане формы, упло-щённой в сечении, с заострёнными, уплощёнными, заглаженными тор-цевыми краями и небольшой выем-кой сбоку. Размеры: 5,7×3,6×1,0 см (рис. 9.3).

А также фрагменты лепных сосудов:

- фрагменты сосуда закрытого типа с орнаментом в виде ряда пальцевых вдавли под венчи-ком. Горло широкое, венчик резко отогнут наружу, край уплощён. Че-репок серо-коричневого цвета (VI – сер. V вв. до н. э.) [3, с. 85, табл. XXVI, 246, 247] (рис. 9.4);
- фрагменты сосуда закрытого типа. Горло широкое, край прямой, загнут

внутрь. Черепок красноглиняный с серым закалом в центре. (VI – сер. V вв. до н. э.) [3, с. 85, табл. XXVI, 241, 248] (рис. 9.6);

- фрагменты дна сосуда. Дно плоское, слегка вогнуто. Черепок серо-ко-ричневого цвета, тесто с примесью кальцита (рис. 9.5).

При зачистке пола между стенами (*уровень 2*) найдены:

- фрагмент венчика светлоглиняной амфоры. Горло воронковидной фор-мы, завершается отогнутым наружу валикообразным венцом. Тесто с мелкими коричневыми включения-ми и редкими включениями слюды. Диаметр венчика 11 см (протофас-соские амфоры – конец VI–V вв. до н. э.) [1, с. 19, табл. VI, 152]; конец VI – середина V вв. до н. э. [3, с. 71, табл. IX, 77, 78]; на сложно профили-рованной ножке – конец VI – начало V вв. до н. э. [2, с. 40, табл. 24, 1, 4] (рис. 9.7);
- фрагмент ручки с верхним местом прилепа античной красноглиняной амфоры. Ручка круглая в сечении. Глина красно-коричневая. Диаметр ручки 2,8 см. Лесбос. V в. до н. э. [1, с. 72–73, табл. II, 86; 2, с. 46, табл. 28, 1, 3] (рис. 9.8);
- фрагменты лепного сосуда закры-того типа с орнаментом в виде ряда каплевидных пальцевых вдавли под венчиком. Горло широкое, край сильно загнут внутрь, прямой, ско-шен внутрь. Черепок серо-корич-невый, тесто с примесью органи-ки и кальцита (VI – середина V вв. до н. э.) [3, с. 85, табл. XXV, 244, 245, 252] (рис. 9.9);
- фрагменты венчика, стенки и дна лепного сосуда открытого типа (чаши). Тулово усечённо-кони-ческой формы. Венчик сильно загнут внутрь, край заужен. Дно плоское, чуть вогнуто. Черепок серо-корич-невый, тесто с примесью органики. Высота 11 см (рис. 9.10).

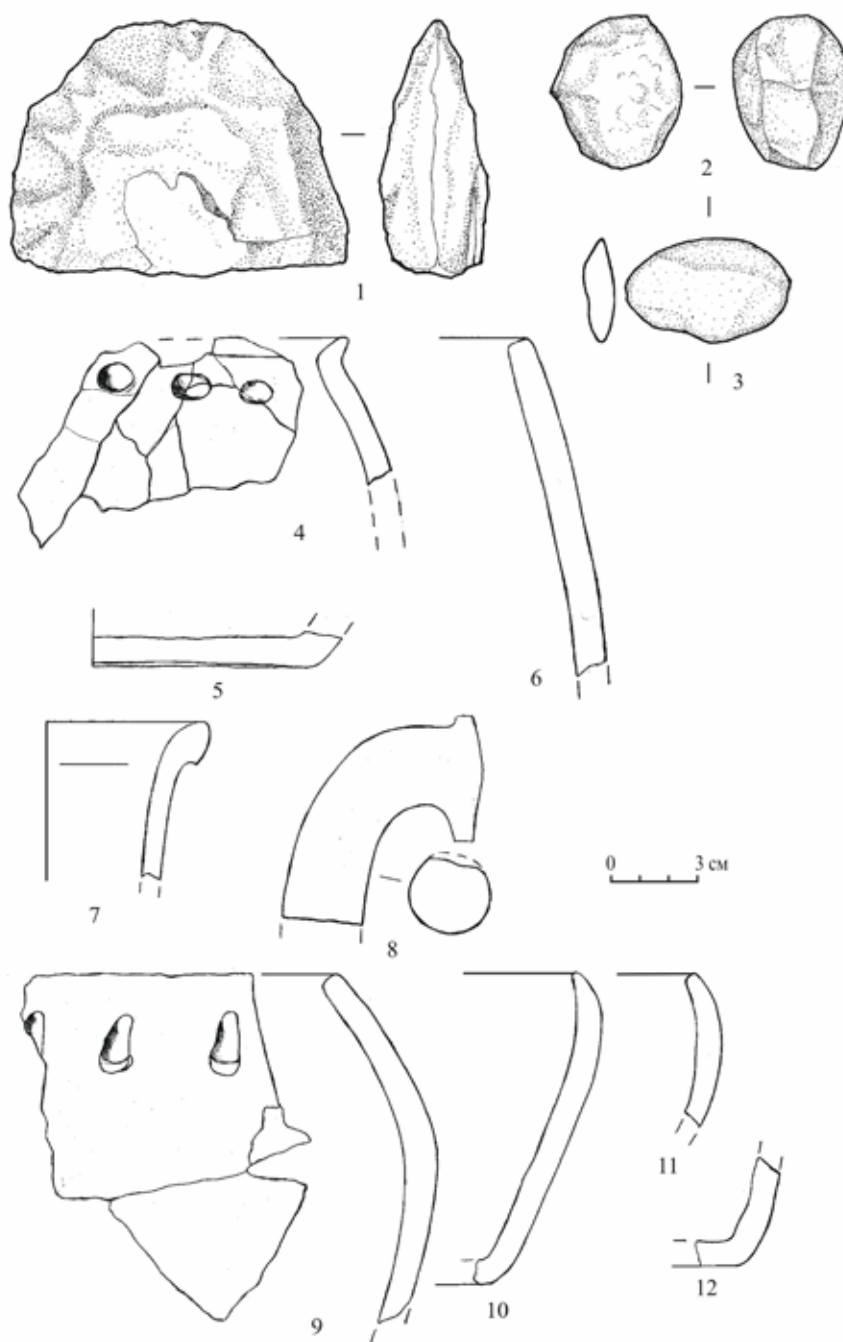

Рис. 9 / Fig. 9. Поселение «Береговое»: 1-3 – орудия каменные; 4-6, 9-12 – фрагменты лепных сосудов; 7-8 – фрагменты амфор / “Beregovoye” settlement: 1-3 – stone tools; 4-6, 9-12 – fragments of molded vessels; 7-8 – fragments of amphorae

Источник: данные авторов

Под очагом (*уровень 3*) найдены фрагменты лепных сосудов:

- фрагмент венчика и стенки миски с лощением с обеих сторон. Венчик сильно загнут внутрь, край скошен внутрь. Черепок красно-коричневый с серым закалом, тесто с примесью органики (рис. 9.11);
- фрагмент дна и стенки сосуда. Дно плоское (рис. 9.12).

Заключение

По результатам проведённых работ было установлено, что каменные кладки являются стенами одного здания, перекрытого оползневым слоем. Здание с двумя условно параллельными (с небольшим отклонением) стенами, ориентированными с Ю-ЮЗ на С-СВ. Площадь зачищенного здания – 12 м². Культурный слой на зачищенном участке сохранился только в промежутке между стенами, его толщина

– до 10 см. Полученный амфорный материал (венчик протофасосской амфоры и ручка лесбосской амфоры) датируют памятник концом VI – началом V вв. до н. э. За пределами строения (с внешней стороны стен) в раскопе находок не было. Не выявил следов культурного слоя и визуальный осмотр берегового обрыва.

Можно предположить, что культурный слой поселения был снесён (разрушен) оползнем, вследствие чего сохранились могли только остатки строений и объекты (хозяйственные ямы), впущенные ниже уровня оползня. Керамический материал исследованной части памятника находит аналогии в материалах поселения «Торик», исследованного экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Н. А. Онайко на берегу Геленджикской бухты в 1971–1974 гг., и относимого автором к раннему периоду греческой колонизации Северного Причерноморья.

Дата поступления в редакцию 15.09.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеест И. А. Керамическая тара Боспора. М.: Наука, 1960. 179 с.
2. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. М., 2003. 678 с.
3. Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980. 179 с.
4. Шишлов А. В. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2016 г. // Архив НИМЗ НА-10211/1-3, 11. 2019.

REFERENCES

1. Zeest I. A. *Keramicheskaya tara Bospora* [Ceramic containers of the Bosporus]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 179 p.
2. Monakhov S. Yu. *Grecheskiye amfory v Prichernomorye* [Greek amphoras in the Black Sea region]. Moscow, 2003. 678 p.
3. Onayko N. A. *Arkhaicheskiy Torik. Antichnyy gorod na severo-vostoke Ponta* [Archaic Toric. An ancient city in the north-east of Pontus]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 179 p.
4. Shishlov A. V. [Report on archaeological exploration in the territory of Novorossiysk, Krasnodar Territory in 2016]. In: *Arkhiv* [Archive]. NIMZ NA-10211/1-3, 11. 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шишлов Александр Владимирович – заведующий отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника;
e-mail: ashishloff2017@yandex.ru

Колпакова Алиса Вадимовна – старший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника;
e-mail: alice_k@list.ru

Федоренко Наталья Валентиновна – старший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника;
e-mail: nfed@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Shishlov – Department Head, Archaeology Department, Novorossiysk Historical Museum-Reserve;
e-mail: ashishloff2017@yandex.ru

Alisa V. Kolpakova – Senior Researcher, Archaeology Department, Novorossiysk Historical Museum-Reserve;
e-mail: alice_k@list.ru

Natalia V. Fedorenko – Senior Researcher, Department of Archaeology, Novorossiysk Historical Museum-Reserve;
e-mail: nfed@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. Ф. Поселение периода греческой колонизации северного Причерноморья «Береговое» под Новороссийском // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 212–222.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-212-222

FOR CITATION

Shishlov A. V., Kolpakova A. V., Fedorenko N. F. Settlement of the period of Greek colonization of the northern black sea coast “Beregovoye” near Novorossiysk. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 212–222.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-212-222

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-223-239

НЕОБЫЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ VII–VI ВВ. ДО Н. Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛОРИ БЕРД (АРМЕНИЯ)

Худавердян А. Ю.¹, Деведжян С. Г.¹, Давтян Р. А.²

¹ *Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
0025, г. Ереван, ул. Чаренца, д. 15, Республика Армения*

² *Служба управления наследием и археологией Саксонии-Анхальт
г. Галле, Германия*

Аннотация

Цель. Проанализировать патологические особенности заболевания скелета из раскопок могильника Лори Берд и выявить причину смерти.

Процедура и методы. Приводится дифференциальная диагностика болезни с опорой на макроскопические и рентгеновские показатели. Травматические повреждения имеют ярко выраженные черты прижизненного вмешательства.

Результаты. На скелете из погребения 115 обнаружено 9 признаков, согласующихся с болезнью Бехтерева: крестцово-подвздошное сращение (возможно, двустороннее), сращение позвонков (кроме 4 шейных позвонков), окостенение позвоночных связок и межпозвоночных дисков, сращение практически всех рёберно-позвоночных суставов, квадратная форма тел позвонков, «бамбуковый позвоночник», развитие кифоза и лордоза, выраженная остеопения, вовлечение подвздошных и бедренных костей. У женщины-инвалида наблюдаются смертельные травмы лопатки и первого поясничного позвонка от ударов остроконечного орудия. Женщина могла быть убита во время вражеского нападения или войны. Тело женщины было предано земле с подобающими почестями и соблюдением правил погребальной обрядности.

Теоретическая и/или практическая значимость Комплексное исследование является основой для возможности междисциплинарного изучения материала из раскопок VII–VI вв. до н. э. Результаты исследования вносят вклад в теорию антропологической экспертизы.

Ключевые слова: Армения, Урарту, Лори Берд, анкилозирующий спондилит, насилие, инвалидность, травмы, социальный статус

AN UNUSUAL BURIAL OF A WOMAN FROM THE VII-VI CENTURY BC FROM THE CEMETERY OF LORI BERD (ARMENIA)

A. Khudaverdyan¹, S. Devejyan¹, R. Davtyan²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Yerevan,
Republic of Armenia*

² *Service for Heritage Management and Archaeology of Saxony-Anhalt
Halle, Germany*

Abstract

Aim. To analyse the pathological features of skeletal disease from the Lori Berd cemetery excavations and to deduce the cause of death.

Methodology. The differential diagnosis of the disease is given with reference to macroscopic and X-ray findings. Traumatic injuries have pronounced features of a lifetime intervention.

Results. The nine signs concordant with ankylosing spondylitis detected in skeleton from burial 115 turn on the following: sacroiliac fusion (possibly bilateral), fusion of vertebrae (apart from 4 cervical vertebrae), ossification of spinal ligaments and intervertebral cartilages, fusion of virtually of all costovertebral joints, the square shape of vertebral bodies, characteristic “bamboo spine” emergence of the vertebrae, the development of kyphosis and lordosis, advanced osteopenia, hip and femur bones involvement. A disabled woman sustained fatal injuries to her shoulder blade and first lumbar vertebrae from blows of a sharp object. A woman might have been killed in an enemy attack or war. The woman’s body was buried with all due respect and in accordance with the rules of funeral rites.

Research implications. The integrated study is the basis for the possibility of interdisciplinary study of material from excavations dating VII–VI centuries BC. The research results contribute to the theory of anthropological expertise.

Keywords: Armenia, Urartu, Lori Berd, ankylosing spondylitis, violence, disability, trauma, social status

*Посвящается светлой памяти любимого друга,
талантливого археолога Седы Деведжян*

Введение

Селение Лори Берд, известное своими древними и средневековыми памятниками, расположено в Ташир-Дзорагете (рис. 1). Ташир занимает плато Ташратап площадью 2050 км², по которому протекает р. Ташрадзур (ныне Дзорагет). Естественными границами Ташир-Дзорагета являются горные хребты: на севере – Вирайцоц, на юге – Памбакский, на западе – Джавахкский и на востоке – Гугаркский. Долины Дзорагета и Памбака разделяет Базумский хребет. Все 5 указанных хребтов имеют альпийские зоны.

В Ташир-Дзорагете памятники эпохи широкого освоения железа были известны ещё в конце XIX в. благодаря многочисленным раскопкам в Лалваре (Ж. де Морган), в Ворнаке (Н. Я. Марр), а позднее в Макарашене и Кургане (А. А. Мартиросян). Начиная с 1969 г. С. Г. Деведжян производила систематические раскопки в Лори Берде. Могильник находится в 3 км от г. Степанавана. Параллельно с раскопками могильника С. Г. Деведжян проводила исследование древнего поселения, расположенного к северо-востоку от с. Лори Берд, на левом

берегу р. Мисхана. На возвышенном плато, напротив нынешнего с. Лори Берд, обнаружены следы древнего поселения с циклопическими четырёхугольными постройками, которые занимают территорию в несколько гектаров. На территории поселения также имеются погребения, отмечающиеся в виде холмов или низких выложенных галькой кругов.

Наиболее впечатляющие результаты получены при раскопках могильника Лори Берд [3; 4; 5]. Погребения эпохи широкого освоения железа можно датировать VII–VI вв. до н. э., а может быть, и началом V в. до н. э., что соответствует времени падения Урартского государства и окончательного формирования армянского этноса. Поэтому их можно считать уже памятниками раннеармянской культуры. Культура эпохи широкого освоения железа принадлежит коренным этническим группировкам, среди которых в общественных отношениях давно уже возникли предпосылки для появления ранней государственности.

Железные предметы из этих погребений, большое количество бронзовых украшений, а также серебряные и золо-

тые изящные произведения искусства свидетельствуют о высоком уровне производства и обработки металла в изучаемой области в VII–VI вв. до н. э. В погребениях выявлены полные скелеты лошадей с железными удилами. Наличие на керамике различных символических знаков, зооморфных и рогообразных фигурок, обилие змеиноголовых браслетов из бронзы, серебра и золота, золотые идолоподобные подвески, диадемы с зооморфными изображениями, кремация покойников – всё это позволяет предположить, что лорибердские погребения принадлежали людям, связанным с религией, вероятно, жрецам, занимавшим высокое социальное и экономическое положение в обществе.

В могильнике Лори-Берда, начиная с эпохи средней бронзы, традиционно производились захоронения представителей гражданской и духовной знати: вождей, жрецов и их сородичей; поэтому каждое захоронение несёт в себе свои специфические особенности. Экспертиза выявила несколько методов обращения с погребёнными останками: расчленение тел, кремацию, повреждение лицевого отдела черепа, захоронение только правой половины черепа и фрагментов посткраниального скелета [11; 12].

Наряду с зафиксированными тесными ассиро-урартскими культурными связями, местное население контактировало с носителями кобанской (фибулы, бляха) и скифской (стрелы) культур [3, с. 58].

В 2019 г. на кладбище Лори Берд членами совместной армяно-германской экспедиции¹ были раскопаны 5 погребений (№ 113–117). Судя по археологическим находкам, захоронения, обнаруженные здесь датируются VII–VI вв. до н. э.

¹ В экспедиции участвовали представители Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) и Института социальной антропологии Макса Планка (Галле, Германия). Руководитель раскопок С. Г. Деvedжан.

В данной статье речь пойдет о необычном скелете, обнаруженном в погребении № 115, со следами редкой болезни. Авторами дана дифференциальная диагностика болезни с опорой на макроскопические и рентгеновские показатели.

Погребение № 115 располагалось в центральной части кромлеха и было перекрыто одной сравнительно большой плитой (рис. 1). Камера имела СВ-ЮЗ ориентацию. Стены были построены из каменных блоков. В центре камеры обнаружен человеческий скелет, находившийся в согнутом положении. Скелет лежал на левом боку и ориентирован по линии СВ-ЮЗ. Лицо было обращено на восток. Тело индивида было сохранено и захоронено с большой тщательностью. Перед скелетом находился сравнительно большой красно-оранжевый кувшин. Рядом со скелетом – орнаментированная чаша. На скелете найдено большое количество различных бус. Инвентарь могилы представлен железными орудиями (нож, наконечник копья, кинжал, кирка, долото) и некоторыми бронзовыми предметами (колокольчик, подвеска и навершие скипетра). Также были обнаружены значительное количество костей животных.

Кости скелета исследованы в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА (Ереван). Помимо стандартных процедур визуального осмотра [16; 31, и др.] производилось обследование выявленных повреждений с использованием портативного цифрового рентгеновского аппарата (RD-500A).

Скелет в целом имел плохую сохранность, дистальные отделы как верхних, так и нижних конечностей были неполными (рис. 1). Все позвонки (кроме первых четырех шейных позвонков) были слиты в один блок (рис. 2а). Определение пола проводилось на основании оценки диафизарных и эпифизарных размеров длинных трубчатых костей, описания длины лобковых костей, угла расхождения нижних ветвей лобковых костей,

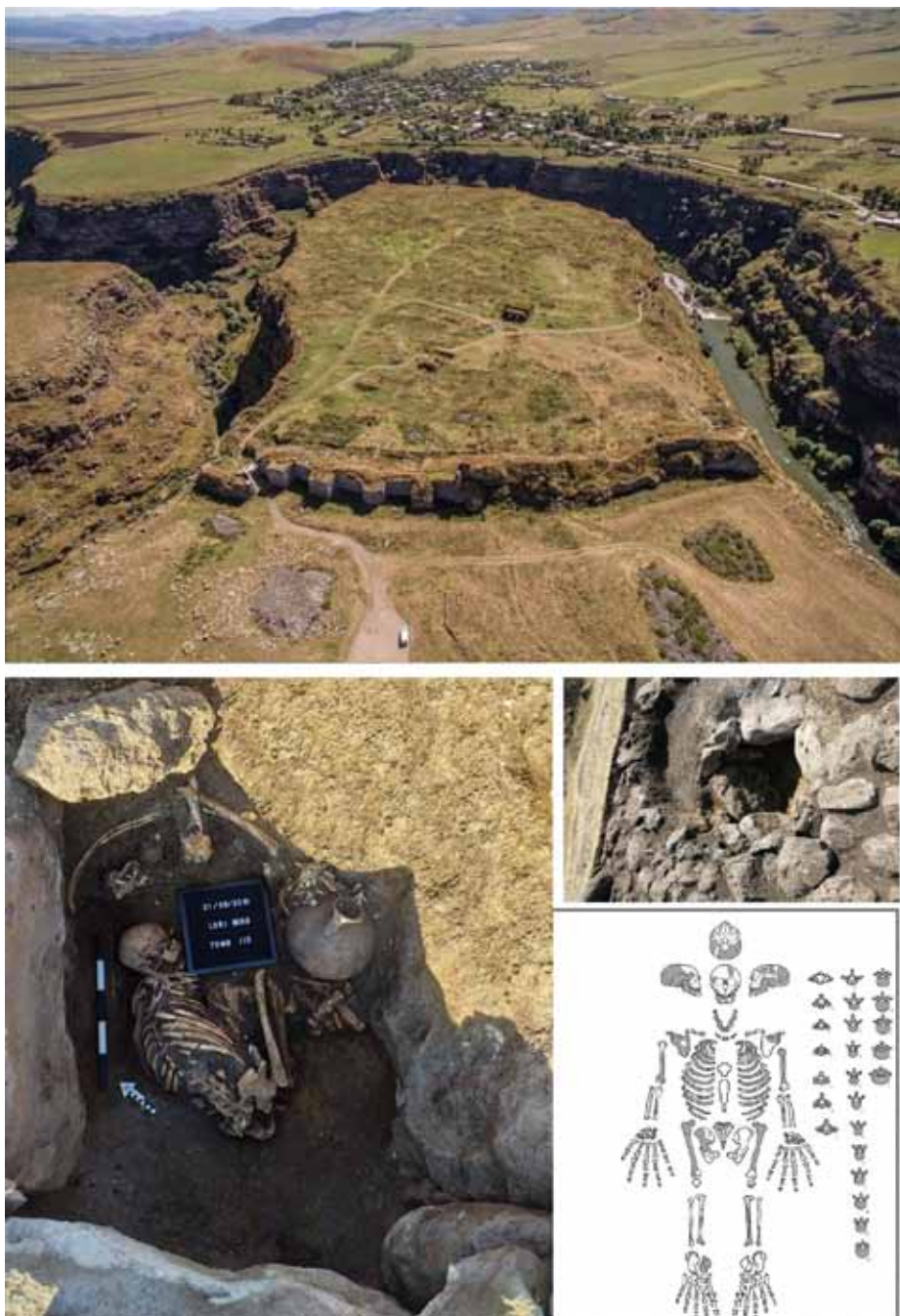

Рис. 1 / Fig. 1. Могильник Лори Бед. Раскопки 2019 г. / The Lori Berd burial ground. Excavations 2019

Источник: фото авторов

формы большой седалищной вырезки, формы и размеров лопатки [16; 33]. Размерные характеристики скелета, форма тазовых костей указывают на принадлежность останков женщине. Определение биологического возраста проводилось на базе оценки состояния швов черепа, изношенности жевательной поверхности коронок зубов, изношенности суставов и симфизов [13; 16; 17; 26; 38]. Биологический возраст женщины определяется в пределах 25–35 лет. Длина тела женщины составляла $160,8 \pm 4,7$ см по формулам Троттер, Глезер [1]. Костные останки были исследованы с помощью различных традиционных методик, принятых в физической антропологии и биоархеологии [2; 6; 8; 9; 15; 16; 24; 30; 39].

Исследование особенностей скелета

Форма черепа индивида предположительно сфеноидная (*sphenoides*). Швы черепа зубчатые. Величины теменной дуги (130?) и хорды (119) большие и очень большие. Величины затылочной дуги (104) и хорды (93) малые и средние. Углы нижней челюсти развернуты, наименьшая ширина ветви (32,8?) средняя. Высота ветви (63?) – очень большая. Бугристость в области наружной поверхности угла (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) выражены отчетливо. Тело нижней челюсти невысокое (26,8) с большой толщиной (13). На черепе зафиксированы следующие краниоскопические (дискретно-варьирующие) признаки (*os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *foramina mastoidea* / вне шва).

Мезио-дистальный (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальный (VL_{cor}) диаметры коронок верхних и нижних моляров попадают в категорию малых и очень малых значений (табл. 1). Высота верхних коронок имеет низкие значения, нижних моляров (M2, M3) – средние. Мезио-дистальный

диаметр шейки моляров находится в пределах малых величин. На вторых и третьих верхних молярах гипоконус сильно редуцирован (балл 3+) и заметно уменьшен метаконус (балл 3). Нижний первый моляр 5-бугорковые, узор коронки «Y». На первом нижнем моляре фиксируются дистальный гребень тригонита, коленчатая складка метаконида. Вторые моляры имеют 4-бугорковое строение, узор основных борозд коронки относится к типу «X». Третий моляр 4-бугорковый с «X» – узором коронки.

Наблюдается уплощённость в затылочной области, которая была связана с непреднамеренной деформацией черепа (*cradle deformation*). Деформация затылка является результатом тугого пеленания в деревянной люльке, в которой младенец находился большую часть дня. Уплощённость формируется на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасающейся с теменем и затылком.

Верхний край лопатки имеет горизонтальную или почти горизонтальную форму, верхний угол незначительно поднимается над лопаточной вырезкой (балл 1). Лопаточная кость, утончаясь над основанием, затем резко утолщается и дальше более или менее одинакова по всей длине (балл 3). Суставная впадина лопатки имеет грушевидную форму. Край лопаточной вырезки образует почти полную окружность (балл 4). На плечевых костях наблюдается среднее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости (табл. 2). На бедренных костях сильно развита межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, значительно выступающая над уровнем тела кости. Это место прикрепления подвздошно-бедренной связки, которая тормозит разгибание тазобедренного сустава и участвует в удержании туловища в вертикальном положении. На проксимальной суставной поверхности к передней части шейки бедренной кости фиксируется фасетка Пуарье (*Poirier's facet*).

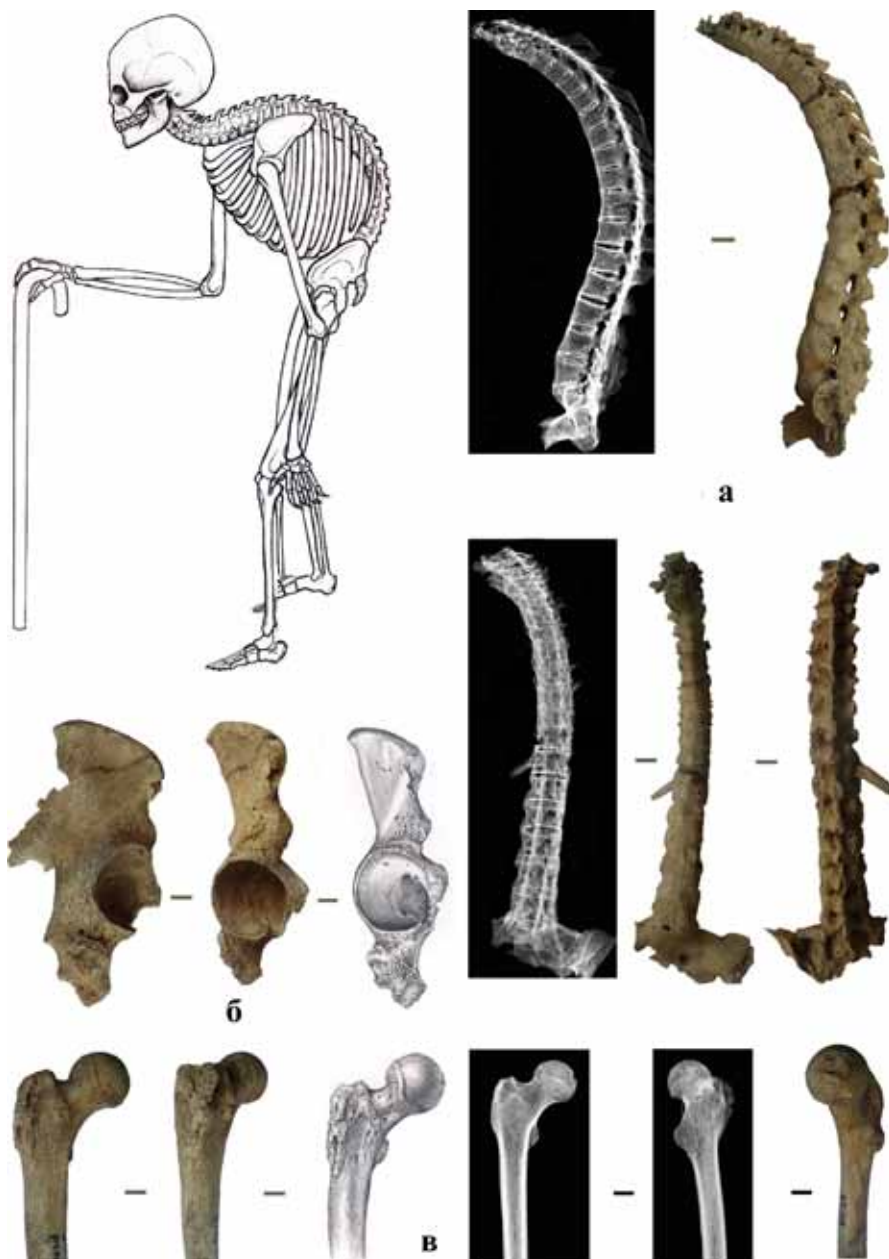

Рис. 2 / Fig. 2. Поражение посткраниального скелета при анкилозирующем спондилите, рентгенограмма сросшихся позвонков в боковой проекции / Postcranial skeletal involvement in ankylosing spondylitis, X-ray of lateral view of fused vertebrae

Источник: фото авторов

Таблица 1/ Table 1

Индивидуальные размеры зубов / Individual tooth sizes

	Верхняя челюсть		Нижняя челюсть	
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}			
	правый	левый	правый	левый
I1	5,9	-	5,6	5,6
I2	6,8	6,5	5,9	6,2
C	-	7,7	7,2	7,2
P1	7,8	7,8	7	-
P2	-	-	-	-
M1	-	-	9,6	-
M2	10,1	10,3	9,3	9
M3	9,4	-	9	-
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}			
I1	7,8	-	4,3	4,3
I2	6,6	6,6	5,3	5,3
C	-	7,5	7,3	6,8
P1	6,5	6,5	6,3	-
P2	6,2	6,3	5,9	-
M1	-	-	9,4	-
M2	8,1	8,8	9,9	9,8
M3	7,6	-	9,9	-
	Высота коронки H_{cor}			
M1	-	-	5,5	-
M2	5,8	5,8	6,2	-
M3	5,3	-	5,7	-
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}			
M1	-	-	8,2	-
M2	6,6	6,2	7,8	-
M3	5,8	-	8	-
	Площадь коронки $MD \times VL$			
M1	-	-	90,24	-
M2	81,81	90,64	57,66	88,2
M3	71,44	-	89,1	-
	Индекс коронки $I_{cor} (VL / MD) \times 100$			
M1	-	-	102,13	-
M2	124,7	117,05	93,94	91,84
M3	123,7	-	90,91	-
	Модуль коронки $m_{cor} MD + VL / 2$			
M1	-	-	9,5	-
M2	9,1	9,55	9,6	9,4
M3	8,5	-	9,45	-

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

Таблица 2 / Table 2

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей / Scoring characteristics of the development of the relief of long bones

Признак	Правая	Левая	Правая и левая суммарно
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2		
Tuberositas deltoidea	1	1	1
Tuberculum majus, tuberculum minus	2,5		
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis		1,5	
Средний балл	1,9	1,25	1,58
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major	2,5		
Trochanter minor	2	2	2
Tuberositas glutea	2	2	2
Linea aspera	2,5	2,5	2,5
Epicondili			
Средний балл	2,27	2,17	2,22
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae			
Margo anterior, margo interossea	1,5	1,5	1,5
Linea m. solei, m. soleus			
Бороздки для сухожилий разгибателей	2		
Средний балл	1,75		
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краев	2		

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

У индивида осевые изменения включали анкилоз крестцово-подвздошных суставов и анкилоз позвонков от С5 до L5 (полное срастание костей между собой) (рис. 2а). На рентгенограмме неравномерная просвечиваемость суставной поверхности свидетельствует о наличии патологического процесса в пределах подвздошной кости (следы эрозивных или склеротических изменений). Все позвонки (кроме шейных С1–С4) скелета полностью срослись (рис. 2а). Передние и задние связки всех позвонков, за исключением четырёх шейных позвонков, полностью объединены в единый блок.

В пространстве межпозвоночных дисков каждого позвонка образовались синдесмофиты. На уровне межпозвоночных дисков синдесмофиты изогнуты вперед (рис. 2а). Распространение синдесмофитов по всей продолжительности позвоночного столба носит название – «симптом бамбуковой палки». На рентгенограммах передней части тел позвонков наблюдаются эрозии костной структуры с постреактивным склерозом и зона рентгенопрозрачности. Головки ребер сочленились с позвонками. Также имелись реберно-позвоночные и реберно-поперечные сращения суставов, тела

позвонков анкилозировались. Хотя большая часть рёбер были сломаны, сохранились места соединения головок рёбер с позвонками. Анкилоз позвоночника был более выражен в шейных и грудных позвонках. Все тела грудных и поясничных позвонков имели квадратную форму (рис. 2а). Наблюдались кифоз и лордоз – последствия продолжающегося патологического процесса позвоночника. На рентгенограммах кости практически «светятся» из-за снижения плотности костной ткани (остеопения). На головке бедренной кости и в вертлужной впадине на фоне незначительного остеопороза определяются мелкие множественные краевые очаги деструкции с зоной реактивного склероза (рис. 2б–в). На тазовой кости обнаружены многочисленные разрастания различной формы, которые являются следствием постоянной травматизации мест прикрепления мышц, функционирующих при необычных условиях. У данного индивида также имеются признаки дегенеративного остеоартрита

(остеофиты и пористость).

Ещё одним патологическим поражением, наблюдаемым на скелете № 115, были линейные резаные раны, нанесённые оружием с тонким лезвием (рис. 3а). Женщина получила травмы правой лопатки и первого поясничного позвонка. На левом нижнем углу лопатки имелся след прямоугольного пореза (длина 13×3 мм) и трещина (длина 18±2 мм). Первым повреждением был след от пореза без признаков заживления. Трещина была чуть выше разреза. Следующая травма – проникающее ранение первого поясничного позвонка (длина 11×2 мм) также без признаков заживления.

Поротические изменения на верхней стенке левой орбиты (*cribra orbitalia*) и наружных слуховых проходах выражены слабо (балл 1). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний.

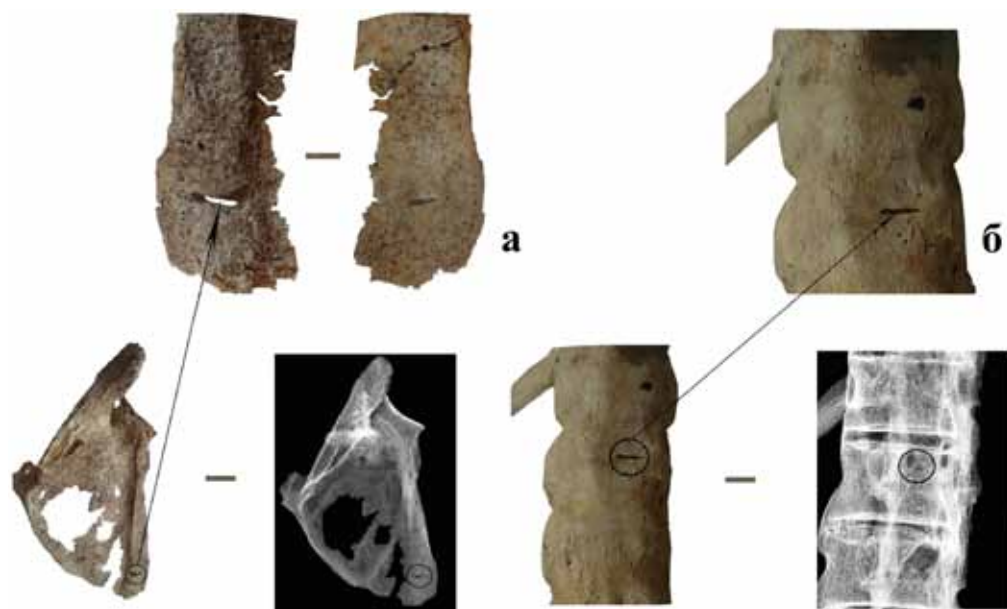

Рис. 3 / Fig. 3. Травмы на скелете / Skeletal injuries

Источник: фото авторов

Дифференциальная диагностика

Дифференциальный диагноз анкилозов крестцово-подвздошных суставов и позвонков от С5 до L5 включает серонегативную спондилоартропатию, диффузный идиопатический гиперостоз скелета, ревматоидный артрит, дегенеративный остеоартрит, мелореостоз, реактивную спондилоартропатию. Наиболее показательные особенности, фиксируемые на скелете из погребения 115, характерны для анкилозирующего спондилита (болезни Бехтерева).

Серонегативные спондилоартропатии – группа взаимосвязанных, клинически пересекающихся воспалительных заболеваний опорно-двигательного аппарата, имеющих некоторые общие рентгенологические черты при отсутствии у заболевших в сыворотке крови ревматоидного фактора [37]. В эту группу входят анкилозирующий спондилит (болезнь Бехтерева), реактивный артрит (в т. ч. болезнь Рейтера), псориатический артрит, артриты при хронических воспалительных заболеваниях кишечника (болезнь Крона, неспецифический язвенный колит) [23].

Диффузный идиопатический скелетный гиперостоз, также известный как болезнь Форестье, патологический процесс, характеризующийся кальцификацией и окостенением связок. Обычно характеризуется протяжённой оссификацией передней продольной связки в грудном отделе позвоночника, без вовлечения в процесс крестцово-подвздошных сочленений. При диффузном идиопатическом скелетном гиперостозе анкилоз появляется в виде «текучего воска». Болезнь может также привести к образованию костных шпор (в частности пяточной шпоры). Неизвестно, что вызывает диффузный идиопатический скелетный гиперостоз, однако он связан с метаболическим синдромом и чаще встречается у людей с сахарным диабетом [18; 28; 29; 34]. Поражает преимущественно пожилых людей, в частности мужчин [15; 30].

Ревматоидный артрит – хроническое воспалительное заболевание суставов, основной характеристикой которого является разрушение суставной ткани, деструкция синовиальных суставов, сопровождающееся деградацией хряща и кости. Ревматоидный артрит обычно поражает несколько суставов и часто бывает симметричным [30; 39]. Суставы осевого скелета поражаются гораздо реже. Анкилоз при ревматоидном артрите встречается значительно реже, чем при анкилозирующем спондилите.

Дегенеративный остеоартрит известен как анкилозирующий гиперостоз, характеризуется неровными массивными костными перемычками между телами позвонков. Это состояние отличает от анкилозирующего спондилита отсутствием изменений крестцово-подвздошного сустава. Обычно наблюдаются некоторые ограничения движений позвоночника, однако последний не является жёсткой структурой, как при анкилозирующем спондилите.

Мелореостоз – редкое врождённое наследственное заболевание неизвестной этиологии. Наиболее частая локализация – кости нижних конечностей [27; 35]. Мелореостозом реже поражаются кости таза, позвоночник и рёбра – участки скелета, наиболее подверженные изменениям при болезни Бехтерева. Характерные особенности данной болезни включают толщину коркового вещества кости, напоминающую картину «стекающего со свечи воска» [14]. У женщины из Лори Берда отсутствуют вышеуказанные особенности, характерные для мелореостоза.

Спондилоартропатии – группа инфекционных заболеваний, которые характеризуются поражением суставов, соединительно-костной и хрящевой ткани. В основе патогенеза лежит поражение позвоночных анатомических структур, крупных или периферических суставов, костно-хрящевой ткани. При *реактивной спондилоартропатии* экстраспинальные поражения располагаются выше пояса

и часто поражают нижние конечности [39]. Изменения крестцово-подвздошных суставов часто асимметричны, костные перемычки между позвонками проявляются на их латеральных сторонах [36; 39].

Таким образом, в качестве наиболее вероятного палеопатологического диагноза для скелета из погребения 115 предполагаем анкилозирующий спондилит: сращение крестцово-подвздошных суставов, развитие синдесмофитов в позвоночнике, появление «бамбукового позвончика», развитие анкилоза С5 до L5 позвонков и сращение апофизарных и рёберно-позвоночных суставов. Признаки болезни Бехтерева также наблюдались на вертлужной впадине (рис. 2б), головке бедренной кости, большом вертеле (рис. 2в) и нижней передней подвздошной кости (рис. 2б). У индивида из Лори Берда признаки болезни Бехтерева появились, вероятно, в возрасте 20 (± 4) лет. Выявленные нами изменения в строении костей и соединений позвоночника позволяют считать их следствием анкилозирующего спондилита, который, надо полагать, протекал тяжело и, несомненно, сопровождался выраженными функциональными нарушениями.

Анкилозирующий спондилит относится к группе хронических суставных воспалений, является древнейшим заболеванием человека. Анкилозирующий спондилит происходит от греческого «*spondylos*», что означает позвонок, «*-itis*» – воспаление и «*ankylos*» – изогнутый или искривлённый. Первое описание анкилозирующего спондилита было дано Коннором (Connor) в 1695 г. [7], но лишь Штрюмпелу в 1884 и 1897 гг. удалось дать исчерпывающее описание этого заболевания. В 1892 г. В. М. Бехтерев описал патогенез этого заболевания, назвав его «одеревенелостью позвоночника», вслед за ним – и Пьер-Мари. Болезнь начинается в возрасте 15–40 лет. Анкилозирующим спондилитом заболевают почти исключительно мужчины, число женщин среди этой категории ревматических

больных по меньшей мере в 8–10 раз меньше количества мужчин [9]. Некоторыми исследователями это положение оспаривается, т. к. процент больных женщин достаточно высок. Этиопатогенез болезни не выявлен полностью. Её относят к туберкулезу, стрептококковой инфекции, пневмонии, тифу, колибациллезу, различным инфекциям гениталий и др.

При раскопках Древнего Рима, Индии и Египта найдены скелеты индивидов с характерным анкилозированием суставов позвоночника¹. Аналогичные изменения описаны на костях людей V–XVII вв., живших и на территории бывшего СССР. Так, по материалам археологических раскопок обнаружены случаи болезни Бехтерева у древних жителей Грузии², Армении³, Прибалтики⁴, Центральной Азии⁵ и Сибири⁶. Если в некоторых случаях диа-

¹ Рохлин Д. Г. Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.-Л.: Наука, 1965. 304 с.; Feldtkeller E., Lemmel E. M., Russell A. S. Ankylosing spondylitis in the pharaohs of ancient Egypt // *Rheumatology International*. 2002. Vol. 23. P. 1–5; Palaeopathology of Human Remains from the Roman Imperial Age / S. Minozzi, P. Catalano, C. Caldaroni, G. Fornaciari // *Pathobiology*. 2012. № 79. P. 268–283.

² Пирпилашвили П. М. Следы некоторых заболеваний по данным палеоантропологических материалов // Сообщение АН ГрузССР. 1956. Т. 17. № 4. С. 495; Пирпилашвили П. М. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей илечебных манипуляций в древней Грузии: дис. ... канд. мед. наук. Тбилиси, 1973. 222 с.

³ Худавердян А. Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван: Ван Арьян, 2005. 288 с.

⁴ Дэрумс В. Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига: Зинатне, 1970. 200 с.

⁵ Куфтерин В. В. Материалы к палеопатологии Гонур-депе (Туркменистан) // *Человек: Его биологическая и социальная история* / отв. ред. Н. А. Дубова. М.-Одинцово: Одинцовский гуманитарный институт, 2010. Т. 2. С. 97–102; Ходжайова Г. К., Молдавский М. И. Материалы к палеопатологии Узбекистана // *История материальной культуры Узбекистана*. 1990. Вып. 24. С. 220–228; Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. Дальверзинский наус: К антропологии населения кушанской Бактрии (часть II) // *Вестник антропологии*. 2010. Вып. 18. С. 88–108.

⁶ Пономарев Д. Ю., Никитаев А. В. Болезнь Бехтерева-Штрюмпеля-Мари (анкилозирующий спонди-

гноз анкилозирующего спондилоартрита, выглядит вполне доказательно в силу присущей чёткой картины заболевания, то в иных – оставляет обстоятельные вопросы¹.

Возвращаясь к скелету из погребения 115 отметим, что женщина получила смертельные травмы лопатки и первого поясничного позвонка от ударов остроконечного орудия (возможно, ножа). Травмы такого рода получают, когда человек находится в момент удара в согнутом положении. Смертельные удары были нанесены спереди и сверху, очевидно, правой (рис. 4). Следует отметить, что в погребении, у позвоночника женщины, находился железный нож, возможно, орудие травмы (рис. 1.4). Размещение ножа у позвоночника нетипично для этой эпохи. Можно предположить, что вместе с ней было закопано и предполагаемое орудие убийства.

Причины, касающиеся жертв насилия в различных культурах и доисторических эпохах, – войны, набеги соседних племён, бытовые ситуации и т. д. Казалось бы, следовало ожидать, в соответствии с гуманными взглядами на природу человека, отказ от насилия в отношении беззащитной женщины-инвалида.

Существует 2 основные модели подхода к инвалидности – медицинская и социальная. Медицинская модель определяет инвалидность в качестве физического недостатка или болезни. Она изначально классифицирует инвалидность в качестве «отклонения» от нормы. Социальная модель изучает инвалидность в

качестве конструируемой идентичности, влекущей за собой различные формы стигматизации и исключения [20; 22]. В доисторические времена инвалидность рассматривалась как некое неизменное состояние, вызванное действием сверхъестественных сил, как правило, наказанием за грехи. Так, в древнегреческом мире происходило социальное изгнание тех, кто отклонялся от нормы. Инвалиды оставались за пределами «нормальности» и стигматизировались в качестве «чужого» или «другого» [25, р. 355–356]. Любое отклонение от классического идеала совершенного тела возбуждало либо «подозрение, ужас или презрение, либо, наоборот, нездоровый интерес, насмешки и смущение» [21, р. 178]. Кроме того, в азиатских и индийских общинах таких людей иногда оставляли умирать, чтобы улучшить качество общества [19]. Однако существовали некоторые общества, которые относились к инвалидам гуманно, воспринимали их как предметы обожания или нечто божественное.

Попробуем определить социальный статус женщины-инвалида из Лори Берда. У женщины отсутствуют такие неспецифические маркеры стресса, как периостит, гипоплазия эмали, что позволяет говорить о благоприятных условиях жизни. К числу реконструируемых компонентов жизнеобеспечения можно отнести достаток и полноценность пищевой базы. Состав инвентаря погребения и данные физиологического стресса позволяют считать высоким социальный статус умершей. В отличие от женщины с болезнью Бехтерева из некрополя Коллатина, лорибердскую похоронили в строгом контексте погребально-поминальной обрядности с драгоценностями и другими подношениями. У женщины из некрополя Коллатина нетипичный погребальный контекст, что предполагает очень быстрое и небрежное захоронение [32].

лоартрит) у населения античного и средневекового Крыма // История и археология Крыма. 2016. № 3. С. 293–299; Рохлин Д. Г. Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох – нормальные и патологически изменённые). М.-Л.: Наука, 1965. 304 с.

¹ Куфтерин В. В., Карапетян М. К. К дифференциальной диагностике анкилозов позвонков на палеоантропологическом материале: на примере случая эпохи раннего железа Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3. С. 120–132.

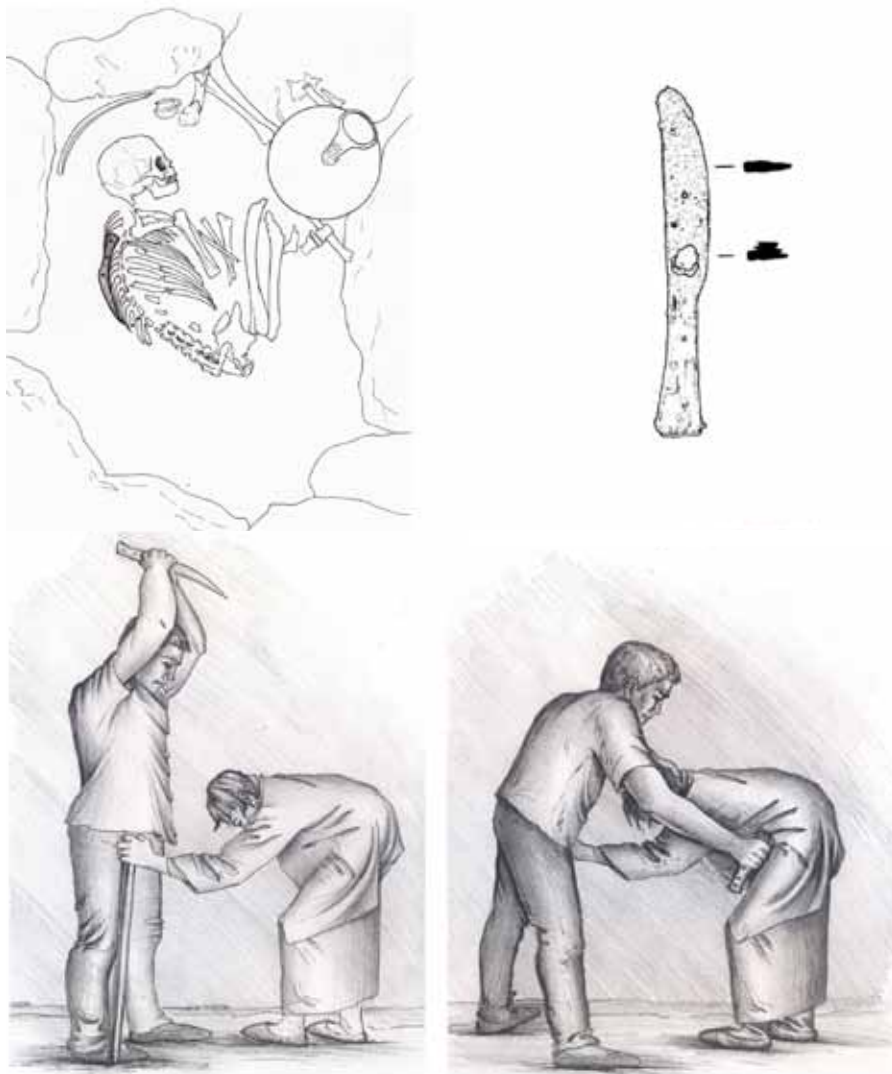

Рис. 4 / Fig. 4. Рядом с позвоночником лежит железный нож, возможно, орудие преступления / There is an iron knife near the spine, possibly an instrument of the crime

Источник: фото авторов

Заключение

Проведённое исследование позволяет в качестве наиболее вероятного диагноза констатировать наличие у женщины из погребения 115 могильника Лори Берд болезни Бехтерева. Полученные свидетельства воссоздают картину жестокого убийства – нападавший наносил удары

спереди и сверху. Женщина могла быть убита во время вражеского рейда или войны. Несмотря на жестокость убийства, тело было сохранено. Мы можем утверждать, что тело женщины было передано земле с подобающими почестями и соблюдением правил погребальной обрядности.

Дата поступления в редакцию 18.09.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
2. Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. Деведжян С. Г. Лори Берд I. Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. 86 с.
4. Деведжян С. Г. Лори Берд II. Средняя бронза. Ереван: Гитутюн, 2006. 426 с.
5. Деведжян С. Г. Лори Берд III. Погребения поздней бронзы. Ереван: Институт археологии и этнографии НАН РА, 2022. 392 с.
6. Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
7. Михайловский Б. Г. Рентгенодиагностика заболеваний позвоночника. М., 1963. 258 с.
8. Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. № 51. С. 127–150.
9. Рейнберг С. А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медицина, 1964. 571 с.
10. Федосова В. Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: остеологическая методика // Вопросы антропологии. 1986. № 76. С. 105–116.
11. Худавердян А. Ю., Деведжян С. Г., Еганян Л. Г. Реконструкция особенностей жизнедеятельности населения эпохи железа Армянского нагорья по данным антропологии // Этнос и среда обитания: сб. статей. Вып. 4 / отв. ред. Н. И. Григулевич, Н. А. Дубовой. М.: Старый сад, 2014. С. 215–232, 349–351.
12. Худавердян А. Ю., Деведжян С. Г., Еганян Л. Г. Способы обращения с телами умерших в памятниках эпохи железа с территории Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 80–93.
13. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption // American Journal of Physical Anthropology. 2010. Vol. 42. P. 481–490.
14. An unusual case of sciatic neuropathia due to melorheostosis / R. Singh, Z. Singh, R. Bala, P. Rana, S. S. Sangwan // Joint Bone Spine. 2010. Vol. 77. P. 614–615.
15. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge, 1998. 478 p.
16. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Re-search Series. 44. Fayetteville, 1994. 272 p.
17. Cox M., Mays S. Human Osteology in Archaeology and Forensic Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 548 p.
18. Denko C. W., Malesud C. J. Body mass index and blood glucose: correlations with serum insulin, growth hormone, and insulin like growth factor-1 levels in patients with diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH) // Rheumatology International. 2006. Vol. 26. P. 292–277.
19. De Pauw K., Gavron S. Disability and Sport. USA: Human kinetics, 1995. 395 p.
20. Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. L.: Ark, 1984. 272 p.
21. Garland R. The Eye of the Beholder: Deformity and Disability in the Greco-Roman World. L.: Duckworth, 2010. 280 p.
22. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Social Identity. N.Y.: Simon and Schuster, 1963. 162 p.
23. Healy P. J., Helliwell P. S. Classification of the spondyloarthropathies // Current Opinion in Rheumatology. 2005. № 17. P. 395–399.
24. Indications of stress from bones and teeth / A. H. Goodman, D. L. Martin, G. J. Armelagos, G. Qark // Paleopathology at the origins of agriculture. New York, 1984. P. 13–49.
25. Longmore P. Uncovering the Hidden History of People with Disabilities // Reviews in American History. 1987. Vol. 15. P. 355–364.
26. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
27. Melorheostosis involving the craniofacial skeleton / M. Ethunandan, N. Khosla, E. Tilley, A. Webb // Journal of Craniofacial Surgery. 2004. Vol. 15. P. 1062–1065.

28. Prevalence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in Budapest, Hungary / C. Kiss, W. O. O'Neill, M. Mituszova, M. Szilágyi, J. Donáth, G. Poór // *Rheumatology*. 2002. № 41. P. 1335–1336.
29. Mader R. Diffuse Idiopathic Skeletal Hyperostosis: a Distinct Clinical Entity // *Israel Medical Association Journal*. 2003. № 5. P. 506–508.
30. Ortner D. J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Academic Press, 2003. 645 p.
31. Ortner D. J., Putschar W. G. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Washington DC: Smithsonian Institution Press, 1985. 500 p.
32. Palaeopathology of Human Remains from the Roman Imperial Age / S. Minozzi, P. Catalano, C. Caldaroni, G. Fornaciari // *Pathobiology*. 2012. № 79. P. 268–283.
33. Phenice T. W. A newly developed visual method of sexing the os pubis // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. Vol. 30. P. 297–302.
34. Pillai S., Littlejohn G. Metabolic factors in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: a review of clinical data // *Open Rheumatology Journal*. 2014. № 8. P. 116–128.
35. Progressive melorheostosis in the peripheral and axial skeleton with associated vascular malformations: imaging findings over three decades / N. T. Kalbermatten, P. Vock, D. Rüfenacht, S. E. Anderson // *Skeletal Radiology*. 2001. Vol. 30. P. 48–52.
36. Resnick D. Inflammatory disorders of the vertebral column: Seronegative spondyloarthropathies, adult-onset rheumatoid arthritis, and juvenile chronic arthritis // *Clinical Imaging*. 1989. Vol. 13. P. 253–268.
37. Spondylarthropathy striking prevalence in a 19th–20th century Portuguese collection / S. Martin-Dupont, E. Cunha, D. Rougé, E. Crubézy // *Joint. Bone. Spine*. 2006. Vol. 73. P. 303–310.
38. Ubelaker D. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Smithsonian Institution. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 117 p.
39. Waldron T. Paleopathology. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

REFERENCES

1. Alekseev V. P. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methods of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 251 p.
2. Alekseev V. P., Debets G. F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methods of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 128 p.
3. Devedzhyan S. G. *Lori Berd I. Rezultaty raskopok 1969–1973 gg.* [Lori Berd I. Results of excavations of 1969–1973]. Yerevan, Izd-vo AN ArmSSR Publ., 1981. 86 p.
4. Devedzhyan S. G. *Lori Berd II. Srednyaya bronza* [Lori Berd II. Middle Bronze]. Yerevan, Gitutyun Publ., 2006. 426 p.
5. Devedzhyan S. G. *Lori Berd III. Pogrebeniya posledney bronzy* [Lori Berd III. Late Bronze Age burials]. Yerevan, Institut arkhologii i etnografii NAN RA Publ., 2022. 392 p.
6. Zubov A. A. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology: Methodology of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 199 p.
7. Mikhailovsky B. G. *Rentgenodiagnostika zaboлевaniy pozvonochnika* [X-ray diagnostics of spinal diseases]. Moscow, 1963. 258 p.
8. Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Rychkov Yu. G. [Program and methodology for studying skull anomalies]. In: *Voprosy antropologii* [Questions of anthropology], 1975, no. 51, pp. 127–150.
9. Reinberg S. A. [X-ray diagnostics of bone and joint diseases]. Moscow, Meditsina Publ., 1964. 571 p.
10. Fedosova V. N. [General assessment of the development of the mesomorphic component based on osteological data: osteological methodology]. In: *Voprosy antropologii* [Voprosy Antropologii], 1986, no. 76, pp. 105–116.
11. Khudaverdyan A. Yu., Devedzhyan S. G., Yeganyan L. G. Reconstruction of the features of life of the Iron Age population of the Armenian Highlands based on anthropological data]. In: Grigulevich N. I., Dubovoy N. A., eds. *Etnos i sreda obitaniya: sb. stati. Vyp. 4* [Ethnos and habitat: collection of articles. Issue 4]. Moscow, Stary Sad Publ., 2014, pp. 215–232, 349–351.
12. Khudaverdyan A. Yu., Devedzhyan S. G., Yeganyan L. G. [Methods of handling the bodies of the deceased in the monuments of the Iron Age from the territory of Armenia]. In: *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 4, pp. 80–93.

13. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2010, vol. 42, pp. 481–490.
14. Singh R., Singh Z., Bala R., Rana P., Sangwan S. S. An unusual case of sciatic neuropraxia due to melorheostosis. In: *Joint Bone Spine*, 2010, vol. 77, pp. 614–615.
15. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge, 1998. 478 p.
16. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. *Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series 44*. Fayetteville, 1994. 272 p.
17. Cox M., Mays S. *Human Osteology in Archaeology and Forensic Science*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 548 p.
18. Denko C. W., Malemud C. J. Body mass index and blood glucose: correlations with serum insulin, growth hormone, and insulin like growth factor-1 levels in patients with diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH). In: *Rheumatology International*, 2006, vol. 26, pp. 292–277.
19. De Pauw K., Gavron S. *Disability and Sport*. USA, Human kinetics, 1995. 395 p.
20. Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. L., Ark, 1984. 272 p.
21. Garland R. *The Eye of the Beholder: Deformity and Disability in the Greco-Roman World*. L.: Duckworth, 2010. 280 p.
22. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Social Identity*. N.Y., Simon and Schuster, 1963. 162 p.
23. Healy P. J., Helliwell P. S. Classification of the spondyloarthropathies. In: *Current Opinion in Rheumatology*, 2005, no. 17, pp. 395–399.
24. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth. In: *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 1984, pp. 13–49.
25. Longmore P. Uncovering the Hidden History of People with Disabilities. In: *Reviews in American History*, 1987, vol. 15, pp. 355–364.
26. Meindl R. S., Lovejoy C. O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, no. 68, pp. 57–66.
27. Ethunandan M., Khosla N., Tilley E., Webb A. Melorheostosis involving the craniofacial skeleton. In: *Journal of Craniofacial Surgery*, 2004, vol. 15, pp. 1062–1065.
28. Kiss C., O'Neill W. O., Mituszova M., Szilágyi M., Donáth J., Poór G. Prevalence of diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in Budapest, Hungary. In: *Rheumatology*, 2002, no. 41, pp. 1335–1336.
29. Mader R. Diffuse Idiopathic Skeletal Hyperostosis: a Distinct Clinical Entity. In: *Israel Medical Association Journal*, 2003, no. 5, pp. 506–508.
30. Ortner D. J. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. San Diego, Academic Press, 2003. 645 p.
31. Ortner D. J., Putschar W. G. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. Washington DC, Smithsonian Institution Press, 1985. 500 p.
32. Minozzi S., Catalano P., Caldaroni C., Fornaciari G. Palaeopathology of Human Remains from the Roman Imperial Age. In: *Pathobiology*, 2012, no. 79, pp. 268–283.
33. Phenice T. W. A newly developed visual method of sexing the os pubis. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1969, vol. 30, pp. 297–302.
34. Pillai S., Littlejohn G. Metabolic factors in diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: a review of clinical data. In: *Open Rheumatology Journal*, 2014, no. 8, pp. 116–128.
35. Kalbermatten N. T., Vock P., Rüfenacht D., Anderson S. E. Progressive melorheostosis in the peripheral and axial skeleton with associated vascular malformations: imaging findings over three decades. In: *Skeletal Radiology*, 2001, vol. 30, pp. 48–52.
36. Resnick D. Inflammatory disorders of the vertebral column: Seronegative spondyloarthropathies, adult-onset rheumatoid arthritis, and juvenile chronic arthritis. In: *Clinical Imaging*, 1989, vol. 13, pp. 253–268.
37. Martin-Dupont S., Cunha E., Rougé D., Crubézy E. Spondylarthropathy striking prevalence in a 19th–20th century Portuguese collection. In: *Joint Bone Spine*, 2006, vol. 73, pp. 303–310.
38. Ubelaker D. *Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation*. Smithsonian Institution. Chicago, Adline Publishing Company, 1978. 117 p.
39. Waldron T. *Paleopathology*. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давтян Рубен Арутович – кандидат исторических наук, Служба управления наследием и археологией Саксонии-Анхальт;
e-mail: rouben.davtyan@gmail.com

Деведжян Седя Граировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;

Худавердян Анаит Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ruben H. Davtyan – Cand. Sci. (History), Service for Heritage Management and Archaeology of Saxony-Anhalt;
e-mail: rouben.davtyan@gmail.com

Seda H. Devejyan – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Republic of Armenia;

Anahit Yu. Khudaverdyan – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Republic of Armenia;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Худавердян А. Ю., Деведжян С. Г., Давтян Р. А. Необычное погребение женщины VII–VI вв. до н. э. из могильника Лори Берд (Армения) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 223–239.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-223-239

FOR CITATION

Khudaverdyan A. Yu., Devejyan S. G., Davtyan R. A. An unusual burial of a woman from the VII–VI century BC from the cemetery of Lori Berd (Armenia). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 223–239.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-223-239

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-240-256

ЛЮБИТЕЛИ И ПОДВИЖНИКИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ГОШКЕВИЧА И И. Я. СТЕМПКОВСКОГО В ПРИДНЕСТРОВЬЕ)

Яровой Е. В.¹, Реснянский С. И.²

¹ Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать причины и дать характеристику самым масштабным археологическим исследованиям курганов в Приднестровье в дореволюционный период.

Процедура и методы. Проведён анализ опубликованных материалов и архивных документов, посвящённых созданию Херсонского музея древностей и раскопкам на левобережье Днестра. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. На основании анализа документов показана ведущая роль В. И. Гошкевича в организации и возможности продолжения археологических раскопок в окрестностях Тирасполя. Наряду с положительными результатами раскопок указаны и недостатки применённой полевой методики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Биографии В. И. Гошкевича и И. Я. Стемповского изложены с привлечением новой историографии. Впервые поставлен вопрос об их взаимоотношениях во время проведения археологических работ. Показано, что их продуктивное сотрудничество сыграло важную роль в изучении и сохранении культурного наследия края и формировании первых коллекций Херсонского музея. Изложенные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории российской археологии, а также при изучении археологии Приднестровья.

Ключевые слова: «тираспольские курганы», Херсонский музей, В. И. Гошкевич, И. Я. Стемповский

AMATEURS AND DEVOTEES OF RUSSIAN ARCHEOLOGY (ON THE ACTIVITIES OF V. I. GOSHKEVICH AND I. YA. STEMPOVSKY IN TRANSNISTRIA)

E. Yarovoy¹, S. Resnyansky²

¹ Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ul. Miklouho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

Abstract

Aim. To show the reasons and characterize the most extensive archaeological research of mounds in Transnistria in the pre-revolutionary period.

Methodology. The analysis of published materials and archival documents devoted to the creation of the Kherson Museum of Antiquities and excavations on the left bank of the Dniester is carried out. Comparative historical and problem-chronological methods were used in the study.

Results. Based on the analysis of the documents, the leading role of V. I. Goshkevich in the organization and the possibility of continuing archaeological excavations in the vicinity of Tiraspol is shown. Along with the positive results of the excavations, the disadvantages of the applied field methodology are also indicated.

Research implications. The biographies of V. I. Goshkevich and I. Ya. Stempkovsky are presented with the involvement of a new historiography. For the first time, the question of their relationship was raised during the archaeological work. It is shown that their productive cooperation played an important role in the study and preservation of the cultural heritage of the region and the formation of the first collections of the Kherson Museum. The materials presented in the article can be used in courses on the history of Russian archaeology, as well as in the study of the archaeology of Transnistria.

Keywords: "Tiraspol mounds", Kherson Museum, V. I. Goshkevich, I. Ya. Stempkovsky

Введение

Изучение архивных материалов и дореволюционных изданий позволяет прийти к выводу, что в XIX – начале XX вв. отечественная археология пережила авантюрный период своего развития. До настоящего времени это малоизвестная страница в её истории. Становление полевой археологии и музейного строительства на юге России неразрывно связано с деятельностью первых любителей и подвижников отечественной истории, бескорыстных энтузиастов сохранения культурного наследия родного края. В их число входили дворяне и разночинцы, государственные чиновники и военные, местные крестьяне и столичные учёные. К сожалению, в начале XXI в. большинство этих людей незаслуженно забыто. Однако в последние годы некоторые име-

на возвращаются из небытия. Среди них наиболее яркий след в дореволюционной археологии Херсонщины, и в частности, Приднестровья, оставили 2 человека: скромный секретарь губернского статистического комитета В. И. Гошкевич и отставной штабс-капитан И. Я. Стемпковский. Люди разной судьбы, образования и политических пристрастий, они были одинаково преданы молодой науке и объединили свои усилия с одной общей целью – изучение и спасение древних памятников в Херсонской губернии Российской империи.

Создатель Херсонского музея древностей

Биография Владимира Ивановича Гошкевича не типична для академического учёного предреволюционной России.

Собственно, он им и не являлся. Энтузиаст-краевед и археолог-любитель, он один из немногих людей этой эпохи, кто создал музей на собственные средства и, подобно П. М. Третьякову, передал его государству (рис. 1). Сегодня его имя возвращено из забвения, а результаты его труда по достоинству оценены в современной историографии [2; 3; 8; 9; 11; 12; 13; 15; 17; 18; 19].

В. И. Гошкевич не был профессиональным археологом, хотя из 68 лет своей жизни 35 посвятил археологическому изучению Херсонского края. Он родился в Киеве в 1860 г. в семье преподавателя философии Киевской духовной семинарии И. А. Гошкевича (1824–1871), брата известного востоковеда и первого российского дипломатического представителя в Японии И. А. Гошкевича [9, с. 33].

Рис. 1 / Fig. 1. Васнецов В. М. Портрет В. И. Гошкевича. Этюд для изображения апостола Павла / Vasnetsov V. M. Portrait of V. I. Goshkevich. A sketch for the image of Paul the Apostle

Источник: [10, с. 82]

Виктор Иванович закончил духовную семинарию, после завершения которой приступил к занятиям на физико-математическом факультете Киевского университета Святого Владимира. Однако со второго курса перешёл на историческое отделение историко-филологического факультета, где и продолжил обучение (1882–1886). Здесь он изучал археологию под руководством известного историка и археолога В. Б. Антоновича. Во время учёбы зарабатывал на жизнь работой в университетской астрономической обсерватории, а затем внештатным корреспондентом ряда киевских газет. Для них он писал статьи в основном на исторические темы.

В 1889 г. Виктор Иванович сделал свое первое археологическое открытие. Пользуясь археографическими данными и археологическими разведками, нашёл замок князя Симеона Олельковича (правил Киевом в XV в.) и локализовал летописный Городец. Опираясь на актывый материал киевских монастырей XVI–XVII вв., он пришёл к выводу, что замок был возведён на остатках городища более раннего времени. 18 сентября 1889 г. по итогам открытия им был прочитан доклад на заседании Киевского церковно-археологического общества, а год спустя, в 1890 г., начинающий исследователь опубликовал свою первую научную работу «Замок князя Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом»¹. Этим изданием он заявил о себе, как о талантливом и перспективном учёном. Однако в Киеве В. И. Гошкевичу так и не удалось найти постоянную и интересную работу, поэтому он с радостью откликнулся на предложение своего брата Михаила, работавшего врачом в Херсоне, перебраться на юг [11, с. 25; 12, с. 62].

В 30-летнем возрасте, в 1890 г. он переехал в Херсон, где получает должность секретаря при Херсонском губернском

¹ Гошкевич В. И. Замок князя Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом. Киев, 1890. 8 с.

статистическом комитете. Но на новом месте не ограничивается государственной службой и начинает активно изучать древнюю историю края. В. И. Гошкевич проводит археологические разведки и активно занимается сбором всевозможных древностей у населения. За 15 лет работы в комитете он подготовил ряд статистико-экономических обзоров Херсонской губернии. «Столицы хотя и богаты памятниками древности, но и губернским городам не мешает обзаводиться музеями, и провинциальным работникам не нужно сидеть сложа руки», – сделал вывод из своей поездки в Москву в 1879 г. другой поклонник археологии и любитель старины, работавший в то время в Кишиневе, А. Л. Крылов¹. Разделяя подобные взгляды, Виктор Иванович и не сидел сложа руки, а энергично работал и собирал различные коллекции.

В результате уже в первый год своего пребывания в Херсоне, в 1890 г. он сложил в специально изготовленной коробке первые материалы экспозиции будущего собрания. В официальных документах её содержание именовалось не иначе, как «Археологический музей при Херсонском губернском статистическом комитете». Это название придавало коробке средних размеров солидность и позволяло надеяться на дальнейшее развитие предполагаемого музея. Так оно и случилось.

Приступая к созданию музея и комплектованию его экспозиции, В. И. Гошкевич ставил перед собой, в первую очередь, просветительские задачи. Позже, в 1915 г., он так писал об этом: «...собирая и сохраняя остатки старины своего края, музей делает их доступными всем: и людям науки, и... любителю старины, и детям, чтобы они приучались уважать памятники человеческого ума, искусства, труда и... вырастали бы людьми культурными»².

¹ Крылов А. Л. Краткие воспоминания о моих занятиях по археологии // Труды БГУАК. Т. 1. Кишинёв, 1900. С. 75.

² Херсонский музей древностей. Сборник газетных

Основную часть музейного собрания составляли его собственные находки. Через 3 года в музее насчитывалась уже тысяча предметов. Столь стремительный рост археологических материалов и официальный статус музея вызвали интерес со стороны Императорской археологической комиссии. Она приветствовала создание в Херсоне подобного собрания и даже стала официально отправлять на хранение В. И. Гошкевичу случайные материалы, которые находили на Херсонщине. Одновременно в музей стали поступать и отдельные подарки от коллекционеров. Впоследствии В. И. Гошкевичу удалось собрать единомышленников и добровольных помощников, количество которых вскоре достигло 100 человек. Среди них были и учителя, которые организовывали учащихся школ для сбора экспонатов. В качестве поощрения за принесённые в музей находки они получали в награду детские книги для чтения [2, с. 69].

Спустя 7 лет активной деятельности в Херсоне, В. И. Гошкевич понял, что его коллекция настолько разрослась, что её уже невозможно держать дома и в помещениях Статистического комитета. Для молодого музея наступило критическое время, т. к. возникла мысль о его передаче музею Одесского общества истории и древностей. С директором начались личные и письменные переговоры, которые, к счастью для города, закончились безрезультатно [10, с. 83–84]. Несмотря на давление, он категорически отказался передавать свои коллекции в Одессу. Его поддержал тогдашний губернатор М. М. Весёлкин, который признал моральное право создателя музея распоряжаться его судьбой³. Одновременно к нему обратилась дирекция Херсонской общественной библиотеки с предложением переместить археологические мате-

статей и заметок. 1871–1928 гг. / сост. В. Л. Черникова, Херсон: Наддніпряночка, 2012. С. 421.

³ Гошкевич В. И. Летопись Музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Вып. 2. Херсон, 1912. С. 60.

риалы в своё новое помещение и сделать доступ к ним открытым для всех желающих.

Важную роль в судьбе молодого городского музея сыграл и новый херсонский губернатор, князь И. М. Оболенский, который справедливо заметил, что дело охраны древностей целой губернии не может держаться на энтузиазме одного человека. Именно он предложил создать в Херсоне «Губернскую учёную архивную комиссию» по образцу аналогичных в других губерниях. В частности, в её обязанности должно было входить сохранение и пополнение музея В. И. Гошкевича. В результате Археологический музей и архивная комиссия были открыты одновременно. Это произошло 31 мая 1898 г. в помещении Херсонской общественной библиотеки (рис. 2).

Первоначально музей был размещён в трёх комнатах Херсонской общественной библиотеки (рис. 3), а спустя 10 лет насчитывал в своих фондах уже свыше 16 тысяч единиц хранения. Однако в

1907 г. было решено ликвидировать архивную комиссию и вновь зазвучали призывы передать музей в Одессу. Но в этот раз в его защиту выступили члены городской управы, предложившие передать музейные коллекции в распоряжение города. Это произошло спустя 2 года – 23 сентября 1909 г. В. И. Гошкевич отказался от собственности на музейные фонды в обмен на право и в дальнейшем возглавлять своё детище с условием выплаты ему государственного жалования. Его собрание получило новое название – Херсонский городской музей древностей и изящных искусств. Для развертывания его экспозиций и фондов город предоставил отдельный двухэтажный дом по ул. Говарда, в который оперативно перенесли все музейные коллекции. 1 октября 1911 г. состоялось официальное открытие музея в новом помещении¹.

¹ Гошкевич В. И. Летопись Музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Вып. 2, Херсон: Издание Херсонского Городского Управления, 1912. С. 58.

Рис. 2 / Fig. 2. Херсонская общественная библиотека, куда была передана археологическая коллекция В. И. Гошкевича / Kherson Public Library, where the archaeological collection of V. I. Goshkevich was transferred to

Источник: Почтовая открытка конца XIX в. Фонды ХКМ

Рис. 3 / Fig. 3. Экспозиция музея древностей в стенах Общественной библиотеки. / The exposition of the Museum of Antiquities in the walls of the Public Library

Источник: Фонды ХКМ

Несмотря на то, что в 1896 г. В. И. Гошкевич был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей, он стремился создать в Херсоне такой же крупный археологический центр на юге России, каким в то время была Одесса. Постепенно между ним, с одной стороны, и Одесским археологическим музеем и Одесским обществом истории и древностей, с другой, возникла своего рода конкуренция. Однако изначально она была неравной, поскольку материальные средства Херсонского музея по сравнению с возможностями богатых одесских меценатов были ничтожны. Если Одесский музей мог позволить себе приобретение дорогого антиквариата, частных коллекций, вести раскопки и издавать собственные труды, то В. И. Гошкевичу можно было рассчитывать лишь на скромное жалованье секретаря губернского статистического комитета и поддержку единомышленников. Но это не останавливало энтузиаста, и он делал всё возможное для дальнейшего развития своего детища. Это ему удалось, и музей вскоре привлёк внимание профессиональных археологов. Для знакомства с его коллекциями в Херсон стали при-

езжать как российские, так и известные иностранные учёные.

Уникальное издание

Однако В. И. Гошкевич не ограничился лишь краеведческой и музейной работой, но и проявил себя как самобытный литератор и популяризатор научных исследований – обработал и собрал полученные материалы в интереснейшей книге «Клады и древности Херсонской губернии», первая часть которой была издана в 1903 г. в типографии газеты «Юг». Планировалось издание и второй части, но выполнить задуманное не удалось. Тем не менее вышедшее более 100 лет назад издание не потеряло своей актуальности и в настоящее время (рис. 4).

В предисловии Виктор Иванович признаётся, что 12 лет собирал материалы для этой книги. «Первым результатом этой работы, – писал автор, – явился Херсонский Археологический музей, вторым –

Рис. 4 / Fig. 4. Книга В. И. Гошкевича, посвященная древностям Херсонской губернии / V. I. Goshkevich's book dedicated to the antiquities of the Kherson province

Источник: фото Ярового Е. В.

эта книга»¹. И действительно, эта публикация примечательна по двум причинам. Её первая часть посвящена многочисленным легендам и преданиям о кладах, а также задокументированным фактам их безуспешных поисков. Автор справедливо отметил, что дух кладоискательства буквально витал по Тираспольскому уезду, где десятки, а то и сотни местных жителей старались в одночасье разбогатеть, открыв старинный клад. Однако вместо сокровищ они находили человеческие кости и не понятные для крестьян камни, «глиняные кувшины», странные «рюмки», пустые «железные котлы» и другие бесполезные вещи. Кладоискательство – «это тип душевной болезни», – заключает учёный, но тут же отмечает, что парадокс кладоискательства состоит в том, что на склонность к нему «не влияет явная убыточность этого занятия»².

По мнению В. И. Гошкевича, «половина всех могильных насыпей в Херсонской губернии уже ограблена. Одни из них разрыты так давно, что и раскопы снаружи совсем заровнялись, на иных курганах ещё видны впалые верхушки или провалившиеся бока – следы, оставленные хищниками последних веков»³. Таким образом, следует особо отметить, что он одним из первых выступил в защиту курганов от «чёрных копателей».

Кладоискательство на юге России в XIX в. приняло такие масштабы, что Министерство внутренних дел вынуждено было издать 3 циркулярных предложения (в 1866, 1883 и 1884 гг.), в которых просило губернаторов «ни под каким видом не допускать кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности». При этом Министерство обратило внимание губернаторов на «непохвальную роль» в этом деле городских управ, которые «предпринимают кладоискательство, поручая раскопки лицам,

совершенно невежественным в археологии». Исключительное право проведения и разрешения археологических раскопок в России «на землях казённых и общественных» передавалось по высочайшему повелению 11 марта 1889 г. Императорской Археологической комиссии (Санкт-Петербург, Зимний Дворец)⁴. Следует, однако, оговорить, что частные владельцы земли не обязаны были получать разрешение Археологической комиссии на проведение раскопок или поисков кладов на принадлежащих им землях. Они свободно могли передавать право на раскопки другим лицам, независимо от их профессиональной подготовки⁵. Таким образом, как и сегодня, приоритет частной собственности был закреплён даже над государственными интересами.

Вторая часть работы – «Древности» – имеет непосредственное отношение к курганам⁶. В ней автор отмечает, что все погребальные памятники необходимо тщательно исследовать, в частности, вести подробные записи, измерять курганы и могилы, указывать ориентировку, сохранять все обнаруженные кости и находки, предварительно их зарисовывая с указанием глубины и местоположения. Для начала XX в. это были очень высокие требования для проведения научных исследований. Здесь же имеется краткая сводка изученных в Северном Причерноморье курганов. При этом указывается, что наиболее интересные вещи из губернии поступили в Эрмитаж, Государственный исторический музей в Москве и в другие собрания. Касаясь наиболее ранних «обитателей Херсонского края» В. И. Гошкевич называет их «киммериянами», которые были скотоводами и «кочевали со своими стадами, как нынешние киргизы». При этом он считает,

¹ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. С. 1.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 3–4.

⁴ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. С. 5–6.

⁵ Свод Законов Российской Империи. Собр. 3, Т. X. Ст. 430. СПб. 1890.

⁶ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. С. 83–157.

Рис. 5 / Fig. 5. Керамика из курганов у сёл Парканы, Глиное и Сукляя в Приднестровье / Ceramics from mounds near the villages of Parkany, Glinoe and Sukleya in Transnistria

Источник: Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. Табл. XV

что «чем более курган расплылся, тем он древнее»¹, хотя это и не всегда соответствует действительности.

Но, несмотря на типичные для своего времени заблуждения, научную ценность проделанной В. И. Гошкевичем работы трудно переоценить. Кроме создания научного музея, он издал книгу, в которой содержатся редкие сведения о курганных памятниках Херсонщины, а также о результатах полевых исследований и случайных находках, которые невозможно найти в других изданиях. Например, он указывает на 14 пунктов в Тираспольском уезде, где с 1896 по 1902 г. было раскопано 388 курганов².

Коллекция музея увеличивалась не только за счёт собственных археологических раскопок, но и даров любителей местной старины, среди которых были земские учителя, студенты, землевла-

дельцы, крестьяне и священнослужители. Ещё в начале своей деятельности для пополнения музейных коллекций В. И. Гошкевич был вынужден или самостоятельно вести археологические раскопки, или искать людей, которые имели бы возможность бесплатно проводить исследования и безвозмездно передавать находки в Херсон. Именно такого человека он и нашёл в лице отставного штабс-капитана, поселившегося в Тирасполе, – И. Я. Стемпковского. Получив для него Открытый лист в Археологической Комиссии, он добился, таким образом, постоянного пополнения археологического отдела своего музея.

Романтик курганной археологии

Фигура Иоила Яковлевича Стемпковского является примечательной даже для своего времени. К сожалению, информация о его биографии ограничена несколькими общеизвестными фактами, которые дублируются в различных изданиях [8; 13; 16; 17; 18 и др.]. Следует отметить,

¹ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. С. 91–94.

² Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. С. 114–128.

что род Стемпковских был достаточно хорошо известен в городе. Некоторые из них были зажиточными домовладельцами, апартаменты которых на Вокзальной улице и Днестровском переулке снимала чуть ли не половина тираспольских чиновников [1, с. 7]. Другие Стемпковские, в т. ч. и Иоиль Яковлевич, избрали военную карьеру.

Службу он завершил в чине штабс-капитана, но уйдя в отставку, не стал отсиживаться дома, а активно взялся за земские дела. Будучи военным городком при крепости, Тирасполь с момента своего основания имел большой на тот момент военный госпиталь, который обслуживал в т. ч. и горожан. Однако в 1870-х гг. в городе появляется земская больница, которая принимала как земцев (жителей сёл уезда), так и горожан. В 1880-е гг. для неё построили новое каменное здание, которое сохранилось до нашего времени и ныне находится на углу улиц 25 Октября (Покровской) и

переулка Христофорова (Больничного) (рис. 6). Какое-то время тут находился архив земской управы. После армейской службы Иоиль Яковлевич получил должность смотрителя земской больницы, а заодно и арестантского дома в Тирасполе, административно входившем тогда в Херсонскую губернию. За время своей работы он капитально отремонтировал здание больницы и занимался ремонтными дорожными работами. Именно тогда он засадил деревьями обочины дороги из Тирасполя в Бендеры.

Летом 1896 г. произошло знаменательное для него знакомство с В. И. Гошкевичем, благодаря которому его имя вошло в историю российской археологии. И. Я. Стемковский, безусловно, был неординарным человеком, страстно увлечённым полевой археологией и, в первую очередь, исследованиями курганных памятников. Скорее всего, его привлекала романтическая сторона раскопок, которая сулила неожиданные от-

Рис. 6 / Fig. 6. Бывшая земская больница в Тирасполе. Современный снимок / The former zemstvo hospital in Tiraspol. A modern snapshot

Источник: [18, с. 59]

крытия и неведомые ранее находки. В силу особенностей своего характера он не мог оставаться только любителем-коллекционером археологических раритетов и спокойно проживать на военную пенсию. Будучи ещё в активном возрасте, он устроился на новую работу, и весь свой организаторский талант направил не только на задачи своей гражданской должности, но и на проведение раскопок древних курганов в окрестностях Тирасполя.

За свой многолетний и достаточно напряжённый труд Иоиль Яковлевич не получил ни копейки, т. к. производимые им исследования считались общественными и велись по его инициативе. Поразителен феномен любителя-самоучки, одержимого поисками различных древностей. Он не только бескорыстно проводил раскопки, но более того, скупал за свой счёт у местных жителей найденные предметы. Со временем его раскопки получили широкую известность в уезде, и местные жители сами стали приносить ему найденные в разных местах древности. После знакомства с В. И. Гошкевичем большинство находок он безвозмездно передавал в дар Херсонскому музею. Впоследствии по представлению первого директора за заслуги в развитии музея он был избран почётным членом Херсонской ученой архивной комиссии. Это произошло в 1900 г., когда уже множество находок из Тираспольского уезда поступило в губернский центр.

Видимо, курганы произвели на бывшего кадрового офицера столь сильное впечатление, что всю оставшуюся жизнь он посвятил их изучению, пытаясь лично ощутить очарование минувших эпох. Спустя более чем 100 лет можно констатировать, что масштабы полевой деятельности И. Я. Стемпковского до сих пор не превзойдены ни одним профессионалом-археологом, работавшим впоследствии в Северо-Западном Причерноморье. Его организаторский талант и самоотверженность в достижении цели нельзя от-

рицать, но только ли его заслуга в столь впечатлительных результатах проведённых раскопок? И здесь необходимо дать объективную оценку В. И. Гошкевичу, без поддержки которого подобные раскопки были бы просто невозможны.

Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. на юге России пышным цветом расцвело дикое кладоискательство (о чём, кстати, подробно написано в книге самого В. И. Гошкевича), государственный служащий не мог открыто проводить научные археологические изыскания без официального разрешения, т. е. без получения «Открытого листа». И решение этого вопроса целиком и полностью легло на плечи Владимира Ивановича. Сам И. Я. Стемпковский вряд ли самостоятельно решил бы этот вопрос в имперской столице.

В результате в Тираспольском уезде разворачиваются невиданные по масштабам исследования древних курганных памятников. В значительной степени они были обусловлены тем, что И. Я. Стемпковский имел возможность использовать тираспольских заключённых как бесплатную рабочую силу. Но и сами арестанты охотно шли на предложенную начальством нетрудную работу, т. к. по закону 1 день, проведённый с лопатой на раскопках, засчитывался им за 2 дня пребывания в арестантском доме¹.

Следует также отметить, что археологические раскопки древних курганов в Поднепровье велись под непосредственным наблюдением В. И. Гошкевича. Здесь, на левобережье Нижнего Днестра, у сёл Красногорка, Малаешты, Парканы, Чобручи, Глиное и др. были исследованы 412 разновременных кургана. Их изучение навсегда определило дальнейшую судьбу не только этого уже не молодого отставного офицера, но и его жены. С небольшими перерывами эти работы продолжались с 1896 по 1911 г.

¹ Гошкевич В. И. Летопись Музея за 1914 год. Вып. 6, Херсон, 1916. С. 88.

Рис. 7 / Fig. 7. Более 400 аналогичных курганных насыпей было раскопано И. Я. Стемпковским в Приднестровье / More than 400 similar burial mounds were excavated by I. J. Stempkovsky in Transnistria

Источник: фото Ярового Е. В.

Но научный результат проводимых работ, видимо, не особенно волновал отставного штабс-капитана, полностью лишенного каких-либо публичных амбиций. Поэтому не случайно, что за все годы исследований он не подготовил и не издал ни одной научной работы. Скорее, им двигал азарт первооткрывателя и привлекал сам процесс полевых работ, связанный с неожиданными находками, чем скрупулезное описание, обработка и анализ обнаруженных артефактов. Для своего времени он был достаточно добросовестным исследователем и скрупулезно относился к ведению полевой документации (хотя здесь, прежде всего, заслуга его жены, которая гораздо более подробно и тщательно описывала находки и курганные сооружения) [12; 17]. В целом, полевая деятельность И. Я. Стемпковского положительно оценивается в отечественной историографии. Указывается, что он копал прогрессивным для своего времени методом, усовершенствовал раскопки

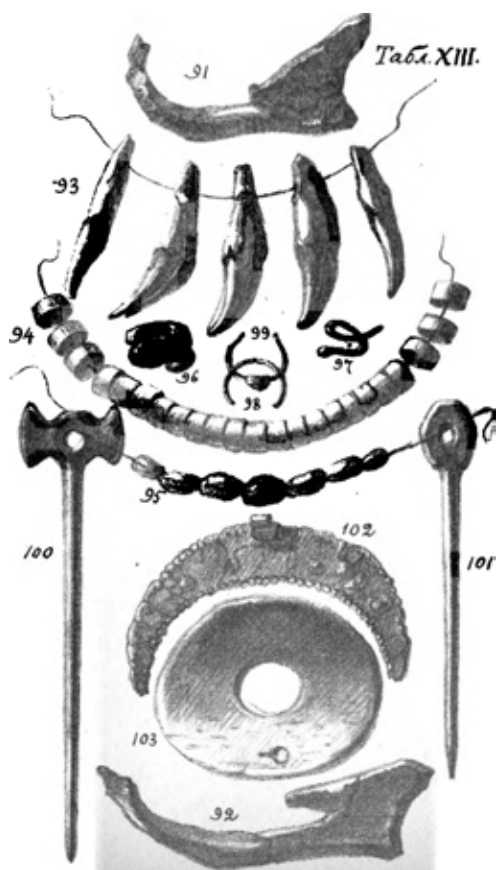
своих предшественников, в частности, методику Ф. Кнауэра в буджакских курганах.

Если в первые годы И. Я. Стемпковский копал курганы небольшими колодцами, то затем значительно расширил их размеры путем разбивки квадратных колодцев, вписанных в основание насыпей. Нередко он использовал и кладоческательскую методику, прокладывая широкие траншеи через курган. В результате археологический памятник оказывался почти полностью исследованным – не раскопанными оставались лишь полы насыпей. В отличие от других любителей, он докапывал курганы до материка и во всех случаях фиксировал их размеры, состав и относительную хронологию обнаруженных погребений. Последняя определялась им как «многоэтажность» кургана. Супруги вели дневники, составляли чертежи и инвентарные списки находок, проводили учёт как курганных групп, так и одиночных насыпей [16, с. 99–100]. По-

этому сохранившиеся в архивах Херсона и Санкт-Петербурга полевые дневники «представляют собой достаточно ценную научную документацию, на основании которой можно судить о характере исследованных памятников» [13, с. 115]. Скорее всего, это делалось по требованию В. И. Гошкевича, который получал для него «Открытый лист».

Тем не менее, несмотря на невиданный доселе масштаб исследований в Тираспольском уезде, не следует их идеализировать. Дело в том, что И. Я. Стемпковский не только не имел профессиональной подготовки для столь масштабных полевых исследований, но и совершенно не интересовался дальнейшей судьбой обнаруженных материалов. В этом отношении его можно считать классическим любителем-непрофессионалом своего времени. У него отсутствовало профильное образование, которое, впрочем, он с лихвой компенсировал организаторским талантом. Но, к сожалению, этот недостаток сказывался в небрежной научной отчётности. Дневники написаны чернилами, но отличаются лаконичным описанием погребений и находок, все рисунки сделаны карандашом и крайне схематичны, а общие планы даны без масштабов и ориентировок. Кроме того, в них нет развернутой характеристики погребального обряда. И. Я. Стемпковский плохо ориентировался в культурной принадлежности открытых захоронений. Например, он упорно настаивал на правильности сообщения в дневнике о совместной находке античной амфоры и расписного трипольского сосуда [17, с. 23]. Сегодня нельзя без улыбки читать, что в одном из курганов лежали «покойники во фраках» или другие аналогичные заключения [18, с. 61]. Из его дневников частично перекопировали в книгу В. И. Гошкевича неверные интерпретации ряда находок: «костяные кружки с дыркой» (костяные пряжки культуры многослойной керамики), «завитушки из медной проволоки» (медные подвески эпохи бронзы),

«игрушечные сандалии» (глиняные уса-товские статуэтки) и т. д. (рис. 8). Впрочем, подобные ошибки вряд ли можно ставить в вину исследователям, т. к. многие изделия были обнаружены впервые и в то время не имели аналогий. Другое дело, что не все из них были зарисованы, и вместо изображений в тексте содержатся ссылки на аналогичные находки. А это даже столетие назад являлось серьёзным недостатком полевой методики.

91–92. «Игрушечные сандалии»;
97–99. Медные «завитушки»

Рис. 8 / Fig. 8. Находки из курганов у Тирасполя, Красногорки, Паркан и Глиное / Finds from mounds near Tiraspol, Krasnogorka, Parkan and Glinoe

Источник: Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон: тип. «Юг», 1903. Табл. XIII

Отсутствие исторического образования тогда, как и в наше время, считалось большим изъяном для археолога. До нас не дошли сведения о личных отношениях И. Я. Стемпковского и В. И. Гошкевича, но можно предположить, что они не всегда были безоблачными. Ведь созданная в 1859 г. Императорская Археологическая комиссия тщательно контролировала лиц, которым давала право на проведение раскопок, и внимательно следила за своевременным представлением научной отчётности. А в этом вопросе у отставного военного были проблемы.

В архиве Археологической комиссии в Санкт-Петербурге сохранилась переписка, в которой отразились её постоянные конфликты с И. Я. Стемпковским из-за низкого качества предоставляемой отчётности [8, с. 27]. Возможно, проводя раскопки по собственной инициативе и за свой счёт, он считал второстепенной научную документацию и не уделял ей необходимого внимания. Скорее всего, в этом вопросе он полностью полагался на В. И. Гошкевича, который занимался вопросом получения «Открытых листов» для официальных раскопок в Приднестровье. В архиве сохранилось множество поручительств, просьб и ходатайств, подготовленных директором Херсонского музея. Но с каждым годом получать «Открытый лист» становилось всё труднее.

Согласно договорённости с Археологической комиссией, все обнаруженные материалы сдавались в Херсонский музей. Но и здесь были свои проблемы, т. к. не всегда эти передачи проходили аккуратно. Если в период с 1896 по 1902 гг. находки и дневниковые записи поступали в музей сравнительно регулярно, то затем И. Я. Стемпковский отказался продолжать раскопки. Возможно, он потерял интерес к продолжению исследований или на него повлияли конфликты с Археологической комиссией, но официально своё решение он объяснил плохим самочувствием. Не исключено, что Иоиль

Яковлевич был искренен, т. к. в то время ему было уже за 60.

Как бы там ни было, но уже с 1900 г. фактическим руководителем раскопок стала его жена Л. П. Стемпковская. Именно она взяла на себя основные заботы по ведению полевой документации, став, таким образом, одной из первых женщин-археологов в России. В. И. Гошкевич переписывал из поступающих к нему дневников интересующие его сведения, а оригиналы переправлял в Археологическую комиссию. Так или иначе, но археологические раскопки велись вплоть до 1910 г. Однако уже в 1911 г. вновь было отказано в выдаче «Открытого листа» из-за плохого качества представляемых отчётов. Очередные ходатайства В. И. Гошкевича не помогают и работы приостанавливаются.

Смерть И. Я. Стемпковского в 1914 г. и начало военных действий в Бессарабии остановили огромную работу, проводившуюся в окрестностях Тирасполя. В 1915 г. В. И. Гошкевич возвращает в Археологическую комиссию последний отчёт И. Я. Стемпковского за 1910 г., после чего указанная переписка прекращается [8, с. 28].

Многолетняя деятельность И. Я. Стемпковского показала, что он был типичным полевым исследователем, далёким от научной работы. Тем не менее огромная коллекция материалов из окрестностей Тирасполя благодаря ему и В. И. Гошкевичу попала в Херсон и была сохранена, заложив в значительной степени основу местного Археологического музея. Однако полностью она издана так и не была.

Несмотря на постоянные конфликты с Археологической комиссией, полевую деятельность супругов И. Я. и Л. П. Стемпковских в целом следует оценить положительно. В результате их исследований на левобережье Днестра впервые были обнаружены сотни захоронений различных скотоводческих культур. Стало ясно, что на этой территории постоянно проживали различные народы, начиная от

медно-каменного века и вплоть до раннего средневековья.

Открытая ими источниковедческая база ранее неизвестных культур до сих пор поражает своими масштабами и вошла в историографию под названием «тираспольских курганов». В отличие от раскопок других любителей она не пропала для науки и значительную часть находок до сих пор можно увидеть в Херсонском музее. Благодаря тому, что полевые дневники И. Я. и Л. П. Стемпковских сохранились в архивах Санкт-Петербурга и Херсона, эти материалы удалось обработать и опубликовать уже в наше время. Частично они были изданы самим В. И. Гошкевичем в книге окладах, затем его дочерью И. В. Фабрициус [17, с. 14–39]. Скифские материалы были систематизированы и опубликованы А. И. Мелюковой [13, с. 114–166], а позднекочевнические захоронения – А. О. Добролюбским [7, с. 153–154]. Показательно, что выделение юго-западного варианта ямной культуры Н. Я. Мерпертом стало возможным исключительно благодаря материалам «тираспольских курганов». Ведь к этому времени в регионе было известно всего лишь чуть более 100 захоронений ямной культуры [14, с. 38–39]. Затем на традиционно низком научном уровне материалы эпохи бронзы и усатовские погребения были изданы, а спустя полвека переизданы В. А. Дергачёвым [4, с. 32–50; 5, с. 249–267; 6]. Таким образом, следует констатировать, что проведённые на рубеже веков раскопки «тираспольских курганов» не только привлекли активное внимание, но и были успешно использованы профессиональными археологами во второй половине XX в.

В области курганной археологии на фоне проводимых супругами И. Я. и Л. П. Стемпковскими масштабных раскопок несопоставимой была даже деятельность Одесского общества истории и древностей, с которой пытался конкурировать В. И. Гошкевич. В этот же период только 2 её члена исследовали на

левобережье Днестра одиночные степные насыпи. Так, один из них – Карузо, раскопал курган близ с. Коммуна-Маяк Тираспольского уезда с позднекочевническим погребением с конём, а второй – М. Шкадышек, исследовал 18 июля 1909 г. курган в окрестностях с. Суклея. В нём он обнаружил древнее захоронение в особой камере-катакомбе, скорее всего, позднескифского времени [18, с. 64]. На фоне раскопок в И. Я. Стемпковского полевые исследования Одесского общества истории и древностей в Тираспольском уезде выглядят более, чем скромно. К сожалению, научная деятельность в Херсонской губернии прошла мимо внимания одесских археологов и практически не оказала влияние на развитие археологии в Одессе.

Заключение

Сопоставляя этих ярких и неординарных личностей, необходимо отметить, что они удачно нашли друг друга, т. к. их интересы в области изучения древних памятников Херсонщины полностью совпали. Кроме того, каждый из них обладал несомненным организаторским талантом, был бескорыстным и искренне увлечённым поиском и коллекционированием различных древностей. Их плодотворное сотрудничество сыграло важную роль в изучении и сохранении культурного наследия края. В конечном итоге они выиграли от многолетнего сотрудничества друг с другом. И. Я. Стемпковский получил возможность легально реализовать своё увлечение раскопками загадочных курганов «на казённых и общественных» землях. В свою очередь, В. И. Гошкевич получил из первых рук уникальную коллекцию курганных древностей из Приднестровья и значительно расширил собрание своего любимого детища. В 1925 г. общественность страны отметила 35-летие Херсонского музея, и в этом же году по состоянию здоровья В. И. Гошкевич был освобождён от административной работы, а 2 марта 1928 г.

его не стало. Но в память о его искренней преданности и любви к науке и молодому городу остался Херсонский музей – совсем не мало для одной человеческой жизни!

Сегодня материалы «тираспольских курганов» представляют скорее историографическую, чем научную ценность. За прошедшее столетие на данной территории были проведены многочисленные исследования курганных памятников, давших полноценный научный материал.

Учитывая современные требования, источники Стемповских сильно устарели и не могут использоваться для современного анализа и создания полноценных классификаций. Тем не менее с позиций изучения становления и развития российской археологии они не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Одновременно они наглядно показывают тот вклад, который могут внести в науку бескорыстные любители и подвижники археологии.

Дата поступления в редакцию 25.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Аствацатуров Г. Очерки истории села Парканы. Часть первая. Бендеры: ООО «Петица», 1995. 196 с.
2. Былкова В. П. Археологическая деятельность В. И. Гошкевича // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): сб. статей / отв. ред. А. В. Гаврилов. Херсон, 1990. С. 67–69.
3. Водотика С. Г. Невтомний краєзнавець: Віктор Іванович Гошкевич // Південний архів. 1998. № 6. С. 65–85.
4. Дергачёв В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинёв: Штиинца, 1973. 126 с.
5. Дергачёв В. А. Позднетрипольские курганы Тираспольщины (по раскопкам И. Я. и Л. П. Стемповских) // АИМ 1973. Кишинёв: Штиинца, 1974. С. 249–267.
6. Дергачёв В. А. Ямная культура Карпато-Подунавья. Т. 1. Каталог памятников. Кишинэу: СЕР USM, 2023. 773 с.
7. Добролюбский А. О. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И. Я. Стемповского) // Курганы в зонах новостворен Молдавии / отв. ред. И. И. Артеменко. Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 153–154.
8. Добролюбский А. О. Тайны причерноморских курганов. Одесса: Маяк, 1989. 224 с.
9. Кармазіна Н. М. Дослідник старожитностей Півдня України: Віктор Іванович Гошкевич (1860—1928) // Археологи – дослідники Степового Побужжя, Миколаїв: «Видавництво Яслав», 2024. С. 32–38.
10. Костенко А. В. Археологічний музей В. І. Гошкевича у мережі наукових комунікацій (1890–1898 рр.) // Археологія. 2015. № 2. С. 79–89.
11. Костенко А. В. Научное комплектование археологических фондов Херсонского музея: штрихи к интеллектуальной биографии В. И. Гошкевича // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 1. С. 23–29.
12. Костенко А. В. Херсонский Археологический музей и его «семейная история»: семья как сеть научных коммуникаций в музейном деле // Гісторія Магілєва: мінулає і сучаснаць. Збірник наукових прац удзельнікаў ІХ Міжнар. навук. канф., Магілєў: МДУХ, 2015. С. 59–65.
13. Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемповских) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 115. С. 114–166.
14. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1968. 84 с.
15. Писаренко Е. Вчений – Герой Праці (до 110-річчя від дня народження В. І. Гошкевича) // УІЖ. 1970. № 4. С. 119–123.
16. Рафалович И. А., Кетрару Н. А. Из истории археологии и краеведения Молдавии // Проблемы географии Молдавии. Вып. 1. Кишинёв: РИО АН МССР, 1966. С. 93–111.
17. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: АН УССР, 1951. 155 с.

18. Яровой Е. В. Мистика древних курганов. М.: Вече, 2005. 464 с.
19. Яровой Е. В. Начало изучения курганов Бессарабии. Kallatida, Mangalia: Callasprint, 2014. С. 349–362.

REFERENCES

1. Astvatsaturov H. *Ocherki istorii sela Zabory. Chast pervaya* [Essays on the history of Parkany village. Part one]. Bendery: “Petitsa” LLC Publ., 1995. 196 p.
2. Bylkova V. P. [Archaeological activity V. I. Goshkevicha]. In: Gavrilov A. V., ed. *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu osnovaniya Khersonskogo muzeya drevnostey)* [Problems of Archeology of the Northern Black Sea Region (for the 100th anniversary of the foundation of the Kherson Museum of Antiquities)]. Kherson, 1990, pp. 67–69.
3. Vodotika S. G. [A tireless local expert: Viktor Ivanovich Goshkevich]. In: *Yuzhnyy arkhiv* [Southern Archive], 1998, no. 6, pp. 65–85.
4. Dergachev V. A. *Pamyatniki epokhi bronzy* [Monuments of the Bronze Age]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1973. 126 p.
5. Dergachev V. A. [Late Trypilian burial mounds of the Tiraspol region (according to the excavations of I. Ya. and L. P. Stempkovsky)]. In: *AIM 1973 g.* [AIM 1973]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1974, pp. 249–267.
6. Dergachev V. A. *Yamnaya kultura Karpato-Podunav'ya. T. 1. Katalog pamyatnikov* [Yamnaya culture of the Carpatho-Danube region. Vol. 1. Catalog of monuments]. Kishinev, CEP USM Publ., 2023. 773 p.
7. Dobrolyubsky A. O. [Antiquities of medieval nomads in Lower Transnistria (excavations materials by I. Ya. Stempkovsky)]. In: Artemenko I. I., ed. *Kurgany v zonakh novostroyev Moldavii* [Kurgany in the zone of the new-built Moldavia]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1984, pp. 153–154.
8. Dobrolyubsky A.O. *Tayny prichernomorskikh kurganov* [Secrets of the Black Sea barrows]. Odessa, Mayak Publ., 1989. 224 p.
9. Karmazina N. M. [Researcher of antiquities of Southern Ukraine: Viktor Ivanovich Goshkevich (1860–1928)]. In: *Arkheologi – issledovateli Stepnogo Pobuzhya* [Archaeologists – researchers of the Steppe Buzh]. Nikolayev: Izdatelstvo Yaslav Publ., 2024, pp. 32–38.
10. Kostenko A. V. [Archaeological Museum of V. I. Goshkevich in the network of scientific communications (1890–1898)]. In: *Arkheologiya* [Archaeology], 2015, no. 2, pp. 79–89.
11. Kostenko A. V. [Scientific compilation of archaeological funds of the Kherson Museum: touches on the intellectual biography of V. I. Goshkevich]. In: *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Journal of the Gomel State University named after F. Skins], 2016, no. 1, pp. 23–29.
12. Kostenko A. V. [Kherson Archaeological Museum and its “family history”: the family as a network of scientific communications in museum business]. In: *Istoriya Mogileva: proshloye i nastoyashcheye* [History of Mogilev: past and present]. Mogilev, MGUKH Publ., 2015, pp. 59–65.
13. Melyukova A. I. [Scythian mounds of the Tiraspol region (based on the materials of I. Ya. and L. P. Stempkovskikh)]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on the archeology of the USSR], 1962, no. 115, pp. 114–166.
14. Merpert N. I. *Drevneyshaya istoriya naseleniya stepnoy polosy Vostochnoy Yevropy: avtoref. dis. ... dok. ist. nauch* [Ancient history of the population of the steppe zone of Eastern Europe: Dr. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 1968. 84 p.
15. Pisarenko E. [Scientist – Hero of Labor (to the 110th anniversary of the birth of V. I. Goshkevych)]. In: *UIZH* [UIZh], 1970, no. 4, pp. 119–123.
16. Rafalovich I. A., Ketraru N. A. [From the history of archeology and regional studies of Moldova]. In: *Problemy geografii Moldavii. Vyp. 1* [Problems of geography of Moldova. Iss. 1]. Kishinev, RIO AN MSSR Publ., 1966, pp. 93–111.
17. Fabricius I. V. *Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainskoy SSR* [Archaeological map of the Black Sea region of the Ukrainian SSR]. Kyiv: AN USSR Publ., 1951. 155 p.
18. Yarovoy E. V. *Mistika starykh kurganov* [The mysticism of ancient barrows]. Moscow, Vechе Publ., 2005. 464 p.
19. Yarovoi E. V. *Nachalo issledovaniya kurganov Bessarabii* [The beginning of the study of the burial mounds of Bessarabia]. Kallatida, Mangalia, Callasprint Publ., 2014, pp. 349–362.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: s-r44@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Department of National History, Federal State University of Education;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: s-r44@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В., Реснянский С. И. Любители и подвижники российской археологии (о деятельности В. И. Гошкевича и И. Я. Стемповского в Приднестровье) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 240–256.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-240-256

FOR CITATION

Yarovoy E. V., Resnyansky S. I. Amateurs and devotees of Russian archeology (on the activities of V. I. Goshekevich and I. Ya. Stempkovsky in Transnistria). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 240–256.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-240-256

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-257-269

ПЕРВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХЕОЛОГОВ КУБАНИ (К 100-ЛЕТИЮ ЛИЭТО)

Ткачёв А. Н.*Кубанский государственный университет**350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть и проанализировать начальный период становления кубанской археологии после Октябрьской революции и роль в этом процессе созданного при Кубанском педагогическом институте Литературно-исторического и этнологического общества, вклад в археологическое изучение Кубани его членов.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных материалов и документов Института истории материальной культуры РАН, Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, Государственного архива Краснодарского края. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В статье собраны материалы и документы о деятельности первого научного объединения археологов Кубани после революции. В этот период начинаются систематические исследования памятников Прикубанья с постановкой новых для того времени задач в русле новой методики. Освещаются наиболее значимые работы пионеров кубанской археологии (Н. А. Захарова, М. В. Покровского) в 1920-е гг., открывших и впервые исследовавших многие ныне хорошо известные памятники археологии Кубани. Впервые в научный оборот вводятся неопубликованные ранее архивные документы, а также собраны немногочисленные малоизвестные опубликованные материалы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю археологии Северного Кавказа. Данная работа представляет несомненный интерес для исследователей древних культур региона, поскольку в ней впервые публикуются материалы послереволюционных полевых исследований археологических памятников Кубани. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории российской археологии, а также при изучении отдельных аспектов археологии раннего железного века Кавказа.

Ключевые слова: Н. А. Захаров, М. В. Покровский, городища, Кубанский педагогический институт, ЛИЭТО, Прикубанье, меотская культура

THE FIRST ASSOCIATION OF ARCHAEOLOGISTS OF KUBAN (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF LIETO)

A. Tkachev*Kuban State University**ul. Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider and analyze the initial period of formation of Kuban archeology after the October Revolution and the role in this process of the Literary, Historical and Ethnological Society established at the Kuban Pedagogical Institute, the contribution of its members to the archaeological study of Kuban.

Methodology. The analysis of archival materials and documents of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, the State Archive of the Krasnodar Territory. Comparative-historical and problem-chronological methods were used in the study.

Results. The article contains materials and documents on the activities of the first scientific association of archaeologists of Kuban after the revolution. During this period, systematic studies of the monuments of Prikuban began with the formulation of new tasks for that time in line with the new methodology. The most significant works of the pioneers of Kuban archeology (N.A. Zakharov, M.V. Pokrovsky) in the 1920s, who discovered and for the first time explored many now well-known monuments of Kuban archeology, are highlighted. Previously unpublished archival documents are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as a few little-known published materials.

Research implications. The results of the study contribute to the history of the archaeology of the North Caucasus. This work is of undoubted interest to researchers of ancient cultures of the region, since for the first time the materials of post-revolutionary field studies of the archaeological sites of Kuban are published. The materials presented in the article can be used in courses on the history of Russian archaeology, as well as in the study of certain aspects of the archaeology of the Early Iron Age of the Caucasus.

Keywords: N. A. Zakharov, M. V. Pokrovsky, settlements, Kuban Pedagogical Institute, LIETO, Prikubanye, Meotian culture

Введение

Одним из характерных явлений советской России 1920-х гг. было краеведение. Превратившись в массовое научно-культурное явление, оно занималось всесторонним изучением родного края, повседневной жизни людей того или иного города или населённого пункта, их истории, обычаев и нравов, особенностей окружающей среды. Период с 1919 по 1929 г. вошёл в историю отечественного краеведения как «золотое десятилетие» [24, с. 12]. Повсеместно возникали краеведческие музеи, общества, кружки, другие объединения краеведов. Деятельность этих организаций, протекавшая зачастую при отсутствии других научных учреждений, превращала их, по распространённому тогда выражению, в своеобразные «академии наук на местах» [23, с. 20].

Заметным направлением в краеведческой работе являлось изучение «местной» истории. Изучение истории края неразрывно связывалось с выявлением, сбором, учётом и охраной всего многообразия памятников истории и культуры. При музеях или наряду с ними органи-

зовывались общества по изучению местного края, деятельность которых способствовала дальнейшему пополнению музейных собраний, их систематизации и популяризации. Идея превращения археологии в «науку для народа» способствовала включению в археологические исследования десятков музеев, высших и средних учебных заведений и вновь организованных научных обществ. На Северо-Западном Кавказе это прежде всего – Кубанский, Темрюкский, Таманский, Геленджикский и Новороссийский музеи, Краснодарский педагогический институт, литературно-историческое и этнологическое общество, школьные археологические кружки. В 1920 г. был образован Северо-Кавказский институт краеведения, который осуществлял систематическое и всестороннее изучение Северного Кавказа. Одной из первых организаций, ставивших целью научное изучение края, стало Северо-Кавказское краевое общество истории, археологии и этнографии. 15 октября 1922 г. в Краснодаре состоялся первый съезд по краеведению Кубано-Черноморской области.

Возобновление археологического изучения Кубани после Октябрьской революции и Гражданской войны во многом связано с Кубанским педагогическим институтом – крупнейшим научным и образовательным центром того времени. Его история началась с открытия 5 сентября 1920 г. Кубанского университета, где был создан факультет общественных наук. Необходимость открытия факультета объяснялась тем, что «Кубанский край и Северный Кавказ богаты историко-археологическими памятниками (греческие колонии, Боспорское царство, Тмутаракань, горские поселения)» [9, с. 108]. Однако финансовый кризис, последствия гражданской войны и голод привели к упразднению многих вузов, в т. ч. и Кубанского университета. Часть преподавателей и студентов факультета общественных наук перешли в Кубанский институт народного образования, вскоре переименованного в Кубанский государственный педагогический институт, на гуманитарном факультете которого было словесно-историческое отделение [1, с. 115]. Несмотря на то, что основные образовательные центры по археологии находились в Москве и Петрограде, в Кубанском педагогическом институте также функционировала кафедра археологического профиля. Заведующим кафедрой истории и археологии был декан факультета М. В. Ключков. Первый выпуск института состоялся в 1923 г. На словесно-историческом отделении было выпущено 4 словесника и 3 учителя истории, среди которых М. В. Покровский, будущий исследователь многих археологических памятников Прикубанья [20, с. 50].

Литературно-историческое и этнологическое общество

На фоне общего подъёма краеведения в стране при Кубанском пединституте 23 ноября 1924 г. было открыто Литературно-историческое и этнологическое общество (ЛИЭТО), ставшее первым научным объединением любителей древ-

ностей. Согласно уставу, целью общества являлось коллективное изучение и проработка вопросов литературы, языка, истории, археологии и этнологии. Общество состояло из 3 секций: литературной, этнологической и краеведческой (секции местной археологии и истории). Председателем секции местной археологии и истории был директор Кубанского научного музея А. Ф. Лещенко, секретарем – М. В. Покровский. В состав ЛИЭТО вошло около 50 человек: профессора, преподаватели местных вузов, студенты [10, с. 4].

ЛИЭТО стало обществом, собравшим гуманитариев Краснодара тех лет. Среди них были не только энтузиасты-краеведы, но и дипломированные археологи, окончившие Санкт-Петербургский археологический институт (Н. А. Захаров, М. А. Садиленко). Археологические исследования являлись одним из основных направлений его деятельности, что даёт основание считать ЛИЭТО первым в условиях нового времени научным объединением археологического профиля на Кубани.

С самого начала деятельности ЛИЭТО активно сотрудничало со столичными археологами (С. Н. Замятнин, А. С. Башкиров, А. А. Миллер), которые читали доклады и сообщения на заседаниях общества и организовывали совместные экспедиции. В первые 2 года работы на заседаниях общества было прочитано свыше 50 докладов и сообщений, из них 15 – по истории, археологии и антропологии: «Дольмены на Северном Кавказе» (А. Ф. Лещенко), «Обследование Таманского полуострова в археологическом отношении летом 1925 г.» (А. Ф. Лещенко, М. В. Ключков), «Ближайшие задачи историко-археологических работ в Кубанском крае» (М. В. Ключков), «Летнее обследование окрестностей древней Меотиды» (Н. А. Захаров), «Тюрко-татары, их влияние на русскую культуру» (Н. А. Захаров), «Первое появление татар на Северном Кавказе в XIII в. по армянским и грузинским источникам» (А. Н. Грен). С

докладами на заседаниях общества выступали и учёные из Москвы и Ленинграда, проводившие свои археологические исследования на Кубани: «Итоги археологических работ в Советском Союзе за 1925 год» (проф. А. С. Башкиров), «Новейшие открытия в области палеолита. Первобытная стоянка вблизи ст. Ильской» (С. Н. Замятнин) [10, с. 5].

Первые археологические исследования ЛИЭТО связаны с ознакомлением и обследованием наиболее интересных и в то же время проблемных местностей. Проводилась работа с населением, объяснялась необходимость бережного отношения к памятникам и борьбы с кладоискательством. Во время поездок, устанавливались связи с местными краеведами. К этой работе члены секции археологии привлекали студентов педагогического института. В 1925 г. ЛИЭТО был проведён ряд экспедиций: обследован Таманский полуостров, в частности городища у Ахтанизовского гирла, руины Фанагории и ст. Тамань (Н. А. Захаров и М. В. Клочков), организована экспедиция в Абинскую долину (А. Ф. Лещенко), где были обследованы орнаментированные дольмены, обследованы городища в г. Краснодаре, городище в ст. Некрасовской и могильник в ст. Усть-Лабинской (А. Ф. Лещенко, Н. А. Захаров, М. В. Покровский), сделаны фотоснимки, собран керамический материал.

Мощный импульс в изучении памятников Прикубанья дали работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, под руководством А. А. Миллера. В 1923 г. участники экспедиции осмотрели городища в Краснодаре, а в 1925 г. были проведены разведки на территории Адыгеи, по рекам Лабе (от аула Ходзь) и Кубани, по правому берегу от ст. Усть-Лабинской до Краснодара. Летом 1925 г. в ст. Усть-Лабинской экспедиция провела раскопки грунтового могильника, исследовав 10 погребений сарматского времени. А. А. Миллер отмечал, что экспедиция получала всяческую поддержку со сто-

роны местных научных организаций. Сотрудники экспедиции (А. А. Иессен, С. Н. Замятнин, студенты Ленинградского университета) проводили классификацию находок в местных музеях, на места раскопок организовывались экскурсии, А. А. Миллер сделал ряд сообщений о работах экспедиции в станице Усть-Лабинской и в Краснодаре [16, с. 71]. Экспедиция сыграла большую роль в активизации исследований древнего прошлого края со стороны местных сил.

В 1926 г. наиболее интересными стали находки черепа пещерного медведя в 5 верстах от Краснодара, остатков сибирского носорога на берегу р. Псекупс у ст. Бакинской (местонахождение было обследовано и костяк определён Н. А. Захаровым) и палеолитической стоянки на 17 участке Ильских нефтепромыслов. Наличие стоянки в окрестностях ст. Ильской было давно известно местным научным работникам, но отсутствие средств не позволило приступить в 1925 г. к раскопкам. В 1925–1926 гг. работы на Ильской стоянке провёл С. Н. Замятнин, которому большую помощь оказывал член секции ЛИЭТО и руководитель Ильского кружка краеведения и мироведения, учитель семилетней школы Н. П. Королев¹.

Финансовая поддержка от Главнауки и Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов дала возможность издать в Краснодаре в 1927 г. «Сборник статей по экономике и культуре», который подвёл итоги двухлетней работы ЛИЭТО. В сборник вошли статьи М. В. Клочкова, Н. А. Захарова, А. Ф. Лещенко и М. В. Покровского.

Первые исследователи и первые раскопки

Одним из организаторов общества и руководителем краеведческой секции являлся Антон Фаддеевич Лещенко (1880–1954) (рис. 1). Примечательно, что

¹ Материалы археологической экспедиции в станицу Ильскую 1926–1927 гг. // Архив КГИАМЗ. № НА-152.

Рис. 1 / Fig. 1. А. Ф. Лещенко. Фото 1925 г. / A. F. Leshchenko. Photo 1925.

Источник: Научный архив КГИАМЗ. Д. 178

первые 2 года работы секции были посвящены только археологии. По словам А. Ф. Лещенко, «это была неизбежная дань огромным археологическим богатствам Северо-Западного Кавказа, научное значение которых выходит далеко за пределы края» [12, с. 102]. Наиболее крупные работы А. Ф. Лещенко по археологии связаны с изучением дольменов. В июле 1925 г. при его непосредственном участии была организована экспедиция сотрудников Кубанского музея и ЛИЭТО в Абинскую долину, ст. Шапсугскую и Эриванскую, где были обследованы орнаментированные дольмены [21, с. 205].

По результатам исследований на страницах научных журналов и в сборниках краеведческих обществ А. Ф. Лещенко публиковал статьи. В 1925 г. в сборнике «Известия ОЛИКО» вышла его работа «О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа», где дано описание орнаментированных дольменов и их хронологическая интерпретация, сделан вывод о том, что на Северо-Западном Кавказе во II – на-

чале I тыс. до н. э. создался очаг высоко-развитой мегалитической культуры под влиянием Древнего Востока [11, с. 93]. В 1931 г. вышла статья «Материалы к орнаментике дольменов на Северо-Западном Кавказе» на украинском языке, где приведены рисунки петроглифов на дольменах и дано их описание [13].

Одним из наиболее активных членов ЛИЭТО был Николай Алексеевич Захаров (1883–1938) – выпускник Санкт-Петербургского археологического института и Гейдельбергского университета (рис. 2). Археологические работы он начал вскоре после образования ЛИЭТО и не прекращал вплоть до ареста в 1937 г. Н. А. Захаров преподавал на социально-историческом факультете с момента открытия университета [14, с. 5].

Первыми исследованными памятниками стали городища в Краснодаре и по р. Кубань. В 1925–1926 гг. проводились только наблюдения и сборы. Н. А. Захаров даёт описание 10 обследованным городищам:

1. у переправы через р. Кубань;
2. вблизи тюрьмы;
3. Панский Кут;
4. у ст. Пашковской;
5. на р. Карасун на окраине Краснодара;
6. в ст. Тифлисской в 105 верстах от Краснодара;
7. у ст. Новоджерелиевской в 95 верстах на северо-запад от Краснодара;
8. в ст. Некрасовской;
9. в ст. Старокорсунской;
10. городище по дороге от ст. Пашковской на Горячий Ключ вблизи переправы через Кубань.

Из всех членов ЛИЭТО только Н. А. Захаров имел на 1926 г. Открытый лист на производство обследований. Однако раскопок городищ тогда предпринято не было, т. к. средств на их проведение не имелось, а естественные обвалы давали такую работу, что прибегать к раскопкам не было необходимости. О первых обследованных памятниках Прикубанья Н. А. Захаров докладывал на конферен-

ции археологов СССР в 1927 г. в Крыму [3, с. 57].

Уже в начале археологической деятельности ЛИЭТО Н. А. Захаров определил приоритетные задачи в изучении кубанских памятников. Он отмечает, что прежде, до 1917 г., основное внимание учёных привлекали курганы, а городища, за редким исключением, не изучались. Историю же местного населения невозможно познать без раскопок городищ [3, с. 57]. Первейшими задачами в деле изучения городищ является их выявление (составление археологической карты), организация надзора и далее – систематизация и классификация находок и их культурная интерпретация. Здесь определённую роль сыграли, по сути, те же установки и задачи Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, когда в первые же годы работы экспедиции был составлен первоначальный план систематического изучения Северного Кавказа. Он был разработан с упором на исследования, в первую очередь таких памятников, которые дали

Рис. 2 / Fig. 2. Н. А. Захаров. Фото 1930-х гг. / N. A. Zakharov. Photo from the 1930s

Источник: Архив КубГУ

бы материал для социально-экономической характеристики прошлого региона, т. е. была поставлена совершенно новая задача по сравнению с целями и задачами дореволюционной археологии. Таким образом, на первый план были выдвинуты проблемы историко-хозяйственного и культурного характера. К тому же в условиях марксистско-ленинского понимания истории материальной культуры уже сформировалась иная оценка вещественных памятников как исторического источника, когда древние поселения стали рассматриваться как «комплексы особенно важного значения», а археологический материал являлся показателем развития общественного труда человека [17, с. 77].

Среди памятников исследованных Н. А. Захаровым выделяется «Городище «КРЭС» (городище № 1 по нумерации Захарова – у переправы через р. Кубань). Осенью 1927 г. в Краснодаре, началось строительство районной электростанции (КРЭС-1), в районе нынешней ул. Ставропольской, 2. Во время работ, памятник обозначался как «Городище около парома»¹.

По наблюдению за земляными работами под котлован электростанции была образована специальная комиссия, в которую вошли уполномоченный по охране памятников старины на Северо-Западном Кавказе Г. Г. Григор, заведующий Кубанским музеем А. Ф. Лещенко, сотрудники ЛИЭТО и др. Профессор Н. А. Захаров осуществлял общее руководство. Он отмечает, что большую помощь в работе оказали инженеры и рабочие строящейся КРЭС, члены археологического кружка ученики школы № 2 под руководством М. В. Покровского и особенно Н. В. Анфимов и Д. Н. Хайтович. В работе на городище также принимали участие студенты кружка истории материальной культуры Кубанского пединститута, среди которых была Ю. С. Крушкол. Такая мобилизация

¹ Материалы городища КРЭС 1928 г. // Научный архив ГГИАМЗ. № НА-17.

сил позволила вести постоянные наблюдения, сбор и фиксацию находок.

Работы на площадке КРЭС примечательны ещё и тем, что впервые было исследовано меотское городище. В публикации, вышедшей в 1928 г., дано подробное описание городища, его геоморфологических особенностей, включая характер грунтов, описан ход земляных работ, приведён анализ археологических находок. Находки состоят в основном из многочисленных фрагментов керамики разнообразного вида, форм, цвета и величины, среди которых особый интерес для автора представляет лощёная тёмно-серая посуда с матовым блеском и очень тонкими стенками.

Среди керамики: днища, ручки и горлышки амфор, фрагменты чернолаковой посуды и краснолаковая чашка римского времени. На городище было также собрано свыше 100 глиняных плиток (позже получивших название «таблетки») с вдавленными или процарапанными

изображениями. Общее количество собранных предметов, переданных в Кубанский музей, составило около 1800 экз. (рис. 3). Н. А. Захаров приводит аналогии материала с городища КРЭС с находками В. И. Сизова 1889 г. на городище Ногай-Кале близ ст. Раевской. В частности, он указывает на полное сходство таких находок, как двуручные сероглиняные сосуды (канфары), сосудики в виде маленькой амфоры (амфориски), орнаментированные плиты, статуэтки, днища амфор [4, с. 10].

Заслуживают внимания работы Н. А. Захарова в окрестностях Анапы и на самом городище Горгиппия в 1927 г. В осыпях городища и в различных пунктах Анапы на застроенной части памятника были обнаружены культурные отложения, насыщенные керамическим материалом, в частности, ручками и днищами амфор. Им были сняты эстампажи с фрагментов надписей II–III вв., собранных у местных жителей. Путём сопоставления

Рис. 3 / Fig. 3. Находки с городища КРЭС в экспозиции Кубанского научного музея, 1927 г. / Finds from the KRES settlement in the exposition of the Kuban Scientific Museum, 1927

Источник: Научный архив КГИАМЗ. № НА-17.

находок 1927 г. с более ранними находками, были получены дополнительные данные о местоположении и границах Горгиипии. На углу улиц Краснодарской и Крымской Н. А. Захаров обследовал место погребения в урне. При обследовании р. Анапки было установлено, что устье реки в древности являлось местом морской бухты. В том же году Н. А. Захаров провёл разведки на городище Ногай-Кале близ ст. Раевской с целью установить связь между среднекубанскими городищами, городищем Ногай-Кале и культурными слоями Горгиипии [15, с. 70].

Помимо участия в ЛИЭТО, Н. А. Захаров являлся членом археологической секции Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СККОАИЭ), в которой состояли такие известные исследователи древностей Северного Кавказа, как Б. В. Лунин, С. Ф. Войцеховский, М. А. Миллер, Г. Г. Григор, А. Н. Дьячков-Тарасов, Г. Н. Прозрителев, Г. Ф. Чайковский и др.

В 1928–1929 гг. Н. А. Захаров проводит исследования на городище ст. Елизаветинской. Здесь, в 1917 г. во время раскопок Елизаветинских курганов Н. И. Веселовский вскрыл четвертую часть холма, но убедившись, что это не курган, раскопки прекратил. Работавшая в экспедиции Н. А. Захарова в 1928 и 1929 гг. студентка Кубанского пединститута Ю. С. Крушкол провела на городище небольшие разведочные работы и шурфовки¹.

Ещё один известный памятник, исследованный Н. А. Захаровым – Краснобатареиное городище у хут. Красная Батарея в Крымском районе. Городище исследовалось экспедицией СККОАИЭ с участием Новороссийского музея под руководством Н. А. Захарова в течение 3 полевых сезонов: 1928, 1929 и 1935 гг. В ходе раскопок были прослежены оборонительные сооружения: цитадель, валы и

ров, а также найдены в большом количестве монеты, железные гвозди, замок античного времени, черепицы, фрагменты штукатурки, а также зачищен небольшой участок крепостной стены. По находкам плиты со знаком боспорского правителя Тиберия Евпатора (154–173 гг.), а также монетам Н. А. Захаров датировал время бытования городища I – первой четвертью III вв. Он публикует итоги работ на Краснобатареином городище в виде небольшой статьи, где впервые дано описание городища с приложением схемы расположения оборонительных сооружений [8, с. 229].

История Боспорского царства занимала особое место в научных интересах учёного. В 1930 г. вышла первая часть большого труда по истории Боспорского царства, в котором он пытается на основе имеющихся данных изложить в обобщённом виде «развитие исторической жизни Боспорского государства» [6, с. 164]. К сожалению, продолжения публикации не было. И в этом, по всей видимости, основная «заслуга» разгромной рецензии С. А. Семёнова-Зуссера. Отношение рецензента к взглядам Н. А. Захарова вызвано господством в тогдашней науке учения Н. Я. Марра, которое отличал крайний автохтонизм (вплоть до полного отрицания миграций) и внедрение марксистско-ленинской методологии.

Оценивая сделанное Н. А. Захаровым, можно говорить, что многое в его работах было созвучно взглядам палеоэтнологической школы в русской археологии, яркими представителями которой были А. А. Миллер и Б. С. Жуков:

1) Археологические данные он сопоставляет с данными географии, рассматривая соотношение культуры и природной среды. Именно Н. А. Захаров сделал первые попытки увязать городища Прикубанья раннежелезного века с меотами. Проанализировав сведения античных авторов о расселении меотских племён и результаты обследования городищ, он сделал вывод, что городища по берегам

¹ Захаров Н.А. Отчет о раскопках на Северном Кавказе в 1929г. // Архив ИИМК. Ф.2 Оп. 1. д.169. 1930

Кубани относятся к «эпохе сармато-меотийских поселений». Население городищ, бытовавших до III в., по его мнению, составляли «земледельцы-меоты». Говоря, что в целом Северный Кавказ являлся местом обитания сармато-меотийских племён, отмечал процесс сарматизации Боспорского государства и оседания сарматов. Древнейшим наименованием Кубани (до прихода греков) является Уардан (Вардан по Птолемею) [7, с. 66].

2) Н. А. Захаров, так же, как и палеоэтнологи, считал керамику важнейшим источником. Указывая на оригинальность кубанской керамики (серого цвета, «слабого обжига»), он призывает к составлению «Сограуа» типов керамики для Северного Кавказа, аналогичного изданным по крупнейшим античным центрам [5, с. 86].

3) Именно члены ЛИЭТО (Н. А. Захаров, А. Ф. Лещенко, М. В. Покровский) первыми в послереволюционной кубанской археологии занялись изучением меотских древностей: стали проводить

систематические разведочные работы и раскопки бытовых памятников поселенческого типа со сложной стратиграфией (городищ). Так, например, во время работ на городище КРЭС в 1927 г. велась не только наблюдения и сбор материала, но и делались обмеры, съёмки, зарисовки, фотографирование и систематизация собранного материала. По вопросам, связанным с почвоведением и анатомией животных, обращались за консультациями к научным работникам местных вузов. Н. А. Захаровым было сделано подробное описание стратиграфии разрезов и культурного слоя городища, состоявшего из золы с изредка встречающимися кусочками углей и фрагментами керамики. Наибольшая толщина культурного слоя достигала 2,5 м. Стратиграфические зарисовки разрезов, сделанных на глубине до 5 м, дали возможность проследить на городище 3 основных слоя: чернозём, культурный слой с ямами и лессовидный суглинок.

Волна репрессий, обрушившаяся на страну в эпоху великого перелома (1929–1930-е гг.), не миновала и кубанских археологов. Власть рассматривала Кубань как очаг контрреволюции. В 1931 г. в связи с «разукраинизацией» Северного Кавказа был репрессирован А. Ф. Лещенко. Его уволили с поста заведующего музеем и выслали за пределы края. 20 июня 1937 г. по обвинению в причастности к белогвардейской казачьей организации и проведении диверсионно-шпионской работы был арестован Н. А. Захаров. Возможно, это было связано с делом «северокавказского филиала контрреволюционной организации «Российская национальная партия», в участии которой обвинялись профессор и преподаватели Краснодарского пединститута [2, с. 144]. ОГПУ Азово-Черноморского края был арестован профессор Г. Г. Григора, декан социально-исторического факультета профессор М. В. Ключков. По решению комиссии НКВД Н. А. Захаров был приговорён к высшей мере наказания и

Рис. 4 / Fig. 4. М. В. Покровский. Фото 1940-х гг. / M. V. Pokrovsky. Photo from the 1940s.

Источник: Архив КубГУ

4 марта 1938 г. расстрелян в Краснодаре. В 1989 г. реабилитирован¹.

Другой известный кубанский археолог, выпускник КГПИ 1923 г., Михаил Владимирович Покровский (1897–1959) активно включился в археологические исследования с момента образования ЛИЭТО (был секретарём секции местной археологии и истории) (рис. 4). Ещё в период учёбы в пединституте М. В. Покровский стал интересоваться историей и археологией Северо-Западного Кавказа. По-настоящему крупные работы на кубанских памятниках он стал проводить с 1926 г., когда организовал при школе № 2 II-й ступени в г. Краснодаре (где был учителем истории) историко-археологический кружок. Наиболее плодотворным периодом его самостоятельных исследований стали 1927–1937 гг. (Пашковские могильники № 1 и 2, могильник на Почтовой улице, городище и могильник ст. Елизаветинской, могильник № 2 у ст. Усть-Лабинской) [22, с. 230].

Однако со второй половины 1930-х гг. становится всё более заметной смена научных интересов М. В. Покровского. Продолжая получать открытые листы и руководить археологической практикой студентов, он всё больше уделяет внимание разработке новой для себя научной темы, связанной с вопросами социально-экономического развития адыгских народов и черноморского казачества.

В 1937 г. вышла его сводная работа «Городища и могильники Среднего Прикубанья», в которой он обобщил исследования за период с 1928 по 1937 гг. К тому времени было зарегистрировано 66 го-

родищ и 17 могильников. Участок проведённых разведок протяжённостью около 300 км охватывал территорию вдоль русла р. Кубань от ст. Елизаветинской до ст. Кавказской, а также часть степных районов [18, с. 5]. В том же 1937 г. в соавторстве со своим учеником Н. В. Анфимовым опубликовал статью «Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н. э. по III в. н. э.», ставшую своеобразным итогом довоенных работ кубанских археологов по выявлению и изучению бытовых и погребальных памятников меотской культуры [19].

Заключение

К середине 1930-х гг. инициатива в изучении памятников археологии Кубани переходит к Краснодарскому историко-краеведческому музею (Н. В. Анфимов), упоминания о ЛИЭТО постепенно теряются. Оценивая итоги деятельности общества, можно говорить, что многое в его работе было созвучно взглядам палеоэтнологической школы в русской археологии, яркими представителями которой были А. А. Миллер и Б. С. Жуков (также работавшие в то время на Кубани).

ЛИЭТО следует рассматривать как пример развития региональной археологии в новых реалиях. Начало изучения городищ и могильников раннего железного века Кубани явилось одним из важнейших итогов деятельности общества. Археологи ЛИЭТО, по сути, стали «первопроходцами» науки, первыми, кто после революции принялся за изучение памятников древнего прошлого Кубани.

Дата поступления в редакцию 14.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкен А. Ф. Два года жизни Кубанского государственного педагогического института // Известия ОЛИКО. 1922. Вып. 7. С. 113–117.
2. Ждановский А. М., Ткачёв А. Н. Профессор Н. А. Захаров: археолог, политолог, правовед // Кубанский Государственный университет: 100 лет в истории России: мат-лы конф. Т. 2. / под ред. М. Б. Астапова. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 130–149.

¹ Уголовное дело Н. А. Захарова // Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю. № П58528.

3. Захаров Н. А. Первые шаги систематического изучения городищ Северо-западного Кавказа. Севастополь, 1927. 20 с.
4. Захаров Н. А. Краснодарское городище (Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре). Ростов-на-Дону, 1928. С. 1–10.
5. Захаров Н. А. Одна из очередных задач археологии на Северном Кавказе (к вопросу об изучении древней керамики) // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 84–86.
6. Захаров Н. А. Главнейшие моменты в истории Боспора // Труды Кубанского педагогического института. 1930. Т. I. С. 165–187.
7. Захаров Н. А. Древнее наименование реки Кубани // Известия Государственного русского географического общества. 1930. Т. LXII. Вып. 1. С. 55–72.
8. Захаров Н. А. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареинное городище // Советская археология. 1937. Вып. II. С. 229–230.
9. Ключков М. В. Факультет общественных наук Кубанского Государственного университета // Известия ОЛИКО. 1922. Вып. 7. С. 107–113.
10. Ключков М. В. Краткий обзор деятельности литературно-исторического и этнологического общества // Труды СКАНИИ. 1927. Вып. 1. № 26. С. 1–6.
11. Лещенко А. Ф. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа // Известия ОЛИКО. 1925. Вып. IX. С. 89–94.
12. Лещенко А. Ф. Два года работы этнологической секции ЛИЭТО // Труды СКАНИИ. 1927. Вып. 1. № 26. С. 102–106.
13. Лещенко А. Ф. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західньому Кавказі // Антропология. 1931. Т. IV. С. 237–263.
14. Лимберис Н. Ю., Марчев А. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском университете (1920–2020 гг.). // Кубанский Государственный университет: 100 лет в истории России: мат-лы конф. / под ред. М. Б. Астапова. Краснодар, КубГУ, 2020. Т. 2. С. 3–21.
15. Лунин Б. В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927г. // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1-2. С. 58–84.
16. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 71–72.
17. Миллер А. А. Археологические разведки. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 216 с.
18. Покровский М. В. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского педагогического института. 1937. Т. VI. Вып. 1. С. 3–38.
19. Покровский М. В., Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н. э. по III в. н. э. // Советская археология. 1937. Т. IV. С. 265–275.
20. Ткачев А. Н. ЛИЭТО: первое археологическое общество Кубани // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы международной научной конференции / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019. С. 50–51.
21. Ткачев А. Н. Исследователь кавказских дольменов А. Ф. Лещенко (1880–1954 гг.): к биографии учёного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 203–215.
22. Ткачев А. Н. Археология Кубани в 1930–1940-е годы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI / отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М.: ИА РАН, 2022. С. 223–235
23. Филимонов С. Б. Краеведение и культура (1919–1929 гг.) // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 18–31.
24. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

REFERENCES

1. Benken A. F. [Two Years in the Life of the Kuban State Pedagogical Institute]. In: *Izvestiya OLIKO* [Bulletin of OLIKO], 1922, iss. 7, pp. 113–117.
2. Zhdanovsky A. M., Tkachev A. N. [Professor N. A. Zakharov: Archaeologist, Political Scientist, Lawyer]. In: Astepov M. B., ed. *Kubanskiy Gosudarstvennyy universitet: 100 let v istorii Rossii* [Kuban State University: 100 Years in the History of Russia. Vol. 2]. Krasnodar. KubSU Publ., 2020, pp. 130–149.
3. Zakharov N. A. *Pervyye shagi sistematicheskogo izucheniya gorodov Severo-Zapadnogo Kavkaza* [The First Steps in the Systematic Study of the Settlements of the Northwestern Caucasus]. Sevastopol, 1927. 20 p.

4. Zakharov N. A. *Krasnodarskoye gorodishche (Obshchiy obzor rabot i rabot na gorodishche v g. Krasnodare)* [Krasnodar Settlement (General Review of the Survey and Work on the Settlement in Krasnodar)]. Rostov-on-Don, 1928, pp. 1–10.
5. Zakharov N. A. [One of the next tasks of archeology in the North Caucasus (on the issue of studying ancient ceramics)]. In: *Krayevedeniye na Severnom Kavkaze* [Regional studies in the North Caucasus], 1928, no. 1–2, pp. 84–86.
6. Zakharov N. A. [The most important moments in the history of the Bosporus]. In: *Trudy Kubanskogo pedagogicheskogo instituta* [Transactions of the Kuban Pedagogical Institute], 1930, vol. I, pp. 165–187.
7. Zakharov N. A. [The ancient name of the Kuban River]. In: *Izvestiya Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the State Russian Geographical Society], 1930, vol. LXII, iss. 1, pp. 55–72.
8. Zakharov N. A. [Border fortification of the Bosporus state in the North Caucasus and the Krasnobata-reinoe settlement]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1937, iss. II, pp. 229–230.
9. Klochkov M. V. [Faculty of Social Sciences of the Kuban State University]. In: *Izvestiya OLIKO* [Izvestiya OLIKO], 1922, iss. 7, pp. 107–113.
10. Klochkov M. V. [Brief Review of the Activities of the Literary-Historical and Ethnological Society]. In: *Trudy SKANII* [Proceedings of SKANII], 1927, iss. 1, no. 26, pp. 1–6.
11. Leshchenko A. F. [On the time of construction of megalithic monuments of the North-West Caucasus]. In: *Izvestiya OLIKO* [Bulletin OLIKO], 1925, iss. IX, pp. 89–94.
12. Leshchenko A. F. [Two years of work of the ethnological section of LIETO]. In: *Trudy SKANII* [Proceedings of SKANII], 1927, iss. 1, no. 26, pp. 102–106.
13. Leshchenko A. F. [Materials before ornamentation of dolmens in the North-West Caucasus]. In: *Antropologiya* [Anthropology], 1931, vol. IV, pp. 237–263.
14. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., Tkachev A. N. [Archaeology at Kuban University (1920–2020)]. In: Astapov M. B., ed. *Kubanskiy Gosudarstvennyy universitet: 100 let v istorii Rossii. T. 2* [Kuban State University: 100 Years in the History of Russia. Vol. 2]. Krasnodar, KubSU Publ., 2020, pp. 3–21.
15. Lunin B. V. [Archaeological Excavations and Reconnaissance in the North Caucasus in 1927]. In: *Krayevedeniye na Severnom Kavkaze* [Local History in the North Caucasus], 1928, no. 1–2, pp. 58–84.
16. Miller A. A. [Brief Report on the Work of the North Caucasian Expedition of the State Academy of the History of Material Culture in 1924 and 1925]. In: *Soobshcheniya GAIMK* [GAIMK Communications], 1926, vol. I, pp. 71–72.
17. Miller A. A. *Arkheologicheskiye razvedki* [Archaeological explorations]. Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo Publ., 1934. 216 p.
18. Pokrovsky M. V. [Settlements and burial grounds of the Middle Kuban region]. In: *Trudy Krasnodarskogo pedagogicheskogo instituta* [Works of the Krasnodar Pedagogical Institute], 1937, vol. VI, iss. 1, pp. 3–38.
19. Pokrovsky M. V., Anfimov N. V. [Map of ancient settlements and burial grounds of the Kuban region from the 4th century BC to the 3rd century AD]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1937, vol. IV, pp. 265–275.
20. Tkachev A. N. [LIETO: the first archaeological society of Kuban]. In: Sorokin I. A., ed. *U istokov sovetskoy arkheologii: organizatsiya i uchrezhdeniye arkheologicheskogo profilya v novykh realiyakh* [At the origins of Soviet archaeology: organizations and institutions of the archaeological profile in new realities]. Moscow, IA RAN Publ., 2019, p. 50.
21. Tkachev A. N. [Researcher of Caucasian dolmens A. F. Leshchenko (1880–1954): on the biography of the scientist]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2021, no. 5, Circumpontika, iss. III, pp. 203–215.
22. Tkachev A. N. [Archaeology of Kuban in the 1930–1940s]. In: Gaidukov P. G., Tunkina I. V., eds. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii. Vip. VI*. [Essays on the history of domestic archeology. Iss. VI]. Moscow, IA RAN, Publ., 2022, pp. 223–235.
23. Filimonov S. B. [Local history and culture (1919–1929)]. In: *Golos minuvshogo* [Voice of the past], 1997, no. 1, pp. 18–31.
24. Schmidt S. O. [“The Golden Decade” of Soviet Regional Studies]. In: *Otechestvo: Krayevedcheskiye almanakh* [Otechestvo: Regional Studies Almanac], 1990, iss. 1, pp. 11–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткачёв Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Tkachev – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., General History and International Relations, Kuban State University;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ткачёв А. Н. Первое объединение археологов Кубани (к 100-летию ЛИЭТО) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 257–269.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-257-269

FOR CITATION

Tkachev A. N. The first association of archaeologists of Kuban (on the 100th anniversary of LIETO). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 257–269.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-257-269

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В БАСЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (70-Е – НАЧАЛО 90-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ)

Коваленко П. П.

*Луганский государственный педагогический университет
91011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обзор истории полевых исследований погребальных комплексов катакомбной общности в территориальных пределах Среднего Подонцовья в 70-е – начале 90-х гг. XX в.

Процедура и методы. Краткий обзор истории полевых исследований курганных памятников с акцентом на катакомбные комплексы подготовлен на основании анализа публикаций и архивных отчетов.

Результаты. Выделены 3 отдельных направления развития исследований курганных памятников региона. Первое приходится на 1970-е гг. и связано с деятельностью исключительно академических экспедиций ИА АН УССР; второе направление отмечено исследованиями университетских новостроечных экспедиций ДонГУ и КГУ преимущественно 1980-х гг.; третье – характеризуется спорадическими исследованиями местных экспедиций на всём протяжении рассматриваемого периода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования имеют значение для разработки региональной истории археологических исследований различных культурно-хронологических эпох.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха ранних металлов, бронзовый век, катакомбная культура, курган, захоронение, история полевых исследований

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF CATACOMB BURIAL COMPLEXES IN THE MIDDLE SEVERKY DONETS BASIN (70S–EARLY 90S OF THE 20TH CENTURY)

P. Kovalenko

*Lugansk State Pedagogical University
ul. Oboronnaya 2, Lugansk 91011, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review the history of archaeological research of catacomb burial complexes in the 70s – early 90s of the 20th century in the territorial limits of the Middle Seversky Donets basin.

Methodology. A brief overview of the history of archaeological research of kurgan monuments with an emphasis on catacomb burial complexes has been prepared based on the analysis of publications and archival reports.

Results. Three separate directions for the development of research on the kurgan monuments of the region have been identified. The first of them occurred in the 1970s and is associated with the activities of exclusively academic expeditions of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR; the second direction is marked by the research of the university archaeologi-

cal expeditions of DonSU and KSU mainly in the 1980s; the third is characterized by the sporadic research of local expeditions throughout the period under review.

Research implications. The results of the conducted research are important for the development of the regional history of archaeological research of various cultural and chronological epochs.

Keywords: Seversky Donets Middle Valley, Early Metal Age, Bronze Age, Catacomb culture, mound, the history of archaeological research

Введение

История изучения погребальных памятников катакомбной культурно-исторической общности в бассейне среднего течения Северского Донца насчитывает уже более 120 лет. В ходе этих работ получена огромная источниковедческая база, насчитывающая более 1500 захоронений. На этой основе подготовлено большое количество публикаций и обобщающих трудов по общекатакомбной проблематике, в т. ч. фундаментального характера [2; 5; 43 и др.]. Однако, несмотря на наличие ряда соответствующих историографических обзоров, как правило, в рамках этих обобщающих трудов, целостной работы по истории полевых исследований катакомбных погребений в пределах региона всё ещё не представлено.

В самом общем виде всю историю исследований можно разделить на 3 отдельных этапа, в различной степени имеющих значение для накопления и систематизации источниковедческой базы. Первый из них характеризуется зарождением целенаправленного изучения курганов и, по сути, является этапом первичного накопления источников. Хронологически он охватывает период с конца XIX в. по 60-е гг. XX в. Второй этап приходится на хронологический отрезок с начала 1970-х по начало 1990-х гг. Обозначенный период всецело характеризуется деятельностью больших новостроечных экспедиций, занимавшихся спасательными раскопками попадающих под снос курганных насыпей. Наконец, третий этап приходится на период с начала 1990-х гг. по настоящее время. Он характеризуется практически полным сворачиванием новостроечных исследований и планомерными, но огра-

ниченными по своим масштабам работами местных, преимущественно университетских и музейных, экспедиций.

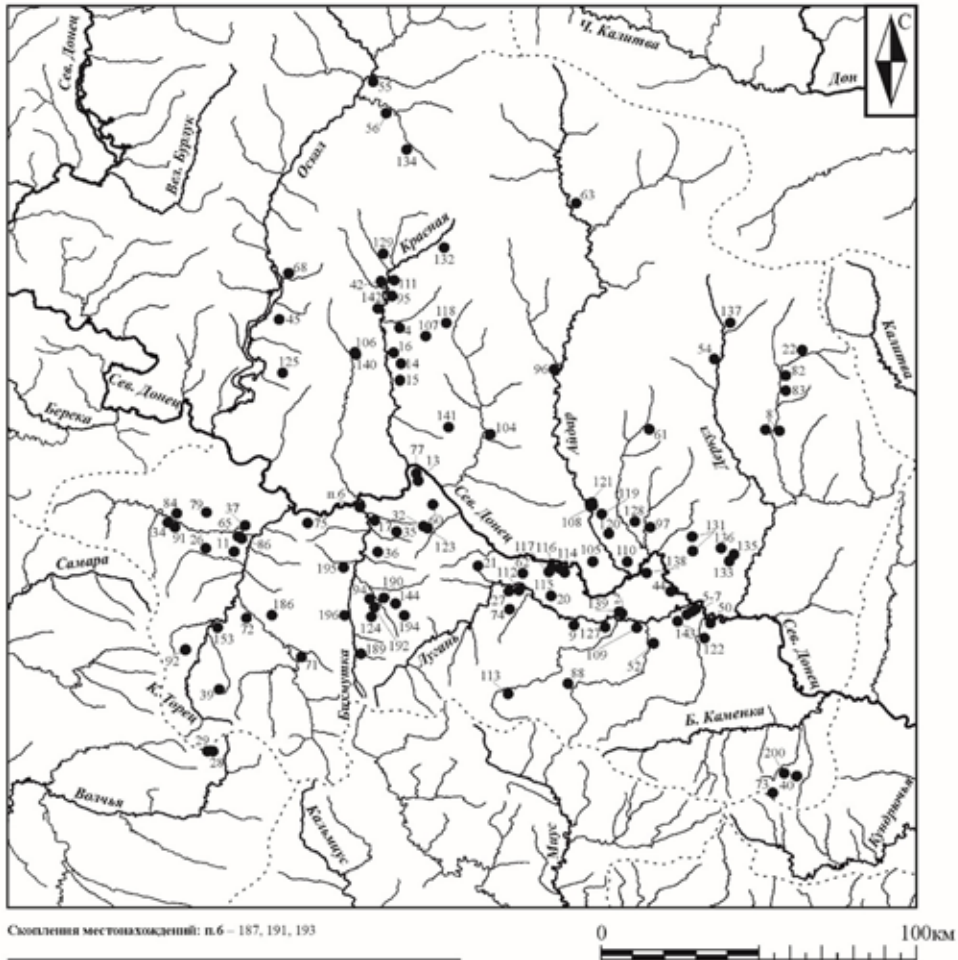
Стоит отметить, что работа по характеристике истории полевых исследований катакомбных комплексов Среднего Подонцовья уже была проведена для раннего этапа исследований, т. е. с периода конца XIX в. по 1960-е гг. [17]. Настоящая же публикация посвящена второму этапу, охватывающему временной промежуток с начала 1970-х по начало 1990-х гг. В пределах этого периода в зависимости от масштабов и характера исследовательских работ просматривается 3 отдельных направления:

1. 1970-е гг. – деятельность академических экспедиций ИА АН УССР;
2. исследования университетских новостроечных экспедиций ДонГУ и КГУ преимущественно в 1980-х гг;
3. спорадические исследования местными экспедициями с начала 1970-х по начало 1990-х гг.

Имея ограниченный объём настоящей публикации, приведём только сравнительно полно и комплексно опубликованные источники, а в остальных случаях ограничиваемся лишь упоминанием факта таких исследований. Пункты местонахождений всех известных нам полевых работ в обозначенный период представлены на карте-схеме региона (рис. 1).

Археологические экспедиции ИА АН УССР

Первой археологической экспедицией на территории бассейна Северского Донца в зонах только начавшихся масштабных строительства мелиоративных систем становится отряд Института археологии АН УССР под руководством

● – погребения ККИО в бассейне Среднего Подонья

2. Александровск; 4. Сватово, 1973-1974; 5. Николаевка I (Поронские могилы); 6. Николаевка II (Лесопитомник); 7. Николаевка III (Сухая Балка); 8. Нижняя Баранниковка; 9. Зимогорье, 1977, 1980; 11. Краматорск, 1985; 13. Приволье, 1975; 14. Новоникольское, 1972; 15. Новоалександровка, 1972; 16. Меловатка; 17. Северск; 20. Новогригорьевка; 21. Горское; 22. Заречное; 26. Октябрьское, 1985; 27. Голубовский; 28. Желанное; 29. Николаевка, 1989; 32. Лисичанск (ЛНПЗ); 34. Майдан, 1986; 35. Ивано-Дарьенка; 36. Раздоловка; 37. Былбасовка (Степной); 39. Новая Полтавка; 40. Провалье (Грушевая балка); 42. Преображенное, 1990; 44. Зеленая роща; 45. Новолатоновка; 50. Пионерское; 52. Тельмана (ул. Лутугинская); 54. Лимаренка; 55. Шелзеево; 56. Герасимовка, 1986-1988; 60. Лисичанск (ЛЗХ); 61. Новоалександровка, 1973; 62. Желобок; 63. Соеновка; 65. Андреевка (гора Карачун); 68. Колесниковка II; 71. Берестовое; 72. Кондратовка; 73. Червонопартизанск; 74. Кировск; 75. Николаевка, 1983; 77. Приволье, 1991; 79. Новониколаевка II; 82. Калмыковка; 83. Мусиевка; 84. Приволье, 1985 (Славянский р-н); 86. Андреевка, 1985; 91. Майдан, 1985; 92. Октябрьское, 1990, 2017; 94. Покровское, 1989 (доследование Рындивка, 1972 г.); 95. Гончаровка I; 96. Подгорька; 97. Михайловка; 104. Новая Астрахань; 105. Трехизбенка; 106. Ковалева, 1974; 107. Петровка, 1974; 108. Безлиново; 109. Лутанск (ВСХИ); 110. Передельское; 111. Преображенное, 1977; 112. Фрунзе, 1974; 113. Новоселовка; 114. Пришиб, 1978; 115. Знаменка; 116. Сокольники; 117. Крипаки; 118. Рудовка; 119. Царевка; 120. Райгородка, 1979; 121. Деманово; 122. Вишневый Дол; 123. Тополевка; 124. Артемовск, 1988; 125. Высшее Солоное; 127. Говоруха; 128. Войтово III; 129. Полтава; 131. Плотина; 132. Тарасовка; 133. Паськово (Камышное); 134. Бабичево; 135. Герасимовка, 1985; 136. Степовое (Степное); 137. Бондаровка (Бондаревка); 138. Цветные Пески; 139. Сабовка; 140. Козалева, 1989; 141. Затинное; 142. Гончаровка II; 143. Воронилоград (Трикоптанная фабрика, Восточный I); 144. Покровское (Острая могила); 186. Изжевка I; 187. Дроновка, 1970; 189. Николаевка, 1972 (Колдемский сохоло); 190. Покровское, 1970; 191. Дроновка, 1988; 192. Покровское, 1988 (1989); 193. Дроновка, 1990; 194. Пилпичатино, 1998; 195. Васюковка, 1990; 196. Артемовск, 1990; 200. Провалье (урочище «Майка»);

Рис. 1 / Fig. 1. История полевых исследований погребальных памятников ККИО бассейна среднего течения Северского Донца в 1970-е – начале 1990-х гг. / The history of field studies of the burial monuments of the KКИО of the middle current basin of the Seversky Donets in the 1970s – early 1990s

Источник: составлено автором

Н. Н. Чередниченко [35, с. 7]. В архивных документах 1971 г. эта экспедиция именуется Северско-Донецкой, а уже в следующем году – Ворошиловградской. В числе прочего ими проводятся масштабные исследования курганов у с. Николаевка Станично-Луганского района и в окрестностях г. Луганска. В период 1971–1972 гг. здесь было открыто около 70 погребений в катакомбах [3; 4; 9]. Работы осуществлялись при участии С. Н. Братченко, Э. С. Шарафутдиновой, Ф. Р. Балонина, К. И. Красильникова и др. Все материалы этих исследований, касающиеся катакомбных комплексов, обработаны и опубликованы С. Н. Братченко [9].

В 1972 г. в связи с ростом строительных работ в зонах мелиораций на Луганщине с целью изучения археологических памятников, попадающих в зоны строительства, создаётся постоянно действующая Северско-Донецкая экспедиция Института археологии АН УССР [35, с. 7]. За годы исследований сотрудниками экспедиции были изучены сотни объектов, в т. ч. курганные и грунтовые могильники, содержащие катакомбные древности.

В числе первых экспедиций раскопан большой курганный могильник у г. Александровск в долине р. Лугань. Здесь под руководством С. Н. Братченко и И. А. Пислария в 1972 г. проведены масштабные исследования, в т. ч. и катакомбных захоронений [8; 10; 33]. Так, в пределах 9 насыпей и 2 грунтовых могильников обнаружено более 90 катакомбных захоронений, среди которых третья часть выявлена в кургане 1 – наибольшем по числу катакомб за всё время полевых исследований в регионе.

Последующие годы отмечены новыми открытиями погребений эпохи средней бронзы в курганах у сёл Новоникольское, Новоалександровка, Меловатка и Новая Астрахань на Левобережье Северского Донца в бассейнах рек Красная и Боровая. Эти раскопки осуществлялись под руководством И. А. Пислария, С. Н. Братченко и М. Л. Швецова в 1972 г. [12].

В сезон 1973–1974 гг. Левобережным отрядом Северско-Донецкой экспедиции под руководством С. Н. Братченко исследованы 24 курганные насыпи в составе могильников у г. Сватово, сёл Петровка и Ковалевка в бассейне р. Красной [7]. Здесь в ходе наиболее масштабных работ, проведённых за всё время археологических исследований на Левобережье Подонцовья, получена информация о более чем 70 катакомбных погребениях. Тогда же значительный пласт захоронений эпохи средней бронзы получен в ходе работ у с. Трёхизбенка, в районе нефтезавода у г. Лисичанска [5, с. 11; 15, с. 6–30] и у сельскохозяйственного института в г. Ворошиловград (современный г. Луганск). Несколько погребений было открыто также у с. Заречное на р. Меловая [6].

Большими полевыми исследованиями для Северско-Донецкой экспедиции отмечен полевой сезон 1975 г. Значительный пласт катакомбных древностей открыт Говорухинским отрядом при раскопках курганных групп у с. Говоруха Славянско-сербского района под общим руководством А. А. Кротовой [5, с. 9]. 13 насыпей исследованы отрядами экспедиции в зоне Привольнянской оросительной системы у г. Приволье [11, с. 4–14]. Отдельные исследования катакомбных погребений проводились у сёл Безгиново и Новоселовка в бассейнах рек Айдар и Лугань, а также в районе Лисичанского нефтезавода [5, с. 9, 11]. Редкий раннекатакомбный пласт представлен в материалах раскопок В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой в районе пгт. Горское и Ворошиловградского сельхозинститута [16; 30].

В 1976 г. Второй Северско-Донецкой экспедицией обнаружены и частично открыты, а затем доисследованы уже Донецкой экспедицией в 1977 г. курганные группы у с. Нижняя Бараниковка в Беловодском районе [6]. Позднее отрядами экспедиции под руководством И. А. Пислария изучаются катакомбные погребения у с. Передельское на левом берегу р. Айдар.

В следующий полевой сезон погребения катакомбной культуры были обнаружены исследованиями Северско-Донецкой экспедиции у сёл Желобок и Новогригорьевка Славяносербского района. Редкие материалы получены из кургана в пойме правого берега р. Лугани у пгт. Зимогорье, раскопанного под руководством И. А. Пислария [37].

Промежуток времени с 1978 по 1981 гг. характеризуется постепенным спадом археологических изысканий Северско-Донецкой экспедиции. Обозначенный период отмечен исследованием катакомбных погребений в курганах Свердловского района у с. Провалье [36]. Отдельные насыпи раскапываются у пгт. Зимогорье Славяносербского района и с. Тополевка Попаснянского района [5, с. 11]. В 1981 г. под руководством А. М. Смирнова исследован курган у с. Лимаревка Беловодского района, давший значительный пласт катакомбных материалов, но в связи с решением Президиума АН Украины и дирекции Института археологии АН УССР о ликвидации Северско-Донецкой экспедиции [35, с. 10] данные об этих раскопках так и не нашли своего отражения в научном отчете.

Совместно с Северско-Донецкой экспедицией в 1977–1980 гг. на Луганщине действовала и ещё одна самостоятельная новостроечная Донецкая экспедиция под общим руководством С. Н. Братченко и при активном участии А. М. Смирнова, Я. П. Гершковича, М. Л. Швецова и др. [5, с. 3–4]. Кроме уже упомянутых раскопок курганов у Нижней Бараниковки, катакомбные погребения исследовались участниками экспедиции у сёл Пришиб, Знаменка и Сокольники в Славяносербском районе [5, с. 10], вблизи с. Деменково на р. Айдар и у с. Рудовка в Сватовском районе.

Таким образом, за 11 лет активных полевых работ академическими экспедициями ИА АН УССР по нашим подсчетам было исследовано более 200 насыпей, содержащих около 600 катакомбных

погребальных комплексов. Стоит отметить, что, кроме количественного роста источниковедческой базы, произошёл качественный скачок как в проведении полевых работ, так и в оформлении отчетной документации. В период работы отрядов Северско-Донецкой экспедиции окончательно утвердился применяемый и сегодня при исследовании курганных насыпей «метод параллельных траншей», были унифицированы и приведены к некоторым стандартам правила оформления полевой документации.

Археологические экспедиции ДонГУ и КГУ

С упразднением новостроечных экспедиций Института археологии дальнейшие полевые изыскания в бассейне среднего течения Северского Донца связаны с деятельностью отрядов университетских новостроечных экспедиций [5, с. 4; 35, с. 10]. Если в 1970-х гг. исследованиями оказалась охвачена преимущественно Ворошиловградская область, то уже в следующее десятилетие активные строительные работы проводятся и в соседней Донецкой области. С целью изучения попадавших под снос памятников здесь ещё в 1978 г. была создана постоянно действующая новостроечная экспедиция Донецкого государственного университета (ДонГУ). Кроме территории Среднего Подонцовья, отряды Донецкого университета работали также в районах Центрального Донбасса и Приазовья. В разное время руководителями экспедиции являлись А. А. Моруженко, Т. А. Шаповалов, В. А. Посредников. В качестве начальников отрядов выступали А. И. Привалов, С. Н. Санжаров, Д. П. Кравец и другие известные сегодня специалисты-археологи.

Исследования новостроечной экспедиции Донецкого университета на территории Среднего Подонцовья происходили в северной части региона в бассейнах рек Бахмут и Казенный Торец. Так, в 1979 г. в районе пгт. Северск доисследо-

ван разрушенный курган с ярким раннекатакомбным погребением с богатым инвентарным набором [39]. Позднее, в 1982–1983 гг., отрядами экспедиции изучаются насыпи у сёл Былбасовка [34], Николаевка [13; 40, с. 144–149] и Новониколаевка [41, с. 97–100] Славянского района. В ходе этих работ под руководством В. А. Посредникова, С. Н. Санжарова и других было открыто около 30 катакомбных комплексов из почти полутора десятков курганных насыпей. Большими полевыми исследованиями в Подонцовье отмечен полевой сезон 1985 г. В этот период исследуются курганы с погребениями катакомбной общности у г. Краматорска [42], сёл Андреевка, Приволье и Майдан в бассейне р. Казенный Торец. В 1990–1991 гг. активные исследования университетской экспедиции под руководством Д. П. Кравца, В. А. Посредникова, Р. А. Литвиненко и других проводятся в Артемовском районе Донецкой области у сёл Ивано-Дарьевка и Раздоловка [24]. В ходе этих работ было выявлено 25 катакомбных захоронений.

По оценкам участников всего за 16 лет существования новостроечной экспедиции Донецкого государственного университета были исследованы около 300 курганов, содержащих более 1000 погребений различных культурно-хронологических групп [23, с. 16]. На Среднее Подоцковье в общей сложности приходится до 50 курганов, содержащих около сотни катакомбных комплексов.

Говоря об археологических исследованиях на Донеччине в конце 1970-х – начале 1980-х гг. стоит также упомянуть работы экспедиции Киевского государственного университета им. Тараса Шевченко. Отрядами экспедиции в 1979–1981 гг. по трассе строительства канала Северский-Донец – Донбасс на севере Донецкой области было исследовано 34 кургана, содержащих в т. ч. и катакомбные комплексы. К сожалению, большинство этих источников так и остались неопубликованными, а архивные сведения о

них теперь недоступны. Касательно этих исследований имеется лишь публикация раскопок кургана с катакомбными захоронениями вблизи с. Новая Полтавка Константиновского района [32].

Масштабные археологические исследования 1980-х гг. продолжались также на территории Ворошиловградской области, где с 1982 г. вместо упразднённой Северско-Донецкой экспедиции Института археологии АН УССР функционирует постоянная новостроечная экспедиция Киевского государственного университета им. Тараса Шевченко. За более чем десятилетие исследований, вплоть до времени свертывания масштабных строительных проектов в начале 1990-х гг., под общим руководством начальников отрядов Н. Н. Бондаря, И. С. Пиоро, Л. Г. Самойленко и Б. А. Антоненко обнаружены и изучены десятки курганов, содержащих значительное число захоронений эпохи средней бронзы. Так, в 1982 г. 2 насыпи с катакомбными комплексами были открыты в районе пос. Троицкое. В полевые сезоны 1983–1984 гг. катакомбные погребения исследованы в насыпях у с. Плотина Станично-Луганского и пос. Голубовский Попаснянского районов [5, с. 8, 11; 38]. Значительный пласт древностей эпохи средней бронзы получен отрядами экспедиции в 1985 г. при работах у сёл Степное, Герасимовка и Паськово на территории Станично-Луганского района [31]. Дальнейшие изыскания экспедиции Киевского университета отмечены исследованием в полевой сезон 1987 г. курганных могильников у с. Бондаревка Марковского района и с. Цветные Пески Славяносербского района [5, с. 8, 12]. В 1989 г. несколько катакомбных погребений выявлено в курганах у с. Тарасовка в верховьях р. Красной [5, с. 12], с. Ковалевка на левобережье р. Жеребец и с. Сабовка в бассейне р. Лугань. В 1992 г. были окончены многолетние раскопки курганов у с. Затишное Кременского района, где среди прочих захоронений находилось несколько катакомбных погребений.

Стоит отметить, что за более чем 10-летнюю историю исследований на территории Ворошиловградской области, а ранее ещё в течении 3 полевых сезонов в Донецкой области, экспедицией КГУ совокупно изучено около 100 курганов, содержащих катакомбные захоронения. Приблизительное число исследованных комплексов, по самым предварительным подсчётам, составляет около 150. К сожалению, большинство этих источников до сих пор не опубликовано, а основная масса материалов хранится в учебном музее университета.

Археологические экспедиции местных организаций

Кроме уже упомянутых экспедиций, в рассматриваемом регионе в 70-е – начале 90-х гг. XX в. спорадические исследования курганных памятников, содержащих, в т. ч. и катакомбные комплексы, проводились силами местных организаций. В первую очередь, это исследования Ворошиловградского пединститута, местных региональных отделений Общества охраны памятников, краеведческих музеев, прочих волонтерских организаций.

Систематические исследования катакомбных погребальных древностей в рассматриваемом регионе проводились Енакиевской археологической экспедицией «Эврика» под руководством В. Ф. Клименко. Так за период 1975–1984 гг. в пределах верхнего и среднего течения Северского Донца были осуществлены раскопки 36 курганов эпохи меди-бронзы, в которых выявлено 127 катакомбных погребений [14]. Около трети этих источников приходится на Среднее Подонцове.

В рассматриваемый период отдельные курганы исследуются экспедициями Луганского пединститута и регионального отделения Общества охраны памятников истории и культуры под руководством К. И. Красильникова. Так, в разное время ведутся работы по спасению одиночных насыпей, содержащих погребения ката-

комбной культуры у городов Кировск [22], Червонопартызанск [20] и Ворошиловград [18], сёл Подгоровка Старобельского района, Преображенное Сватовского района [26], Михайловка Станично-Луганского района, Мусиевка и Калмыковка Беловодского района. Масштабными находками отмечены спасательные раскопки могильников, расположенных по берегам рек Красной и Северского Донца, в составе 3 курганов у с. Гончаровка в 1989 г. [21] и 10 насыпей у с. Пионерское в 1987–1988 гг. [19]. Всего в исследованных курганах выявлены несколько десятков катакомбных погребений.

Некоторое число катакомбных комплексов в Среднем Подонцове исследуется экспедицией Мариупольского университета под общим руководством В. К. Кульбаки. Прежде всего, это работы 1988–1990 гг. у сёл Кондратовка [27, с. 28–41; 28, с. 24–25; 29, с. 46–49], Берестовое [27, с. 26–27; 29, с. 49–51] и Октябрьское в нижнем течении р. Казённый Торец на самой границе с основным местом работы экспедиции – Северо-Восточным Приазовьем. Всего в этот период в 8 курганах было открыто более двух десятков захоронений катакомбной общности. В 1991 г. отряды этой экспедиции исследовали курган вблизи пгт. Приволье на Луганщине.

Ещё одной организацией, занимавшейся сравнительно масштабными многолетними исследованиями курганных памятников в обозначенный период, являлся Артёмовский краеведческий музей. В разные годы полевые исследования под руководством С. И. Татарина, при участии Д. П. Кравца, С. В. Федяева и др., проводились преимущественно на территории Артёмовского района в бассейне р. Бахмут. Среди наиболее масштабных работ упомянем исследования курганов у с. Покровское [25; 44] и с. Дроновка, а также раскопки курганов непосредственно в черте г. Артёмовск. Совокупное число открытых комплексов составляет несколько десятков захоронений.

Незначительное количество комплексов эпохи средней бронзы в рассматриваемый период известно также из раскопок Ворошиловградского и Донецкого краеведческих музеев, однако более систематические их исследования приходится только на следующий этап в истории курганной археологии региона.

Кроме вышеназванных работ необходимо, также упомянуть исследования Харьковского университета на левом берегу р. Оскол, являющегося западной границей рассматриваемого региона. В 1980-е здесь вблизи сёл Высшее Солёное, Новоплатоновка и Колесниковка под руководством С. И. Берестнева исследуется около двух десятков курганов, содержащих до 50 катакомбных погребений [1].

Заключение

Таким образом, полевые археологические исследования курганных памятников на территории бассейна среднего течения Северского Донца, проводившиеся в период с начала 70-х до начала

90-х гг. XX в., позволили сформировать огромную источниковую базу по катакомбным погребальным древностям региона. В разные годы над её созданием и развитием трудились как ведущие специалисты больших новостроечных академических и университетских экспедиций (Северско-Донецкая, Донецкая, новостроечные отряды ДонГУ и КГУ), так и местные, преимущественно музейные и университетские энтузиасты. По самым предварительным подсчётам в результате совокупных работ было получено около 1000 новых комплексов.

Однако несмотря на общие положительные моменты, связанные с количественным ростом, нельзя не отметить и негативную тенденцию данного периода, а именно состояние с публикацией полученных результатов полевых работ. На сегодня широкому кругу специалистов доступна едва ли половина из этих источников, поэтому важнейшей задачей последующих лет является введение в научный оборот новых материалов.

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев С. И. Новоплатоновский катакомбный курганный могильник на р. Оскол // Древности: мат-лы конф. Харьков: Бизнес Информ, 1995. С. 134–155.
2. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Київ: Наукова думка, 1976. 252 с.
3. Братченко С. Н. Второй и шестой Николаевские курганы на Луганщине // Древности степного Причерноморья и Крыма. Том II: сб. науч. трудов Запорожье, 1991. С. 52–62.
4. Братченко С. Н. Перший Миколаївський курган на Луганщині // Поховальний обряд давнього населення України / отв. ред. М. М. Бондар. Київ, 1991. С. 89–103.
5. Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 196 с.
6. Братченко С. Н. Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // Матеріали і дослідження по археології Східної України. 2003. Вип. 1. С. 162–225.
7. Братченко С. Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н. е. та майдани // МДАСУ. 2004. Вип. 2. С. 65–190.
8. Братченко С. Н. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. 2008. Вип. 8. С. 134–217.
9. Братченко С. Н. Миколаївські могили-кургани в пониззі р. Луганка // МДАСУ. 2009. Вип. 9. С. 137–197.
10. Братченко С. Н., Балонов Ф. Р., Гершкович Я. П. Древнейшая группа погребений Александровского кургана № 9 на р. Лугань // МДАСУ. 2004. Вип. 3. С. 30–74.
11. Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. До н. е. Луганськ: Вид-во СХУ, 2001. 109 с.
12. Братченко С. Н., Швецов М. Л. Северскодонецкие катакомбные погребения на реке Красная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники, проблемы, исследования / отв. ред. С. Н. Братченко. Киев, 1991. С. 165–186.

13. Вангородская О. Г., Санжаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники, проблемы, исследования / отв. ред. С. Н. Братченко. Киев, 1991. С. 214–234.
14. Клименко В. Ф. Погребения катакомбной культуры бассейна Северского Донца // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тезисы докладов. Донецк, 1987. С. 49–51.
15. Клименко В. Ф. Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997. 320 с.
16. Коваленко П. П. Новые материалы к изучению эпохи бронзы Доно-Донецкого массива // Проблемы археологии Восточной Европы / отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону, 2016. С. 104–110.
17. Коваленко П. П. История полевых исследований катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (конец XIX – 60-е гг. XX ст.) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 12 / от ред. А. Н. Бессуднов и др. Липецк, 2022. С. 65–69.
18. Коваленко П. П., Красильников К. И. Комплекс катакомбных погребений могильника урочища «Зеленая роща» на Северском Донце // Археология восточноевропейской лесостепи / отв. ред. И. Е. Сафонов. Воронеж, 2016. С. 105–113.
19. Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования курганного могильника у с. Пионерское на Северском Донце (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // Археология восточноевропейской лесостепи / отв. ред. В. А. Сарапулкин. Белгород, 2018. С. 88–122.
20. Коваленко П. П., Красильников К. И. Результаты исследования кургана у г. Червонопартизанск на Донецком кряже (материалы охранных раскопок 1982 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. № 2. С. 114–127.
21. Коваленко П. П., Красильников К. И. Одиночный курган эпохи бронзы у с. Гончаровка в Среднем Подонцовье (раскопки 1988 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. № 3. С. 113–128.
22. Коваленко П. П., Красильников К. И. Материалы спасательных археологических исследований стратифицированного кургана эпохи бронзы у г. Кировск в Среднем Подонцовье (работы 1974 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 5, Циркумпонтика. № 5. С. 76–92.
23. Косиков В. А., Литвиненко Р. А. Археология в Донецком университете // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997. С. 14–19.
24. Кравец Д. П., Посредников В. А., Литвиненко Р. А. Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе. Донецк: ДонГУ, 1991. 101 с.
25. Кравец Д. П., Татаринцов С. И., Федяев С. В. Курганы донецкой катакомбной культуры в урочище «Острая могила» (Донецкий кряж) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. VIII: сб. трудов конф. / гл. ред. П. П. Толочко. Запоріжжя, 2000. С. 143–153.
26. Красильников К. И., Тельнова Л. И. Исследование кургана у с. Преображенное на реке Красная // Древние культуры Подонцовья. 1993. Вып. 1. С. 91–125.
27. Кульбака В., Качур В. Соматичні культи бронзового віку півдня Східної Європи. Маріуполь: Изд.-полиграф. центр ПГТУ, 1998. 60 с.
28. Кульбака В., Качур В. Індоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь: Рената, 2000. 80 с.
29. Кульбака В., Качур В. Давні індоевропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. Маріуполь, 2002. 94 с.
30. Николаева Н. А., Сафронов А. В. Горские барельефы и проблема выделения раннекатакомбного горизонта на юге Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. 2014. Вып. 11. С. 96–111.
31. Піоро В. І. Поховання катакомбної культури з виробничим інвентарем на Луганщині // Vita Antiqua. 1999. Вып. 2. С. 62–68.
32. Піоро В. І. Бронзовий браслет катакомбної культури з учбового археологічного музею кафедри археології та музеєзнавства Київського університету імені Тараса Шевченка // Український музей / под ред. П. Куринний. Київ, 2003. С. 68–75.

33. Післарій І. А. Олександрівська могила 10 та групи поховань 11 і 12 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2008. Вип. 8. С. 217–228.
34. Посредников В. А., Привалов А. И., Зарайская Н. П. Материалы курганов у пос. Степной и с. Шнурки (Среднее Подонцовье, эпоха бронзы и средневековья) // Донецкий археологический сборник. 1996. Вып. 6. С. 109–152.
35. Пыслару И. В. Г. Самойленко и его роль в исследованиях Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы: сб. статей / сост. А. И. Василенко. Луганск: Глобус, 2010. С. 7–10.
36. Пыслару И. Курганы эпохи бронзы в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5: Циркумпонтика, № 1. С. 76–100.
37. Пыслару И., Самойленко В. Г. Исследование курганов в Славяносербском и Краснодарском районах Луганской области // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы: сб. статей / сост. А. И. Василенко. Луганск: Глобус, 2010. С. 49–91.
38. Самойленко Л. Г. Курганні поховання бронзового віку поблизу селища Голубовський Луганської області // Поховальний обряд давнього населення України / под. ред. М. М. Бондар. Київ, 1991. С. 134–150.
39. Санжаров С. Н. Катакомбное погребение близ г. Северска // Советская археология. 1983. № 3. С. 202–207.
40. Санжаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // Советская археология. 1988. № 1. С. 140–158.
41. Санжаров С. Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // Советская археология. 1989. № 2. С. 97–107.
42. Санжаров С. Н. Курганы у г. Краматорска на Казенном Торце // Древние культуры Подонцовья. 1993. Вып. 1. С. 58–90.
43. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996. 182 с.
44. Федяев С. В. Глиняная модель колыбели ранней бронзы // Бахмутський часопис. 1996–1997. Вип. 5–6. С. 9–12.

REFERENCES

1. Berestnev S. I. [Novoplatonovsky catacomb burial mound on the Oskol River]. In: *Drevnosti* [Antiquities]. Kharkov, Business Inform Publ., 1995, pp. 134–155.
2. Bratchenko S. N. *Nizhneye Podon'ye v epokhu sredney bronzy* [Lower Don Region in the Middle Bronze Age]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1976. 252 p.
3. Bratchenko S. N. [The Second and Sixth Nikolaev Kurgans in Luhansk Region]. In: *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma. T. II* [Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea. Vol. II]. Zaporozhye, 1991 pp. 52–62.
4. Bratchenko S. N. [The First Nikolaev Kurgan in Luhansk Region]. In: Bondar M. M., ed. *Pokhovalnyy obryad davnego naseleniya Ukrainy* [Funeral Rite of the Ancient Settlement of Ukraine]. Kiev, 1991, pp. 89–103.
5. Bratchenko S. N. *Donetskaya katakombna kul'tury rannego vozrasta* [Donetsk catacomb culture of the early stage]. Lugansk, Shlyakh Publ., 2001. 196 p.
6. Bratchenko S. N. [Graves of bronze treasures in the basin of the river. Derkul]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Vostochnoy Ukrainy* [Materials and research on the archeology of Eastern Ukraine], 2003, iss. 1, pp. 162–225.
7. Bratchenko S. N. [Ancient Slobozhanshchina: Svativ graves-mounds of the 3rd millennium. BCE that Maidan]. In: *MDASU* [MDASU], 2004, iss. 2, pp. 65–190.
8. Bratchenko S. N. [Oleksandrivsky graves-mounds in the Lugan valley]. In: *MDASU* [MDASU], 2008, iss. 8, pp. 134–217.
9. Bratchenko S. N. [Mykolayiv graves-mounds in the lower river. Luganka]. In: *MDASU* [MDASU], 2009, iss. 9, pp. 137–197.
10. Bratchenko S. N., Balonov F. R., Gershkovich Ya. P. [The oldest group of burials of the Alexander Kurgan no. 9 on the river. Lugan]. In: *MDASU* [MDASU], 2004, iss. 3, pp. 30–74.
11. Bratchenko S. N., Sanzharov S. M. *Ridkísni bronzovyye znamona iz katakomb Síverskodonechchini i*

- Donshchiny III tis. do n. ye.* [Rare bronze artifacts from the catacombs of the Severskodonets and Don regions of the 3rd millennium BC]. Lugansk, Vid-vo SNU Publ., 2001. 109 p.
12. Bratchenko S. N., Shvetsov M. L. [Severskodonets catacomb burials on the Krasnaya River]. In: Bratchenko S. N., ed. *Katakombnyye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya. Istochniki, problemy, issledovaniya* [Catacomb cultures of the Northern Black Sea region. Sources, problems, research]. Kyiv, 1991, pp. 165–186.
 13. Vangorodskaya O. G., Sanzharov S. N. [Burials of the Donetsk catacomb culture of the Nikolaev burial ground with decorations]. In: Bratchenko S. N., ed. *Katakombnyye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya. Istochniki, problemy, issledovaniya* [Catacomb cultures of the Northern Black Sea region. Sources, problems, research]. Kyiv, 1991, pp. 214–234.
 14. Klimenko V. F. [Burials of the catacomb culture of the Seversky Donets basin]. In: *Problemy okhrany i issledovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse* [Problems of protection and study of archaeological monuments in the Donbass]. Donetsk, 1987, pp. 49–51.
 15. Klimenko V. F. *Kurgannye drevnosti Severskogo Donsa* [Mound antiquities of the Seversky Donets]. Yenakiyevo, 1997. 320 p.
 16. Kovalenko P. P. [New materials for the study of the Bronze Age of the Don-Donets massif]. In: Vdovchenkov E. V., ed. *Problemy arkheologii Vostochnoy Yevropy* [Problems of archaeology of Eastern Europe], Rostov n/Don, 2016, pp. 104–110.
 17. Kovalenko P. P. [History of field studies of catacomb burial complexes in the middle reaches of the Seversky Donets basin (late 19th – 1960s)]. In: Bessudnov A. N. et al, eds. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik. Vyp. 12* [Upper Don archaeological collection. Iss. 12]. Lipetsk, 2022, pp. 65–69.
 18. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Complex of catacomb burials of the burial ground of the Zelenaya Roshcha tract on the Seversky Donets]. In: Safonov I. E., ed. *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe]. Voronezh, 2016, pp. 105–113.
 19. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Results of the study of the burial mound near the village. Pionerskoe on the Seversky Donets (based on excavations in 1987–1988)]. In: Sarapulkin V. A., ed. *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European forest-steppe]. Belgorod, 2018, pp. 88–122.
 20. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Results of the study of the burial mound near the town of Chervonopartizansk on the Donetsk Ridge (materials from the 1982 security excavations)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 5, Circumpon-tica, no. 2, pp. 114–127.
 21. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [A single burial mound of the Bronze Age near the village of Goncharovka in the Middle Podontsove (excavations of 1988)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 5, Circumpon-tica, no. 3, pp. 113–128.
 22. Kovalenko P. P., Krasilnikov K. I. [Materials of rescue archaeological research of a stratified burial mound of the Bronze Age near the town of Kirovsk in the Middle Podontsove (works of 1974)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2023, no. 5, Circumpon-tica, no. 5, pp. 76–92.
 23. Kosikov V. A., Litvinenko R. A. [Archaeology at Donetsk University]. In: *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi. Vyp. 10: Pyatdesyat polevykh sezonov arkheologov Voronezhskogo universiteta* [Archaeology of the East European forest-steppe. Iss. 10: Fifty field seasons of archaeologists of Voronezh University]. Voronezh, 1997, pp. 14–19.
 24. Kravets D. P., Posrednikov V. A., Litvinenko R. A. *Kurgany epokhi rannego metalla Ivano-Dar'yevskogo mikrorayona v Donbasse* [Burial mounds of the Early Metal Age of the Ivano-Daryevsky microdistrict in the Donbass]. Donetsk, DonSU Pub., 1991. 101 p.
 25. Kravets D. P., Tatarinov S. I., Fedyaev S. V. [Kurgans of the Donetsk catacomb culture in the tract "Ostraya Mogila" (Donetsk Ridge)]. In: Tolochko P. P., ed. *Starozhitnosti stepnogo Prichernomor'ya i Krimu. T. VIII* [Old habitations of the steppe Black Sea region and Crimea. Vol. VIII]. Zaporozhye, 2000, pp. 143–153.
 26. Krasilnikov K. I., Telnova L. I. [Study of the kurgan near the village of Preobrazhennoye on the Krasnaya River]. In: *Drevniye kul'tury Podontsovyia* [Ancient cultures of Podontsove], 1993, iss. 1, pp. 91–125.

27. Kulbaka V., Kachur V. *Somatic cults of the Bronze Age of the Converging Europe*. Mariupol: Izd.-poligraf. tsentr PGTU Publ., 1998. 60 p.
28. Kulbaka V., Kachur V. *Indo-European tribes of Ukraine of the paleometal era*. Mariupol, Renata Publ., 2000. 80 p.
29. Kulbaka V., Kachur V. *Davniye indoevropeytsy Ukrainy v svetlykh novykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Ancient Indian Europeans of Ukraine in light of new archaeological research]. Mariupol, 2002. 94 p.
30. Nikolaeva N. A., Safronov A. V. [Mountain bas-reliefs and the problem of identifying the Early Catacomb horizon in the south of Eastern Europe]. In: *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzhyia* [Archaeological monuments of the Orenburg region], 2014, vol. 11, pp. 96–111.
31. Pioro V. I. [Buried catacomb culture with burial equipment in Lugansk region]. In: *Vita Antiqua*, 1999, vol. 2, pp. 62–68.
32. Pioro V. I. [Bronze bracelet of the Catacomb culture from the educational archaeological museum of the department of archeology and museum studies of Taras Shevchenko University of Kiev]. In: Kurinniy P., ed. *Ukrainskiy muzey* [Ukrainian Museum]. Kyev, 2003, pp. 68–75.
33. Pislariy I. A. [Oleksandriivska grave 10 and group of burials 11 and 12]. In: *Materialy i issledovaniya po arkhеologii Skhodnoy Ukrainy* [Materials and research from the archeology of Similar Ukraine], 2008, iss. 8, pp. 217–228.
34. Posrednikov V. A., Privalov A. I., Zaraiskaya N. P. [Materials of mounds near the village. Stepnoy and s. Laces (Middle Donetsk region, Bronze Age and Middle Ages)]. In: *Donetskiy arkhеologicheskyy sbornik* [Donetsk archaeological collection], 1996, vol. 6, pp. 109–152.
35. Pyslaru I. V. [G. Samoilenko and his role in the research of the Seversk-Donetsk expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR]. In: Vasilenko A. I., ed. *Problemy okhrany i izucheniya pamyatnikov arkhеologii stepnoy zony Vostochnoy Yevropy* [Problems of protection and study of archaeological monuments of the steppe zone of Eastern Europe]. Lugansk, Globus Publ., 2010, pp. 7–10.
36. Pyslaru I. [Bronze Age barrows in the Provalskaya steppe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political sciences], 2019, no. 5, Circumpontica, no. 1, pp. 76–100.
37. Pyslaru I., Samoilenko V. G. [Study of burial mounds in the Slavyanoserbsk and Krasnodon districts of the Luhansk region]. In: Vasilenko A. I., ed. *Problemy okhrany i izucheniya pamyatnikov arkhеologii stepnoy zony Vostochnoy Yevropy* [Problems of protection and study of archaeological monuments of the steppe zone of Eastern Europe]. Lugansk, Globus Publ., 2010, pp. 49–91.
38. Samoilenko L. G. [Bronze Age burial mounds near the village of Golubovskyy, Lugansk region]. In: Bondar M. M., ed. *Pokhovalnyy obryad davnego naseleniya Ukrainy* [Funeral rite of the ancient population of Ukraine]. Kiev, 1991, pp. 134–150.
39. Sanzharov S. N. [Catacomb burial near the city of Seversk]. In: *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archeology], 1983, no. 3, pp. 202–207.
40. Sanzharov S. N. [Burials of the Donetsk catacomb culture with dice]. In: *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archeology], 1988, no. 1, pp. 140–158.
41. Sanzharov S. N. [Ocher in the visual activity of the tribes of the Middle Bronze Age of Donetsk region]. In: *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet archeology], 1989, no. 2, pp. 97–107.
42. Sanzharov S. N. [Mounds near the city of Kramatorsk on Kazeny Torets]. In: *Drevniye kultury Podontsovyia* [Ancient cultures of Podontsovye], 1993, iss. 1, pp. 58–90.
43. Smirnov A. M. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse* [Barrows and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets]. Moscow, 1996. 182 p.
44. Fedyaev S. V. [Clay model of the cradle of an early bronze]. In: *Bakhmutskiy chasopis* [Bakhmutsky chasopis], 1996–1997, iss. 5–6, pp. 9–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Петр Петрович – младший научный сотрудник Центра археологии и этнографии Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: p_kov@mail.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr P. Kovalenko – Research Assistant, Archaeology and Ethnography Center, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: p_kov@mail.ru;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваленко П. П. Полевые исследования катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (70-е – начало 90-х гг. XX ст.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 270–282.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282

FOR CITATION

Kovalenko P. P. Archaeological research of catacomb burial complexes in the Middle Seversky Donets basin (70s – early 90s of the 20th century). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 270–282.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282

РЕЦЕНЗИИ

УДК 903

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-283-289

ДЕКОНСТРУИРОВАННАЯ ИНДОЕВРОПЕИСТИКА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ЖАНА-ПОЛЯ ДЕМУЛЯ)

Козинцев А. Г.

*Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать деконструктивистский подход к индоевропейской проблеме.

Процедуры и методы. На примере книги Ж.-П. Демуля сделана попытка выяснить, насколько плодотворен данный подход, а именно, насколько предпринятый автором анализ политического контекста индоевропеистики на разных этапах её развития в разных странах способен приблизить решение индоевропейской проблемы.

Результаты. Попытки стереть грань между наукой и социально-политическими условиями, в которых она развивается, чреваты риском растворения науки в её истории и в конечном итоге её исчезновения, свидетельством чему служит вывод Демуля, что индоевропейцы – миф.

Теоретическая и/или практическая значимость. На конкретном примере показано, что деконструктивистский подход может оказаться плодотворным лишь для истории науки, но не для неё самой.

Ключевые слова: индоевропейцы, сравнительно-историческое языкознание, ареальная лингвистика, археология, неолит, бронзовый век, деконструкция

INDO-EUROPEAN STUDIES DECONSTRUCTED (REFLECTIONS ON A BOOK BY JEAN-PAUL DEMOULE)

A. Kozintsev

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the deconstructivist approach to the Indo-European problem.

Methodology. Using J.-P. Demoule's book, an attempt is made to understand if this approach is fruitful, specifically if the analysis of the political context of Indo-European studies at various stages of their development in various countries can contribute to the resolution of the Indo-European problem.

Results. Attempts at blurring the boundary between a scholarly discipline and the social-political context in which it develops entail the risk of the discipline's dissolution in its history and of its eventual disappearance, as evidenced by Demoule's conclusion that Indo-Europeans are a myth.

Research implications. This case study demonstrates that the deconstructivist approach can be useful only with regard to the history of a discipline, not to the discipline itself.

Ключевые слова: Indo-Europeans, comparativistics, areal linguistics, archaeology, Neolithic, Bronze Age, deconstruction

Введение

Жан-Поль Демуль – заслуженный профессор европейской доистории в Сорбонне, специалист в области спасательной археологии, известный раскопками памятников разных эпох во Франции, Греции и Болгарии, автор обобщающих и научно-популярных трудов по археологии.

Книга, о которой пойдёт речь [5], вышла во Франции двумя изданиями. Английский перевод сделан с издания 2017 г. «Куда же делись индоевропейцы? Миф о рождении Запада». Английское название смягчено: «Индоевропейцы. Археология, язык, раса и поиски истоков Запада». От книги с таким названием читатель вправе ожидать многого, ведь проблема происхождения и ранних миграций индоевропейцев вызывает сейчас жгучий интерес. Над ней работают десятки ведущих представителей целого ряда наук: сравнительно-исторического языкознания, археологии, генетики, физической антропологии и др. Почти каждый год завершается одним или несколькими крупными прорывами, существенно приближающими решение данной проблемы (особенно весом вклад палеогеномики).

Для каждого из нас открыты два пути. Первый – включиться в общее дело и попытаться внести в него собственный, пусть и небольшой, вклад. Это трудный путь. Представитель «анархистской антропологии» (таковым объявляет себя автор) его отвергает, предпочитая более лёгкий. Чем биться над проблемой, куда как проще её деконструировать, т. е. объявить несуществующей. На все вопросы, которые ставит индоевропеистика, можно дать один заманчиво простой ответ: *индоевропейцы* (имеются в виду не современные носители языков данной семьи, а их далёкие общие предки) *никуда не делись – их никогда и не было.*

В английской версии есть два посвящения: филологу-классику, первоиздателю книги и автору её замысла М. Олендере и археологу, специалисту по национализму Ф. Коулу. В оригинале тоже два посвящения, но другие: профессору биоинформатики Монреальского университета В. Макаренко «за вопросы» и Н. С. Трубецкому «за ответы». С первым из них автор обсуждал общую теорию классификации в условиях, когда иерархическая структура данных нарушается «горизонтальным переносом» генетической (и любой иной) информации между ветвями родословного древа, а идеи Трубецкого, высказанные в его известной статье 1939 г. [4], вдохновили Демуля на написание книги. Трубецкой предпринял попытку возродить ареальную модель эволюции индоевропейских языков (см. ниже). Его замысел, продиктованный, с одной стороны, протестом против нацистских спекуляций вокруг индоевропейской проблемы, с другой – стремлением привнести в индоевропеистику идеи евразийства, оказался весьма созвучным появившемуся значительно позже деконструктивизму.

Индоевропеистика в свете деконструктивизма

Базовые для индоевропеистики (и не только) понятия уже подвергались деконструктивистским атакам. Деконструировали язык, этнос, расу и культуру, но по отдельности. Автор задался целью деконструировать индоевропеистику в целом. Широтой замаха его труд отчасти напоминает печально знаменитую книгу М. Могильнер [3], впрочем, выгодно от неё отличаясь хотя бы тем, что автор – профессионал в одной из базовых для индоевропеистики дисциплин,

То, что Демуль называет «официальной ИЕ гипотезой», сводится в его изло-

жении к нескольким тезисам. Главные из них:

1. ИЕ языки развились из единого праязыка по схеме генеалогического древа, надёжно реконструированного с помощью количественных методов;

2. на праязыке говорил пранарод, живший в определённом месте;

3. термины, обозначающие его среду обитания, хозяйство и культуру, сохранились в большинстве ИЕ языков;

4. последние распространялись путём миграций, которые можно проследить с помощью археологии, антропологии и генетики;

5. злоупотребления индоевропеистикой маргинальны и не имеют отношения к её сути;

6. ИЕ проблему можно считать в целом решённой.

Цель автора книги – опровергнуть каждый из этих тезисов.

Изложение истории индоевропеистики в книге трудно назвать вполне объективным. Автор концентрирует внимание на нескольких индоевропеистах, чьи взгляды он критикует по разным соображениям, пытаясь тем не менее связать их в единую, порочную, как ему кажется, доктрину. Первый из них – А. Шлейхер. Главной его ошибкой Демуль считает перенесение схемы генеалогического древа, основанной на принципе последовательного разделения ветвей без их срастания, из ботаники (которая была второй специальностью Шлейхера) в языкознание.

Ещё одним создателем «официальной ИЕ гипотезы» был Г. Коссинна, дополнивший её следующими постулатами: существует прямое соответствие между археологической культурой, физическим типом, народом и языком; языки – это автономные, однородные, самовоспроизводящиеся единицы, подобные биологическим; миграции, благодаря которым распространялись ИЕ языки, носили характер завоевательных походов. Хотя взгляды Коссинны были взяты на вооружение нацистами и тем самым дис-

кредитированы в глазах многих, они, согласно Демулю, стали неотъемлемой частью современной индоевропеистики. То же относится к мифологической теории Ж. Дюмезиля, запятнавшего себя симпатиями к итальянскому фашизму и Аксьон Франсез, а также антисемитизмом. Демуль, правда, признаёт, что представление о праиндоевропейцах как о маленькой группе со свойственными ей «инстинктом завоевания, любовью к открытым пространствам, уважением к власти и собственности» не было прерогативой крайне правых. Так, приведённая цитата взята из статьи Э. Бенвениста – еврея, человека левых взглядов и при этом друга Дюмезиля (оба были учениками Ж. Мейе).

Конкретная локализация ИЕ прародины не может быть частью «официальной гипотезы», ибо на этот счёт существует несколько равноправных теорий. Деконструктивистам удобнее заострять внимание на нордической теории Коссинны с её расистским довеском, который можно использовать в качестве камня, способного утянуть на дно всю индоевропеистику в целом. Но и с другими прародинами дело обстоит не лучше.

Демуль отдаёт должное научным заслугам и честности противника Коссинны – О. Шрадера, не дискредитировавшего себя какими-либо спекуляциями¹. Однако предложенную последним в качестве альтернативы степную теорию автор также критикует. «Лингвистическая палеонтология», по его мнению, оказалась бессильной в попытках обосновать степную прародину. Автор разбирает взгляды последователей Шрадера – М. Гимбутас, Дж. Мэллори и Д. Энтони – и находит, что почти никакого прогресса тут не наблюдается. Даже работы генетических коллективов Д. Райха и Э. Виллерслева хотя и вывели степную теорию в лидеры, не обеспечили ей решающего переве-

¹ Гораздо более глубокий анализ полемики между Коссинной и его оппонентами см.: [1].

са над прочими – азиатской К. Ренфру, закавказской Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова и другими, ибо все они базируются на одном и том же постулате – идее эволюции ИЕ народов и языков из пранарода с его праязыком по схеме генеалогического древа.

Какова же альтернатива? Её предложили два ученика Шлейхера – И. Шмидт и Г. Шухардт. Оба они, хотя и с несколько разных позиций, выступили за замену генеалогического подхода к эволюции ИЕ языков ареальным. То, что является нормой на диалектном уровне (лингвистическая непрерывность, постоянное смешение и т. д.) предлагалось считать обычным явлением и на уровне языков (позже это было декларировано Н. С. Трубецким, создавшим концепцию языкового союза). Соответственно, возникла потребность заменить модель древа иной моделью, основанной не на вертикальной координате (времени разделения языков), а на двух горизонтальных, определяющих их географическое положение. Первым это попытался осуществить А. Крёбер в 1960 г. с помощью бесхитростных графиков, основанных на попарных лексикостатистических соответствиях между ИЕ языками. Попытку эту Демуть приводит в качестве образцового подхода к изучению эволюции языков, хотя она не была основана на какой-либо математической теории.

Научная же реализация псевдоархейной модели с помощью математического метода многомерного шкалирования была впервые предпринята в 1992 г. по отношению как к ИЕ языкам, так и к ИЕ диалектам [6]. В этой работе, которую Демуть пропустил, было показано, что модель может применяться в случае, когда схема древа не работает, а именно – в диалектологии. В результате были получены «псевдокарты», на которых расположение ИЕ диалектов обнаруживает явное соответствие с их географией. Такое же соответствие наблюдается и при классификации ИЕ языков. В дальнейшем дан-

ная модель была применена рецензентом на ещё более высоком уровне – для изучения ареальных связей пра-ИЕ языка с языками иных семей по базе данных The Global Lexicostatistical Database Г. С. Старостина, А. С. Касьяна и М. А. Живлова [2; 7; 8 и др.].

Обстоятельная критическая рецензия на книгу Демутья, написанная лингвистами [9], избавляет нас от необходимости называть изъяны в его рассуждениях. Рецензенты указывают, например, что его вывод, будто нет ни одной из реконструированных пра-ИЕ лексем, сохранившейся бы во всех ветвях ИЕ семьи, основан на элементарной ошибке: Демутья учитывал и языки, изученные весьма фрагментарно, например, фригийский и иллирийский. Если же ограничиться главными, более или менее полно документированными ветвями ИЕ семьи, включая и вымершие – азиатскую и тохарскую, то Дж. Мэллори и Д. Адамс приводят целых 16 лексем, общих для всех 12 ветвей. Однако среди них нет ни одной, относящейся к земледелию. Значит, их не было и в пра-ИЕ языке, что нельзя считать случайным. Гипотеза возникновения ИЕ праязыка путём креолизации и пиджинизации несостоятельна. Суть рецензии отражена в её названии – «ИЕ язык – это не миф». Один из её авторов выразился менее академично: «Жан-Поль Демутья, довольно лжи!»¹.

С археологическими разделами книги дело обстоит не лучше. Хотя автор – профессиональный археолог, его наука здесь нужна ему лишь для того, чтобы в лучшем случае продемонстрировать её бессилие в реконструкции ИЕ истории, в худшем – заклеить как пособницу расизма и нацизма, конечно, не забыв при этом советских археологов: «Термин *Siedlungsarchäologie* “археология обита-

¹ Jacques G. Jean-Paul Demoule: halte à l'imposture ! Notes de lecture sur l'ouvrage "Mais où sont passés les Indo-Européens?" // Hypothèses: [сайт]. URL: <https://panchr.hypotheses.org/2145> (дата обращения: 16.08.2024).

ния” (термин Коссинны – А.К.) в дальнейшем стал обозначать полные и широкие раскопки отдельных поселений – метод, в котором набили руку советские и нацистские археологи, шедшие по стопам профессора-эсэсовца Герберта Янкуна»¹. Прочие науки, причастные к индоевропеистике, повинны в тех же грехах. «В течение 1980-х гг., – с удовлетворением отмечает автор, – физическая антропология во Франции прекратила существовать в её традиционной форме, т. к. её представители умерли один за другим. Но, хотя краниометрия и продержалась во Франции дольше, чем где-либо (советские антропологи оказались на этот раз забыты – А.К.), она не полностью исчезла. В Японии она остаётся проблемой»².

Не меньшую угрозу таит в себе и статистика. Да, именно статистика сама по себе, а не какие-либо её конкретные применения. «Карл Пирсон <...> разработал статистические методы, которые сейчас стали общепринятыми (хи-квадрат, корреляционные коэффициенты, стандартное отклонение и пр.); но мы ведь часто забываем о мотивах, вызвавших к жизни эти методы, и об их роли в том, что именуется биометрией»³.

Верные теоретические предпосылки сплошь и рядом не застраховывают от частных ошибок. Гораздо реже бывает наоборот: в корне неверная общая теория по счастливой случайности приводит к правильному частному выводу. Понятно, что подобные удачи уникальны. Такова предпринятая Демулем «деконструкция лошади». Последняя, по его словам, была одомашнена слишком поздно, чтобы сыграть какую-либо роль в первичном расселении индоевропейцев. Правда, если индоевропейцы – миф, то и вопрос о том, пешком ли передвигался этот миф или в седле, второстепенен. Но, как бы то ни

было, тут автор оказался прав, пусть заслуги его в том и нет. Действительно, как показали недавние работы палеогенетиков, хотя начало одомашнивания лошади относится ко второй четверти III тыс. до н. э., верховая езда стала распространяться лишь в последней четверти III тыс. [10]. Колесницы же, как известно, появились ещё позже – лишь у индоиранцев. В экспансии ямной культуры и, соответственно, ранних индоевропейцев конница не участвовала. Само собой разумеется, и в пра-ИЕ миграциях она участия не принимала [11].

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что книга Ж.-П. Демуля ценна историографическим материалом. Но никакого вклада в индоевропеистику она не внесла. Как иначе расценить слова автора, что индоевропейцы – миф? Все это до боли знакомо. Уже не раз, начиная с эпохи вульгарного социологизма в СССР, мы убеждались в том, что попытки (марксистские и любые иные) стереть границу между наукой и её социально-политическим контекстом неизбежно приводят к тому, что предмет любой науки становится мифом.

Замысел Демуля полностью реализовался – он получил ровно то, что хотел, точнее, не получил ничего. С таким же успехом автор книги о военно-политических аспектах ядерного оружия мог бы выдавать её за труд по ядерной физике. Название подобной книги – «Куда же делись атомные ядра? Миф о структуре микромира» – было бы такой же мистификацией, как и название французского оригинала рецензируемой книги. Жан-Поль Демуль лишний раз продемонстрировал пагубность деконструктивизма для науки. Говоря словами Шекспира, *nothing will come of nothing*.

Дата поступления в редакцию 20.09.2024

¹ Demoule J.-P. The Indo-Europeans. Archaeology, Language, Race, and the Search for the Origins of the West. New York: Oxford University Press, 2023. P. 123.

² Там же. P. 226.

³ Там же. P. 95.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейн Л. С. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // *Stratum Plus*. 2000. № 4. С. 88–140.
2. Козинцев А. Г. Между Евразией и Ближним Востоком: Анализ связей индоевропейской языковой семьи с помощью квазиареальной модели // *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*. 2019. № 1. С. 79–86.
3. Могильнер М. *Homo imperii*. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
4. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 44–59.
5. Demoule J.-P. *The Indo-Europeans. Archaeology, Language, Race, and the Search for the Origins of the West*. New York: Oxford University Press, 2023. 563 p.
6. Dyen I., Kruskal J. B., Black P. An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 82. № 5. P. 1–132.
7. Kozintsev A. On certain aspects of distance-based models of language relationships, with reference to the position of Indo-European among other language families // *Journal of Indo-European Studies*. 2018. Vol. 46. № 1–2. P. 173–205.
8. Kozintsev A. On the homelands of Indo-European and Eurasiatic: Geographic aspects of a lexicostatistical classification // *Journal of Indo-European Studies*. 2020. Vol. 48. № 1–2. P. 181–150.
9. Pellard T., Sagart L., Jacques G. L'indo-européen n'est pas un mythe // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 2018. Vol. 113. № 1. P. 79–102.
10. Librado P., Tressières G., Chauvey L., et al. Widespread horse-based mobility arose around 2,200 BCE in Eurasia // *Nature*. 2024. Vol. 631. № 8022. P. 819–825.
11. Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The prologue // *Journal of Indo-European Studies*. 2019. Vol. 47. № 3–4. P. 293–380.

REFERENCES

1. Klein L. S. [Archeology in the saddle (Kossinna from a distance of 70 years)]. In: *Stratum Plus*, 2000, no. 4, pp. 88–140.
2. Kozintsev A. G. [Between Eurasia and the Middle East: Analysis of the relations of the Indo-European language family with the help of a quasi-areal model]. In: *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, 2019, no. 1, pp. 79–86.
3. Mogilner M. *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii* [Homo imperii. History of physical anthropology in Russia]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008. 512 p.
4. Trubetskoy N. [Thoughts on the Indo-European problem]. In: Trubetskoy N. *Izbrannyye trudy po filologii* [Selected works on philology]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 44–59.
5. Demoule J.-P. *The Indo-Europeans. Archaeology, Language, Race, and the Search for the Origins of the West*. New York, Oxford University Press, 2023. 563 p.
6. Dyen I., Kruskal J. B., Black P. An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment. In: *Transactions of the American Philosophical Society*, 1992, vol. 82, no. 5, pp. 1–132.
7. Kozintsev A. On certain aspects of distance-based models of language relationships, with reference to the position of Indo-European among other language families. In: *Journal of Indo-European Studies*, 2018, vol. 46, no. 1–2, pp. 173–205.
8. Kozintsev A. On the homelands of Indo-European and Eurasiatic: Geographic aspects of a lexicostatistical classification. In: *Journal of Indo-European Studies*, 2020, vol. 48, no. 1–2, pp. 181–150.
9. Pellard T., Sagart L., Jacques G. L'indo-européen n'est pas un mythe. In: *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 2018, vol. 113, no. 1, pp. 79–102.
10. Librado P., Tressières G., Chauvey L., et al. Widespread horse-based mobility arose around 2,200 BCE in Eurasia. In: *Nature*, 2024, vol. 631, no. 8022, pp. 819–825.
11. Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The prologue. In: *Journal of Indo-European Studies*. 2019, vol. 47, no. 3–4, pp. 293–380.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козинцев Александр Григорьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН;
e-mail: alexanderkozintsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Kozintsev – Dr. Sci. (History), Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: alexanderkozintsev@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козинцев А. Г. Деконструированная индоевропеистика (размышления над книгой Жана-Поля Демуля) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 283–289.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-283-289

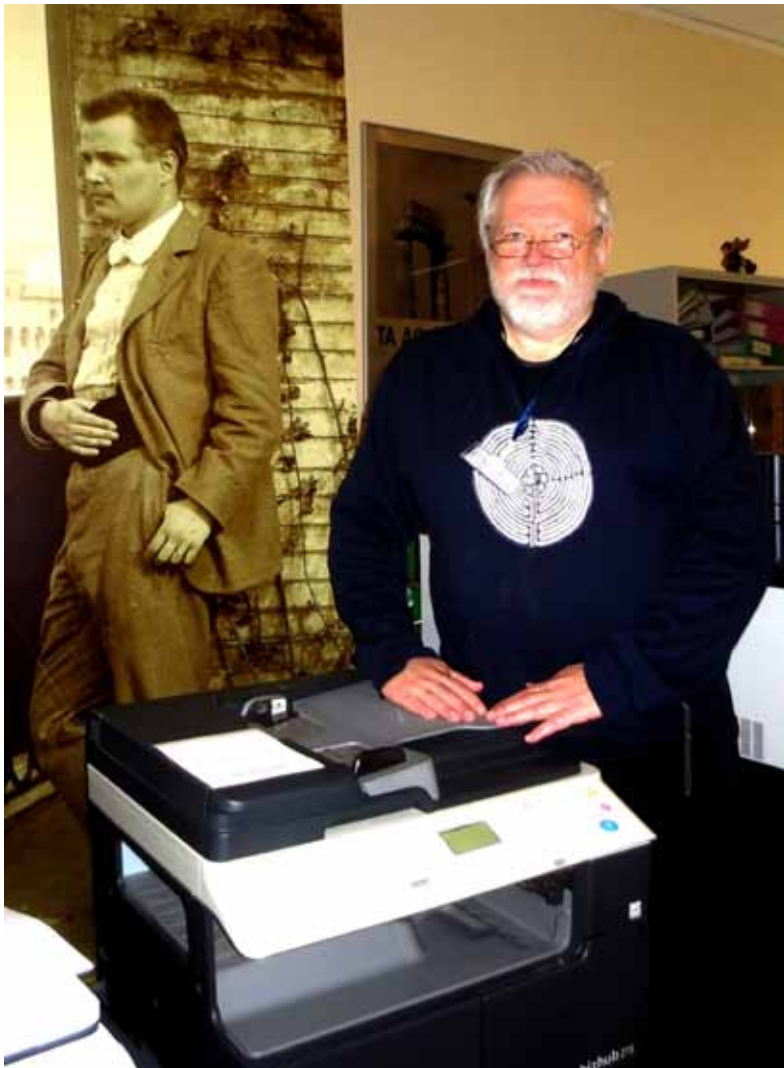
FOR CITATION

Kozintsev A. G. Indo-European studies deconstructed (reflections on a book by Jean-Paul Demoule). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 283–289.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-283-289

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К НАУЧНОМУ ПОРТРЕТУ ВАДИМА ЮРЬЕВИЧА ЗУЕВА
TO THE ACADEMIC PORTRAIT OF V. YU. ZUEV

В этом году исполнилось 60 лет археологу и историку Вадиму Юрьевичу Зуеву. Он родился 29 апреля 1964 г. в г. Ленинграде в семье заканчивавших обучение студентов. Отец, Ю. Н. Зуев (1940–2004), был инженером-криогеником, проработавшим всю жизнь на разных предприятиях химической промышленности, связанных с покорением космического пространства. Мать, Л. Я. Зуева (1937–2007) – врач-терапевт, была организатором здравоохранения.

С 14 лет В. Ю. Зуев приобщился к археологическим исследованиям. Это произошло в Башкирии и Оренбуржье, где он проводил каникулы. В г. Стерлитамак он познакомился с научным сотрудником музея, археологом Р. Б. Исмагиловым (1949–2014) и принимал участие в работе его экспедиций. В 1981 г. Вадим Юрьевич поступил на кафедру археологии Ленинградского государственного университета. Его первым научным руководителем стал профессор М. П. Грязнов, который активно способствовал формированию особого отношения у своих учеников к науке. Именно он оказал большое влияние на становление В. Ю. Зуева как скифолога. В 1984 г., после смерти М. П. Грязнова, его научными руководителями стали И. П. Засецкая и А. В. Давыдова (1920–2000).

После службы в армии в 1989 г. В. Ю. Зуев поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН ССР (ныне ИИМК). Его научным руководителем стал известный российский антиковед Ю. В. Андреев (1937–1998). Темой исследования была выбрана концепция скифской культуры М. И. Ростовцева (1870–1952), а материалом послужило собрание личных документов академика в Центральном государственном историческом архиве. Особое место среди них заняли главы неопубликованного второго тома книги академика, известной под названием «Скифия и Боспор».

В 1989 г. В. Ю. Зуев стал регулярно издавать материалы архива М. И. Ро-

стовцева на страницах журнала «Вестник древней истории». В 1992 г. за цикл публикаций по истории науки ему была присуждена первая премия имени академика Б. Б. Пиотровского (1908–1990). В 1993 г. он как ответственный редактор издаёт в одном из номеров Петербургского археологического вестника сборник «Σκῦθικά. Избранные работы академика М. И. Ростовцева». В том же году под его редакцией выходит знаковый для археологической школы Санкт-Петербурга сборник «Σκῦθαι. Sarmatae. Славяне. Русь. Сборник статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского». В 1995 г. Вадим Юрьевич прошёл стажировку в Германском археологическом институте. В Берлине и Киле (в Университете) прочёл лекции «Новое в исследовании археологии Скифии».

В 1996 г. по приглашению Института истории Варшавского университета В. Ю. Зуев, будучи научным сотрудником аппарата дирекции Государственного Эрмитажа, читал лекции по древней истории степной Евразии. Совместно с Г. М. Бонгард-Левиним, Ю. Н. Литвиненко (1957–2009) и И. В. Тункиной в 1997 г. он участвует в написании большого коллективного труда «Скифский роман», посвящённого биографии академика М. И. Ростовцева. За его создание авторы получили Государственную Премию Российской Федерации в области науки.

В 1998 г. вместе с выдающимся иранистом В. А. Лившицем (1923–2017) В. А. Зуев изучает древности курганного могильника у дер. Прохоровка в Оренбуржье – эпонимного памятника для характеристики раннесарматской археологической культуры Евразии. В результате проделанной работы ему удалось установить, что только южные курганы содержат раннесарматские археологические материалы, включая и атрибутированные В. А. Лившицем серебряные фалары с парфянскими надписями. Обоснованию этих открытий он посвятил кандидатскую диссертацию «Прохоров-

ские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры», которую успешно защитил в Санкт-Петербургском государственном университете в 1999 г.

Но сарматской проблематикой не ограничивается круг научных интересов В. Ю. Зуева. В 2004 г. и до 2017 г. он, совместно с Д. Ю. Чистовым, возглавлял работу Нижнебугской Березанской археологической экспедиции на о. Березань в Чёрном море. Эта экспедиция продолжила исследования греческого полиса Борисфен, которые много лет велись сотрудниками Государственного Эрмитажа. Одновременно было доисследовано поселение Козырка XII на хоре Ольвии. На основе собранной информации о 180 находках бронзовых зеркал на пространстве от Закарпатья до Южного Урала В. Ю. Зуев разработал отдельную тему по изучению производства и распространения этих изделий, отливавшихся в Борисфене во второй половине VI в. до н. э.

В 2008 г. В. Ю. Зуев возглавил Кабардино-Балкарскую археологическую экспедицию КБР «Наследие» и Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований по Федеральной целевой программе «Культура России. 2008–2010 гг. Исследование Каменно-могильного курганного и грунтового могильника».

Ряд лет Вадим Юрьевич читал спецкурсы по археологии и культуре ранних кочевников Евразии в Смольном институте свободных наук и искусств при филологическом факультете СПбГУ (2002–2003), в Российском государственном гуманитарном университете (2003–2014), и курс по археологии сарматов на кафедре археологии Санкт-Петербургского государственного университета (2015).

С 2001 по 2018 гг. В. Ю. Зуев являлся членом редколлегии и ответственным со-редактором материалов Международной научной конференции «Боспорский феномен» – крупнейшей в России антиковедческой научной конференции, став автором монографического аннотированного Указателя к материалам конференции.

В последние годы возобновился интерес В. Ю. Зуева к археологии ранних кочевников Южного Урала и Нижнего Поволжья, в т. ч. и к проблемам разграничения памятников скифской и сарматской культуры в этом регионе. Он является автором более чем 220 научных публикаций по различным аспектам археологии раннего железного века Евразии и истории русской археологической науки.

Поздравляя с юбилеем, хочется пожелать Вадиму Юрьевичу Зуеву новых открытий, крепкого здоровья и счастья общения с любимыми и любящими его близкими, друзьями и коллегами!

И. А. Снытко

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-методического отдела по исследованию культурного наследия МОКМ

Н. А. Николаева

кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ГУП

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ В. Ю. ЗУЕВА

1. Зуев В. Ю. Творческий путь М. И. Ростовцева. К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» // ВДИ. 1990. № 4. С. 148–153; ВДИ. 1991. № 1. С. 166–176.
2. Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 50–83.
3. Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: автореф. дис. ... к.и.н. СПб., СПбГУ, 1999. 24 с.

4. Зуев В. Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.). СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 72 с.
5. Зуев В. Ю. Скифский логос Геродота: композиция линий повествования // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2011. С. 607–625.
6. Зуев В. Ю. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: історія, політологія. Маріуполь, 2013. Вип. 7–8. С. 51–63.
7. Зуев В. Ю. Типология борисфенитских зеркал // Північне Причорномор'я за античної доби (за пошану С. Д. Крижицького). Київ, Стародавній світ, 2017. С. 144–154.
8. Зуев В. Ю. Аннотированный указатель к материалам международной научной конференции «Боспорский феномен» 1998–2018. СПб., 2018. 171 с.
9. Зуев В. Ю. Зеркала борисфенитского типа на Боспоре в эпоху архаики // Боспорский феномен: *quarta pars saeculi*. Итоги, вопросы, дискуссии: мат-лы конф. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2023. С. 285–299.
10. Зуев В. Ю. Hiatus III в. до н. э. и incident 1963 г. // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 403–426.

К ЮБИЛЕЮ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА НОВИЧИХИНА ON THE ANNIVERSARY OF ANDREY MIKHAILOVICH NOVICHIKHIN

В 2024 г. свой 60-летний юбилей отметил археолог, признанный специалист в области древней и средневековой истории Северо-Западного Кавказа, Андрей Михайлович Новичихин.

А. М. Новичихин родился 23 мая 1964 г. в с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в семье рабочих Анапского совхоза-техникума. В 1971–1981 гг. учился в Су-Псехской общеобразовательной средней школе, где проявил интерес ко многим изучаемым предметам. Являясь неоднократным победителем районных школьных олимпиад по математике и химии, он в итоге всё же выбрал историю. На этот выбор повлияло его участие в старших классах в археологических разведках в окрестностях родного села. Они проводились в 1980–1981 гг. под руководством сотрудника

Анапской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, в прошлом – научного сотрудника Анапского краеведческого музея, А. И. Салова. Именно его юбилей считает своим первым учителем в науке о древностях.

После окончания школы и попытки поступить на исторический факультет Краснодарского государственного университета летом 1981 г., А. Новичихин пришёл на работу в Анапскую археологическую экспедицию. Осенью того же года перевёлся в Анапский археологический музей, в котором прошёл путь от рабочего по раскопу до заместителя заведующего по научной работе. В настоящее время он является старшим научным сотрудником отдела археологии.

Одновременно с работой в музее в 1984–1990 гг. А. М. Новичихин заочно

обучался на историческом факультете Ростовского государственного университета, где специализировался на кафедре истории древнего мира и средних веков. Во время учёбы участвовал в студенческих конференциях и защитил дипломную работу «Племена Черноморского побережья Западного Кавказа в конце II – первой половине I тысячелетия до н. э.» (научный руководитель – доктор исторических наук В. Е. Максименко).

В 1992 г. в качестве соискателя был прикреплен к отделу скифо-сарматской археологии Института археологии РАН для написания кандидатской диссертации по теме «Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э.», которую успешно защитил в Москве в 2003 г. (научный руководитель – доктор исторических наук В. С. Ольховский). Материалы диссертации стали основой для вышедшей в 2006 г. монографии.

А. М. Новичихин неоднократно принимал участие в исследованиях археологических экспедиций на территории Краснодарского края: Анапская экспедиция Института археологии РАН (1981, 1986 гг., руководитель Е. М. Алексеева – раскопки городища Горгиппии), экспедиции Анапского археологического музея (1982, 1985, 1987 гг., руководитель Н. Д. Нестеренко – раскопки некрополя Горгиппии и загородного святилища), Старокорсунская экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (1989 г., руководитель А. В. Кондрашёв – раскопки Старокорсунского меотского могильника), экспедиции Новороссийского исторического музея-заповедника (1990 г., руководитель А. В. Дмитриев – раскопки Мысхакского некрополя; 2008 г., руководитель А. В. Шишлов – раскопки комплекса памятников у ст. Натухаевской), Новороссийская экспедиция Института археологии РАН (1990, 1991, 2004, 2005 гг., руководитель А. А. Малышев – раскопки некрополей Лобанова щель и Цемдолинского, античного поселения Андреевская

щель). В них он получил богатый опыт по изучению памятников различных исторических эпох.

Работая в Анапском археологическом музее, учёный создал и возглавил археологический отряд, осуществлявший в 1991, 1992, 1994, 1995 и 2018 гг. археологические разведки в районе Анапы и раскопки средневекового могильника Андреевская щель. В 2019 г. А. М. Новичихин с российской стороны руководил работами российско-венгерской археологической экспедиции, продолжившей исследования могильника Андреевская щель. Вновь были получены важные данные о погребальной обрядности и материальной культуре населения района Анапы в средние века.

В настоящее время исследователь активно сотрудничает с организациями «АрхГеоЮг» и «Кубаньпроектресурс», проводя археологические разведки и охранные раскопки на территории Краснодарского края. Среди недавно исследованных памятников – могильник раннего железного века «Аэродром» в районе Новороссийска и средневековые курганы в г. Горячий Ключ.

Не чужды юбиляру и другие сферы деятельности. В течении пяти лет (1985–1986 и 2001–2003 гг.) А. М. Новичихин принимал участие в реставрационных работах на территории археологического заповедника «Горгиппия». В 2001–2012 гг. преподавал блок общественно-исторических и региональных дисциплин в Анапском филиале Сочинского государственного университета. Здесь он организовал ежегодное проведение Анапских студенческих историко-краеведческих научных чтений. В них принимали участие не только студенты ВУЗов Анапы, но и местные историки-краеведы, а по итогам работы конференций издавались научные сборники докладов.

А. М. Новичихин – автор и соавтор более 250 научных, научно-методических и научно-популярных работ по археологии, древней и средневековой истории.

Среди них семь научных монографий и четыре научно-популярных издания. Его статьи регулярно публикуются в ведущих научных журналах и ежегодниках, в числе которых «Вестник древней истории», «Краткие сообщения Института археологии», «Историко-археологический альманах», «Древности Боспора», «Древности Кубани», археологический выпуск Вестника ГУП «Циркумпонтика» и другие. Андрей Михайлович является постоянным участником региональных, российских и международных конференций.

Своими значимыми научными достижениями юбиляр считает участие в коллективной монографии «Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет» – полноценной публикации материалов синдского некрополя, раскопанного в 1960–1970-е гг.

и на протяжении более трёх десятков лет остававшегося неопубликованным, а также участие в комплексном исследовании и публикации клада позднебоспорских статов, найденного в 1986 г. в с. Гай-Кодзор близ Анапы. А в деле популяризации археологической науки он выделяет научно-популярную книгу «Древности Тамани».

Андрей Михайлович Новичихин всегда открыт для научного сотрудничества. Он участвует в ряде научных проектов, организуемых Институтом археологии РАН, Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма и другими учреждениями. В этот знаменательный для него год желаем юбиляру крепкого здоровья, неутомимости в научном творчестве и новых открытий. Ведь раскопки продолжаются!

Оргкомитет проекта «Циркумпонтика»

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. М. НОВИЧИХИНА

1. Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа, 2006. 220 с.
2. Новичихин А. М. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья III. М., 2010. 268 с. (в соавторстве с А. С. Клемшовым, Ю. С. Крушкол, Н. Н. Тереховой, М. Ю. Трейстером).
3. Новичихин А. М. Очерки древней и средневековой истории адыгов. Нальчик, 2016. 206 с. (в соавторстве с Б. Х. Бгажноковым, В. А. Фоменко, О. Б. Бубенком).
4. Новичихин А. М. Утриш сквозь века. Краснодар: Платонов И., 2017. 72 с.
5. Новичихин А. М. Античная Горгияпия: история, исследования и исследователи. М.: МАКС Пресс, 2018. 84 с. (в соавторстве с А. А. Малышевым, Д. И. Жеребятьевым, С. В. Королевой, В. В. Моором).
6. Новичихин А. М. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статов. М.: ИА РАН, 2019. 344 с. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном, И. А. Сапрыкиной, Т. Н. Смекаловой).
7. Новичихин А. М. Клад боспорских дидрахм из станицы Фонталовская (IGCH 1143): жалованье наёмников эпохи Митридатых войн? // Серия: Археометрия Причерноморья. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2021. 168 с. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном, И. А. Сапрыкиной, Т. Н. Смекаловой).
8. Новичихин А. М. Древности Тамани. Тамань: Платонов И., 2022. 464 с.
9. Новичихин А. М. СИНДИКА: история, археология, антропогенные ландшафты. М.: МАКС Пресс, 2022. 68 с. (в соавторстве с А. А. Малышевым, Д. О. Дрыгой, Д. И. Жеребятьевым, В. В. Моором, А. В. Мочаловым).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
АН ГрузССР – Академия наук Грузинской ССР. Тбилиси
АК МССР – Академия наук Молдавской ССР. Кишинёв
АН УССР – Академия наук Украинской ССР. Киев
АО – Археологические открытия. М.
БГУАК – Бессарабская Губернская Ученая Архивная Комиссия. Кишинёв
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук УССР. Киев
ИАМЗ – Историко-археологический музей-заповедник
ИД – Издательский дом
ИИЦ – Информационно-издательский центр
ИПЦ СПбГУПТД – Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна
ИРАО – Известия Русского Археологического общества. СПб.
ЗГУ – Запорожский Государственный университет
КАРК – куро-аракская культура
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик
КБР – Кабардино-Балкарская республика
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Краснодар
КГПИ – Краснодарский государственный педагогический институт
КГУ – Киевский государственный университет
КубГУ – Кубанский государственный университет. Краснодар
ККИО – катакомбная культурно-историческая область
ККСП – Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев
КРЭС – Краснодарская районная электростанция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КТК – кубано-терская культура
КША – культура шаровидных амфор
КШК – культура шнуровой керамики
КЧ – Крупновские чтения
ЛИЭТО – Литературно-историческое и этнологическое общество
МАК – Материалы по археологии Кавказа, М.
МГОУ – Московский государственный областной университет
МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України
МДУХ – Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання. Магілёў
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА – Научный архив
НАНРА – Национальная Академия наук Республики Армения. Ереван
НАНУ – Национальная Академия наук Украины. Киев
ОАМ – Одесский Археологический музей
ОЛИКО – Общество любителей истории Кубанской области. Краснодар

- РА – Российская археология. М.
РАН – Российская Академия наук. М.
РГО – Русское Географическое общество. СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГУТиКД – Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
СКАНИИ – Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов. Ростов-на-Дону
СККОАИЭ – Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет, Орджоникидзе
СППК – Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
РИО – редакционно-издательский отдел
УЗ КНИИ – Учёные записки Кабардинского научно-исследовательского института.
- Нальчик
- УІЖ – Український історичний журнал. Київ
ХКМ – Херсонский краеведческий музей
ЮНЦ – Южный научный центр. Ростов-на-Дону
ТТКУ – Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. Ankara; Istanbul

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 5

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 18,75, уч.-изд. л. 23.
Подписано в печать: 28.12.2024 г. Дата выхода в свет: 03.02.2024 г. Заказ № 2024/12-10.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А